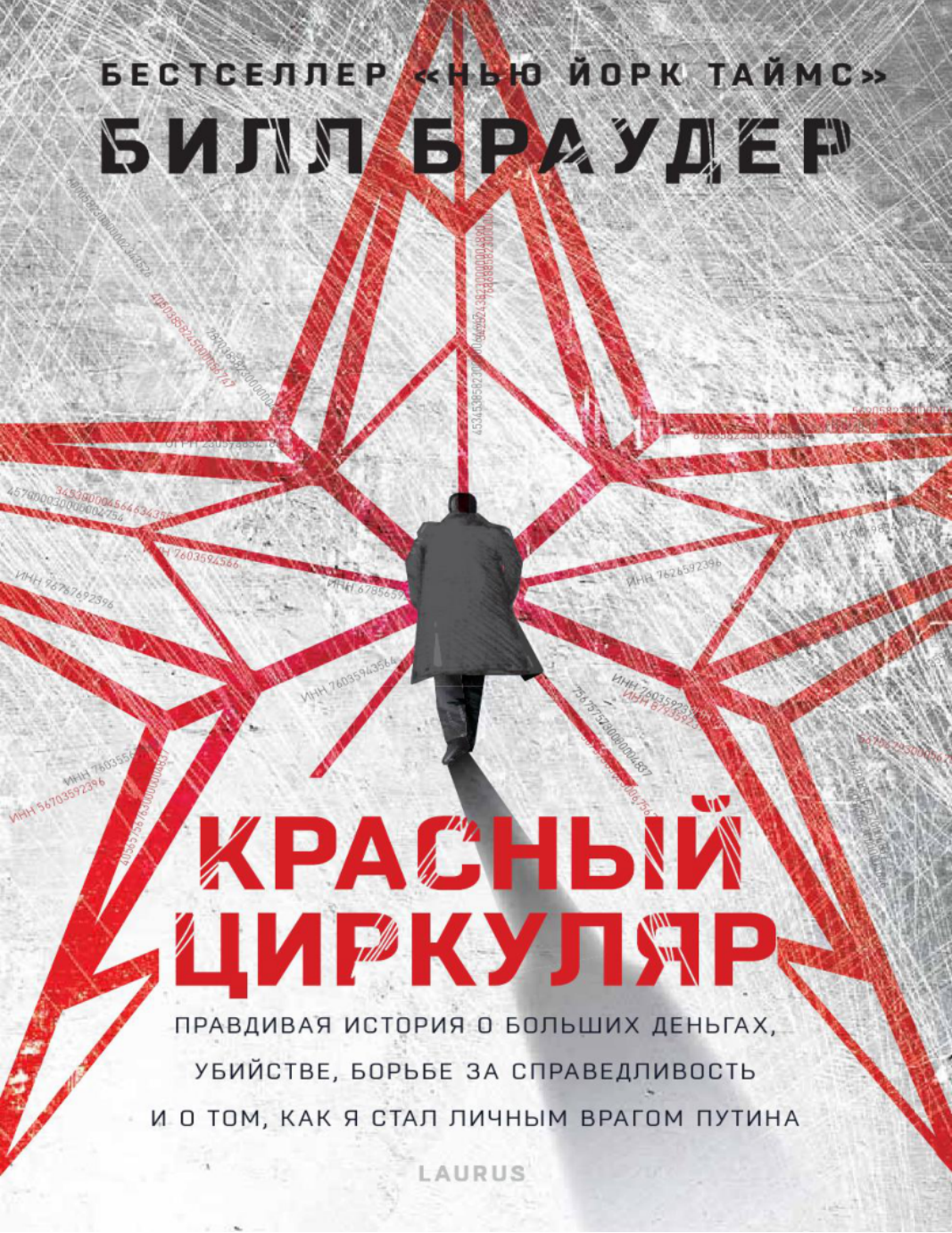
БЕСТСЕЛЛЕР «НЬЮ ЙОРК ТАЙМС»

БИЛЛ БРАУДЕР



КРАСНЫЙ ЦИРКУЛЯР

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О БОЛЬШИХ ДЕНЬГАХ, УБИЙСТВЕ, БОРЬБЕ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ И О ТОМ, КАК Я СТАЛ ЛИЧНЫМ ВРАГОМ ПУТИНА

LAURUS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Красный циркуляр» — криминальный триллер из области больших денег и высокой политики. Правдивая история о человеке, который пытается изменить мир к лучшему, несмотря на то, что все обстоятельства против. История о том, как человек в борьбе за справедливость обретает смысл жизни.

Печатное издание этой книги на русском языке впервые вышло в издательстве «Лаурус» (Киев, Украина) в марте 2015 года.

- Билл Браудер
  -
  - 1. Инвестор нон грата
  - 2. Как стать бунтарем в семье коммунистов
  - 3. Чип и Уинтроп
  - 4. «Они согреют вас холодными ночами!»
  - 5. «Неоплаченный чех»
  - 6. Мурманский траловый флот
  - 7. Вилла «Леопольда»
  - 8. «Зеленые просторы»
  - 9. На полу в Давосе
  - 10. Привилегированные акции
  - 11. «Сиданко»
  - 12. Золотая рыбка
  - 13. «Адвокатов, оружия и денег»[10]
  - 14. Прощание с «Виллой д’Эсте»
  - 15. На дне
  - 16. «Вторники с Морри»[12]
  - 17. Расследования воровства
  - 18. Пятьдесят процентов
  - 19. Угроза национальной безопасности
  - 20. Vogue Café
  - 21. «Большая восьмерка»
  - 22. Обыски
  - 23. Управление «К»
  - 24. У русских историй всегда грустный конец
  - 25. Высокочастотные помехи
  - 26. Загадка
  - 27. Посылка из Лондона
  - 28. Хабаровск
  - 29. Девятая заповедь
  - 30. Шестнадцатое ноября 2009 года

- 31. «Катынский принцип»
- 32. Война Кайла Паркера
- 33. Расселл 241
- 34. Каста неприкасаемых
- 35. Счета в швейцарском банке
- 36. Налоговая принцесса
- 37. Как делается колбаса
- 38. Делегация Малкина
- 39. Правосудие для Сергея
- 40. Унижающий и униженный
- 41. Красный циркуляр
- 42. От сердца

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

Билл Браудер
Красный циркуляр
Правдивая история о больших деньгах, убийстве, борьбе за справедливость и о том, как я стал личным врагом Путина

Посвящается Сергею Магнитскому, храбрейшему из известных мне людей

Всё в этой книге — правда. Но она наверняка расстроит некоторых влиятельных и опасных лиц. Поэтому, чтобы уберечь многих честных людей от произвола, ряд имен и названий изменены.

Красный циркуляр — уведомление, распространяемое через международную полицейскую организацию Интерпол с требованием арестовать разыскиваемое лицо и выдать его государству-инициатору такого уведомления. Красный циркуляр Интерпола — своего рода ордер на арест, действующий в международном масштабе.

Без вас эта книга была бы невозможна

Дорогой читатель!

Предварить русское издание этой книги коротким вступлением и обратиться к вам напрямую — большая честь для меня. Книга уже вышла на двенадцати европейских языках и получила хорошие отзывы, но русское издание для меня имеет особое значение и смысл. Многие действующие лица, сюжет книги, да и переломные моменты моей жизни связаны с Россией. Здесь я провел несколько интересных и наполненных событиями лет, сюда я многие годы возвращаюсь мыслями и воспоминаниями. Я искренне люблю Россию и русских людей, на долю которых веками выпадают страшные испытания.

Кинематографисты пишут: «Фильм основан на реальных событиях», — это обещает зрителю интересное кино. Реальность, как всем известно, — лучший сценарист. За этой книгой тоже стоят реальные события, изменившие — увы, драматическим образом — жизнь многих людей.

Путь этой книги к русскому читателю не был прямым: российские издательства отказались печатать «Красный циркуляр», — и вы поймете почему. Что ж, не в первый раз книга попадет к читателю окольным путем. Здесь мне на помощь пришел Киев, самобытный город, не чужой русской культуре. Сама идея поставить преграду печатному слову в двадцать первом веке выглядит нелепой, но правящему в России режиму по душе этот средневековый стиль — страну накрыло темное облако лжи, а ветра перемен, способного его разогнать, все не видно. Я уверен, что время всех рассудит и все расставит по заслуженным местам. А имя Сергея Магнитского, которому я посвятил свою книгу, навсегда останется в истории и в ваших сердцах.

Приглашаю вас прочитать эту книгу и надеюсь, что прогулка по тексту пройдет, перефразируя классика, с удовольствием и не без морали.

Билл Браудер
Лондон, 25 февраля 2015 года

1. Инвестор нон грата

13 ноября 2005 года

Я человек цифр, так что начну с наиболее важных для меня: 260; 1; 4 500 000 000.

Означают они следующее. Живя в Москве, я каждые вторые выходные отправлялся в Лондон — город, служивший мне домом. За десять лет я совершил 260 поездок из Москвы в Лондон и обратно.

У этих поездок была цель номер 1: я приезжал к своему сыну Дэвиду. Ему шел тогда восьмой год. Он жил в лондонском районе Хэмпстед с моей бывшей женой. После развода я дал себе слово проводить с ним как минимум два уик-энда в месяц и, несмотря ни на что, ни разу не нарушил обещания.

Возвращаться в Москву насчитывалось 4 500 000 000 причин. Такова была стоимость активов в долларах США под управлением моей компании — Hermitage Capital[1]. Я основал эту компанию и руководил ею, заработав за предыдущие десять лет многим людям приличные деньги. В 2000 году Hermitage признали самым высокодоходным в мире фондом, специализирующимся на развивающихся рынках. Инвесторы, вложившие средства на момент создания фонда — в 1996 году, получили 1500 процентов. Успех предприятия превзошел мои самые смелые ожидания. Едва ли история финансовых рынков знала более захватывающие возможности для инвестиций, чем в постсоветской России. Работать здесь было увлекательно, прибыльно и временами опасно. Скучать уж точно не приходилось.

Я столько раз летал из Лондона в Москву, что мог проделать этот путь с закрытыми глазами. Я точно знал, сколько времени займет досмотр в аэропорту Хитроу, посадка на самолет Аэрофлота, полет в сгущавшихся сумерках на восток — в страну, которая к середине ноября погружалась в объятия очередной холодной зимы. Перелет длился двести семьдесят минут. За это время я успевал пролистать ведущие мировые издания: «Файнэншл Таймс», «Сандей Телеграф», «Форбс» и «Уолл-стрит джорнал», а также просмотреть все важные сообщения электронной почты и документы.

Самолет начал набирать высоту, и я полез в портфель за свежими газетами и журналами. Там же, рядом с документами, лежало небольшое кожаное портмоне, а в нем — стодолларовые купюры на сумму в семь с половиной тысяч. Я считал, что с этими деньгами у меня будет больше шансов попасть на пресловутый

«последний рейс» из Москвы, подобно людям, которые чудом спаслись из Пномпеня или Сайгона за миг до того, как эти страны погрузились в хаос и разруху.

Но в тот день я не стремился покинуть Москву — я туда возвращался. Возвращался работать и поэтому хотел узнать последние новости за выходные дни.

Ближе к концу полета мое внимание привлекла одна статья в журнале «Форбс». Говорилось в ней о человеке по имени Джуд Шао, американце китайского происхождения, который, как и я, закончил бизнес-школу Стэнфордского университета. Мы не были знакомы (он окончил университет несколькими годами позже), но он тоже был успешным бизнесменом и тоже работал за рубежом. В его случае в Китае.

У него вышел конфликт с коррумпированными китайскими чиновниками — Шао отказался дать взятку в шестьдесят тысяч долларов какому-то шанхайскому налоговому инспектору. В апреле 1998 года бизнесмена арестовали и осудили по сфабрикованному обвинению, приговорив к шестнадцати годам тюрьмы. Выпускники Стэнфорда добивались его освобождения, организовав лоббистскую кампанию, но это не принесло результатов: на момент публикации статьи Шао по-прежнему гнил в одной из беспросветных китайских тюрем.

От этой статьи меня бросило в дрожь. Вести бизнес в Китае было в десять раз безопаснее, чем в России. Пока самолет заходил на посадку в Шереметьево-2, я размышлял на высоте в три километра, не совершаю ли непоправимую ошибку. Вот уже несколько лет, инвестируя в Россию, я руководствовался прежде всего защитой прав акционеров. В российских условиях это означало борьбу с культивируемой олигархами коррупцией. Их было человек двадцать. По разным оценкам, они владели сорока процентами экономики, разворованной после развала Советского Союза, и в считанные дни превратились в миллиардеров. Им принадлежало большинство компаний, акции которых котировались на российском фондовом рынке, и они обдирали эти компании как липку. Я боролся с ними, причем по большей части успешно. Выбранная стратегия принесла не только процветание моему финансовому предприятию, но и немало личных врагов.

Дочитав историю о Шао, я подумал: «А не лучше ли сбавить обороты? У меня ведь есть ради чего жить. В Лондоне меня ждет сын Дэвид от первого брака и новая семья. Моя русская жена Елена — умница и красавица — вот-вот должна была родить нашего первенца. Может, действительно пора остановиться?»

Но тут шасси коснулось посадочной полосы, я отложил

журналы, включил смартфон и закрыл портфель. Я стал просматривать сообщения электронной почты. Внимание переключилось с Джуда Шао и олигархов на то, что я пропустил за время полета. Мне еще предстояло пройти таможню, преодолеть московские пробки и добраться до квартиры.

Аэропорт Шереметьево — странное место. Самый знакомый мне терминал — Шереметьево-2 — построили к Олимпийским играм 1980 года. При открытии он наверняка выглядел впечатляюще, но к 2005 году заметно обветшал и пропах потом и дешевым табаком. Потолок был декорирован рядами металлических цилиндров, похожих на ржавые консервные банки. На паспортном контроле не было разделительных дорожек, поэтому, стоя в толпе, следовало не терять бдительности — иначе, того и гляди, кто-нибудь пролезет вперед без очереди. И не вздумайте сдавать багаж! А то придется ждать выдачи еще не меньше часа, причем уже после того, как в паспорте проставлен пограничный штамп на въезд. После четырех с лишним часов полета вся эта процедура разрешения на въезд в Россию не доставляла никакого удовольствия, особенно в моем случае, когда проделываешь этот путь каждые вторые выходные.

Так я мучился с 1996 года, пока в 2000 году знакомый не рассказал мне о так называемом вип-зале. За дополнительную плату можно было сэкономить нервы и час ожидания, а то и все два. Особых излишеств услуга не предполагала, но полностью себя оправдывала.

Выйдя из самолета, я направился прямо в вип-зал. Стены и потолок там были выкрашены в оттенок пюре из зеленого горошка, а пол застлан линолеумом песочно-коричневого цвета. В зале стояли кресла из красновато-коричневой кожи, более-менее удобные — вот и весь комфорт. Здесь подавали жиденький кофе и слишком крепкий чай. Я выбрал чай с лимоном, отдал паспорт сотруднику пограничной службы и уже через несколько секунд погрузился в чтение электронной почты, накопившейся за время полета.

Я не обратил внимания, как в зал вошел мой водитель Алексей — у него был на то специальный пропуск — и стал что-то живо обсуждать с пограничником. Алексею, как и мне, исполнился сорок один год. В отличие от меня, он был высоченного — под два метра — роста, крепкого телосложения, весом сто восемь килограмм, светло-русый блондин с жесткими чертами лица. В прошлом полковник московской службы ГАИ, он не знал ни слова по-английски. Алексей никогда не опаздывал, умело лавировал в пробках и мог уладить вопросы со своими бывшими коллегами.

Я не интересовался их разговором, продолжал отвечать на электронные письма и пить остывший чай. Через некоторое время по громкой связи объявили, что пассажиры моего рейса могут забирать багаж. Тут я оторвался от смартфона и удивился: «Неужели я торчу здесь уже час?»

Я взглянул на часы. Действительно, прошел целый час. Самолет приземлился в 19:30, а на часах уже 20:32. Двое других пассажиров моего рейса давно покинули вип-зал. Я вопросительно посмотрел на Алексея — тот кивнул, мол, сейчас разберемся.

Пока он выяснял, я позвонил Елене. В Лондоне было всего 17:32, и я знал, что она дома. Разговаривая с женой по телефону, я посматривал на Алексея и сотрудника пограничной службы. Их разговор внезапно перешел в спор. Алексей стучал по стойке, а представитель власти смотрел на него с невозмутимым видом. «Что-то не так», — сказал я Елене. Я встал и направился к ним узнать, в чем дело. Я был скорее раздражен, чем обеспокоен.

Приближаясь, я понял, что происходит что-то серьезное. Я перевел телефон в режим громкой связи, чтобы Елена могла слышать и помочь мне с переводом. Сам я не преуспел в изучении русского. Даже после десяти лет жизни в России я мог разве что сказать водителю такси нужный адрес.

Разговор походил на затянувшийся тай-брейк, а я вертел головой, будто следуя за теннисным мячом. В какой-то момент Елена сказала: «Кажется, что-то не так с визой, но он прямо не говорит, в чем проблема». Тут в зал вошли еще двое сотрудников в форме. Один указал на мой телефон, другой — на сумки.

«Здесь еще двое пришли, — сказал я Елене. — Велят прекратить разговор и пройти с ними. Я перезвоню, как только смогу».

Я отключил телефон. Один сотрудник взял мои сумки, второй — визовые документы. Прежде чем пойти с ними, я обернулся на Алексея. Тот стоял в смятении, понурив голову, с потухшим взглядом и приоткрытым ртом. Он знал: если что-то в России пошло не так, ничего хорошего не жди.

Сотрудники пограничной службы повели меня извилистыми коридорами по направлению к основному, большему по размеру залу иммиграционного контроля. Я попытался на ломаном русском их расспросить, но они доставили меня в комнату для задержанных, не проронив ни слова. Щурясь от яркого искусственного света, я стал осматривать помещение. Стены бежевого цвета с облупившейся местами краской. Пластмассовые стулья прикручены рядами к полу. На них расположилось несколько других задержанных угрюмого вида. Никто не

разговаривал. Все курили.

Сопровождавшие меня сотрудники ушли. В дальнем конце комнаты за стеклянной перегородкой сидело несколько других сотрудников в форме. Я выбрал место поближе к ним и попытался разобраться в происходящем.

Личные вещи, в том числе мобильный телефон, у меня почему-то не отобрали. Я проверил сигнал: телефон работает, связь есть. Это хороший знак, решил я, пытаясь устроиться поудобнее, но в памяти всплыла и не отпускала история Джуда Шао.

Я проверил время. На часах было 20:45.

Я перезвонил Елене. Она не выражала беспокойства: сказала, что готовит короткое письмо в британское посольство в Москве и отправит по факсу, как только закончит.

Затем я позвонил Ариэлю, бывшему сотруднику израильской спецслужбы «Моссад», который консультировал нас в Москве по вопросам безопасности. Он считался одним из лучших профессионалов в этой области — я был уверен, что он разберется с моей проблемой.

Новость Ариэля удивила. Он сказал, что постарается все выяснить и перезвонит.

Около 22:30 я позвонил в посольство Великобритании. Меня соединили с Крисом Бауэрсом из консульского отдела. Он уже получил факс от Елены и был в курсе происходящего — точнее сказать, знал он то же, что и я. Он перепроверил мои данные — дату рождения, номер паспорта, дату выдачи визы и все остальные детали. Покончив с формальностями, он сообщил, что воскресным вечером предпринять многое не удастся, но заверил, что сделает все от него зависящее. Прежде чем закончить разговор, Бауэрс спросил:

— Господин Браудер, вам дали что-нибудь поесть и попить?

— Нет, — ответил я.

Он неодобрительно хмыкнул. Я поблагодарил его, и мы попрощались.

Удобно устроиться на пластмассовом стуле не получалось. Время замедлило ход, как будто секунды превратились в минуты, а минуты — в часы. Я встал и прошелся, пробираясь сквозь сизую пелену сигаретного дыма, сторонясь отрешенных взглядов других задержанных. Проверил почту. Вновь набрал номер Ариэля, но тот не отвечал. Я подошел к стеклянной перегородке и на плохом русском попытался заговорить с сотрудниками пограничного контроля аэропорта, но те не обращали на меня никакого внимания. Для них я был пустым местом. Хуже того — уже заключенным.

В России вообще не проявляют уважения к личности и правам человека. Людьми можно жертвовать во имя нужд государства, прикрываться ими, как живым щитом, пускать на пушечное мясо или разменивать, будто фишки в казино. Надо — и здесь могут избавиться от любого. Как говорил Сталин, «нет человека — нет проблемы».

Тут я опять вспомнил Джуда Шао из статьи в «Форбсе». Может, мне стоило быть более осмотрительным? Я так сосредоточился на борьбе с олигархами и коррупционерами в России, что свыкся с мыслью о том, что и сам могу в один прекрасный момент исчезнуть, если перейду кому-то дорогу.

Я попытался усилием воли выбросить Шао из головы. Вновь попробовал заговорить с охранниками и хоть что-нибудь выяснить — все тщетно. Я вернулся на свое место и опять позвонил Ариэлю. На этот раз он ответил.

— Ариэль, что происходит?

— Я сделал пару звонков, но никто ничего не говорит.

— В каком смысле никто ничего не говорит?

— В прямом. Билл, извини, но мне нужно время. В воскресенье вечером никого не достать.

— Хорошо. Дай знать, как только будут новости.

— Конечно.

На этом разговор был окончен. Я снова позвонил в посольство, но и у них не было новостей. Либо им ставили препятствия, либо мои данные еще не попали в систему, либо и то, и другое. Перед тем как повесить трубку, дежурный консул еще раз спросил, предложили ли мне еду и питье, и я опять ответил отрицательно. Мне этот вопрос казался бессмысленным, но Крис Бауэрс явно держался иного мнения. Должно быть, ему уже приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. Мне вдруг подумалось, что, может, это излюбленная тактика русских — не давать ни еды, ни воды.

После полуночи помещение пополнилось новыми задержанными — все мужчины, похоже, из бывших союзных республик: грузины, азербайджанцы, казахи, армяне. Их багаж состоял из рюкзаков и огромных замотанных полиэтиленом хозяйственных сумок. Все дымили сигаретами, как паровозы. Кто-то тихо переговаривался. Никто не проявлял ни эмоций, ни беспокойства. Они замечали меня не больше, чем охранники, хотя я был белой вороной: синий пиджак, смартфон, небольшой черный чемодан на колесиках, к тому же я нервничал.

Я снова набрал Елену.

— Ну, как, узнала что-нибудь?

— Пока нет, — вздохнула она. — А ты?

— Ничего.

Должно быть, она почувствовала беспокойство в моем голосе.

— Все будет хорошо, Билл. Если дело только в визе, то уже завтра ты будешь дома и со всем разберешься. Вот увидишь.

Ее спокойствие передалось и мне.

— Знаю, милая. — Я взглянул на часы: в Лондоне уже половина одиннадцатого. — Иди ложись, вам с ребенком нужен отдых.

— Хорошо. Но я тебе сразу позвоню, если что-нибудь узнаю.

— Конечно. И я.

— Спокойной ночи.

— И тебе спокойной. Люблю тебя, — добавил я, но она уже положила трубку.

Меня на миг охватило сомнение: А вдруг дело не только в визе? Увидимся ли мы с Еленой снова? Увижу ли я нашего будущего малыша? Дэвида?

Я пытался совладать с нахлынувшими эмоциями. Расположился на жестких стульях, подложив вместо подушки пальто, но эти стулья, казалось, нарочно сделаны так, чтобы не дать человеку уснуть. Не говоря уже о том, что меня окружали недружелюбного вида незнакомцы. Вздремнуть в таких условиях было невозможно.

Сон не шел, поэтому я решил заняться чем-нибудь полезным: достал смартфон и принялся составлять список людей, которых встречал за годы работы в России, Великобритании и Америке и которые могли хоть как-то мне помочь: политики, предприниматели, репортеры.

Незадолго до конца своей смены в посольстве со мной связался Крис Бауэрс. Он заверил, что заступившие на смену сотрудники в курсе моей ситуации. Крис в очередной раз спросил, предложили ли мне еду и питье, и в очередной раз получил отрицательный ответ. Он извинился, хотя и был здесь ни при чем. Видимо, он вел учет нарушений моих прав на случай, если это понадобится. «Вот черт», — подумал я, когда разговор был окончен.

На часах было почти три утра. Я отключил смартфон, чтобы поберечь батарейку, и опять попытался заснуть. Накрыл лицо рубашкой, которая лежала в моем портфеле, и проглотил две таблетки нурофена от начинавшейся головной боли. Мне хотелось обо всем забыть и убедить себя, что завтра я уеду. Дело просто в визе. Так или иначе я уеду из России.

Вскорости мне удалось задремать.

Проснулся я в 6:30 утра с прибытием новой партии задержанных — таких же, как в прошлый раз. Никого похожего на

меня. Опять сигаретный дым и шепот. Запах пота заметно усилился. Во рту чувствовался неприятный привкус, и только сейчас я понял, что очень хочу пить. Крис Бауэрс не зря спрашивал, предлагали ли мне воду или еду. Туалет, пусть неказистый, здесь все же имелся, но эти церберы были обязаны предоставить всем нам еду и воду.

Несмотря на досадные неудобства, я проснулся с уверенностью, что все это лишь бюрократическое недоразумение. Я позвонил Ариэлю. Он до сих пор не разобрался в происходящем, но сообщил, что следующий рейс на Лондон — в 11:15 утра. Передо мной открывалось два варианта: арест или депортация. Я убеждал себя, что вылечу этим рейсом.

Я занимал себя делами, как мог: ответил на несколько электронных писем, будто бы это обычный рабочий день; опять созвонился с посольством (дежурный консул подтвердил, что моим вопросом займутся, как только в учреждениях начнется рабочий день); собрал все свои вещи и еще раз попытался заговорить с охранниками. Я попросил у них свой паспорт, но они по-прежнему меня игнорировали. Казалось, их единственное занятие — сидеть в своем стеклянном аквариуме и «чихать» на задержанных.

Я ходил из угла в угол, поглядывая на часы. 9:00, 9:15, 9:24, 9:37. Беспокойство нарастало. Хотелось позвонить Елене, но в Лондоне еще раннее утро. Позвонил Ариэлю. Он опять не сказал мне ничего нового. Тогда я перестал кому-либо звонить.

В 10:30 я начал стучать по стеклянной перегородке. Сотрудники аэропорта и бровью не повели. Профессионалы.

Позвонила Елена. На этот раз ей не удалось меня успокоить. Она пообещала, что мы обязательно во всем разберемся и поймем, что делать дальше, но я начинал думать, что все это уже не имеет значения. В голове отчетливо маячил образ Джуда Шао.

10:45. Я не на шутку запаниковал.

10:51. Как я мог быть таким идиотом? Как обычному чикагскому парню пришло в голову, что ему сойдут с рук нападки на русских олигархов?

10:58. Дурак, дурак, дурак… Ты дурак и болван, Билл! Просто-напросто самонадеянный И-ДИ-ОТ!

11:02. Всё. Меня упекут в российскую тюрьму. Меня упекут в российскую тюрьму. Меня точно упекут в российскую тюрьму.

11:05. Двое служащих в сапогах шумно вошли в помещение и направились прямо ко мне. Меня взяли под руки, с вещами вывели из комнаты для задержанных, повели куда-то по коридорам и вверх по лестнице. Вот и все. Сейчас меня бросят в тюремный фургон и увезут. Это конец…

Но тут они пинком открыли очередную дверь, и мы оказались в терминале вылета. Двигались мы очень быстро. Мое сердце забилось в сумасшедшем ритме, когда мы стали проходить мимо выходов на посадку и таращивших на нас глаза пассажиров. И вот мы уже у выхода на рейс в 11:15 в Лондон. Меня быстро завели по трапу в самолет, провели через салон бизнес-класса и усадили в эконом-классе между двумя другими пассажирами. Все это время провожатые молчали, как рыбы. Перед уходом они засунули мою сумку в верхний отсек для ручной клади и ушли, так и не вернув мне паспорт.

Другие пассажиры всеми силами старались на меня не смотреть, но получалось у них плохо. Я не обращал на это внимания. Главное, что меня не упекут в российскую тюрьму.

Я отправил Елене сообщение, что лечу домой и скоро мы увидимся. И добавил, что очень ее люблю.

Мы взлетели. Когда самолет убрал шасси, впервые в жизни я ощутил себя на седьмом небе. Даже зарабатывая и теряя сотни миллионов долларов, ничего похожего я не испытывал.

Спустя некоторое время самолет набрал высоту, и всем предложили обед. К тому времени я не ел уже двадцать четыре часа. На обед в этот день предлагали бефстроганов в ужасного вида соусе, но я никогда не получал большего наслаждения от еды. Я попросил три булки, выпил четыре бутылки воды и провалился в сон.

Проснулся я уже в момент приземления в Лондоне. Пока самолет выруливал к терминалу, я начал мысленно составлять список предстоящих проблем. Для начала надо было как-то пройти таможенный досмотр без паспорта. Ну, предположим, это несложно. Англия была моим домом, а в конце девяностых, когда я получил британское подданство, эта страна стала мне второй родиной. Сложнее обстояли дела с Россией. Как выпутываться из всех этих неприятностей? Кто в ответе за происшедшее? Кому следует позвонить в России, кому на Западе?

Самолет остановился, пассажирам позволили отстегнуть ремни и покинуть свои места. Дождавшись своей очереди, я направился к выходу. Поглощенный мыслями, я не сразу заметил, что у трапа стоит командир экипажа и всматривается в выходящих пассажиров. Я поравнялся с ним — он протянул руку, прервав нить моих рассуждений. Я взглянул на капитана — он держал мой паспорт. Я молча взял документ и вышел.

Таможенный досмотр занял пять минут, потом я взял такси и поехал домой. С порога крепко обнял Елену. Никогда прежде я не был так счастлив от, казалось бы, простого объятия.

Я сказал жене, как сильно ее люблю, она нежно улыбнулась в

ответ. Взявшись за руки, мы направились в общий домашний кабинет. Говорили о прошлых и будущих трудностях. Сели за компьютеры, взялись за телефоны и погрузились в работу.

В голове был один вопрос: «Как мне вернуться в Россию?»

2. Как стать бунтарем в семье коммунистов

Заговори вдруг строки этой книги голосом автора, и вы, наверное, сразу спросите: «А как так случилось, что британец с американским акцентом, став крупнейшим иностранным инвестором, оказался выдворенным из России?»

О, это целая история, и началась она в Америке, но отнюдь не в обычной американской семье. Мой дед, Эрл Браудер, был родом из Уичито — самого большого города штата Канзас. С юных лет его привлекала профсоюзная деятельность. Он настолько преуспел на этом поприще, что его приметили коммунисты. Эрл включился в коммунистическое движение. В 1926 году он получил приглашение посетить Советский Союз. А знаете, что происходит в Москве со многими энергичными американцами? То же произошло и в жизни моего деда: он встретил замечательную девушку. Звали ее Раиса Беркман. Она была выпускницей юридического института. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре сыграли свадьбу. У них родилось трое сыновей, старшим был мой отец Феликс — он появился на свет в июле 1927 года.

В 1932 году Эрл с семьей вернулся в Америку и обосновался в городе Йонкерс на юго-востоке штата Нью-Йорк. В том же году дед возглавил коммунистическую партию США. Дважды, в 1936-м и 1940-м, он участвовал в президентских выборах от коммунистической партии. Несмотря на то, что оба раза он набрал всего восемьдесят тысяч голосов, участие коммуниста в выборах во время Великой депрессии привлекло внимание американцев к изъянам господствующей капиталистической системы и подвинуло политические дебаты влево: социальная справедливость и соблюдение гражданских прав вошли в повестку дня. Успех был настолько заметным, что в 1938 году «товарищ Эрл Браудер» даже попал на обложку журнала «Тайм».

Однако это имело и обратную сторону: его активность вызвала недовольство президента Рузвельта. В 1941 году деда арестовали, обвинив в «нарушении паспортного режима», и приговорили к четырем годам заключения в федеральной тюрьме города Атланта в штате Джорджия. К счастью, благодаря союзническим связям Соединенных Штатов и Советского Союза во время Второй мировой войны год спустя деда амнистировали.

Эрл Браудер, коммунист номер один в Америке на протяжении десятилетия, выдвигается в президенты США от своей партии в 1936 году (© AP Photo)

Несколько послевоенных лет Эрл провел в политическом вакууме, пока сенатор Джозеф Маккарти в стремлении искоренить в стране коммунизм не начал печально известную «охоту на ведьм». В пятидесятые годы Америка погрузилась в атмосферу нездоровой подозрительности ко всем коммунистам, будь то рьяный активист или рядовой член партии. Комитет Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности на протяжении нескольких месяцев неоднократно вызывал Эрла давать показания.

Политические преследования и убеждения деда тяжким бременем легли на всех членов семьи. Моя бабушка, интеллигентная русская еврейка, не хотела, чтобы сыновья «запятнали» себя политикой. С ее точки зрения, гораздо лучше было заниматься научной работой, особенно естествознанием и математикой. Феликс, мой отец, не только оправдал, но и превзошел ожидания матери, поступив в шестнадцать лет в Массачусетский технологический институт. Всего за два года он стал бакалавром и был принят в аспирантуру Принстонского университета, а к двадцати годам уже получил ученую степень доктора математических наук.

Выдающийся юный математик, тем не менее, был сыном Эрла Браудера. Когда после Второй мировой войны президент Трумэн

ввел призыв в армию, а Феликс попросил об отсрочке, его начальство в принстонском Институте перспективных исследований отказало ему в этом. Ни один из руководителей не осмелился открыто поддержать сына знаменитого коммуниста. Из-за отсутствия в его деле подписанного прошения об отсрочке уже в 1953 году Феликса призвали на воинскую службу.

После завершения курса начальной боевой подготовки моего отца определили в подразделение военной разведки, расположенное в Форт-Монмуте в штате Нью-Джерси. Но не прошло и нескольких недель, как командир подразделения обратил внимание на его фамилию. Дальнейшее развитие событий не заставило себя ждать: поздней ночью его без предупреждения затолкали в военный транспорт и отправили в Форт-Брэгг в Северной Каролине — три последующих года службы он заливал бензин на автозаправке на окраине военной части.

Отслужив в армии, Феликс в 1955 году подал заявление на первую попавшуюся научную вакансию — должность доцента в университете Брандейса. Преподаватели университета, увидев заявление одного из ведущих молодых математиков Принстона, не могли поверить своей удаче. Но большинство попечительского совета университета побоялось утвердить кандидатуру сына бывшего лидера коммунистической партии Америки. В то время должность председателя попечительского совета занимала бывшая первая леди страны Элеонора Рузвельт. Надо сказать, что, несмотря на причастность ее мужа к аресту моего деда, сама она заявила, что «лишать выдающегося ученого возможности заниматься профессиональной деятельностью на том основании, что он сын своего отца, — не по-американски».

Мой дед, Эрл Браудер, в окружении одаренных сыновей. Слева — мой отец Феликс, который стал деканом математического факультета Чикагского университета и получил в 1999 году Национальную медаль в области науки, и его младшие братья Эндрю и Билл, оба тоже талантливые математики. Билл был президентом Американского математического общества и деканом математического факультета в Принстоне, а Эндрю — деканом математического факультета в Университете Брауна (© Lotte Jacobi)

В результате Феликс получил место. Благодаря этому отец впоследствии смог продолжить научную деятельность в Йельском, Принстонском, а затем и в Чикагском университете (со временем он стал там деканом математического факультета). В 1999 году президент Клинтон отметил долгую и успешную работу отца, вручив ему Национальную медаль в области науки за вклад в развитие математики.

История моей матери не менее примечательна. Ива родилась в Вене в 1929 году. Ее мама, еврейка, растила ребенка одна. К 1938 году планы нацистов в отношении евреев приобрели жуткие очертания, и все, кто мог, старались оказаться как можно дальше от фашистской Европы. Беженцев образовалось так много, что получить американскую визу стало практически невозможно. Мать Ивы в отчаянии решилась отдать дочь в другую семью, чтобы дать девочке шанс выжить.

Девятилетняя Ива в одиночку пересекла всю Европу на поезде, села на пароход и отправилась в Америку навстречу новой жизни. Интеллигентная еврейская семья Аппельбаумов приняла ее как родную. Приехав к ним в Белмонт (штат Массачусетс) девочка оказалась в совершенно ином, заповедном мире — полная противоположность пылавшей войной Европе. Следующие несколько лет она жила в уютном доме, у нее была своя комната, кокер-спаниель, аккуратно подстриженные лужайки вокруг дома и ни единого намека на оставшийся где-то там далеко геноцид.

Пока Ива осваивалась на новом месте, моей бабушке Эрне удалось-таки покинуть Австрию и даже добраться до Англии. Разлука с дочерью была невыносимой. В течение трех лет она день за днем пыталась получить американскую визу, чтобы вернуть свою малышку. Наконец, путь был открыт, и Эрна, попав из Англии в Массачусетс, появилась на пороге дома Аппельбаумов в Белмонте, ожидая радостное воссоединение с дочерью. Но встретила ее малознакомая американская девчушка.

Ива успела к тому времени так привыкнуть к новой семье и комфорту дома Аппельбаумов, что не захотела их покидать. Последовавшее противостояние тяжело отразилось на всех. Разумеется, Эрна настояла на своем и увезла дочь в Бруклайн, там же в Массачусетсе, где сняла однокомнатную квартиру. Чтобы содержать семью, Эрна была вынуждена работать швеей по восемьдесят часов в неделю. Они были так бедны, что самой великой роскошью считали обед в местной закусочной — раз в неделю порция картофельного пюре и ростбифа на двоих. После жизни в нужде и лишениях обрести комфорт и уют домашнего очага, а затем снова всего лишиться оказалось столь тяжким испытанием для ребенка, что и по сей день моя мать собирает пакетики с сахаром и прячет в сумку хлеб из корзинок в кафе. Несмотря на тяготы детских лет, моя мама так хорошо училась в школе, что ей присудили стипендию, и она смогла оплатить дальнейшее обучение в Массачусетском технологическом институте. Там в сорок восьмом году она и встретила Феликса. Через несколько месяцев они поженились.

С отцом Феликсом и братом Томом дома в Нью-Джерси на Рождество 1988 года (Архив семьи Браудеров)

И вот в 1964 году в этой странной семье ученых с левыми взглядами родился я. За обеденным столом дома обычно обсуждали математические теоремы и то, куда катится мир по вине алчных бизнесменов. Мой старший брат Томас пошел по стопам отца и уже в пятнадцать лет учился в Чикагском университете. Он с отличием окончил университет по специальности физика, и в возрасте девятнадцати лет его тут же приняли в аспирантуру. Сегодня он один из ведущих в мире

специалистов в области физики элементарных частиц.

Мои же интересы были бесконечно далеки от научных споров и теорий. Когда мне исполнилось двенадцать лет, родители объявили, что собираются в научную поездку на год, и предложили мне выбор: присоединиться к ним или провести год в школе-пансионе. Я выбрал второй вариант.

Чувствуя себя отчасти виноватой, мать позволила мне самостоятельно выбрать любую школу. Учебные дисциплины меня интересовали куда меньше, чем катание на лыжах, и я присмотрел небольшую школу Уайтмен, расположенную вблизи лыжной базы в местечке Стимбоут Спрингс в штате Колорадо.

Родители были настолько заняты в своем академическом мире, что не удосужились навести справки о моей будущей школе. Им не было известно, что эта общедоступная школа принимала немало трудных подростков, исключенных из других учебных заведений и имевших нелады с законом.

Со старшим братом Томом дома в южном Чикаго, около 1970 года. Я с гитарой (Архив семьи Браудеров)

Чтобы попасть в школу-пансион, мне пришлось пропустить

восьмой класс и пойти сразу в девятый, так что по прибытии в школу Уайтмен я в свои тринадцать лет оказался меньше всех учеников в классе по возрасту и телосложению. Другие подростки, обратив внимание на щуплого паренька в обвисшем пиджаке, сразу учуяли потенциальную жертву. В первую же ночь в пансионе в мою комнату зашла группа ребят и принялась рыться в моих вещах в поисках наживы. Они расшвыривали мои вещи и забирали всё, что им понравилось. Я попытался протестовать, но они навалились на меня с воплями: «А вот щас поиграем, крошка Билли! А вот щас поиграем, крошка Билли!»

Этот кошмар продолжался каждую ночь в течение нескольких недель. Задолго до того, как в спальнях гасили свет, меня, избитого и униженного, бросало в дрожь при мысли о том, что еще они придумают в этот раз.

В начале октября ко мне на выходные приехала мать. Гордость не позволила мне сразу признаться ей в происходящем. Все было ужасно, но я убеждал себя, что выдюжу.

Но как только мы сели в машину, чтобы вместе поехать куда-нибудь пообедать, меня прорвало, и я разрыдался.

Мама встревожилась и спросила, что со мной.

«Ненавижу эту школу! — кричал я, глотая слезы. — Ненавижу!»

Я умолчал о побоях и издевательствах, хотя, наверное, она и так догадалась, потому что сказала: «Билли, если тебе здесь плохо, только скажи, и я заберу тебя с собой в Европу».

Я обдумывал мамины слова и не сразу дал ответ. Когда мы подъезжали к ресторану, я решил, что, несмотря на искус вернуться в родной дом к маме, перспектива унизительного отступления меня не радует.

Пока мы садились за столик и заказывали еду, я немного успокоился и чуть погодя сказал ей: «Знаешь, я, пожалуй, останусь. Я найду выход».

Выходные мы провели вместе, и в воскресенье вечером она подвезла меня к воротам школы. Попрощавшись, я пошел к себе и, проходя мимо спальни старшеклассников, услышал ехидный шепоток двух пацанов: «Били ли Билли? Били ли Билли?»

Я ускорил шаг, но парочка последовала за мной. Я был вне себя от ярости и унижения и, не дойдя нескольких шагов до своей комнаты, круто развернулся и набросился на того, что пониже. Я врезал ему прямо в нос. Он упал, а я упал на него, нанося удар за ударом, пока второй не схватил меня за плечи и не отшвырнул в сторону. Первый размазал кровь по лицу, и они вдвоем успели прилично потрепать меня, пока не подоспел заведующий интернатом и не прекратил драку.

Но с этого дня никто в школе Уайтмен больше не осмеливался тронуть меня.

Я провел там целый год и научился многому, чего не знал раньше: начал покуривать, незаметно убегал с территории школы под покровом ночи и проносил с собой спиртное. К концу года я отличился в стольких выходках, что меня исключили из школы. Вернувшись домой в Чикаго, я был уже совершенно другим человеком.

В моей семье было принято считать, что невыдающемуся человеку не найти места в жизни. Я же настолько сбился с пути, что родители не знали, что со мной делать. В надежде вправить мне мозги они водили меня по врачам и психиатрам, но чем настойчивее они старались, тем яростнее я упорствовал. Поначалу меня привлекала идея просто бросить школу, но чтобы насолить родителям по-настоящему, надо было придумать что-нибудь покруче.

И вот незадолго до окончания школы меня осенило: а что, если надеть деловой костюм, галстук и стать капиталистом? Ничто не вызовет у моих родителей большее негодование.

3. Чип и Уинтроп

Оставалась лишь одна загвоздка: я так отстал в учебе, что меня не приняли ни в один университет, куда я подавал документы. Только после апелляции и вмешательства моего школьного наставника я получил место в университете в Боулдере (штат Колорадо). Мне было неприятно осознавать, что даже в Боулдер попасть удалось с трудом, но я быстро избавился от чувства досады, узнав, что мой вуз в рейтинге «Плейбоя» занимает первое место в стране по части вечеринок.

Насмотревшись фильма «Зверинец»[2], я решил: раз уж попал в вуз, славящийся своими развлечениями, надо воспользоваться этим по полной и вступить в братство. Я дал клятву верности братству «Дельта Ипсилон», и после традиционного ритуала посвящения меня приняли в его члены. Там было заведено давать клички — Искра, Дым, Затор, Спичка — меня за черные кудрявые волосы прозвали Щетка. Роль Щетки была невероятно веселой, но после нескольких месяцев чрезмерного потребления пива, заигрывания с девчонками, дурацких приколов и бездумного сидения у телека я начал задумываться, что с такими «успехами» мне в лучшем случае светит стать «капиталистом», который получает чаевые за парковку авто. В голове у меня окончательно все встало на свои места после того, как полиция задержала члена братства, которого я особенно боготворил, когда тот слетел с тормозов из-за наркотиков и пошел грабить местный банк. Его надолго упекли в федеральную тюрьму, и тут я понял: если я не возьмусь за ум, то от такой формы бунтарства пострадает только один человек. Я сам.

С того дня я забросил все тусовки и стал проводить вечера в библиотеке, что, безусловно, положительно сказалось на моей успеваемости: я начал получать высокие оценки. К концу второго курса я подал документы в лучшие вузы страны и был принят в Чикагский университет.

В Чикаго я учился с удвоенной силой и целеустремленностью. Приближались выпускные, и я все острее чувствовал необходимость разобраться, как организовать свое будущее. Как же на деле стать капиталистом? Пока я размышлял, мне попалось на глаза объявление о предстоящей лекции декана бизнес-школы. Раз уж я решил войти в деловые круги и заявить о себе, то стоило сходить и послушать. Декан рассказывал об успешной карьере выпускников бизнес-школы Чикагского университета — все они занимались важными вопросами и получали за это хорошие деньги. Видимо, дальше надо было идти

именно туда.

Но в одну из ведущих бизнес-школ еще надо было как-то попасть, и самая верная дорога пролегала через двухгодичную стажировку в «Маккинзи», «Голдман Сакс» или какой-то другой из двадцати пяти солидных фирм, предлагавших аналогичные программы подготовки к поступлению в бизнес-школу. Я забросал все эти фирмы звонками и письменными обращениями о трудоустройстве, но не тут-то было: в эту же дверь стучал каждый второй студент со схожими амбициями. В итоге я получил двадцать четыре отказа и одно-единственное предложение от «Бэйн энд Компани» в Бостоне — одной из ведущих консалтинговых фирм в области управления. Уж не знаю, как мне удалось просочиться через процедуру отбора, но я ухватился за этот шанс обеими руками.

В «Бэйн» приглашали выпускников ведущих университетов, показавших наивысшие результаты, готовых пахать по шестнадцать часов в день без выходных на протяжении двух лет. Взамен им обещали место в одной из лучших школ бизнеса. Однако тот год был необычным: дела фирмы так стремительно шли в гору, что ей пришлось нанять целых сто двадцать смышленых «студентов-рабов» вместо обычных двадцати, как это было принято в других компаниях. К несчастью, это выходило за рамки негласной договоренности между «Бэйном» и бизнес-школами, которые, конечно, были рады принимать на учебу юных консультантов из «Бэйна», но имели такие же договоренности и с десятком других мастерских по производству молодых и амбициозных капиталистов — например, «Бостонской консалтинговой группой» (сокращенно «Би-Си-Джи»), «Морган Стэнли» и упомянутой уже фирмой «Маккинзи». В лучшем случае, рассуждал я, на учебу примут двадцать счастливчиков из «Бэйна», но никак не все сто двадцать, так что фирма по сути предлагала вкалывать на них до седьмого пота за каких-то тридцать тысяч долларов в год в обмен на шестнадцатипроцентный шанс попасть в Гарвард или Стэнфорд.

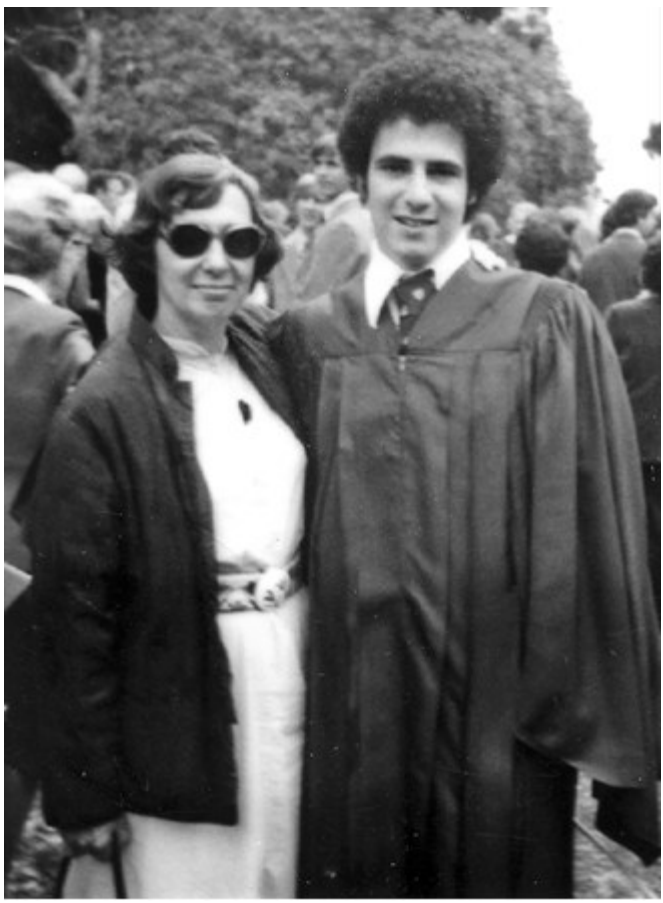
Эти несложные подсчеты плачевно отразились на моральном климате в компании: новые сотрудники неделями подозрительно косились друг на друга в попытках определить свое превосходство. Я не мог похвастаться преимуществами перед коллегами: многие из них окончили Гарвард, Принстон, Йель, и у многих в «Бэйне» были производственные показатели получше.

И тут меня озарило: пусть у многих коллег блестящие резюме, но кто еще здесь внук председателя Американской коммунистической партии? Правильно: только я. Вот так-то.

Я подал документы в два учебных заведения — в Гарвард и

Стэнфорд, и поведал им историю моего деда. Из Гарварда вскоре пришел отказ, но, к моему удивлению, в Стэнфорд меня приняли. В тот год из сотрудников «Бэйна» туда взяли только троих.

В конце августа 1987 года я закинул вещи в свою «Тойоту-Терцел» и пересек всю страну до города Пало-Альто, штат Калифорния. Там я свернул с Эль Камино Реаль на Палм Драйв, которая вела к главному корпусу Стэнфордского университета. Вдоль дороги росли пальмы и стояли аккуратные здания с терракотовыми крышами в испанском стиле. В ясном голубом небе сверкало солнце. Я был в Калифорнии и ощущал себя будто в раю.



С мамой на выпускном в 1981 году. Теперь вы понимаете, почему в колледже меня прозвали Щетка (Архив семьи Браудеров)

А это и был рай. Звонкая синева неба, чистый воздух… Попавшим в Стэнфорд приходилось раньше вкалывать до

изнеможения по восемьдесят часов в неделю на потогонках типа «Бэйна», где трудился я, — утопать в грудах таблиц и расчетов, засыпать по ночам за рабочим столом, жертвовать досугом ради успеха. Все мы, идя к своей цели, соперничали друг с другом за место в университете. Теперь же, поступив в желанный университет, мы обнаружили, что здесь господствует совсем иной подход. По правилам Стэнфорда студентам не разрешалось показывать свои результаты потенциальным работодателям, и все решения о приеме на работу принимались на основании собеседований и накопленного опыта. Как следствие, привычный дух соперничества уступил место атмосфере сотрудничества, товарищества и дружбы, чего мы совсем не ожидали. Я быстро понял, что успех в этом университете означает не высокие результаты, а просто жизнь здесь. Все остальное было чем-то вроде приправы. Для меня и моих сокурсников два года в Стэнфорде были лучшими годами жизни.

Получать удовольствие от пребывания здесь было, конечно, не единственной целью студента Стэнфорда: следовало решить, чем заняться после бизнес-школы. Так что я с однокурсниками с первых же дней стал посещать организованные различными компаниями информационные презентации, лекции, вечерние приемы, обеды и собеседования, выбирая из тысяч возможных вариантов ту работу, которая подойдет именно мне.

Я сходил на встречу с представителями компании «Проктер энд Гэмбл». Зал был набит до отказа. Младшие сотрудницы службы маркетинга в синих плиссированных юбках, белых блузках и галстуках с энтузиазмом рассказывали о том, как замечательно они продают мыло.

Я побывал на коктейльном приеме, организованном «Траммелл Кроу». Красноречивые импозантные техасцы, похлопывая друг друга по спинам, трепались там о бейсболе, больших деньгах и недвижимости — главном бизнесе компании. Я чувствовал себя настолько не в своей тарелке, что ретировался оттуда при первой же возможности.

Потом был прием, организованный офисом «Дрексель Барнем Ламберт» из Беверли-Хиллз — там я чуть не уснул под монотонный бубнеж лысеющих и дорого одетых трейдеров о мире биржевых операций с высокодоходными ценными бумагами, который казался им очень заманчивым. «Нет уж, спасибо, обойдусь», — думал я.

Чем больше таких мероприятий я посещал, тем отчужденнее себя ощущал. На одном собеседовании это проявилось особенно остро. Речь шла о летней практике в компании «Дж. П. Морган». Я не горел желанием работать у них, но нельзя ведь пропускать

собеседование в одной из ведущих фирм Уолл-стрит.

Я вошел в небольшой кабинет центра карьерного консультирования, там меня встретили двое высоких широкоплечих мужчин с квадратными челюстями. Оба выглядели лет на тридцать, один блондин, другой шатен. На них были строгие рубашки с монограммой и воротником на пуговицах, красные подтяжки и темные костюмы «Брукс Бразерс». Блондин в приветствии протянул руку, и я не мог не обратить внимания на дорогущие часы «Ролекс». Они вручили мне свои визитки, на которых значилось что-то вроде Джейк Чип Брант III и Уинтроп Хиггинс IV.

Собеседование началось со стандартного вопроса:

— Почему вы хотите работать в «Дж. П. Морган»?

Я подумал было ответить что-нибудь в духе: «Потому что вы меня пригласили, и мне нужна работа на лето», — но понимал, что от меня ждут не такого ответа, и вместо этого уверенно произнес:

— Потому что компания «Дж. П. Морган» совмещает преимущества инвестиционного и коммерческого банка, и я полагаю, что это сочетание является наиболее привлекательной формулой успеха на Уолл-стрит.

А про себя удивился, что выдал такое. Я понятия не имел, что это значит.

Чипа и Уинтропа мой ответ не впечатлил. Они задали еще несколько стандартных вопросов — я отфутболил их такими же стандартными ответами. Под конец Уинтроп задал вопрос полегче, давая мне возможность найти какие-нибудь точки соприкосновения:

— Билл, расскажите, какими видами спорта вы занимались в университете.

Тут всё предельно просто: я был ботаником и совершенно не интересовался спортом. Я с трудом находил время поесть и умыться, о каком спорте речь.

— Э… ну… вообще-то никакими… но я люблю лыжи и горный туризм, — сказал я, надеясь, что упомянутые виды спорта прозвучат для них достаточно солидно.

Но нет. Они уставились на стопку резюме и больше не произнесли ни слова. Собеседование закончилось.

Я вышел из здания и подумал, что на самом деле им до лампочки мои ответы. Они хотели определить, вписываюсь ли я в культуру «Дж. П. Морган». Очевидно, не вписывался. Я не возражал, но все равно был удручен и подавлен.

На автопилоте я доплелся до столовой, отстоял в очереди, взял что-то поесть и сел за столик, механически жуя. Тут

появился мой лучший друг Кен Херш[3]. Судя по костюму, Кен тоже шел с какого-то собеседования.

— Привет, Кен. Ты откуда? — спросил я.

Он подтянул себе стул и подсел рядом.

— Только что проходил собеседование у «Дж. П. Морган».

— Да ну? Ты тоже встречался с Чипом и Уинтропом. Как прошло?

Кен посмеялся над кличками, которые я им выдал, и пожал плечами.

— Трудно сказать. Поначалу не очень, пока я не сказал Чипу, что мои лошади для игры в поло в Хэмптонском клубе — в его распоряжении. Это здорово разрядило обстановку.

Кен хмыкнул. Он был невысоким еврейским пареньком среднего достатка из Техаса и лошадей для игры в поло видел разве что на логотипе рубашек «Ральф Лорен» в каком-нибудь магазине города Далласа.

— А у тебя что слышно?

— Теперь мы наверняка будем работать вместе! Меня-то они точно возьмут. Я пообещал Уинтропу прокатить его на своей лодке в яхт-клубе Кеннебанкпорта.

Ни я, ни Кен предложения от «Дж. П. Морган» не получили, зато с тех пор Кен звал меня Чипом, а я его — Уинтропом.

С того дня я снова и снова спрашивал себя, зачем позволяю всяким Чипам и Уинтропам отказывать мне. Я не был одним из них, не собирался на них работать. Я выбрал свой путь наперекор родителям и вопреки воспитанию, но глупо отрицать, что я остался Браудером.

И я начал искать работу, которая подходила бы лично мне. Зашел на интересную лекцию главы профсоюза Объединенных рабочих сталелитейной промышленности. Я был в полном восторге от его выступления. В его речи я будто слышал голос деда, вспоминал его мужественное лицо, густые усы и седые волосы, представлял, как дед сидит в своем кабинете, пропитанном сладким ароматом табака его трубки, в окружении многочисленных книг. Речь главы профсоюза так вдохновила меня, что я потом подошел к нему и спросил, не примет ли он меня на работу, чтобы помочь профсоюзу в переговорах с эксплуатирующими сталелитейщиков частными корпорациями. Он поблагодарил меня за проявленный интерес, но сказал, что в головной офис профсоюза нанимают только сталелитейщиков.

Однако это меня не остановило. Я стал задумываться о том, что еще можно перенять из жизни деда. Так родилась идея о Восточной Европе. Он провел важную часть своей жизни в Советском Союзе и благодаря полученному там опыту стал

фигурой мирового значения. Если мой дед нашел там свое призвание, кто знает, может найду и я.

Всерьез занявшись самопознанием, я не забывал рассматривать предложения о работе, на случай, если поиски утопии не принесут результатов. Одним из вариантов была работа в чикагской штаб-квартире Среднезападного отделения Бостонской консалтинговой группы («Би-Си-Джи»). Я сам был из Чикаго и ранее работал в сфере консультационных услуг в «Бэйне», а значит, подходил им по всем пунктам.

Вот только возвращаться в Чикаго мне не хотелось. Я желал повидать мир, хотел жить и работать за пределами США. Втайне я представлял себя персонажем Мела Гибсона из своего любимого фильма «Год опасной жизни»[4]: Гай Хэмилтон, молодой журналист-международник, получает первое задание — его отправляют в столицу Индонезии Джакарту, там он изобличает коррупцию в местном правительстве в то время, как в стране происходит попытка политического переворота.

Тем временем «Би-Си-Джи» в попытке заполучить меня устроила поездку в их офис на так называемый день продаж, где собрались и другие новобранцы. Там энергичные консультанты, уже проработавшие в компании год-другой, давали беседу за беседой и угощали байками о сладкой жизни сотрудников «Би-Си-Джи». Все звучало очень убедительно, но я не купился.

Последнюю из запланированных для меня встреч проводил сам руководитель конторы, Карл Штерн. Предполагалось, что это будет финишной чертой после «прогона через строй» — в этот торжественный момент я пожму руку боссу, рассыплюсь в благодарностях и отвечу согласием.

Он тепло встретил меня и спросил:

— Итак, Билл, что скажешь? Пойдешь к нам работать? Ты здесь всем очень понравился.

Я был польщен, но о согласии не могло быть и речи.

— Весьма сожалею. Меня и правда очень хорошо приняли, но дело в том, что я не представляю свое будущее в Чикаго.

Он растерялся, поскольку на предыдущих собеседованиях я ни разу не упоминал об этом.

— Значит, не «Би-Си-Джи»?

— Увы.

Он подался вперед.

— Тогда скажи мне вот что: где именно ты представляешь себе свою работу?

Вот он, момент истины. Если я действительно готов отправиться куда угодно, то нет причин не сказать ему об этом.

— В Восточной Европе.

— Так… — Я явно застал его врасплох. — Дай-ка сообразить… Вот что. Думаю, тебе известно, что у нас нет филиалов в Восточной Европе, зато в нашем лондонском офисе есть один специалист по этому региону. Зовут его Джон Линдквист. Можем организовать вам встречу, если ты передумаешь.

— Пожалуй.

— Отлично. Я уточню, когда он свободен, и все устрою.

Две недели спустя я был на пути в Лондон.

4. «Они согреют вас холодными ночами!»

Лондонская контора компании «Би-Си-Джи» располагалась неподалеку от станции метро «Грин-парк» по ветке Пиккадилли, в самом сердце района Мейфэр. Я представился в приемной, и меня провели в кабинет Джона Линдквиста, скорее напоминавший кабинет рассеянного профессора. Повсюду возвышались стопки книг и документов.

Было в его внешности что-то непостижимо парадоксальное, и это сразу бросалось в глаза. Строгий костюм с фешенебельной улицы Сэвил-Роу, галстук «Гермес», очки в роговой оправе — этот американец представлял собой более утонченную версию Чипа и Уинтропа, но при этом имел вид неуклюжего книжника. В отличие от юных аристократов из «Дж. П. Морган», голос у Джона был мягкий и тихий, и сам он предпочитал не встречаться взглядом с собеседником.

— Коллеги в Чикаго говорят, — начал он, после того как я вошел в его кабинет, — что вы хотите работать в Восточной Европе, так? Я многих встречал в «Би-Си-Джи», но вы первый, кто интересуется работой в этом регионе.

— Так и есть, хотите верьте, хотите нет.

— Почему?

Я рассказал ему историю своего деда: о его жизни в Москве, об участии в президентских выборах, о том, как он стал олицетворением коммунизма в Америке.

— Я тоже хочу заняться в жизни чем-то интересным. Хочу, чтобы работа имела смысл и отражала мой характер, — сказал я.

1989 год. В лондонском метро, по пути на первый день работы в Бостонской консалтинговой группе (Архив семьи Браудеров)

— Ну, коммунистов у нас в «Би-Си-Джи» точно не бывало. — Он подмигнул и затем продолжил, уже серьезно: — Прямо сейчас у нас нет проектов в Восточной Европе, но вот что я тебе скажу: иди работать к нам, и я обещаю, что первое же дело, которое мы получим в Восточной Европе, будет твоим, так?

Он вставлял это свое «так» чуть ли не после каждой фразы, и это немного походило на тик.

Не знаю почему, но Джон мне понравился. Я с радостью принял его предложение и вот так запросто стал первым сотрудником восточноевропейской команды «Би-Си-Джи».

В августе 1989 года я перебрался в Лондон и с двумя сокурсниками по Стэнфорду, тоже приехавшими сюда на новую работу, снял небольшой домик в Челси. В первый понедельник сентября, испытывая сильное волнение, я запрыгнул в метро и отправился на работу в «Би-Си-Джи», полный решимости взяться за Восточную Европу.

Вот только никаких дел в этом регионе не наблюдалось. Во всяком случае, пока.

Спустя несколько месяцев, 10 ноября, я сидел со своими стэнфордскими приятелями в нашей крошечной гостиной и смотрел телевизор, и тут будто земля ушла из-под ног. Телекомментатор объявил о падении Берлинской стены! Жители Восточной и Западной Германии, кто с кувалдой, кто с ломом, кто с киркой, с обеих сторон обступали годами разделявшую их стену и крушили ее, не оставляя камня на камне. Затаив дыхание, мы смотрели, как на наших глазах творится история. Через несколько недель произошла Бархатная революция в Чехословакии — там тоже пало коммунистическое правительство.

Это был эффект домино, стало очевидно, что уже совсем скоро вся Восточная Европа вырвется на свободу. Мой дед был главным коммунистом в Америке, а я в свете последних событий мирового масштаба решил, что стану главным капиталистом в Восточной Европе.

Мой звездный час наступил в июне 1990 года, когда в дверях моего кабинета показался Джон Линдквист и без предисловий спросил:

— Билл, это ведь ты хотел в Восточную Европу, так?

Я кивнул.

— Отлично. Всемирный банк ищет консультантов по реструктуризации для проекта в Польше. Тебе надо составить план вывода из кризиса одного польского автобусного завода,

который испытывает финансовые затруднения, так?

— Хорошо, но я раньше не составлял таких предложений. С чего мне начать?

— Спросишь у Вольфганга.

Вольфганг… Мурашки забегали по коже от одного упоминания его имени.

1991 год. Наконец пришло время больших дел. Я лечу на вертолете из Будапешта в провинциальный венгерский городок, чтобы проконтролировать сделку для Роберта Максвелла (Архив семьи Браудеров)

Вольфганг Шмидт, австриец лет за тридцать, был менеджером и непосредственно руководил работой нескольких подразделений «Би-Си-Джи». Он считался одним из самых тяжелых начальников в лондонском отделении. Ему доставляло удовольствие кричать на своих сотрудников и заставлять их работать по ночам. Ходили слухи, что он вытрясал всю душу из начинающих специалистов. У него был такой скверный характер, что никто не хотел работать под его началом.

Но если я действительно хочу попасть в Польшу, то придется работать в подчинении у Вольфганга.

В его кабинете я раньше не бывал, но знал, где он находится. Это знали все, хотя бы для того, чтобы обходить его стороной.

Я вошел в кабинет. Там царил полнейший бардак: все помещение было завалено коробками из-под пиццы, смятой бумагой и стопками отчетов. Сам хозяин кабинета сидел, склонившись над толстой папкой, и водил пальцем по странице. Его лоб поблескивал от пота в свете люминесцентной лампы, а

растрепанные волосы торчали в разные стороны. Дорогая английская рубашка выбилась из брюк, из-под нее с одного боку проглядывал круглый живот.

Я кашлянул. Он повернул голову в мою сторону и прорычал:

— Ты кто такой?

— Билл Браудер.

— Чего надо? Не видишь, я занят?

Видел я то, что ему стоило прибраться в этом свинарнике, но вслух сказал другое:

— Мне нужно подготовить предложение по реструктуризации польской автобусной компании. Джон Линдквист направил меня к вам.

— Черт… — процедил он. — Значит так, Браунер, сначала подбери резюме консультантов «Би-Си-Джи», разбирающихся в грузовиках, автобусах, машинах и всем, что, по-твоему, может иметь к этому отношение. Чем больше, тем лучше.

— Понял. И принести их вам?..

— Делай, что тебе говорят!

Он снова углубился в чтение.

Я покинул его кабинет и направился в библиотеку. Листая анкеты сотрудников компании, я понял, за что «Би-Си-Джи» так уважали во всем мире: здесь были специалисты в самых разных странах с опытом во всех сферах. Команда консультантов в Кливлендском отделении специализировалась на автомобилестроении; группа из Токио внедряла систему своевременных поставок для японского автопрома; а консультанты в Лос-Анджелесе прекрасно разбирались в производственных операциях. Я быстро скопировал нужные документы и вернулся в кабинет Вольфганга.

— Что, уже вернулся, Брауэр?

— Я Браудер, если что…

— Да-да. Слушай, по Польше есть еще несколько проектов. Парни, которые пишут по ним предложения, объяснят тебе, что делать дальше, а у меня времени нет. А теперь, если не возражаешь… — И он указал мне на дверь.

Я разыскал других консультантов, работающих по Польше. К счастью, они были рады протянуть руку помощи. В течение нескольких недель мы составляли расписания, разрабатывали планы и набивали документ информацией о том, какие замечательные специалисты работают в «Би-Си-Джи». Готовое предложение выглядело настолько убедительно, что у меня не осталось никаких сомнений: мы не проиграем. Мы вручили его Линдквисту, а тот отправил во Всемирный банк, и мы стали ждать результатов.

Два месяца спустя в мой кабинет вошел Вольфганг, непривычно приветливый и опрятный, и заявил:

— Билл, пакуй чемоданы, едешь в Польшу.

— Мы выиграли?

— Разумеется. Теперь начнется настоящая работа.

Я был в восторге.

— Мне обзвонить специалистов, упомянутых в предложении, и убедиться, что они смогут поехать вместе с нами сейчас в Польшу?

Вольфганг поморщился.

— О чем ты говоришь? Нет, конечно. Этим проектом занимаешься ты один.

Он хлопнул рукой по дверному косяку, развернулся и исчез.

Я не мог поверить услышанному. Я нашпиговал предложение таким количеством первоклассных специалистов, а теперь поляки получат… меня? Младшего сотрудника с опытом работы меньше года, ничего не смыслящего в автобусах и, откровенно говоря, в бизнесе? Я был потрясен, но оставил опасения при себе. Я ведь мечтал о таком деле. Куда там жаловаться, надо было сделать все ради результата.

В конце октября 1990 года, почти через год после падения Берлинской стены, Джон, Вольфганг, еще двое младших сотрудников и я поднялись на борт самолета польской авиакомпании «Лот» и направились в Варшаву. По прибытии нас встретила делегация из четырех представителей Всемирного банка и двух сотрудников «Автосана», того самого проблемного автобусного завода, который нам предстояло спасти от банкротства. Дождавшись багажа, мы сели в автобус «Автосан», и нас повезли в главную контору в городе Санок.

Поездка была долгой. Столичные виды за окном быстро уступили место осенним сельским пейзажам, живописным, но мрачноватым. Незадолго до этого в Польше рухнул коммунистический режим, и условия в стране были тяжелее, чем я предполагал. Казалось, мы внезапно шагнули в прошлое лет на сорок: старые автомобили, телеги на обочинах, запряженные лошадьми, полуразрушенные фермы, обшарпанные жилые дома. В городах — вездесущие советские бетонные коробки. Дефицит продовольствия, гиперинфляция, отключение электричества и множество прочих проблем — в таких условиях жили поляки.

Я сидел в дребезжащем автобусе и, несмотря на это, думал, что именно здесь и хотел оказаться. Путь был открыт и полон возможностей.

Шесть часов спустя мы добрались до Санока — пятидесятитысячный городок располагался в юго-восточной части

Польши, в заросшей лесами холмистой местности неподалеку от украинской границы. Автобус остановился у входа в заводскую столовую «Автосана», где нас ждал банкет с руководством и представителями Всемирного банка. Никто из гостей не рискнул попробовать неаппетитного вида яства — жирную свиную отбивную, переваренную картошку и мутный свиной холодец. Вдобавок воздух в помещении был пропитан резким запахом промышленного растворителя. У меня сложилось ощущение, что все нездешние думали только о том, как бы побыстрее выбраться из Санока. Но руководство автобусного завода не спешило нас отпускать, и мы были вынуждены до позднего вечера слушать многочисленные тосты и анекдоты. Наконец, в четверть двенадцатого подали кофе, и представители Всемирного банка, неловко поднявшись из-за стола, распрощались с гостями и поспешно отбыли на автобусе в Жешув — ближайший город с приличной гостиницей.

Мои коллеги из «Би-Си-Джи», едва дождавшись, пока скроется из виду команда Всемирного банка, тоже откланялись. Они вышли на улицу, и Вольфганг договорился с двумя таксистами, чтобы их по тому же шестичасовому маршруту увезли обратно в Варшаву.

На месте остался только я — двадцатишестилетний выпускник бизнес-школы со стажем работы в сфере консультаций без году неделя, которому поручили остановить катастрофу. После кофе я тоже попрощался с руководством завода — похоже, они и не подозревали, что я никто по сравнению с отбывшими гостями.

Потом меня доставили в гостиницу «Турист». Этому месту предстояло стать моим домом на ближайшие несколько месяцев.

Гостиница оказалась старым четырехэтажным бетонным зданием в паре кварталов от реки Сан. Лифта здесь не было, так что поднимался я по лестнице. По узкому тускло освещенному коридору я прошел в свой крошечный номерок, больше напоминавший келью, чем комнату. Ходить или стоять можно было только в узком пространстве между двумя одноместными кроватями, расставленными у противоположных стен номера. Там же, между кроватями, вместился маленький обшарпанный столик с лампой, над которым было окошко с видом на пустырь. В стену над одной кроватью был вмонтирован небольшой черно-белый телевизор.

На пять звезд, конечно, не тянуло, но я был так рад оказаться в Польше, что мне было все равно.

Я проверил, работает ли телефон с дисковым набором, но соединял он только с дежурной в гостинице, ни слова не

понимавшей по-английски. Я разобрал чемодан и рассовал одежду по полкам в шкафу. В номере было холодно, батарея не работала, так что мне пришлось натянуть на себя предусмотрительно взятый пуховик. Включив телевизор, я обнаружил, что работает только три канала, все на польском языке. По одному передавали новости, по второму — футбол, по третьему шла какая-то передача про овец, так что телевизор я выключил. Затем я попытался поймать что-нибудь по привезенному с собой коротковолновому радиоприемнику, но ничего стоящего не обнаружил и от дальнейших попыток отказался.

Забравшись в постель, я попытался уснуть, но в номере было слишком холодно. Я поднялся, постучал по батарее, повернул вентиль, расположенный рядом с полом, но никакого тепла не почувствовал. Вызывать дежурного, учитывая языковой барьер, было без толку. Я взял из шкафа еще несколько вещей, стянул одеяло с соседней кровати и во все это закутался. Даже пуховик и тот не помог. Я проворочался всю ночь почти без сна. С рассветом включил душ в надежде, что хотя бы так удастся прогреться, но, сколько ни ждал, слегка тепловатая вода так и не стала горячей.

Отбросив эту идею, я оделся и спустился в ресторанчик в холле гостиницы, чтобы познакомиться со своим переводчиком. Едва завидев меня, из-за столика поднялся и вытянулся в струнку опрятный мужчина в нескладно сидящем сером костюме. Он сунул под мышку свернутую газету и протянул руку:

— Господин Вильям?

— Да, это я.

Мы обменялись рукопожатием.

— Здравствуйте! Меня зовут Лешек Сикорский, — бодро произнес он.

Лешек был на несколько лет старше меня и чуть выше ростом. У него были светло-каштановые волосы, зеленые глаза и аккуратная бородка. При иных обстоятельствах его можно было бы назвать привлекательным, но неудачный костюм и кривые зубы портили впечатление.

— Пожалуйста, садитесь, — он указал на стул. — Как вам спалось? — спросил он, особенно громко произнося последнее слово.

— Честно говоря, было очень холодно. В номере не работает отопление.

— Конечно. Его не включат до официального начала отопительного сезона!

Конец фразы он опять почти выкрикнул. Его произношение было очень неестественным, я решил, что он наверняка учился по

кассетам языковой школы «Берлиц».

Появилась официантка и налила мне чаю, Лешек что-то сказал ей по-польски. Когда она исчезла, я спросил:

— Что вы ей сказали?

— Принести вам завтрак.

— А здесь нет меню?

— Нет, только один завтрак!

Через несколько минут подали завтрак: сильно прожаренные сосиски и странного вида польский плавленый сыр. Я был настолько голоден, что сразу же всё проглотил.

Лешек прилежно и без эмоций жевал свою порцию. Посредине завтрака он спросил с набитым ртом:

— А вы ведь из Лондона, да?

— Верно.

Он расплылся в улыбке.

— Тогда у меня к вам просьба, — он перешел на шепот. — Не могли бы вы познакомить меня с Самантой Фокс?

Речь шла о пышногрудой английской поп-диве, начинавшей с карьеры топлесс-модели и позирования в полураздетом виде для третьей страницы британского таблоида «Сан». Я усмехнулся.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Я с ней не знаком.

Он откинулся на спинку стула и недоверчиво посмотрел на меня.

— Не может быть. Вы же из Лондона!

— Лешек, я бы и рад помочь, но в Лондоне живет семь миллионов человек.

Я не хотел показаться невежливым, но ситуация была нелепой до абсурда. Как налаживать дела на автобусном заводе, если единственной связью с внешним миром будет этот чудак, повернутый на грудастой английской модели?

Покончив с завтраком, мы с Лешеком вышли из гостиницы и сели в тесный польский фиат красного цвета, предоставленный мне заводом на время пребывания. После нескольких попыток мне удалось завести мотор. Лешек радостно показывал, как проехать к главной конторе «Автосана». Это было белое семиэтажное бетонное здание у реки. Мы оставили машину на стоянке, и по дороге к зданию я опять почувствовал тот же неприятный запах промышленного растворителя, который преследовал меня за ужином. Мы поднялись на лифте на верхний этаж и прошли к кабинету директора. Тот встретил нас на пороге, широко улыбаясь сквозь густые усы. Его широкоплечая фигура заградила весь дверной проем. Он был вдвое старше меня и проработал на этом предприятии всю жизнь. Когда я подошел поближе, он протянул мне свою толстую рабочую руку и мощно

сжал мою, словно пресс для отжимания белья.

Директор пригласил нас с Лешеком в кабинет и быстро заговорил по-польски.

— Добро пожаловать в Санок, — перевел Лешек. — Он спрашивает, не хотите ли вы коньяка, чтобы отметить приезд.

— Нет, спасибо, — неловко поблагодарил я, подумав, не считается ли здесь бестактностью отказываться от алкогольных напитков в десять утра.

Потом директор произнес речь, в которой еще раз выразил свою радость по поводу моего приезда. Он объяснил, что в случае банкротства «Автосана» — единственного крупного работодателя города Санок — здесь все придет в упадок. Все в «Автосане» были уверены, что «Би-Си-Джи» — и в данном случае я — поможем предприятию избежать банкротства и разорения. Я солидно кивал и старался излучать уверенность, но в глубине души был совершенно ошеломлен объемом такой ответственности.

В завершение речи директор спросил:

— Господин Браудер, прежде чем вы приступите к делу, я считаю своим долгом спросить: могу ли я что-нибудь для вас сделать, чтобы ваше пребывание в Саноке было как можно более приятным?

Еще на входе в его кабинет я почувствовал, как здесь тепло, особенно после беспокойной ночи в местной «ледяной избушке». Я обратил внимание на стоявший в углу и тихо гудевший обогреватель, излучавший уютное оранжевое сияние. Не спуская с него взгляда, я с волнением в голосе спросил:

— Сэр, нельзя ли найти вот такой обогреватель для моего номера в гостинице? Я буду очень признателен.

Директор выслушал перевод Лешека, просиял и, подмигнув, воскликнул:

— Господин Браудер, да мы можем найти для вас кое-что получше! У нас есть женщины, они согреют вас холодными ночами!

Я потупился и пробормотал:

— Н-нет, спасибо, обогревателя будет вполне достаточно.

Без промедления я взялся за работу, но в первую неделю пребывания в этой стране испытал сильнейший культурный шок. В Саноке все было непривычно: запахи, язык, обычаи, но тяжелее всего было привыкнуть к еде. Из мяса там можно было найти только свинину, присутствовала она во всем: сосиски на завтрак, бутерброды с ветчиной на обед, свиные отбивные на ужин — и так изо дня в день. Фруктов и овощей не было, курица считалась деликатесом. Хуже того — всю еду обильно поливали жирным соусом, как будто это некий волшебный эликсир, сделающий ее

съедобной. Но чуда не происходило.

На пятый день я уже умирал с голоду. Нужно было что-то срочно предпринять. Я решил съездить в Варшаву и поесть в открывшемся там отеле «Марриот». Приехав в отель, я бросил вещи в номере и устремился в ресторан. Очутившись рядом со шведским столом, я был вне себя от счастья — накладывал на тарелку салат, жареную курицу, ростбиф, сыр, французский хлеб и ел как одержимый, несколько раз возвращаясь за добавкой. Как только я почувствовал готовность перейти к десерту, в животе заурчало. Я понял, что надо искать уборную, иначе меня подстерегает сюрприз.

Я побежал через вестибюль и тут чуть не врезался в стоявшего там… Вольфганга Шмидта!

— Браунер! Какого черта ты делаешь в Варшаве? — взревел он.

Я настолько опешил, что не нашелся с ответом.

— Ну, я подумал… раз сейчас вечер, пятница…

— Пятница? Вечер?! — прорычал он. — Ты спятил? А ну быстро ноги в руки и пулей в Санук…

— Санок, — машинально поправил я, переминаясь с ноги на ногу.

— Наплевать. Мотай туда — и укрепляй связи с клиентом весь выходной. Вот так в нашем бизнесе ведутся дела.

Мой бедный желудок протестовал так громко, что Вольфганга я уже почти не слышал. Вот же он, туалет, рядом, рукой подать, а я терял драгоценные секунды.

— Понял. Исправлюсь. Еду обратно. Очень, очень сожалею.

— Вот и хорошо, Браунер.

Он наконец сделал шаг в сторону, и я на полных парах влетел в уборную.

После этой неожиданной встречи я больше ни разу не рискнул сунуться в Варшаву. Вместо этого по выходным в поисках пищи я разъезжал на своем красном фиате по сельской местности: останавливался в маленьких трактирчиках и, ни слова не зная по-польски, наугад тыкал пальцем в меню три-четыре раза, надеясь, что хоть одно блюдо окажется съедобным. Я мог себе это позволить, потому что злотый, местная денежная единица, обесценился в условиях кризиса, и любое блюдо стоило не больше полудоллара. Мне очень хотелось курятины, и иногда она мне доставалась. Мне нравилось выбираться из Санока, но как бы далеко я ни заезжал в поисках еды, чаще всего она оказывалась ужасной. За восемь недель работы над этим проектом я потерял в весе больше шести килограммов.

Проблемы с едой были далеко не единственным проявлением

катастрофической ситуации в Польше. Хаос царил и в «Автосане», который висел на краю пропасти. После краха коммунистического режима и начала политики «шоковой терапии» польское правительство прекратило закупать автобусы этой марки. В результате завод потерял девяносто процентов сбыта. Ему предстояло либо найти новых покупателей, либо радикально сократить расходы.

Идея найти новых заказчиков была малореальной, поскольку в то время завод производил едва ли не худшие автобусы в мире. Единственным очевидным выходом из этой ситуации казалось кардинальное сокращение персонала. Учитывая, что от жизнеспособности завода зависела жизнь целого города, этот вариант подходил им менее всего, и мне совсем не хотелось такое предлагать. От всего этого мне становилось не по себе, и мои радужные представления о предпринимательстве в Восточной Европе стремительно таяли. Я очень не хотел, чтобы эти люди пострадали.

За три недели до рождественских праздников — мои опасения все крепли и крепли — я встретился с Лешеком за нашим традиционным совместным завтраком. Я научился избегать нелепых разговоров типа «где можно познакомиться с моделью Фокс» и тихо поглощал принесенную еду, а Лешек тактично не задавал вопросов. Несмотря на неловкое начало нашего знакомства, я вскоре убедился, что Лешек парень искренний и всегда готов помочь, так что после двух месяцев ежедневного общения я проникся к нему теплой симпатией. Я сожалел, что именно ему предстояло переводить мои мрачные рекомендации руководству «Автосана». Более того, я был уверен, что буду вспоминать его, покинув Санок.

В то утро, пока я доедал свиную сосиску, мой взгляд упал на газету Лешека. Поначалу мне показалось, что парень углубился в частные объявления, но, приглядевшись, заметил колонки цифр — какие-то финансовые показатели — в окружении незнакомых слов. Я придвинулся ближе:

— Лешек, а что это за цифры в газете?

— Это первые польские предприятия, подлежащие приватизации! — с гордостью объявил он.

Я слышал, что Польша начинает приватизировать государственные компании, но был так занят в «Автосане», что не следил за новостями.

— Любопытно… Вот здесь что, например? — Я указал на цифры вверху страницы.

— Это курс акций.

— А это?

— Прибыль прошлого года.

— Ну, а тут?

— Количество выставленных на продажу акций.

Я прикинул в уме: при таком курсе акций стоимость всей компании составляла восемьдесят миллионов долларов, в то время как ее прибыль за прошлый год достигла ста шестидесяти миллионов. Получалось, правительство продавало компанию по цене, равной всего половине прибыли этой компании за прошлый год! Я не поверил своим глазам. Говоря простым языком, если вложить в эту компанию деньги и она продолжит работать в течение следующих шести месяцев, то такое вложение окупится уже через полгода.

Я задал свои вопросы несколько раз, дабы убедиться, что ничего не упустил. Все сходилось. Это было чрезвычайно интересно. Мы прошлись по данным нескольких других компаний, опубликованным в газете, и результаты получились примерно такими же.

До этого я в жизни не купил ни одной акции. В ту ночь долго не мог уснуть, размышляя о польской приватизации. «Надо действовать, — думал я. — Разве не для этого я ходил в школу бизнеса?»

Мои сбережения на тот момент составляли две тысячи долларов. После того как Джон Линдквист подтвердил, что нет никаких внутренних ограничений фирмы на приобретение акций, я решил вложить все свои сбережения в польскую приватизацию. Я попросил Лешека помочь мне. В обеденный перерыв мы пошли в местный банк и, отстояв очередь, обменяли валюту на злотые. Потом на почте заполнили подробные бланки подписки на акции. Процедура оказалась такой сложной, что Лешеку пришлось четыре раза подходить к кассовому окну и уточнять, как правильно заполнить подписную форму. В итоге я все-таки оформил подписку на первые акции приватизируемых предприятий в Восточной Европе.

В середине декабря я вернулся в Лондон, чтобы подготовить финальную версию доклада «Би-Си-Джи», который мы собирались представить «Автосану» и Всемирному банку после праздников. Меня раздирали противоречивые чувства. Все мои расчеты указывали на то, что предприятию необходимо уволить значительную часть сотрудников, дабы остаться на плаву и избежать банкротства. Но, проведя с этими людьми некоторое время и узнав их поближе, я понял, что массовые увольнения станут для них приговором. Я не представлял, как им после этого выживать. Я думал о Лешеке и его родне, о лишениях, которые они испытывают уже сейчас. Я должен был рекомендовать

увольнения, но хотел как-то смягчить удар. Тогда я решил представить увольнения в докладе просто как одно из возможных стратегических решений в надежде, что правительство в перспективе рассмотрит и другой вариант: продолжать субсидировать «Автосан».

Но Вольфганг, увидев мой «разбавленный» доклад, пришел в ярость.

— Это что еще за хрень?

— Альтернатива.

— Ты в своем уме? Нет у них никакой альтернативы. Им надо всех уволить, и точка, Браудер.

Он вызывал у меня чувство презрения, но в этот раз хотя бы правильно произнес мое имя.

Вольфганг заставил меня удалить альтернативные «стратегические решения» и отдать документ другому консультанту, чтобы тот доработал анализ. В итоге «Би-Си-Джи» рекомендовала «Автосану» уволить большинство сотрудников.

Мы вернулись в Санок, и Вольфганг настоял, чтобы я сам представил наши результаты. В большом зале заседаний собрались представители «Би-Си-Джи», Всемирного банка и все высшее руководство «Автосана». В зале приглушили свет. Я включил проектор. Презентационные слайды на пленках уже были готовы. Сначала я продемонстрировал обзорный слайд с общим уровнем увольнений. Зал ахнул. Далее следовали рекомендации об увольнениях по каждому отделу. Лешек нервно переводил. С каждым новым слайдом зал охватывало потрясение и нарастал гнев, люди начали возмущенно спорить с каждым новым выводом. Представители Всемирного банка поглядывали на Джона и Вольфганга в надежде, что те вмешаются, но мои коллеги избегали их взглядов и не проронили ни слова. Я закончил презентацию, и все взгляды устремились в мою сторону. Директор демонстративно молчал и всем своим видом выражал глубокое разочарование. Я должен был стать для завода рыцарем в сияющих доспехах, а оказался изменником. Сам же я испытывал целую гамму чувств — от гнева до неуверенности в себе и унижения. Может, Восточная Европа мне не по зубам?

Я покидал Польшу, зная одно: иметь дело со сферой консультационных услуг я больше не желал.

Я много думал об «Автосане» в последующие месяцы и спрашивал себя, мог ли я сделать что-то иначе. О том, чтобы связаться с ними напрямую, в те времена не могло быть и речи, но некоторое время спустя мне удалось узнать, что правительство полностью проигнорировало рекомендации «Би-Си-Джи» и продолжило финансировать «Автосан». Консультанты обычно

рассчитывают, что клиент будет следовать их советам, но в данном случае я был счастлив, что этого не произошло.

Единственной ниточкой, связывавшей меня с Польшей, были мои небольшие инвестиции, которые я регулярно проверял. После моего отъезда они уверенно росли. С каждым новым повышением их стоимости я все больше убеждался, что нашел свое призвание.

Я хотел стать инвестором и принимать участие в процессе приватизации Восточной Европы.

Как оказалось, это было самым верным решением. В течение следующего года мои вложения дважды удвоились, а в итоге за все время начальная сумма выросла почти в десять раз. Это как курение крэка — такой стремительный десятикратный рост дает фантастические ощущения: попробовав раз, хочется испытать это снова и снова.

5. «Неоплаченный чех»

Теперь я уж точно знал, чем хочу заняться в жизни. Вот только применить себя было практически негде. Несмотря на то, что «железный занавес» пал, в Восточную Европу деньги никто не вкладывал. Я был уверен, что в конце концов ситуация изменится. Пока же лучшим вариантом для меня была работа в «Би-Си-Джи». Это если мне позволят остаться.

Вернувшись после провала из Санока, я сидел тише воды, ниже травы, надеясь, что Вольфганг не предложит руководству меня уволить. Но, похоже, ему было не до того или он просто забыл про меня, так что никто пока не стучался в кабинет с уведомлением об увольнении на розовой бумаге. Я понял, что гроза миновала в конце января 1991 года, когда Джон Линдквист предложил мне вместе написать статью. Планируй они от меня избавиться, с какой стати ведущему партнеру фирмы предлагать мне работу над совместной статьей?

Джон задумал написать материал об инвестициях в Восточную Европу для специализированного журнала «Слияния и поглощения в Европе». Поискав информацию о журнале, я выяснил, что тираж у него символический, но меня это не смутило. Я был готов ухватиться за любую возможность зарекомендовать себя экспертом по инвестированию на этом рынке.

При подготовке статьи я перерыл всю доступную литературу, перечитал две сотни информационных материалов и выяснил, что за последнее десятилетие в странах бывшего социалистического блока было заключено не больше двадцати сделок. Самым активным инвестором, подписавшим три таких сделки, был Роберт Максвелл, предприимчивый британский миллиардер родом из Чехословакии, человек внушительного телосложения и весом под сто шестьдесят килограммов.

Я решил, что если мне удастся взять интервью у представителя фирмы Максвелла, то это произведет впечатление на Джона. Позвонил в их пресс-службу и сказал, что работаю над статьей. Видимо, они понятия не имели о тираже «Слияний и поглощений в Европе», потому что, к моему удивлению, предложили встретиться с заместителем председателя правления «Максвелл комьюникейшн корпорейшн» Жаном-Пьером Ансельмини.

На следующей неделе в назначенное время я стоял на пороге Максвелл-хауса — современного здания на улице Нью-Феттерлейн, между Флит-стрит и Холборн-серкус. Господин

Ансельмини, учтивый француз, которому было лет за пятьдесят, встретил меня и пригласил в свой роскошный кабинет.

Поддерживая светскую беседу, я аккуратно разложил между нами свои бумаги, но не успел задать первый вопрос, как Ансельмини, указав на один документ, спросил:

— Что это у вас?

— Список сделок по Восточной Европе, — ответил я, довольный, что пришел подготовленным.

— Позволите взглянуть?

— Конечно. — Я протянул ему лист с таблицей.

Он взглянул на данные и напрягся.

— Господин Браудер, разве журналисты составляют списки слияний и поглощений?

То, что я был слишком хорошо подготовлен для журналиста, мне в голову не приходило.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о своем журнале.

— Вообще-то я не сотрудник журнала. Я работаю в Бостонской консалтинговой группе и одновременно пишу эту статью, потому что интересуюсь инвестициями в Восточной Европе.

Он откинулся назад и задумчиво посмотрел на меня.

— И чем же вас так привлекает Восточная Европа?

Я рассказал ему, с каким энтузиазмом вложил средства в первые польские акции, об «Автосане», о карьерных устремлениях стать инвестором в Восточной Европе.

Когда стало ясно, что я пришел не шпионить, Ансельмини расслабился.

— Знаете, ваш приход может оказаться большой удачей. Мы как раз создаем инвестиционный фонд «Центрально-восточноевропейская компания Максвелла». Надо отметить, что вы произвели на меня впечатление. Как раз такому специалисту, как вы, мы были бы рады предложить работу. Заинтересует вас такое предложение?

Ну, еще бы. Я пытался скрыть свой пыл, но тщетно: к концу встречи в моем календаре уже стояла дата предстоящего собеседования.

Готовясь к нему, я провел две недели, разыскивая людей с опытом работы на Роберта Максвелла. Он владел газетой «Дейли Миррор» и считался личностью не только эксцентричной, но властной и вспыльчивой. Говорили, что с ним невозможно иметь дело, так что у меня были поводы для сомнений.

Мне удалось выйти на бывшего консультанта «Би-Си-Джи» Сильвию Грин, которая когда-то у него работала. Я позвонил Сильвии и спросил ее мнение. Помолчав, она ответила:

— Знаешь, Билл, уж прости за прямоту, но идти на работу к Максвеллу — полное сумасшествие.

— А что так?

— Да он чудовище! Увольняет всех направо и налево, — резко заявила она, и мне подумалось, что она, видимо, тоже в свое время оказалась в числе этих самых «всех».

— Звучит не очень утешительно.

— Ага.

Она еще немного помолчала и добавила:

— О нем ходит множество историй, но одну никак не перестанут обсуждать. Где-то полгода назад он на своем самолете летел в Тампу, во Флориде. Самолет готовился ко взлету, и Максвелл попросил секретаршу дать ему ручку — подписать какие-то бумаги. Вместо любимого «Монблана» она дала ему обычную шариковую ручку. Он пришел в ярость, заорал, почему, мол, у этой дуры нет нужной ручки. Она не нашлась с ответом, и он уволил ее в ту же секунду. Ее просто высадили с самолета на взлетную полосу. Бедняжке пришлось самостоятельно пилить в Лондон. А ей ведь было двадцать шесть лет, и пробилась она в жизни из Эссекса.

Я связался еще с тремя бывшими сотрудниками Максвелла, и все наперебой рассказывали истории одну скандальнее и красочнее другой. Исход у всех одинаков: увольнение. Один приятель-банкир из «Голдман Сакс» сказал мне: «Билл, вероятность того, что ты продержишься там год, равна нулю».

Перед собеседованием я тщательно обдумал услышанное, но все эти истории меня не отпугнули. Ну, уволят меня, и что? С дипломом бизнес-школы Стэнфордского университета и «Би-Си-Джи» в послужном списке я запросто найду себе другую работу.

Я прошел одно собеседование, потом еще два. Через несколько дней мне предложили место. Несмотря на все предостережения, я согласился.

В марте 1991 года я перешел на новую работу. Зарплата тут была повыше, и я смог снять отдельное жилье — небольшой уютный домик в районе Хэмпстед на севере Лондона. По утрам, выйдя из дома, я спускался по узкой дорожке к метро, доезжал по Северной ветке до остановки Чансери-Лейн и уже оттуда добирался до Максвелл-хауса.

Роберт Максвелл приобрел это здание отчасти потому, что на его крышу мог садиться вертолет, а в Лондоне было всего два таких здания. Это позволяло Максвеллу добираться из дома в Хедингтон-Хилл-Холле в Оксфорде на работу и обратно, минуя пробки на дорогах.

Такой оригинальный способ появления на работе казался мне

очень крутым, пока я не очутился поблизости в первый раз. Теплым весенним днем через распахнутые окна я услышал бодрое стаккато приближающегося вертолета. Звук становился все громче и громче. К тому времени, как вертолет оказался прямо над нашими головами, по всему офису уже летали бумаги, а телефонные разговоры прекратились из-за шума. Работа возобновилась только после того, как вертолет благополучно сел и заглушил двигатель. Эта феерия длилась четыре минуты.

В первый день работы мне сказали взять копию трудового договора у секретарши Максвелла. Я поднялся на десятый этаж и ждал в приемной, листая годовой отчет компании, пока та освободится и выдаст мне нужный документ, когда на пороге кабинета внезапно возник сам Максвелл. Лицо его было красным, а на рубашке проступили темные следы от пота под мышками.

— Почему ты до сих пор не соединила меня с сэром Джоном Морганом? — заорал он на свою помощницу, невозмутимую блондинку в темной юбке. Ее эта вспышка не удивила и не оскорбила.

— Вы не сказали мне, что хотите поговорить с ним, сэр, — спокойно ответила она, глядя поверх очков.

— Послушай, девочка, — рявкнул Максвелл, — нет у меня времени всё тебе говорить. Если не научишься проявлять инициативу, мы с тобой не сработаемся.

Я слился со стулом, на котором сидел. Максвелл исчез у себя в кабинете так же внезапно, как появился. Закончив свои дела, секретарша вручила мне конверт и многозначительно на меня посмотрела. Я взял документ и вернулся на восьмой этаж.

Позже я упомянул об этом случае одной из сотрудниц.

— Это еще цветочки, — фыркнула та. — Пару недель назад он так разнес кого-то в своей венгерской газете, что у бедняги случился сердечный приступ.

Я вернулся на свое место. Контракт в руке словно потяжелел. Вечером того же дня, как только послышалось «врум-врум» лопастей вертолета, забиравшего начальника домой, офис разразился ликованием. Все это будто подтверждало реноме босса в глазах сотрудников. Я начал задумываться: не совершил ли большую ошибку, устроившись сюда на работу?

В понедельник второй недели моей работы в фирме Максвелла я зашел в кабинет и увидел за свободным столом нового сотрудника — светловолосого англичанина на несколько лет старше меня. Увидев меня, он встал из-за стола и протянул руку:

— Привет, я Джордж. Джордж Айрленд. Будем работать вместе.

У него был такой ярко выраженный аристократический английский акцент, что поначалу я подумал, что он фальшивый. Джордж носил темный костюм-тройку, на его столе лежал свежий выпуск газеты «Дейли Телеграф», а к шкафу был прислонен туго свернутый черный зонтик. Он показался мне забавной карикатурой на настоящего английского джентльмена. Впоследствии я узнал, что раньше Джордж работал личным секретарем у Максвелла, но, в отличие от остальных, ушел сам, не дожидаясь увольнения. Он был другом детства и соседом по комнате в Оксфордском университете сына Максвелла, Кевина, так что ему подыскали другое место. Как бы ни унижал Максвелл подчиненных, он на удивление высоко ценил семейные узы, которые в какой-то степени распространялись и на Джорджа.

Появление Джорджа не могло не вызвать у меня подозрений. Не будет ли он докладывать боссу обо всем, что я говорю?

Представившись, мы расселись по местам. Через несколько минут он спросил:

— Билл, ты не видел, куда подевался Юджин?

Юджин Катц, один из финансовых подручных Максвелла, обычно сидел неподалеку.

— Не-а. Вроде Максвелл отправил его проводить экспертизу в какой-то американской компании, — сказал я небрежно.

— Экспертизу в компании? — Джордж хмыкнул. — Чушь! Юджин не смыслит в компаниях. С тем же успехом можно балерину отправить проводить такую… «экспертизу», — последнее слово он протянул для большего эффекта.

К вечеру Джордж не оставил ни единого шанса на то, что у меня сложится почтительное отношение к руководству организации. Он так тонко и остроумно подмечал нелепость и лицемерие, что я с трудом сдерживал смех, когда в разговоре упоминался очередной начальник фирмы Максвелла.

Так я убедился в том, что Джордж не шпионит за мной.

По комментариям Джорджа выходило, что Максвелл управлял своей крупной международной корпорацией, как будто это уличная лавка. На всех уровнях ощущались кумовство, беспорядок и скверный подход к принятию решений. И все же я чувствовал, что заполучил лучшую работу в мире. Я достиг своей цели и занялся инвестициями в Восточной Европе. Максвелл был единственным инвестором в этом регионе, и если кто-то в Восточной Европе хотел привлечь инвестиции, то приходилось обращаться к нам. В мои задачи входил анализ всех сделок, так что в свои двадцать семь лет я по сути контролировал каждую финансовую операцию в этой части света.

К осени 1991 года я рассмотрел более трехсот сделок,

побывал почти во всех странах бывшего социалистического лагеря и предложил фонду три крупных капиталовложения. Я был точно на своем месте.

Но вот как-то раз, пятого ноября, вернувшись с обеда и включив компьютер, я обратил внимание на красный заголовок новостей агентства «Рейтер»: «Максвелл без вести пропал в открытом море». Я хмыкнул — Джордж был известным любителем розыгрышей, и я подумал, что это его рук дело — и крутанулся на стуле.

— Эй, Джордж, как ты это сделал?

— Ты о чем? — откликнулся он, не отрывая взгляда от работы.

— Об этом заголовке «Рейтер». Выглядит очень убедительно.

— А что там у них? — Он подкатил стул, и мы вместе уставились на экран. — Э-э… — только и смог проговорить он.

И тут я понял, что это не розыгрыш.

Внутренние стены нашего кабинета были прозрачными, и я увидел, как по направлению к лифту несется белый как полотно Юджин. Туда же заспешили несколько управляющих, и на их лицах также читалась паника. Максвелл действительно без вести пропал в море. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Каким бы деспотом он ни был, но это единоличный глава корпорации, и вот его не стало.

Никто в офисе не знал подробностей случившегося, так что нам с Джорджем оставалось только прильнуть к экранам и следить за новостями (до эпохи интернета экстренные сообщения передавало только информационное агентство «Рейтер»). За шесть следующих часов нам удалось выяснить, что испанский поисково-спасательный вертолет нашел массивное тело Максвелла в Атлантическом океане у Канарских островов. Покойному было шестьдесят восемь лет. По сей день никто не знает, что это было: несчастный случай, убийство или самоубийство.

На следующий день после смерти Максвелла цены на акции «Максвелл комьюникейшн корпорейшн» стремительно пошли вниз. Этого следовало ожидать. Однако ситуация усугублялась тем, что Максвелл использовал акции своих компаний в качестве залога под кредиты, которые в свою очередь шли на поддержание цены на акции «Максвелл комьюникейшн корпорейшн». Банки потребовали досрочного возврата кредитов, и никто не знал, какие долговые обязательства удастся погасить, а какие нет. Самым наглядным проявлением туманного будущего были бесконечные процессии нервных, хорошо одетых банкиров, ожидающих встречи с Юджином в надежде добиться погашения

займов.

Смерть Максвелла потрясла всех, но в тот момент нас беспокоило и собственное будущее. Удастся ли сохранить работу? Сможет ли компания продолжить свою деятельность? Получим ли мы премиальные в конце года?

Недели через полторы после смерти Максвелла мой начальник вызвал меня в свой кабинет и сказал:

— Билл, в этом году мы планируем выплатить премиальные немного раньше обычного. Ты хорошо потрудился, и мы решили выплатить тебе пятьдесят тысяч фунтов.

Я был поражен. Я в жизни не видел таких денег, эта сумма была вдвое больше той, на которую я рассчитывал.

— О, спасибо, большое спасибо.

— А теперь слушай меня внимательно, — сказал он, вручая чек, выписанный от руки, а не напечатанный в отделе по расчету заработной платы, как это обычно бывало. — Иди в банк и попроси, чтобы они сразу же зачислили тебе на счет указанную в чеке сумму. Потом вернешься сюда и расскажешь мне, как все прошло.

Я быстро дошел до ближайшего отделения банка «Барклайс» и с волнением вручил чек кассиру-операционисту. Я попросил его срочно перевести средства на мой счет.

Кассир предложил мне подождать и исчез, а я устроился на старом коричневом диванчике и листал брошюру банка, беспокойно постукивая носком ботинка об пол. Минут через пять я взял следующую брошюру, но никак не мог сосредоточиться. Я уже мечтал о поездке в Таиланд на рождественские праздники, когда все поутихнет. Прошло полчаса. «Что-то не так… Почему так долго?» — спрашивал я себя. Наконец через час кассир вернулся в сопровождении лысеющего мужчины средних лет в коричневом костюме.

— Господин Браудер, я менеджер банка, — сказал он, шаркнув ногой и опустив взгляд на свои ботинки, прежде чем внимательно оглядеть меня. — К сожалению, на банковском счету этой компании недостаточно средств, чтобы заплатить вам по чеку.

Это было невероятно. Многомиллиардная компания не может выплатить по чеку каких-то пятьдесят тысяч фунтов? Ничего себе новости. Схватив неоплаченный чек, я почти бегом вернулся в офис и пошел сообщить об этом начальнику. Его премиальные должны были быть на порядок больше моих. Сказать, что он расстроился, значит не сказать ничего.

После работы, удрученный, я шел домой. Несмотря на все волнения дня, в тот вечер наступила моя очередь принимать

друзей — мы раз в неделю играли в покер. Я был так издерган, что предпочел бы обойтись без гостей, но большинство приглашенных уже были в пути, а мобильных телефонов тогда ни у кого из нас не было, так что я не успевал отменить встречу.

Я добрался до дома. Постепенно ко мне съехались и остальные — в основном банкиры и консультанты, и с ними мой новый знакомый, репортер «Уолл-стрит Джорнал». Взяв по банке пива, мы начали игру. После нескольких партий мой приятель Дэн, австралиец из «Меррилл Линч», уже проиграл пятьсот фунтов, что в нашей игре считалось весьма крупным проигрышем. Ему намекали, что лучше бы прекратить игру и ехать домой, но тот храбрился и самоуверенно заявлял:

— Всё путём, ребята, я еще отыграюсь. Да и вообще, премия по итогам года не за горами. Подумаешь, каких-то пять сотен потерял…

Пиво, хвастливые разговоры, слова Дэна о скорой получке сделали свое дело: я больше не мог держать язык за зубами. Оглядев присутствующих, я заговорщически произнес:

— Ребята, у меня тут такое произошло сегодня — ни за что не поверите! Но это строго между нами, ясно? Никому ни слова!

Сидевшие за столом дружно закивали, и я, не жалея красок, рассказал им о событии дня. Это повергло моих приятелей-банкиров в шок. Единственное, что по-настоящему заботит инвестиционных банкиров, — это размер премиальных. Получить чек, который невозможно обналичить, — это худшее, что они могут себе представить.

Гости разошлись за полночь. Дэну так и не удалось отыграться, а я, несмотря на то, что проиграл двести пятьдесят фунтов, все равно был доволен — рассказал в этот вечер самую интересную историю.

На следующий день я отправился на работу как ни в чем не бывало, но когда вошел в кабинет, вдруг заметил за прозрачной перегородкой, что в приемной собирается странная группа людей. Они здесь были явно не к месту. Джордж развернул свой стул, и мы вдвоем наблюдали за ними.

В отличие от процессии банкиров в элегантных костюмах, эти люди были одеты в мешковатые куртки и дождевики и явно испытывали дискомфорт. Быстро сгруппировавшись, они начали растекаться по кабинетам. Один вошел к нам в комнату — парень лет двадцати пяти, не старше.

— Господа, доброе утро, — произнес он, с сильно выраженным просторечным лондонским акцентом кокни. — Вы, вероятно, еще не знаете, зачем мы здесь. Я констебль Джонс, а всё это, — он театрально взмахнул рукой, — место преступления.

Дальше он записал наши имена и стал обматывать желтой лентой полицейского ограждения столы, компьютеры и портфели. Мы молча наблюдали, пока он не попросил нас покинуть помещение.

— А когда мы сможем вернуться? — напряженно спросил я.

— Боюсь, мне это неизвестно, сэр. Могу только сказать, что сейчас вам следует уйти.

— Могу я забрать свой портфель?

— Нет. Это предмет расследования.

Мы с Джорджем переглянулись, схватили пальто и быстро вышли из здания. На пороге всех выходивших поджидала толпа репортеров.

— Вы принимали участие в афере? — выкрикнул один, чуть не заехав мне в нос микрофоном.

— Где деньги пенсионеров? — требовательно спрашивал другой, с камерой на плече.

— Что вы делали для Максвелла? — вопил третий.

Мы с трудом протиснулись сквозь толпу. Несколько репортеров увязались было за нами, но через полквартала сдались и повернули обратно. Мы не знали, что делать дальше, поэтому поспешили в сторону квартала Линкольнс-Инн-Филдс и нырнули в музей сэра Джона Соана. Едва очутившись в безопасности, Джордж захохотал. Ему все произошедшее казалось грандиозной шуткой, для меня же это было ударом. Какой же я глупец, что не прислушался в свое время к тому, что говорили о Максвелле!

Вернувшись домой, я включил новости. По всем каналам смаковали новость о недостаче в четыреста шестьдесят миллионов фунтов, обнаруженной в пенсионном фонде «Максвелл комьюникейшн корпорейшн». Максвелл опустошал пенсионный фонд в попытке искусственно поддержать падавший курс акций компании, и вот теперь тридцать две тысячи пенсионеров лишились всех своих сбережений. По каналу Би-би-си показали утреннюю толпу у входа в здание компании, даже я мелькнул в кадре, протискиваясь в толпе. Вечером того же дня по Би-би-си сообщили, что дело Максвелла — самое крупное корпоративное мошенничество в истории страны.

Я старался сохранять спокойствие, размышляя над происходящим, но мысли прервал телефонный звонок. Это был мой новый знакомый из «Уолл-стрит Джорнал», с которым мы вчера играли в покер. Он как раз писал о мошенничестве Максвелла и очень хотел включить в материал мою историю с неоплаченным чеком. Я испугался, что коллеги придут в бешенство, узнав, что я болтаю с прессой, но тот все же уговорил

меня, заверив, что в статье даже намека на меня не будет. Я с неохотой согласился, но, повесив трубку, вновь похолодел от страха, укоряя себя за мягкотелость.

В понедельник, покинув свой безмятежный домик и проходя мимо газетного киоска у станции метро «Хэмпстед», я купил свежий номер «Уолл-стрит Джорнал», где и нашел статью. Автор, едко назвавший материал про Максвелла «Неоплаченный чех»[5], ближе к концу писал: «Один из старших сотрудников компании Максвелла рассказал, что выданный ему чек с жалованием не был принят банком в четверг на прошлой неделе. На следующий же день в офис с обысками нагрянули следователи из Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах».

В метро я перечитал статью. Фамилия Браудер в ней не фигурировала, но всем моим коллегам было очевидно, что речь идет обо мне. Я чувствовал, что на сей раз мне не отмазаться от такого грандиозного провала, и винил себя за то, что не смог держать язык за зубами.

Добравшись до офиса и вновь проложив себе путь через толпу журналистов у входа, я поднялся на восьмой этаж. Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, я прямиком направился на рабочее место. Через пару минут появился ни о чем не подозревающий Джордж. Я уже собрался рассказать ему о непростительной глупости, как вдруг заметил, что в приемной вновь собирается группа незнакомцев. Оказалось, что теперь это временные управляющие. Один, заглянув к нам в кабинет, произнес: «Идите в конференц-зал. Там будет сделано важное объявление».

Следуя его указанию, мы с Джорджем отправились в зал, где нашли два свободных места рядом. Примерно через полчаса появился мужчина средних лет с большим блокнотом в руках. Рукава его рубашки были закатаны, галстука не было, а волосы всклокочены, как будто он от волнения постоянно ерошил голову руками. Он вышел на сцену и начал зачитывать заранее подготовленное сообщение.

— Всех приветствую. Я Дэвид Солент из аудиторской компании «Артур Андерсен». Вчера «Максвелл комьюникейшн корпорейшн» и все ее подразделения были переданы под внешнее управление. Временным управляющим в целях ликвидации компании суд назначил компанию «Артур Андерсен». Согласно стандартной процедуре, нашим первым шагом является сокращение штата.

Затем он начал зачитывать в алфавитном порядке фамилии всех людей, подлежащих увольнению. Секретари плакали, один сотрудник встал и, выкрикивая ругательства, попытался пробраться к сцене, но двое охранников вывели его из зала. Под

сокращение попали и Джордж, и сын Максвелла Кевин, и почти все, с кем я был знаком в компании.

Меня самого в списке почему-то не было. Из всех предупреждений, которых я наслушался, идя сюда на работу, самым категоричным было то, что меня непременно уволят. Но именно этого и не произошло. Как я вскоре выяснил, распорядители оставили меня, поскольку понятия не имели, что делать с инвестициями в Восточной Европе. Им нужен был специалист, который поможет с этим разобраться.

Фортуна подкинула шанс, и я ухватился за него в надежде, что так мне будет легче найти другую работу, когда все утрясется. Как же я заблуждался! Неожиданно для себя я вдруг перестал считаться перспективным выпускником элитарного университета. Одна строчка о работе у Максвелла в моем послужном списке сделала меня «прокаженным». В этом я убедился очень скоро. Никто в Лондоне не хотел иметь со мной дел.

6. Мурманский траловый флот

Из всех работодателей только одна компания — «Саломон Бразерс» — предложила мне место. И вот почему.

Когда в 1991 году в Великобритании разразился скандал вокруг компании Максвелла, то же самое произошло в США с «Саломон Бразерс». Осенью предыдущего года Комиссия по ценным бумагам и биржам США обнаружила, что несколько биржевых маклеров этой компании пытались манипулировать рынком казначейских облигаций США. Оставалось неизвестным, насколько крепко возьмется за них Комиссия и удастся ли компании после этого уцелеть. Годом ранее аналогичный инцидент произошел с другой фирмой — «Дрексель Барнем Ламберт», в результате чего она обанкротилась, а люди остались без работы. Теперь многие опытные сотрудники, опасаясь той же участи, поспешили заранее оставить «Саломон Бразерс» и перешли в другие компании. В итоге компания «Саломон Бразерс» испытывала острую нехватку кадров; мне же нужна была работа. При иных обстоятельствах они, вероятно, отказали бы мне, но сейчас находились в таком же отчаянном положении. После нескольких напряженных собеседований мне предложили должность младшего сотрудника их лондонской группы, осуществлявшей инвестиционно-банковскую деятельность в восточноевропейском регионе. Это было не совсем то, чего мне хотелось. Вместо воплощения своей мечты — быть инвестором (который сам решает, какие акции приобретать), мне пришлось стать инвестиционным банкиром (который организовывает продажу акций). К тому же, новая должность звучала менее солидно, чем предыдущая в фирме Максвелла. Мне также пришлось согласиться на заметное понижение зарплаты. Впрочем, в моей ситуации дареному коню в зубы не смотрят, и я с благодарностью принял предложение, решив целиком погрузиться в работу и вернуть карьеру в прежнее русло.

К сожалению, компания «Саломон Бразерс», известная на Уолл-стрит своими волчьими законами, наименее подходила для этого. Если вам доводилось читать «Покер лжецов»[6], то вы легко представите царившую здесь атмосферу жестокого соперничества. Как же я волновался в первый день новой работы!

В конторе «Саломон» на улице Бэкингем-Палас рядом со станцией метро «Виктория» я появился в июне 1992 года. Стоял необычно теплый солнечный день. Я миновал массивные кованые ворота и поднялся на эскалаторе в большую приемную. Меня встретил элегантно одетый вице-президент, старше меня всего на

несколько лет. Он был немногословен и, похоже, не очень-то доволен тем, что ему поручили меня встречать. Мы пересекли атриум и через стеклянные двери вошли в инвестиционный банк. Он провел меня до моего места и, указав на коробку визиток на столе, проворчал:

— Послушай, правила у нас тут простые: за двенадцать месяцев ты должен принести компании прибыль, в пять раз превышающую твою зарплату, и тогда все будет в порядке. Иначе — ты уволен. Понятно?

Я кивнул, и он вышел. Вот и всё: ни курса подготовки, ни наставников, ни инструктажа. Справляйся сам, или будешь уволен.

Я устроился на новом месте в общем «загоне» для младших сотрудников — открытое пространство без перегородок, где сидели такие же, как я, — и размышлял о том, что делать дальше. Пролистывая правила внутреннего трудового распорядка «Саломон Бразерс», я услышал, как девушка-секретарь громко говорит по телефону об авиарейсах в Венгрию. Как только она освободилась, я подошел с вопросом:

— Простите за беспокойство, я новый сотрудник. Я случайно услышал, что вы упомянули Венгрию. Не подскажете, какие там у компании дела?

— Да ничего страшного, мы тут все друг друга слушаем, — ободряюще ответила она. — Я бронировала билеты для команды по приватизации авиакомпании «Малев». Они летят в Будапешт на следующей неделе.

— А кто работает над этим проектом?

— А вон они. — Она указала в сторону группы сотрудников, обсуждавших что-то в «террариуме» для переговоров рядом с нашим «загоном». Я пробыл здесь всего несколько часов, но уже понял: чтобы добиться успеха, надо брать инициативу на себя. Поблагодарив секретаря, я уверенным шагом направился в комнату для переговоров. Стоило мне открыть дверь, как обсуждение в команде «Малев» прекратилось, и на меня уставились шесть пар глаз.

— Привет, я Билл Браудер, — сказал я, стараясь скрыть неловкость. — Я только что присоединился к восточноевропейской команде. И подумал, может, вам нужна какая-нибудь помощь в организации сделки?

Напряженную тишину прервали сдавленные смешки двух младших участников команды.

— Спасибо, что заглянул, Билл, — вежливо отозвался их руководитель, — но, боюсь, наша группа уже полностью укомплектована.

Я не позволил этой неловкой ситуации повлиять на мой настрой. Я смотрел в оба, наводил справки и через несколько дней обнаружил другую сделку. Группа, занимавшаяся организацией приватизации польской телекоммуникационной компании, собралась обсудить следующий этап своего проекта. Я знал, что их гонорар покрупнее, чем у команды «Малев», поэтому предположил, что они не будут особо противиться помощи еще одного участника.

Но руководитель этой группы оказался менее вежливым, чем предыдущий. Не успел я заглянуть в комнату, где проходила встреча, как он резко оборвал меня.

— Тебя сюда звали? Кто тебе сказал, что сюда можно прийти? — обрушился он на меня. — Ты нам не нужен — ни по этой сделке, ни по всем другим в Польше.

Никто не хотел делиться прибылью. Каждый оберегал свою делянку в Восточной Европе, прилагая все силы к той же заветной цели — сгенерированный доход в пять раз больше зарплаты. Несколько недель я ломал голову над тем, как же выжить в «Саломоне». Наконец, я обратил внимание на кое-что интересное: никто не занимался сделками в России. Выходит, никто не будет со мной сражаться за этот регион. Я решил пойти навстречу удаче: объявил себя инвестиционным банкиром, ответственным за Россию, и, затаив дыхание, ждал возможных возражений. Никто не возражал.

С того дня мы с Россией стали неразлучны.

Однако неспроста никто не интересовался Россией. Этому существовало свое объяснение: там просто не было оплачиваемой инвестиционно-банковской работы. В политическом плане Россия, может, и стала свободной, но оставалась «советской» во всех других отношениях, в том числе и по части привлечения инвестиционных консультантов. Упрямо пренебрегая этим обстоятельством, я принялся искать любую возможность организовать сделку: как заведенный, ходил на конференции, встречи, обеды и приемы по всему городу в надежде, что в руки «упадет» какая-нибудь сделка.

Прошло три месяца, но я не смог заработать «Саломону» ни пенни. Перспективы мои выглядели нерадужно. Но тут юрист, с которым я познакомился на одном мероприятии, сообщил мне о потенциальном проекте: мурманский траловый флот, занимавшийся рыболовецким промыслом в трехсоткилометровой зоне за полярным кругом, проходил приватизацию и искал инвестиционного консультанта. Я ничего не знал о рыбной ловле, зато научился составлять превосходные предложения в «Би-Си-Джи», поэтому с энтузиазмом принялся за дело.

Я перекопал базу данных «Саломона» по сделкам, разыскивая хоть крохотный намек на траулеры или рыбный промысел. На удивление, мне удалось обнаружить, что за пятнадцать лет до этого токийское отделение компании занималось несколькими операциями, связанными с японским рыболовным флотом. Дело было давнее и касалось погашения долговых обязательств, а не приватизации, но, в конечном итоге, какая разница? Я вписал в предложение опыт японцев, еще раз вдоль и поперек его отредактировал и отослал в Мурманск.

Спустя несколько недель на столе зазвонил телефон. По поручению президента компании «Мурманский траловый флот» звонила некая Ирина.

— Господин Браудер, — произнесла она на английском с сильным акцентом, — мы рады сообщить вам, что приняли ваше предложение.

«А были ли у вас другие кандидаты?» — мелькнуло у меня в голове.

— Когда вы сможете приехать в Мурманск и приступить к работе? — немного смущаясь, спросила она. По тону голоса казалось, что она впервые разговаривает с западным инвестиционным банкиром.

Я испытывал чувство гордости. Наконец-то. Мое первое настоящее дело! Но в тендере не фигурировала сумма. Я ни на шаг не приблизился к финансовой цели, чтобы принесенный фирме доход впятеро превысил мою зарплату, поэтому очень надеялся на приличное вознаграждение.

— Я признателен вам за то, что вы выбрали нашу фирму. Это большая честь для нас, — ответил я нарочито официальным тоном, стараясь казаться старше и авторитетнее. — Могу я узнать, какой бюджет предусмотрен на эту работу?

Я услышал несколько приглушенных фраз по-русски на том конце провода, после чего Ирина снова обратилась ко мне:

— Господин Браудер, наш бюджет составляет пятьдесят тысяч долларов США за два месяца работы. Это вас устроит?

Я приуныл. Невозможно передать, насколько эта сумма мизерна для инвестиционного банкира. Топ-модель восьмидесятых-девяностых годов Линда Евангелиста однажды заявила: «Я даже ног не опущу с кровати меньше, чем за десять тысяч долларов». Инвестиционный банкир назвал бы сумму ближе к миллиону. Пока ничего не заработав для компании, я все же решил, что пятьдесят тысяч лучше, чем ноль, и согласился.

Неделю спустя я был на пути в Мурманск. Первый этап поездки — перелет из Лондона в Санкт-Петербург рейсом «Британских авиалиний» в 9:30 утра. Он занял четыре с

половиной часа. Учитывая трехчасовую разницу, я прибыл в аэропорт Пулково ближе к вечеру. Сквозь иллюминатор я наблюдал, как самолет подъезжает к терминалу, и тут с изумлением увидел немного поодаль обгоревший каркас пассажирского самолета «Аэрофлота». Не знаю, как он там оказался, но, похоже, администрация аэропорта не спешила его убирать.

Да уж, добро пожаловать в Россию…

Региональные рейсы «Аэрофлота» чаще всего вылетали ночью, так что мне пришлось провести в аэропорту еще десять часов, до 3:30 утра, ожидая самолет на Мурманск. Ждать так долго утомляет в любом аэропорту, но те десять часов в Пулково были особенно мучительными. Без кондиционеров в закрытом помещении было жарко и душно. Воздух был пропитан потом и дымом сигарет. Я попытался найти себе место подальше от людей и дыма, но стоило мне устроиться в свободном ряду, как на соседнее сиденье плюхнулся весьма крупный незнакомец. Не сказав ни слова, он бесцеремонно столкнул мою руку с подлокотника между нашими сиденьями и сразу же закурил, пуская кольца дыма в мою сторону. Я поднялся и вновь пересел.

Наконец, в начале четвертого утра я поднялся на борт старого самолета Ту-134. Кресла давно протерлись и просели. В салоне пахло табаком и ветхостью. Я сел у окна, но верхняя часть моего сидения оказалась незафиксированной, и когда я пытался прислониться к спинке, она падала на сидящего сзади пассажира. Пришлось весь полет держать спину.

Дверь салона закрылась, и самолет вырулил на взлетную полосу, при этом никто из персонала и не думал демонстрировать правила безопасности. Полет был коротким, но в пути нас основательно потрясло. На подлете к Мурманску пилот объявил что-то по-русски. Пассажир, говоривший по-английски, объяснил мне, что из-за каких-то неполадок в городском аэропорту самолет сядет на небольшом военном аэродроме в полутора часах езды от Мурманска.

Когда самолет зашел на посадку, я вздохнул с облегчением, но расслабляться было рано: посадочная полоса была такой неровной, а приземление таким жестким, что, казалось, у самолета вот-вот отвалится шасси.

Покинув это чудо техники в половине шестого утра, я почувствовал себя совершенно изможденным. Скупое северное солнце висело низко над горизонтом. На военном аэродроме не было терминала: только небольшое, похожее на склад здание и стоянка. К счастью, руководитель тралового флота Юрий Прутков лично приехал меня встретить. Ирина, неулыбчивая сильно

накрашенная длинноногая блондинка, стояла рядом. Прутков казался вылитой копией директора «Автосана» — лет под шестьдесят, широкоплечий, руку пожимал словно тисками. Мы с ним разместились на заднем сиденье служебного автомобиля, а Ирина села впереди и повернулась к нам полубоком, чтобы переводить. Водитель вез нас по пустынной тундре, напомнившей мне лунную поверхность. Через полтора часа мы прибыли в Мурманск.

Меня высадили у «Арктики», лучшей гостиницы города. Я зарегистрировался и пошел в номер. В ванной комнате стоял устойчивый запах мочи, сидения на унитазе не было, а от керамической раковины было отколото несколько кусков. Через разбитое окно могли свободно летать комары циклопического размера. На окне не было штор, чтобы затемнить едва всходившее солнце. Комковатый продавленный матрас, похоже, не меняли четверть века. Я даже не стал распаковывать вещи, думая только о том, как бы мне поскорее отсюда выбраться.

Прутков вернулся через несколько часов и повез меня в доки, на обзорную экскурсию по флоту. Мы поднялись на один траулер по ржавому трапу. Это был огромный завод длиной свыше ста метров, способный выходить в океан и вместить тысячи тонн рыбы и льда. Команда траулера насчитывала более ста человек. Когда мы спустились на нижнюю палубу, меня обдало отвратным запахом протухшей рыбы, которым здесь был пропитан весь воздух. Меня все время мутило, а Прутков продолжал говорить. Казалось, ему все нипочем. Мне стало жалко бедолаг, вынужденных по полгода без выходных работать на этих судах.

Минут двадцать мы ходили по кораблю, а затем направились в контору компании на улице Траловой, 12. Здание и внутренние помещения были такими же ветхими, как и суда, разве что рыбой здесь не несло. Тусклое зеленоватое освещение в коридоре, стены приемной, выглядевшие так, будто их не красили лет тридцать, производили гнетущее впечатление. Но стоило нам расположиться за чашкой горячего чая и приступить к обсуждению финансового положения компании, как мои ощущения стали меняться.

— Скажите, господин Прутков, сколько стоит такой корабль? — спросил я. Ирина переводила.

— Мы приобрели их новыми на верфи в Восточной Германии по цене двадцать миллионов долларов США, — ответил он.

— Сколько их у вас?

— Около сотни.

— И сколько им лет?

— В среднем семь.

Я быстро прикинул, что флот из сотни кораблей по двадцать миллионов стоит около двух миллиардов долларов; с учетом износа и амортизации его текущая рыночная стоимость — миллиард.

Я пришел в изумление. Нас наняли для того, чтобы помочь руководству компании решить, стоит ли им приобретать пятьдесят один процент флота за два с половиной миллиона долларов — такое право им дала приватизация. Всего за два с половиной миллиона! За половину пакета акций флота общей стоимостью свыше миллиарда! Это была такая легкая задача! Я не мог понять, зачем им понадобилось, чтобы за них ее решал кто-то другой. Я подумал, что и сам не против присоединиться к покупке этого контрольного пакета акций.

Ведя беседу с Прутковым, я ощущал прилив знакомого волнения — как тогда, в Польше, когда увидел «десятикратник» прибыли по акциям. «Такая высокая потенциальная доходность — это аномалия Мурманского тралового флота или это происходит по всей России? — задумался я. — Если такие вещи происходят везде, то как мне принять в этом участие?»

Изначально я планировал вернуться в Лондон уже на следующий день, но открытие так увлекло меня, что вместо этого я купил билет в один конец до Москвы. Я должен был выяснить, неужели акции других российских компаний такие же дешевые, как эти. А в Лондоне все равно никто не заметит моего отсутствия — многие даже не подозревали о моем существовании.

Прибыв в Москву и получив багаж, я первым делом купил в киоске аэропорта небольшой англоязычный телефонный справочник организаций. В Москве я был впервые, здесь у меня не было знакомых, и я ни слова не понимал по-русски. У выхода из аэропорта я поймал такси и объяснил, что мне нужно в гостиницу «Метрополь» недалеко от Красной площади (я был для водителя легкой добычей; позже я узнал, что он взял с меня вчетверо больше обычной стоимости такого проезда). Мы попали в пробку на широком, как футбольное поле, Ленинградском проспекте. Такси медленно ползло мимо сотен одинаковых советских зданий и рекламных щитов труднопроизносимых компаний.

Два часа спустя мы подъехали к «Метрополю» напротив Большого театра. Добравшись до своего номера, я позвонил лондонскому знакомому, который до этого работал в Москве. Тот порекомендовал мне водителя и переводчика — они брали за свои услуги по пятьдесят долларов в день. На следующее утро я открыл телефонный справочник и начал обзванивать всех, с кем можно обсудить российскую приватизационную программу. В

итоге мне удалось встретиться с сотрудниками посольства США, аудиторами компании «Эрнст энд Янг», младшим служащим Государственного комитета по управлению имуществом, коллегой-выпускником Стэнфорда, работавшим в компании «Американ экспресс», и т. д. За четыре дня я провел тридцать встреч и по разрозненным фрагментам составил представление о процессе приватизации в стране.

Я выяснил, что, переходя от коммунизма к капитализму, российское правительство решило раздать народу большую часть государственной собственности. Это происходило по-разному, но наиболее примечательной оказалась программа ваучерной приватизации. В рамках этой программы правительство выдало каждому гражданину страны (а это примерно сто пятьдесят миллионов человек) по одному приватизационному чеку. Эти чеки можно было обменять на акции в предприятиях, представлявших около тридцати процентов российской экономики.

Общая рыночная стоимость ста пятидесяти миллионов ваучеров по цене в двадцать долларов за штуку составляла три миллиарда долларов. Поскольку все чеки можно было обменять на тридцать процентов российской экономики, получалось, что всю экономику оценивали всего в десять миллиардов долларов. Это было в шесть раз меньше, чем стоимость одной американской торговой сети «Волмарт»!

Если посмотреть шире, то в России помимо прочего было сосредоточено 24 % мировых запасов природного газа, 9 % мировой нефти, страна производила 6,6 % мировой стали. Тем не менее, эти невероятные сокровища были выставлены на продажу всего за десять миллиардов долларов!

Удивительным было еще и то, что ваучеры мог без ограничений приобрести кто угодно: хоть я, хоть «Саломон», хоть любой другой желающий. Если мои польские инвестиции можно было считать прибыльными, то здесь происходило что-то просто запредельное.

Я вернулся в Лондон одержимым идеей инвестиций в Россию. Я хотел рассказать всем в «Саломоне», что в России практически бесплатно раздают деньги направо и налево. Сначала я пошел со своим открытием к одному сотруднику инвестиционно-банковского отдела по Восточной Европе. Но тот, вместо того, чтобы поздравить меня, лишь хмуро спросил, какие там предусмотрены комиссионные за банковские услуги. «Комиссионные? Это он серьезно? Да кому нужны комиссионные, когда речь в потенциале идет о стократном доходе?» — негодовал я.

Потом я зашел в отдел управления инвестициями, ожидая, что тут-то меня точно примут с энтузиазмом, ведь речь шла о самой фантастической инвестиционной возможности, которую только можно себе представить. Но на меня посмотрели так, будто я предлагал компании инвестиции на Марсе.

Затем я отправился к трейдерам из отдела развивающихся рынков, но и те вопросительно уставились на меня, и один спросил: «А каковы объемы продаж этих ваучеров и какая там разница между ценой покупки и продажи?» — «Чего-чего? Да при чем здесь это, один там процент или десять? Я же говорю о возможности получить десять тысяч процентов!»

Никто в «Саломоне» не был готов расстаться со стереотипами. Будь я поопытнее и проницательнее, мне бы, возможно, удалось преодолеть их близорукость, но не тогда. Политик из меня был никудышный. Я несколько недель долбил всех подряд своей идеей в надежде рано или поздно хоть до кого-нибудь достучаться.

Результат оказался прямо противоположным. Я нанес непоправимый урон своей репутации в «Саломон Бразерс» и стал предметом насмешек со стороны сотрудников. Никто не хотел иметь дело с «придурком, который все никак не заткнется про свою Россию». Даже те младшие сотрудники, с которыми я раньше общался, перестали приглашать меня на обед или в бар после работы.

Шел октябрь 1993 года. К тому времени я уже год проработал в «Саломон Бразерс», но заработал для компании только те мурманские пятьдесят тысяч долларов, а значит, меня могли уволить в любой момент. И вот однажды, пока я в очередной раз безысходно размышлял о надвигающемся увольнении, зазвонил телефон. Судя по номеру, звонили из Нью-Йорка. Номер — 2723 — мне был незнаком. Я снял трубку. Американец на другом конце провода говорил с заметным акцентом, растягивая слова, как судебный пристав из юго-восточного штата Джорджия.

— День добрый. Это Билл Браудер?

— Да. Кто говорит?

— Звать Бобби Людвиг. Слышал, у тебя там какая-то интересная история с Россией.

— Верно, так и есть. А вы работаете в нашей компании? — поинтересовался я. Я не слышал этого имени раньше и пытался сообразить, кто бы это мог быть.

— Ага, в нью-йоркском отделении. Было бы неплохо, если бы ты приехал и рассказал мне о своих задумках. Окажешь мне такую услугу?

— М-м, конечно. Давайте я посмотрю расписание встреч и

перезвоню вам.

— Идет.

Повесив трубку, я тут же связался со знакомым из отдела развивающихся рынков, который раньше работал в Нью-Йорке, и спросил, что за личность этот Людвиг.

— Бобби Людвиг? — переспросил он таким тоном, будто говорит со школьником, не знающим элементарных вещей. — Да это один из самых успешных сотрудников компании. Хотя немного чудной. Некоторые даже считают его чокнутым. Но он из года в год приносит большой доход компании, поэтому может заниматься всем, что придет ему в голову. А что?

— Да так, ничего. Спасибо.

Похоже, Бобби был именно тем человеком, который в силах помочь мне выбраться из трясины, и я тут же перезвонил ему.

— Здравствуйте, это опять Билл. Буду рад прилететь к вам в Нью-Йорк с презентацией о России.

— Как насчет пятницы?

— Договорились. До встречи в пятницу.

Я две ночи не спал, готовя презентацию про инвестиции в акции российских предприятий. В четверг вечером я вылетел шестичасовым рейсом в Нью-Йорк. Пока другие пассажиры смотрели кино, я продолжал работать над презентацией. Я не мог позволить себе провала.

В пятницу утром я явился в штаб-квартиру «Саломон Бразерс» в седьмом корпусе Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Башни-близнецы сверкали в лучах утреннего солнца. Меня направили на тридцать шестой этаж, там меня уже ждала секретарь Бобби. Она поприветствовала меня и, проведя карточкой по считывающему устройству, открыла дверь в операционный зал. Он был огромен: столы тянулись, насколько видел глаз. Я словно осязал его энергетику. Это была сердцевина неприкрытого, агрессивного капитализма.

Мы прошли по краю операционного зала, мимо десятка рядов рабочих столов и свернули в короткий коридор, ведущий в кабинет Бобби. Секретарь сообщила о моем приходе и ушла. Бобби сидел за столом и глядел на нью-йоркскую гавань за окном. Ему было около пятидесяти, но из-за косматых рыжих волос и длинных густых усов, обрамлявших рот, он выглядел гораздо старше своих лет. Если не считать множества небрежно сложенных стопками папок с документами, его кабинет можно было назвать спартанским: из мебели кроме рабочего места там стояли только два дополнительных стула и маленький круглый столик. Бобби предложил мне сесть, и я обратил внимание на его поношенные кожаные тапочки и красный галстук, усеянный

жирными пятнами. Позже я узнал, что это его счастливый галстук, и надевал он его чуть ли не ежедневно, с тех пор как заработал пятьдесят миллионов долларов на одной сделке. Бобби уселся за столом, а я достал презентацию и, положив перед ним второй экземпляр, начал выступление.

Обычно во время презентации аудитория так или иначе реагирует на услышанное, проявляет заинтересованность, любопытство или демонстрирует скуку. Но Бобби безучастно смотрел на таблицы и диаграммы, которые я по очереди перед ним разворачивал. Ни тебе «ага», ни кивка. Один лишь непроницаемый взгляд. Это меня тревожило. Примерно на середине презентации Бобби неожиданно встал и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

Я не знал, что и думать. Это был мой последний шанс спасти карьеру в «Саломоне». И он таял на глазах. «Что я сделал не так? Как мне спасти исход этой встречи? Говорить быстрее? Замедлить темп? Что мне делать?» — лихорадочно соображал я.

Я промучился в сомнениях и панических мыслях минут сорок, пока не увидел в дверях возвращающегося Бобби. Он остановился что-то сказать секретарю и медленно вошел в кабинет. Я встал с места, готовый умолять его, если потребуется.

Но не успел я произнести и слова, как Бобби сказал:

— Браудер, ты рассказал самую удивительную историю из всех, что мне доводилось слышать. Я только что был в отделе инвестиционных рисков и получил двадцать пять миллионов долларов на инвестиции в Россию. Не трать времени ни на какие другие дела, поезжай в Москву и давай вкладывать деньги, чтобы не упустить этот шанс. Ты меня слышишь?

О, да. Я слышал каждое его слово.

7. Вилла «Леопольда»

Эти слова всё изменили. Я так и поступил: вернулся в Лондон и сразу же принялся искать, куда рационально проинвестировать двадцать пять миллионов долларов «Саломон Бразерс». Но это оказалось не так просто, как хотелось бы. Дело в том, что в России в то время еще не было даже фондового рынка, поэтому я не мог просто взять и позвонить своему инвестиционному брокеру. Приходилось импровизировать на ходу.

Вернувшись из Нью-Йорка, в понедельник я сел за рабочий стол в своем загончике и стал обзванивать по списку всех, с кем когда-либо встречался, пытаясь понять, что и как делать дальше. Во время пятого звонка я заметил мужчину средних лет, который с серьезным видом спешил в моем направлении в сопровождении двух вооруженных охранников. Приблизившись, он обличительно рявкнул:

— Господин Браудер, я начальник отдела внутреннего контроля. Позвольте узнать, чем вы сейчас заняты.

— Прошу прощения, а в чем дело?

— Нам поступила информация, что вы торгуете ценными бумагами, находясь в инвестиционном банке. Я уверен, вам известно, что это нарушает установленные порядки банка.

Для тех, кто незнаком с устройством инвестиционных банков, поясню. Они состоят из двух подразделений: одно — подразделение торговых операций, связанное с покупкой и продажей ценных бумаг, и другое — подразделение по инвестиционному консультированию клиентов по вопросам слияния и выпуска новых акций. Эти отделения разделены так называемой «китайской стеной», чтобы брокеры банка (сотрудники, занимающиеся торговлей акциями) при операциях с акциями и ценными бумагами на бирже не могли воспользоваться конфиденциальной информацией, которую инвестиционные банкиры получили от своих клиентов, оказывая им консультационные услуги. Я работал в подразделении инвестиционных услуг и, следовательно, не имел права торговать акциями. На практике это означало, что к тому времени, когда мы наконец выясним, как можно покупать российские акции, я должен буду перебраться в зал торговых операций. Однако до этого было еще далеко.

— Я не покупаю ценные бумаги, — робко возразил я, — а только пытаюсь выяснить, как это делается.

— Как бы вы это ни называли, господин Браудер, вы обязаны немедленно прекратить то, что вы делаете, — потребовал глава

отдела внутреннего контроля.

— Но я же не инвестирую, а разрабатываю план по инвестициям. Моя деятельность согласована с высшим руководством в Нью-Йорке. Я ничего не нарушаю! — взмолился я.

— Сожалею. Пожалуйста, собирайте вещи. В отделе инвестиционно-банковских услуг вы не останетесь, — угрюмо произнес он и кивнул охранникам. После скандала с казначейскими облигациями, поставившего под угрозу всю деятельность компании, они не могли рисковать.

Пока я собирался, охранники вышли вперед, скрестив руки на груди. Они явно получали удовольствие от редкой возможности продемонстрировать свою важность. Затем они проводили меня до двери, разделявшей подразделение инвестиционных услуг и торговый зал. На пути нам попался один из младших сотрудников «венгерской» группы. Он ехидно подмигнул мне и беззвучно, одними губами произнес: «Пошел ты…» Теперь стало понятно, откуда ноги растут.

При входе в торговый зал охранники попросили меня сдать пропуск подразделения инвестиционно-банковских услуг и ушли. Я стоял со своими коробками под любопытными взглядами проходивших мимо брокеров и чувствовал унижение, как в первый день в школе-пансионе. Я понятия не имел, что делать дальше. Затолкав коробки под ближайший стол, я нашел телефон и позвонил Бобби.

— Отдел внутреннего контроля выставил меня из инвестиционного банка! — задыхался я от волнения. — Я теперь оказался в торговом зале, где у меня нет даже рабочего стола. Что мне делать?

Его, похоже, совершенно не беспокоили мои проблемы. К моей ситуации он отнесся с тем же бесстрастием, что и неделю назад, когда я излагал перспективы инвестиций в Россию.

— Не знаю. Найди себе какое-нибудь место. У меня звонок по другой линии, — прервал он и повесил трубку.

Я обвел взглядом торговый зал. Он был размером с футбольное поле. Сотни людей за рядами столов громко говорили по телефонам, размахивали руками, указывали на экраны компьютеров. Каждый старался уловить малейшее несоответствие цен всех существующих на свете видов финансовых инструментов. В этом беспокойном улье я заметил несколько свободных столов, но не мог же я просто занять один из них. Сначала нужно было получить чье-то разрешение.

Стараясь скрыть смущение, я направился к знакомому начальнику отдела торговли облигациями на развивающихся рынках. Тот отнесся к моему положению с участием, но у него в

отделе не нашлось места, и он посоветовал пойти в отдел инвестиций в европейские акции. Там история повторилась.

Я попытал счастья в отделе производных ценных бумаг, где увидел несколько свободных мест. С нарочитой уверенностью я подошел прямо к начальнику отдела и представился ему, сославшись на Бобби Людвига. Тот даже не обернулся, и я был вынужден довольствоваться обращением к его лысине. Когда я завершил свою просьбу, он развернулся на стуле и откинулся на спинку.

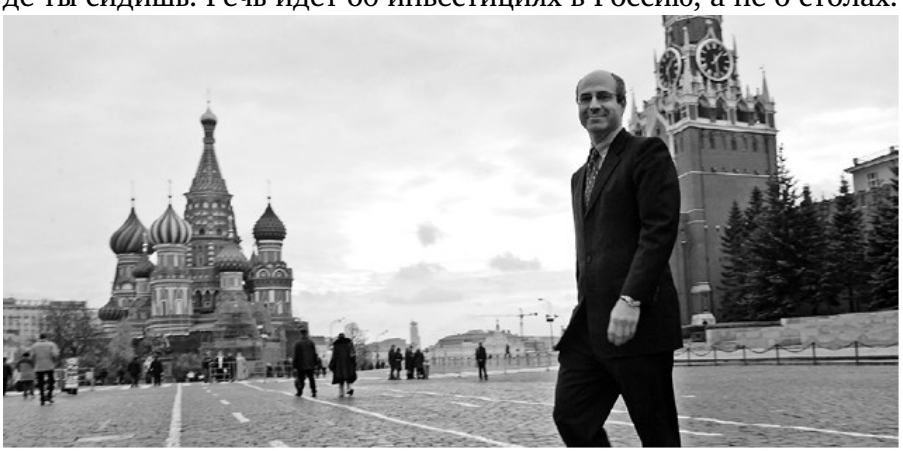
— Какого черта? — раздраженно выпалил он. — Почему ты решил, что можешь вот так бесцеремонно врываться и просить у меня рабочее место? Это идиотизм! Нужно место — иди к руководству, сам устраивайся.

Он фыркнул, повернулся на стуле и опять уставился в свой экран. В следующую секунду замигала лампочка телефона, и он уже с кем-то говорил.

Я ушел несолоно хлебавши. Брокеры, конечно, не отличаются изысканными манерами, но это было слишком. Я перезвонил Бобби.

— Что я ни делал, никто не дал мне место. Вы не могли бы помочь с этим?

— Зачем ты беспокоишь меня по пустякам? — сказал Бобби раздраженно. — Если нет места, работай из дома. Мне все равно, где ты сидишь. Речь идет об инвестициях в Россию, а не о столах.



2004 год — перехожу Красную площадь. Фонд Hermitage на пике успеха (© James Hill)

— Хорошо, хорошо, — поспешно ответил я, не желая портить отношения. — Но как мне получить разрешение на поездку, оплату командировочных и аванс на расходы?

— Это я улажу, — сердито ответил он и повесил трубку.

На следующий день мне на дом экспресс-курьером доставили посылку с двумя десятками уже авторизованных бланков командировочных удостоверений. Я заполнил один, отправил по факсу в отдел учета командировок «Саломона» и получил билет в Москву на рейс, вылетающий через два дня.

По прибытии в Москву я устроил импровизированный офис в номере отеля «Балчуг Кемпински» на берегу Москвы-реки, прямо напротив собора Василия Блаженного. Первым делом следовало перевести деньги в Россию, и нам нужен был человек, который поможет со счетами и покупкой ваучеров. К счастью, родственник одного из сотрудников «Саломон Бразерс» оказался владельцем банка в России. Бобби решил, что лучше использовать его, чем отправлять деньги в неизвестный нам банк, поэтому поручил кому-то из операционного отдела подготовить документы и одобрил перевод пробной суммы в один миллион долларов.

Через десять дней мы приступили к покупке ваучеров. Для этого надо было получить в банке наличные. Я смотрел, как банковские служащие вынимают из сейфа пачки новеньких хрустящих стодолларовых купюр и складывают их в специальный мешок размером со спортивную сумку. Я никогда прежде не видел миллиона долларов наличными, но, что странно, меня это совершенно не впечатлило. Оттуда группа вооруженных охранников на бронированной машине отвезла деньги в пункт обмена ваучеров.

Московская биржа, торговавшая ваучерами, располагалась в невзрачном пыльном зале заседаний в старинном здании напротив ГУМа, в шаге от Красной площади. Внутри зала висело электронное табло с данными торгов, которое крепилось к потолку массивными кронштейнами. Под ним концентрическими кругами расходились пластмассовые столы. Все сделки заключались за наличные. Вход был свободным — любой желающий мог прийти с ваучерами или наличными и заключить сделку. Здание не охранялось, поэтому банк предоставил свою охрану.

Любопытна сама история того, как все эти ваучеры оказались в Москве. Получив за бесплатно от государства приватизационные чеки, люди не знали, что с ними делать дальше. Зачастую они были рады обменять их по курсу один ваучер — семь долларов на водку или свиную вырезку. Некоторые предприимчивые граждане скупали ваучеры в деревнях и небольших населенных пунктах и перепродавали их по двенадцать долларов за ваучер посредникам в городах покрупнее. Посредники приезжали в Москву и за крайними столиками на

ваучерной бирже продавали пачки ваучеров по тысяче или по две тысячи в каждой уже по восемнадцать долларов за штуку. Наконец, крупные перекупщики собирали их в пакеты по двадцать пять тысяч и продавали за центральными столиками на бирже по двадцать долларов за ваучер. Время от времени кто-нибудь бродил по периферии биржи в поисках хороших цен на мелкие партии, пытаясь заключить сделку в обход посредников. В этом котле наличных и бумаг варились карманники, предприниматели, банкиры, аферисты, вооруженные охранники, брокеры, покупатели и продавцы, москвичи и жители регионов — все они были первопроходцами новой экономической реальности.

Наша первая заявка на покупку — десять тысяч ваучеров по 19,85 доллара за штуку. После объявления заявки в торговом зале возникла сутолока, затем один из присутствующих поднял карточку с номером двенадцать. Я последовал за сотрудниками банка и охранниками к столику номер двенадцать — наша команда предъявила наличные, а люди за столом выложили ваучеры. Продавцы брали у нас пачки стодолларовых купюр и по очереди скармливали их машинке для подсчета денег. Устройство жужжало, пока не остановилось на сумме 198 500 долларов. В это время двое наших людей рассматривали ваучеры, проверяя, нет ли фальшивок. Примерно через полчаса сделка была заключена, и мы унесли ваучеры в свою бронированную машину, а продавец номер двенадцать унес наличные в свою.

Этот сценарий неоднократно повторялся изо дня в день в течение нескольких недель, пока «Саломон» не стал обладателем ваучеров на сумму двадцать пять миллионов долларов. Но это было лишь полдела. Теперь нам предстояло вложить ваучеры в акции российских компаний на так называемых ваучерных аукционах. Эти аукционы значительно отличались от обычных тем, что до завершения аукциона покупатели не знали, какую цену им предстоит заплатить. Если на аукцион являлся всего лишь один человек с одним-единственным ваучером, то весь пакет акций подлежал обмену на этот ваучер. С другой стороны, если бы все жители Москвы со всеми своими ваучерами вдруг приняли участие в аукционе, то тогда пакет акций надлежало поровну разделить между всеми владельцами ваучеров, пришедшими на этот аукцион.

Мысль о злоупотреблениях напрашивалась сама собой, и многие компании, чьи акции шли на продажу, прибегали к разного рода уловкам, чтобы как можно меньше посторонних приняло участие в ваучерных аукционах, позволяя своим приобрести акции дешевле. Ходили слухи, что одна крупная сибирская нефтяная компания позаботилась о том, чтобы в ночь

перед их ваучерным аукционом был закрыт аэропорт, а другая нефтяная компания в день аукциона соорудила на дороге заграждение из горящих шин, чтобы люди не смогли проехать к месту аукциона и принять в нем участие.

Из-за странных правил аукционов их исход был труднопредсказуемым, и поэтому в них мало кто участвовал, особенно редко представители западного бизнеса. Из-за отсутствия спроса цены на аукционах были крайне низкими даже по российским меркам. «Саломон» участвовала в каждом аукционе практически вслепую, но я заранее тщательно проанализировал все предыдущие крупные ваучерные аукционы и выяснил, что во всех случаях биржевые цены на акции были выше цены, заплаченной за них до этого на аукционе. Иногда стоимость акций возрастала после проведения аукциона в два или три раза. При таком раскладе, если ничего не изменится, фирме будет обеспечен солидный доход уже от одного участия в аукционах.

Пока мы приобретали ваучеры, я неотрывно следил за всеми объявляемыми правительством аукционами. В конце концов я порекомендовал Бобби принять участие в ряде самых крупных, включая продажу акций нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», Единой энергетической системы (РАО «ЕЭС России») и российской телекоммуникационной компании «Ростелеком».

По итогам этих аукционов компания «Саломон Бразерс» приобрела самые недооцененные активы за всю историю торгов на сумму в двадцать пять миллионов долларов. Мы с Бобби были убеждены, что компания сделает на них состояние — стоит только подождать.

Ждать пришлось недолго. В мае 1994 года английский журнал «Экономист» опубликовал статью под названием «Не пора ли делать ставки на Россию?», в которой в популярной форме приводились те же расчеты стоимости российских компаний, которые я открыл для себя во время первого визита в Москву. Управляющие хеджевыми фондами, миллиардеры и прочие биржевые спекулянты тут же бросились звонить своим брокерам и наводить справки о российских акциях. Это вдохнуло жизнь в молодой российский фондовый рынок.

За короткий срок наш двадцатипятимиллионный портфель ценных бумаг стоил уже сто двадцать пять миллионов долларов. Мы получили сто миллионов долларов прибыли!

Это был успех!

Я стал знаменитостью брокерского подразделения компании «Саломон Бразерс» в Лондоне — мне наконец-то выделили рабочий стол. «Приятели», которые перестали было приглашать меня на обеды и тусовки, теперь по утрам заранее выстраивались

в очередь у моего стола в надежде, что я подброшу им идею, и они тоже заработают фирме на российском рынке доход впятеро больший, чем зарплата.

В ближайшие недели ведущие сотрудники инвестиционного подразделения «Саломона» тоже стали наведываться ко мне с просьбами встретиться с их ключевыми клиентами: «Билл, ты окажешь нам большую услугу, если согласишься проконсультировать Джорджа Сороса»; «Билл, Джулиан Робертсон очень хочет побеседовать с тобой о России»; «Билл, не мог бы ты уделить немного времени сэру Джону Темплтону?»…[7]

Еще бы! Мне было всего двадцать девять лет, а крупнейшие мировые инвесторы интересовались моим мнением! Я летал по всему миру первым классом за счет фирмы, побывал в Сан-Франциско, Париже, Лос-Анджелесе, Женеве, Чикаго, Торонто, Нью-Йорке, Цюрихе, Бостоне, на Багамских островах… и почти после каждой встречи меня спрашивали: «Билл, не согласишься ли ты инвестировать наши деньги в Россию и управлять ими?»

Готового ответа у меня не было. В то время правила нашего подразделения не предусматривали возможности управления внешним капиталом, и компания управляла только собственными средствами. «Я не знаю, что вам сказать, — говорил я им в ответ. — Мне нужно выяснить это у начальства. Может быть, оно даст на это разрешение».

Такие вопросы были вне компетенции Бобби. Он, может, и был лучшим генератором инвестиционных идей в компании, но заниматься организационными вопросами полномочий не имел, так что по возвращении в Лондон я подкинул эту идею начальнику подразделения торговых операций с ценными бумагами. Если раньше никто и слышать меня не хотел, то в этот раз мне оказали более радушный прием:

— Это отличная идея, Билл. Она мне очень нравится. Вот что я думаю: мы создадим рабочую группу и изучим ее.

«Рабочая группа? — думал я. — Что за бред… И почему они всегда всё усложняют? Им нашли золотую жилу, а они отвлекаются на организационную ерунду».

Я вернулся на рабочее место, а минут через десять мне позвонили с неопределившегося внешнего номера. Я снял трубку. Это был Бени Штайнмец, харизматичный израильский миллиардер лет сорока, с которым я познакомился во время своего «мирового турне». У него были проницательные серые глаза и жесткие коротко остриженные темно-русые волосы. Бени унаследовал семейный бизнес по огранке алмазов и был одним из крупнейших частных клиентов «Саломона».

— Билл, я много размышлял о презентации, с которой ты

выступил в Нью-Йорке пару недель назад. Я сейчас в Лондоне и хочу пригласить тебя в «Фор Сизонс» познакомиться с несколькими моими коллегами.

— Когда?

— Сейчас.

Бени не спрашивал, он давал указания.

У меня на тот день уже были назначены другие встречи, но не такие важные, как рандеву с миллиардером, желающим вложить деньги в Россию. Я все отменил и домчался на черном лондонском такси до угла Гайд-парка. В вестибюле отеля «Фор Сизонс» сидел Бени с группой людей, работавших на него в алмазном бизнесе. Бени представил собравшихся: Нир из Южной Африки, Дэйв из Антверпена и Мойше из Тель-Авива.

Мы расселись, и Бени, не тратя времени на обмен любезностями, сразу перешел к делу:

— Билл, я предлагаю совместный бизнес.

Я был польщен, что такой богатый человек, как Бени, живо откликнулся на мою идею, но, глядя на него и на его «алмазных» коллег, я не представлял, как можно стать деловым партнером такой разношерстной команды. Прежде чем я вымолвил слово, Бени продолжил:

— Я внесу первые двадцать пять миллионов. Что скажешь?

Это заставило меня задуматься.

— Звучит интересно. Как вы намерены организовать дело?

Собравшиеся пустились в пространные рассуждения, и стало ясно, что они мало смыслят в бизнесе по управлению денежными активами. Просто у них имелись деньги, и они хотели еще. К концу встречи я был одновременно обрадован и огорчен.

Я вышел из отеля, думая о том, что жажду заниматься именно таким бизнесом, но не с этими людьми. Остаток дня и всю ночь я пытался уложить это в голове. Если я решу открыть свое дело, то мне понадобится стартовый капитал, но партнерство с Бени и его командой не даст мне перспективы, потому что у них нет опыта управления активами, нет такого опыта и у меня. Выходило, что придется отклонить предложение Бени.

На следующее утро, пересиливая себя из-за того, что приходится отказывать миллиардеру, я набрал его номер.

— Бени, ваше предложение весьма заманчиво, — начал я, — но, к сожалению, я не могу его принять. Видите ли, мне нужен партнер, который разбирается в бизнесе, связанном с управлением активами, а это, при всем вашем опыте и квалификации, не ваш конек. Надеюсь, вы меня поймете.

Никто не отказывал Бени Штайнмецу, и он без тени раздумий ответил:

— Понял, не вопрос. Если тебе нужен кто-то еще с опытом управления активами, я найду такого и приглашу в команду.

Я поморщился, представив, как он приведет еще одного родственника из маленькой брокерской конторы, что поставит меня в еще более неловкое положение, потому что придется отказать ему во второй раз.

Перезвонил он минут через двадцать:

— Билл, что скажешь, если к нам присоединится Эдмонд Сафра?

Эдмонд Сафра! Основатель и владелец Республиканского национального банка Нью-Йорка! В международной банковской среде его слово всегда было на вес золота. Если наше предприятие решил поддержать сам Эдмонд Сафра, это дорогого стоило.

— Да, это меняет дело. Я заинтересован, Бени.

— Хорошо. Я устрою встречу.

Он перезвонил вновь во второй половине дня:

— Я договорился. Вылетай в Ниццу и будь на пирсе отеля «Карлтон» в Каннах завтра в полдень.

«Но у меня же завтра рабочий день», — подумал я.

— Бени, а нельзя ли встретиться как-нибудь на той неделе? Мне нужно еще…

— Сафра готов принять тебя завтра, Билл, — раздосадованно перебил меня Бени. — Думаешь, с ним легко устроить встречу?

— Нет, конечно. Всё, еду.

Я купил билет и на следующее утро, надев костюм, прямиком отправился в лондонский аэропорт Хитроу на рейс, вылетавший в 7:45 в Ниццу. Перед самым отлетом я позвонил на работу и хриплым голосом сказал, что беру выходной.

Следуя указаниям Бени, я на такси добрался из Ниццы до отеля «Карлтон» в Каннах. Носильщик, наверное, принял меня за нового постояльца, но вместо этого я спросил, как пройти к пирсу. Он указал на длинный серый бетонный пирс по другую сторону Бульвара Круазет, рассекающий синеву Средиземного моря и пляж. Щурясь от яркого солнца (темные очки я забыл в пасмурном Лондоне), я пересек дорогу и вышел на пирс. Прошел по планке пирса мимо красивых людей с бронзовым загаром в элегантных купальных костюмах. Бледный, в темном шерстяном костюме, я чувствовал себя среди них белой вороной. Я весь взмок, пока добрался до конца пирса. Часы показывали без пяти двенадцать.

Через пару минут я заметил быстро приближающуюся с запада яркую лодку — бело-голубой «сансикер» метров пятнадцать в длину. Это был Бени. Он лихо остановился у самого

края пирса и прокричал:

— Билл, давай сюда!

Бени, в легкой рубашке абрикосового цвета и белых льняных брюках, походил на плейбоя с Лазурного берега. Контраст между нами получился исключительный. Я нетвердо ступил на борт.

— Обувь сними! — сказал Бени. Я послушно разулся, демонстрируя черные носки выше щиколотки.

Бени развернул лодку и, отойдя на достаточное расстояние от берега, продемонстрировал, на что она способна. Я думал обсудить предстоящую встречу с Сафрой, но из-за рева мотора и ветра это оказалось невозможным. Полчаса мы быстро плыли на восток в сторону Ниццы, обогнули Антиб, пересекли Бе-дез-Анж и наконец прибыли в порт Вильфранш-сюр-Мер.

Бени подрулил к свободному месту на причале и перекинулся парой фраз по-французски с начальником порта, договариваясь о стоянке на вторую половину дня. Потом двое вооруженных охранников провели нас на парковку, где уже ждал черный мерседес. Машина помчалась по извилистой дороге к вершине Вильфранш и въехала на обширную территорию частной резиденции. Позже я узнал, что это самый дорогостоящий дом в мире. Это была вилла «Леопольда». Красотой вилла не уступала Версальскому дворцу, с тем лишь отличием, что здесь территорию патрулировал десяток бывших агентов «Моссада» в черной спецодежде, вооруженных автоматами «Узи» и пистолетами «ЗИГ-Зауэр».

Нас провели через живописный сад с фонтаном, окруженным высокими кипарисами, в просторную изысканную гостиную с видом на море. Стены были украшены холстами восемнадцатого века в золоченых рамах, а по центру сверкала огромная хрустальная люстра. Самого Сафры здесь, конечно, не было. Как я понял, это часть этикета миллиардера: дождаться, пока гости соберутся, устроятся и подготовятся к встрече, и только потом выйти к ним, чтобы не терять времени. Поскольку Бени в неофициальной иерархии миллиардеров располагался ступенькой ниже, стандартная процедура распространялась и на него.

Спустя четверть часа вошел Сафра. Мы встали для приветствия.

Сафра был лысеющим господином невысокого роста с пухлыми румяными щеками и приветливой улыбкой.

— Добро пожаловать, господин Браудер, — поздоровался он с заметным ближневосточным акцентом. — Прошу садиться.

Я никогда не видел его прежде, даже на фотографиях, и с удивлением отметил, что он нисколько не походит на «хозяина

вселенной». Массивной волевой челюстью, как обычно представляют себе обыватели людей его уровня, Сафра не обладал. Одет он был по-домашнему: выглаженные светло-коричневые брюки, элегантная итальянская рубашка ручной работы и никакого галстука. Если Чипы и Уинтропы мира сего тщательно наряжались в дорогие костюмы с красными подтяжками и ролексами, то Сафру это нисколько не занимало: он был человеком дела.

После короткого вступления Бени я показал Сафре свою стандартную презентацию. Он оказался человеком очень и очень занятым и каждые пять минут отвлекался на звонки, совершенно не связанные с предметом беседы. К концу встречи меня прервали столько раз, что я не был уверен, воспринял ли он хоть что-нибудь из сказанного.

Когда я закончил презентацию, Сафра поднялся, давая понять, что встреча окончена. Он поблагодарил меня за встречу и попрощался. Вот и всё.

Помощник Сафры вызвал мне такси до аэропорта. Пока мы ждали на посыпанной гравием дорожке, Бени произнес:

— Все прошло хорошо.

— Разве? Мне так не показалось.

— Я знаю Эдмонда. Все в порядке, — ободряюще повторил он.

Подъехало такси, и я отправился домой.

На следующую пятницу было назначено собрание рабочей группы «Саломона». Придя на работу, я сразу прошел в конференц-зал. Я был удивлен, что для совещания отвели такое большое помещение. Ближе к десяти утра зал начал наполняться, и за пятнадцать минут собралось сорок пять человек. Многих из них я видел впервые. Там были руководители высшего звена, генеральные директора, старшие управляющие… и я. Началось обсуждение, в ходе которого разгорелся спор, кто будет главным по «стрижке» купонов с нового бизнеса фирмы в России. Происходившее напоминало бои гладиаторов. Поразительно, как люди, не имевшие ни малейшего отношения к новому бизнесу, выдвигали убийственные аргументы, почему именно им полагается доля будущих доходов. Я понятия не имел, кто победит в этой битве, но точно знал, кто проиграет: я.

Я был так расстроен, что на несколько дней потерял сон. Я заработал для фирмы не в пять, а в пятьсот раз больше своего жалованья. И позволить теперь чванливым корпоративщикам увести бизнес у себя из-под носа? Ну уж нет.

Я принял непростое решение. В понедельник пришел на работу и, стиснув зубы, направился прямиком к начальнику

подразделения торговых операций. Я подал ему заявление об уходе по собственному желанию, сказав, что открываю собственную инвестиционную компанию и отправляюсь в Москву.

А назову я ее Hermitage Capital.

8. «Зеленые просторы»

Я был уверен в правильности решения покинуть «Саломон». Но меня не оставляла тревога, что создавать дело на свой страх и риск без всякой опоры на компанию с именем будет гораздо труднее. Визитка «Саломон Бразерс» открывала много дверей, смогу ли я теперь обходиться без нее? Будут ли деловые люди воспринимать меня всерьез? Чего я лишаюсь, пускаясь в свободное плавание?

Такие мысли крутились у меня в голове, пока я, устроившись дома в Хэмпстеде, трудился над проспектом и презентацией своего нового фонда. Доведя документы до ума, я купил самый дешевый билет на рейс до Нью-Йорка и начал обзванивать инвесторов и договариваться о встречах.

Первым в списке финансистов был общительный пятидесятилетний француз по имени Жан Каруби — он руководил фирмой по управлению активами, которая вкладывала средства в хедж-фонды. Мы познакомились на борту самолета, летевшего в Москву предыдущей весной, и он сказал тогда: «Если надумаешь основать собственный фонд, не забудь позвонить мне».

Его офис располагался в знаменитом здании под названием Краун-билдинг на углу Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы в Нью-Йорке, рядом с магазином «Бергдорф Гудман». Он встретил меня как старого друга. Я протянул ему экземпляр презентации, и он, надев очки, стал внимательно изучать страницу за страницей, слушая мои комментарии. Когда я закончил говорить, он сдвинул окуляры на кончик носа и с энтузиазмом сказал:

— Я впечатлен, Билл. Все это весьма интересно. Скажи-ка, сколько ты собрал средств на сегодня?

— Пока нисколько. Это моя первая встреча.

Он задумчиво потер подбородок.

— Тогда вот что: если ты соберешь хотя бы двадцать пять миллионов, я добавлю три от себя. Согласен?

Вполне разумное предложение. Он не хотел вкладывать средства в фонд, пока тот не заработает, сколько бы не сулили предварительные расчеты. Все мои нью-йоркские встречи прошли по тому же сценарию. Большинству инвесторов нравилась идея, и некоторые были заинтересованы в участии, но никто не хотел давать гарантий, пока я не соберу «критическую массу» капитала.

Иными словами, чтобы продвинуть идею нового фонда, мне нужен чек на гигантскую сумму. В идеале такой чек мог выписать Эдмонд Сафра, но со дня нашей встречи на вилле «Леопольда» от

него не было никаких вестей, а значит, мне предстояло найти другого ключевого инвестора. И я взялся за поиски.

Несколько недель спустя я нашел первого перспективного кандидата — британский инвестиционный банк «Роберт Флеминг», он же просто «Флеминг». Банк преуспел в странах с развивающейся экономикой и был не прочь заняться инвестициями в России, поэтому я встретился в Лондоне сразу с несколькими высокопоставленными управляющими.

Все прошло успешно, и меня пригласили провести такую же презентацию еще одному директору. Через неделю в назначенный час я явился на встречу. У входа меня встретил охранник и провел в зал заседаний правления. Именно так декораторы представляют себе старинный британский банк «голубых кровей»: темные восточные ковры, красного дерева антикварный стол для заседаний, парадные портреты Флемингов на стенах. Дворецкий в белом костюме предложил мне чай в фарфоровой чашке. Мелькнула мысль, что вся эта выставка английского аристократизма нацелена на то, чтобы такие посетители, как я, чувствовали себя простаковатыми чужаками.

Через несколько минут появился мужчина лет пятидесяти с небольшими залысинами и вяло пожал мне руку. У него были седые волосы, а на плечах немного помятого заказного костюма виднелась перхоть. Мы сели, он вынул из прозрачной папки документ и аккуратно положил его перед собой. Я прочел вверх ногами заголовок: «Предложение Браудера об учреждении фонда».

— Господин Браудер, благодарю за уделенное нам время, — произнес он с английским акцентом, поразительно напоминавшим акцент Джорджа Айрленда, моего бывшего коллеги из компании Максвелла. — Потенциал российского проекта, представленного вами на прошлой неделе, произвел весьма сильное впечатление на меня и моих коллег. Предлагаю обсудить ваши пожелания относительно зарплаты и премиальных.

Пожелания относительно зарплаты и премиальных? С чего он взял, что я пришел собеседоваться на работу? Вырвавшись из змеиного гнезда «Саломон Бразерс», я меньше всего стремился служить дилетантам из высшего общества, играющим в предпринимателей, у которых постоянной присказкой было слово «весьма».

— Боюсь, произошло недоразумение. — Я старался, чтобы мой голос звучал ровно. — Я здесь не ради приема на работу. Я хотел бы узнать, интересует ли «Флеминг» перспектива стать ключевым инвестором моего нового фонда.

— Вот как… — Он растерянно повертел в руках листок с информацией о моем проекте. Разговор явно отклонился от сценария, описанного в его документе. — В таком случае, какого рода соглашение вы хотите предложить?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Речь идет о вложении в инвестиционный фонд двадцати пяти миллионов долларов в обмен на пятидесятипроцентную долю в бизнесе.

Он обвел глазами помещение, избегая моего взгляда.

— Хм. Но если у нас будут пятьдесят процентов, то кому достанутся остальные пятьдесят?

«Он это серьезно?» — подумал я и ответил:

— Мне.

Он напрягся:

— Но если российский рынок пойдет в гору так стремительно, как вы предсказываете, то вы заработаете миллионы!

— Совершенно верно. Так же, как и вы.

— Весьма сожалею, господин Браудер. Такое соглашение обречено, — пробормотал он, явно не подозревая, как нелепо это звучит. Сама идея способствовать обогащению нового в отрасли чужака настолько не вписывалась в старомодные правила английской классовой системы, что он предпочитал отказаться от возможности заработать своему банку состояние.

Встреча завершилась на вежливой ноте, но, покидая здание, я поклялся никогда больше не иметь дело с самодовольными банкирами.

Следующие недели не принесли ничего дельного, пока я наконец не вышел на потенциального кандидата — американского миллиардера Рона Беркла. Нас познакомил бывший брокер «Саломон Бразерс» Кен Абдалла, рассчитывая, наверное, получить на этом комиссию.

Беркл, сорокатрехлетний калифорнийский холостяк, шатен с приятным загаром, был одним из самых выдающихся инвесторов Западного побережья Америки. В прошлом он удачно приобрел на заёмные средства ряд супермаркетов и буквально на глазах превратился из паренька, который пакует товары на кассе, в одного из богатейших американцев в рейтинге журнала «Форбс». Деловой успех дополнялся светской хроникой — там регулярно печатали фотографии Беркла в обществе голливудских звезд и видных политиков, в числе которых был президент Клинтон.

Теплым сентябрьским днем 1995 года я прибыл в Лос-Анджелес. Арендовав машину и зарегистрировавшись в гостинице, я нашел адрес Беркла: «Зеленые просторы», дом 1740,

проезд Грин-Эйкерс-драйв, Беверли-Хиллз. Я сел за руль и поехал по окрестным местам вдоль ворот, домов, палисадников и цветников. Глаз радовала зелень повсюду: пальмы, клены, дубы, кое-где виднелись платаны. Грин-Эйкерс-драйв располагался в полутора километрах от знаменитого бульвара Сансет, а номер 1740 — в конце проезда. Я подъехал к черным железным воротам и позвонил в домофон. Мужской голос ответил: «Я встречу тебя у парадного входа, Билл».

Ворота распахнулись, и я запетлял к дому по извилистой дороге вдоль стройных кипарисов. Вырулив из последнего поворота, я увидел пожалуй самый импозантный особняк в своей жизни. Если вилла «Леопольда» была самым дорогим домом в мире, то особняк «Зеленые просторы», построенный звездой немого кино Гарольдом Ллойдом в конце двадцатых годов, — одним из самых внушительных. Основное здание, стилизованное под итальянское палаццо, насчитывало 4200 квадратных метров общей площади и сорок четыре комнаты. Вокруг дома располагались аккуратные лужайки, теннисный корт, бассейн, фонтаны и все прочие мыслимые и немыслимые атрибуты благосостояния. Материальные блага редко приводили меня в трепет, но «Зеленое поместье» никого не оставляло равнодушным. Беркл, в недавнем прошлом обычный парень из калифорнийского города Помона, начав свой путь с нуля, жил теперь не хуже саудовских принцев.

Я нажал звонок, и Беркл сам открыл мне дверь. За ним стоял Кен Абдалла. Беркл поприветствовал меня, и после небольшой экскурсии по дому мы втроем прошли в его кабинет обсудить условия сделки.

Беркл держал себя на удивление непринужденно и по сути принял мои условия: вклад в размере двадцати пяти миллионов долларов в обмен на пятидесятипроцентное участие в фонде. У него не было особого мнения по поводу менее важных условий, как-то начальная дата проекта, контроль за принятием решений о найме и оборотный капитал для офиса. Для предпринимателя с репутацией едва ли не самой свирепой акулы Уолл-стрит он производил впечатление человека совершенно отстраненного и безмятежного.

По завершении встречи он пригласил меня и Кена на ужин и затем в один из его любимых ночных клубов. Меня не переставало изумлять, каким славным малым он оказался, — ни тени бравады, которой ожидаешь от человека с Уолл-стрит. В конце вечера, когда я садился в машину, он пообещал, что его юристы подготовят договор и через несколько дней отправят мне в Лондон.

На следующий день я летел домой с ощущением, что основное препятствие на пути к собственному делу преодолено. В самолете я позволил себе бокал красного вина, мысленно поздравил себя с удачей и, посмотрев фрагмент какого-то кино, погрузился в сон.

Как и было обещано, четыре дня спустя факс выдал длинный документ от юристов Беркла. Я схватил его и принялся читать, чтобы удостовериться, что всё в порядке. Первая страница выглядела хорошо, а за ней вторая, третья и так далее, но тут я добрался до седьмой. В разделе, озаглавленном «Капитал фонда», где должно было значиться, что «компания „Юкайпа“ (так называлась инвестиционная фирма Беркла) обязуется вложить в фонд капитал в размере 25 миллионов долларов США», было написано: «компания „Юкайпа“ приложит все усилия, чтобы мобилизовать капитал для фонда в размере 25 миллионов долларов США». И что же подразумевалось под этим «приложит все усилия»? Мы так не договаривались. Я перечитал договор, чтобы убедиться, что правильно понял суть написанного. Ошибки быть не могло: Беркл не вкладывал собственный капитал, а всего лишь обещал по возможности найти нужную сумму. В обмен на его «приложенные усилия» он хотел получить пятьдесят процентов прибыли от моего бизнеса.

Не удивительно, что он так спокойно вел себя во время переговоров: он ничем не рисковал!

Я немедленно позвонил в его контору. Секретарь вежливо сообщила, что он недоступен. Я звонил еще три раза с тем же результатом, потом решил позвонить Кену.

— Я знаю, что ты пытался связаться с Роном, — сказал Кен с живой калифорнийской интонацией, будто только что вернулся с прогулки по пляжу. — Чем могу быть полезен?

— Слушай, Кен, я только что получил договор. В нем говорится, что Рон на самом деле не обязуется вкладывать деньги, а только предлагает помочь их собрать. Мы договаривались о другом, — резко заметил я.

— Билл, я же там был. Рон при мне договаривался именно об этом, — не менее резким тоном (и куда подевался невозмутимый калифорнийский парень, с которым я говорил всего мгновенье назад?) ответил он.

— А что если он не сможет собрать эти деньги?

— Тут всё просто. Его пятьдесят процентов перейдут тебе.

Что за игры затеяли эти парни? Беркл по сути получал право на пятьдесят процентов моего бизнеса за пару-тройку успешных звонков с целью мобилизовать капитал. Если же он будет слишком занят для этого или его друзья не захотят вносить

деньги, я буду сидеть в пустой конторе в Москве.

Кен уловил разочарование в моем голосе и забеспокоился, что сделка сорвется и он потеряет свою долю.

— Билл, зря ты так переживаешь. Рон — один из самых успешных финансистов в стране. Если он говорит, что соберет двадцать пять миллионов, то он их непременно соберет. Да он с закрытыми глазами проворачивает сделки раз в двадцать больше этой. Расслабься, ладно? Все получится, я уверен.

А вот я не был уверен. Но пообещал обдумать его слова. Возможно, я слишком сильно хотел услышать от Беркла положительный ответ во время нашей встречи и поэтому просто вообразил, как тот сказал, что обязуется вложить эту сумму. В любом случае, ситуация неожиданно повернулась своей неприятной стороной. Я был бы рад отказаться от сделки, но других вариантов не было, а время летело неумолимо. Благоприятная для бизнеса возможность не продлится долго: как только российский рынок пойдет в гору, я упущу уникальный шанс заработать состояние. А такой шанс выпадает лишь раз в жизни.

По-настоящему я хотел работать не с Берклом, а с Эдмондом Сафрой, поэтому отважился попытать счастья еще раз. Поскольку позвонить ему напрямую я не мог, то разыскал в Антверпене Бени. Тот сразу же ответил на звонок.

— Добрый день, это Билл. Извините, что долго не выходил на связь. Я подумал, что из вежливости стоит вам сообщить: я решил создать фонд инвестиций в Россию, заключив сделку с Роном Берклом.

Бени какое-то время молчал, обдумывая мои слова. Мы оба понимали, что это не просто звонок вежливости.

— Как ты сказал? Что за Беркл?

— Американский миллиардер. Занимается крупными супермаркетами.

— Но я думал, что тебе нужен специалист по управлению активами. А этот парень Беркл смыслит в этом?

— Не знаю. Но вы с Сафрой, похоже, потеряли интерес.

Последовала еще одна пауза, после чего Бени сказал:

— Подожди, Билл. Мы не потеряли интерес. Ничего не делай пока. Я звоню Эдмонду прямо сейчас.

Положив трубку, я нервно зашагал по своей комнате дома в Хэмпстеде, ожидая звонка.

Бени перезвонил через час.

— Билл, я поговорил с Эдмондом. Он готов заключить с тобой сделку.

— Как? Ты уверен? Вот так просто?

— Да. Он отправляет своего ближайшего помощника, Сэнди Койфмана, в Лондон уже послезавтра. Я тоже прилечу. Мы сядем и сразу всё оформим.

Типичное проявление миллиардерской психологии. Не скажи я об альтернативном предложении, Сафра и не пошевелился бы, но как только на стол легла другая карта, он начал действовать.

Два дня спустя в одиннадцать утра я встретился с Бени и Сэнди в искусно отделанном шестиэтажном доме Сафры на площади Беркли-сквер. Сэнди было на вид лет сорок — высокий, смуглый человек средиземноморского типа. Бывший израильский летчик-истребитель, он делал рискованные ставки на финансовых рынках, разъезжал на феррари разных моделей и зорко оберегал Сафру от неприятностей — из всего этого и сложилась его репутация. Мы сели в библиотеке, я чувствовал на себе его оценивающий взгляд. Обычно он выжимал все соки, прежде чем приступить к делу, но Сафра дал ему указание заключить сделку, что он и сделал.

Предложение было простым и честным: Эдмонд Сафра и Бени Штайнмец вкладывают в фонд двадцать пять миллионов долларов и дают стартовый капитал, необходимый для работы управляющей компании. Банк Сафры будет делать вложения и расчеты по сделкам, оценку стоимости фонда и оформит все нужные документы. И самое важное: если я преуспею, Сафра представит меня всем своим клиентам — а это самые богатые и влиятельные семейства мира. Взамен Сафра получает половину прибыли, из которой определенный процент будет выделен Бени за то, что он свел нас вместе. Преимущества этого предложения были очевидными, и я тут же его принял.

Еще один момент придавал сделке пикантность: Сафра предпочитал иметь дело исключительно с людьми, которых он и его семья знают не одно поколение. С новичками вроде меня он до этого ни разу не связывался. Я не знал, почему он сделал для меня исключение, но искушать судьбу и задавать вопросы мне не хотелось. Сэнди, будто прочитав мои мысли, сказал:

— Прими мои поздравления, Билл. Я знаю, что Сафра с большим энтузиазмом относится к этому проекту, но учти: я не спущу с тебя глаз.

Договор от юристов Сафры я получил неделю спустя, и, в отличие от договора Беркла, в этом документе говорилось именно то, что я ожидал, поэтому вскоре мы его подписали. Когда я сообщил Берклу, что отказываюсь от сделки с ним, тот вышел из себя и обрушил на меня лавину ругательств, грозя подать в суд. Это ни к чему не привело, зато я наконец увидел его знаменитый норов.

Итак, все было готово. До Рождества я подчищал хвосты, готовясь к переезду в Москву. Вот только переезжал я не один: я встретил девушку.

Звали ее Сабрина. Мы познакомились на шумной вечеринке в Камден-Тауне за полгода до этого. Никогда прежде не встречал я такого удивительного создания. За привлекательной внешностью темноволосой еврейской девушки с северо-запада Лондона скрывалось неотразимое сочетание нежной хрупкости и пылкой решительности. Она осиротела при рождении и выросла в бедной приемной семье на востоке Лондона. Но ей как-то удалось покинуть Ист-Энд, избавиться от местного акцента кокни и стать актрисой мыльных опер. В день знакомства мы вместе ушли с вечеринки, направились прямо к ней домой и с того дня уже не расставались. Две недели спустя я дал ей ключи от своего дома, а на следующий день, вернувшись с пробежки, обнаружил в коридоре два больших чемодана. Так, даже не обсуждая это, мы стали жить вместе. При обычных обстоятельствах я предпочитаю не торопить события, но был так очарован Сабриной, что она могла веревки из меня вить, и я бы не возражал.

Подписав договор с Сафрой, я позвонил из адвокатской конторы Сабрине и предложил встретиться вечером в «Кен Ло», нашем любимом китайском ресторанчике, отметить это событие. За ужином она была на редкость грустной и задумчивой, а я никак не мог понять, что происходит. Когда подали десерт, она наклонилась ко мне и сказала:

— Билл, я очень за тебя рада, но не хочу потерять тебя.

— Но ты же меня не теряешь! Ты едешь со мной! — воскликнул я.

— Если ты рассчитываешь, что я всё оставлю и перееду в Москву, тебе придется взять на себя обязательства и жениться. Мне тридцать пять лет, и я хочу завести детей, пока еще не поздно. Я не могу просто так мотаться с тобой по свету ради развлечения.

Оказалось, что за беспечной чувственной дикаркой скрывается обычная девушка, которая так же, как все, мечтает о семейном счастье — в тот вечер в «Кен Ло» все это проявилось. Я не хотел с ней расставаться, но женитьба казалась мне поспешным шагом — с нашего знакомства не прошло и года. Я промолчал, а когда мы вернулись домой, она принялась собирать вещи.

Приехало такси. Не произнеся ни слова, Сабрина открыла дверь и с трудом поволокла за собой чемоданы по выложенной гравием дорожке.

Мысль о том, что она уходит, оказалась настолько

невыносимой, что я решил: «А, была не была!» — и помчался за ней. Преградив ей дорогу к машине, я сказал:

— Сабрина, я тоже не хочу терять тебя. Давай поженимся, поедем в Москву и начнем новую жизнь вместе!

По ее щекам ручьями текли слезы. Она выпустила чемоданы из рук и бросилась в мои объятья, осыпая поцелуями.

— Да, Билл! Я согласна. Я поеду с тобой хоть на край света. Я очень люблю тебя.

9. На полу в Давосе

Всё начало вставать на свои места: Сафра обязался вложить в фонд двадцать пять миллионов долларов, я был полон инвестиционных идей одна лучше другой, впереди меня ожидала захватывающая и полная приключений жизнь в Москве с любимой девушкой. Но в бочке меда не обошлось без ложки дегтя — приближались президентские выборы в России, назначенные на июнь 1996 года.

Борис Ельцин — первый демократически избранный президент России — баллотировался на второй срок, но дела у него шли неважно. Ельцинский план развернуть страну от коммунизма к капитализму с треском провалился. Предполагалось, что сто пятьдесят миллионов россиян поровну поделят прибыль от массовой приватизации, а вместо этого в стране появилось двадцать два олигарха, которые завладели тридцатью девятью процентами экономики, в то время как все остальные прозябали в бедности. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, профессора подрабатывали таксистами, медсестры шли на панель, а музеи продавали картины прямо из залов. Почти все жители страны чувствовали себя ограбленными и униженными и винили в этом Ельцина. В декабре 1995 года, пока я готовился к переезду в Москву, рейтинг его популярности составлял жалких 5,6 %. А рейтинг Геннадия Зюганова — соперника Ельцина, кандидата от коммунистической партии — по результатам опросов общественного мнения постоянно рос и бил всех остальных кандидатов.

Многие опасались, что если президентом станет Зюганов, то всю приватизированную собственность экспроприируют. Я мог выдержать всё: гиперинфляцию, забастовки, нехватку продовольствия, даже уличную преступность. Но если правительство просто отберет всё и объявит, что капитализм в России не состоялся, придется сушить весла.

Что мне было делать? Шанс, что победит Ельцин, оставался, поэтому я не спешил отказываться от сделки с Сафрой. С другой стороны, фонд не мог вкладывать средства в экономику страны, которая в одночасье могла их отобрать. Я решил, что правильнее всего будет переехать в Москву и подождать. Фонд мог держать деньги на счетах, не вкладывая, пока не станет ясно, кто победит на выборах. В худшем случае я признаю неудачу, возвращу деньги Сафре, вернусь в Лондон и начну все сначала.

Вне зависимости от моих планов, у Сэнди Койфмана были собственные представления, как блюсти интересы босса. В январе

1996 года он сообщил мне по телефону, что для получения средств я должен сначала разработать и предоставить им некое методическое руководство. Я понятия не имел, о какой методичке идет речь, — в договоре этого не было. Похоже, Сафру одолели сомнения, и новое требование было изящным способом выиграть время, пока он будет решать, продолжать ему со мной сотрудничать или отозвать взятые обязательства.

Я мог, конечно, попытаться оспорить новое требование, но решил не будить зверя и приступил к заданию Сэнди, внимательно следя тем временем за результатами соцопросов: повезет или нет?

Я уже целую неделю вовсю писал методическое руководство, когда мне вдруг позвонил старый знакомый — Марк Хольцман. Мы познакомились в Будапеште пять лет тому назад, когда я работал на Максвелла. Марк управлял небольшим инвестиционным банком, специализировавшимся на Восточной Европе и России, и был самым коммуникабельным человеком, которого я когда-либо встречал. Забросьте его в любую развивающуюся страну, и через сутки он уже организует вам встречу сразу с местным президентом, министром иностранных дел и главой центрального банка. Мы с ним были примерно одного возраста, но на фоне исключительно дипломатичного Марка я чувствовал себя полным дилетантом.

— Билл, привет, — раздался его голос, стоило мне поднять трубку. — Я еду в Давос. Хочешь со мной?

Марк имел в виду Всемирный экономический форум, ежегодно проводимый в швейцарском городе Давос, — первостатейное мероприятие, куда съезжаются президенты крупных компаний, миллиардеры, главы государств. Это были сливки делового сообщества. К участию приглашали только руководителей стран или корпораций мирового масштаба, которые должны были заплатить регистрационный взнос в пятьдесят тысяч долларов. Условия участия специально отсекали обычных смертных вроде нас с Марком.

— Я бы с радостью, Марк, но мне не прислали приглашения, — изрек я очевидное.

— Ну и что? У меня его тоже нет!

Я покачал головой, в очередной раз подивившись уникальному сочетанию удали, бесшабашности и тяги к приключениям в его характере.

— Ну, допустим. А где мы остановимся?

Это было дополнительным препятствием: известно, что все гостиницы в округе разобраны под бронь еще за год до мероприятия.

— А вот это как раз не проблема. Я снял одноместный номер в отеле «Бо Сежур» в самом центре города. Там всё по-простому, без изысков, зато будет весело. Давай, соглашайся!

Я сомневался. У меня полно дел. Но тут Марк с азартом добавил:

— Билл, уж кто-кто, а ты там быть просто обязан. Я организую прием для Геннадия Зюганова!

Самого Зюганова? И как это ему удается?

Выяснилось, что Марк дальновидно начал выстраивать отношения с Зюгановым задолго до того, как тот взошел на политический олимп. Когда стало известно, что Зюганов примет участие в Давосском форуме, Марк связался с ним и сказал:

— Я знаю ряд миллиардеров и президентов крупных компаний из списка «Форчун 500», которые заинтересованы во встрече с вами. Не желаете ли присоединиться к нам на небольшом закрытом приеме в Давосе?

Разумеется, Зюганов согласился. Тогда Марк разослал приглашения миллиардерам и президентам из списка участников форума. В приглашении было сказано: «Геннадий Зюганов, возможный следующий президент России, будет рад личной встрече с Вами на приеме двадцать шестого января. Просьба подтвердить Ваше согласие». Разумеется, они тоже согласились. Вот так Марк добивался успеха. Стратегия примитивная, но на удивление эффективная.

Узнав о Зюганове, я ухватился за подвернувшуюся возможность. Во вторник мы вылетели в Цюрих, откуда на поезде доехали до Давоса. Город считался престижным курортом, но я был озадачен тем, что не обнаружил в нем ничего выдающегося. Он скорее производил впечатление промышленного и делового поселения. Давос — один из самых густонаселенных городов в Швейцарских Альпах. Ряды больших практичных многоквартирных домов больше походили на муниципальное жилье, чем на традиционный лыжный курорт.

Мы с Марком прибыли в отель «Бо Сежур». Администратор за стойкой регистрации подозрительно косился на нас — два взрослых парня заселяются в одноместный номер с единственной кроватью? — но мы не смутились. Поднялись наверх, распаковали сумки. Марку досталась кровать, а мне — место на полу.

Все это было безрассудно: мы здесь посторонние. У нас не было ни приглашений, ни регистрационного взноса, ни пропуска в главный конференц-зал. Это не имело значения — главный интерес для нас представляла гостиница «Санстар Паркотель», в фойе которой встречались участники форума из России.

Оставив вещи в номере, мы сразу отправились в «Санстар» осмотреться. Там уже собрались российские политики и предприниматели разного калибра и пошиба. Я сразу же заметил знакомого бизнесмена — Бориса Федорова, председателя совета директоров небольшой московской брокерской фирмы, в прошлом (с 1993 по 1994 год) министра финансов. У него были короткие темно-русые волосы, полное лицо с округлыми щеками и очки в квадратной оправе. Ходил он с покровительственным видом, хотя ему было меньше сорока. Когда мы с Марком подошли к столику, за которым Федоров пил кофе, тот снисходительно оглядел нас и спросил по-английски:

— А вы что здесь делаете?

Это напомнило мне старшие классы школы. Может, в прошлом он и был министром финансов, но теперь это всего лишь мелкий московский брокер.

— Я собрал двадцать пять миллионов долларов для инвестиций в Россию, — ответил я непринужденно. — Но прежде чем вкладывать средства, хочу понять предвыборную ситуацию Ельцина. Вот поэтому я здесь.

Как только я произнес слова «двадцать пять миллионов долларов», отношение ко мне волшебным образом изменилось.

— Прошу, присаживайтесь, Билл. Как зовут вашего друга?

Я представил Марка, и мы сели. Федоров тут же заявил:

— О выборах можете не беспокоиться, Ельцин непременно победит.

— Как вы можете быть в этом уверены? — удивился Марк. — Его рейтинг не достигает и шести процентов.

— Об этом позаботятся вон те парни. — Он распрямил руку и круговым движением показал на фойе.

Я посмотрел в ту сторону и узнал троих: Бориса Березовского, Владимира Гусинского и Анатолия Чубайса. Троица что-то напряженно обсуждала в углу. Березовский и Гусинский были самыми известными российскими олигархами. Оба пробились наверх с нуля, оттесняя всех, кто попадается на пути, и стали миллиардерами, владельцами «заводов, газет, пароходов» и прочих активов. Чубайс был одним из самых изобретательных политических игроков России. Он был идеологом экономических реформ президента Ельцина, в том числе катастрофической программы массовой приватизации. К январю 1996 года он уже вышел из состава правительства и всецело сосредоточился на спасении пошатнувшейся кампании Ельцина.

В тот день в фойе «Санстар Паркотеля» я еще не знал, что стал свидетелем печально знаменитой «сделки с дьяволом», когда олигархи договорились бросить все свои информационные и

финансовые ресурсы на переизбрание Ельцина. Взамен они должны были практически за бесценок получить остаток неприватизированных российских компаний.

Все олигархи и мини-олигархи, с которыми мы говорили на форуме, разделяли мнение Федорова, что Ельцина переизберут. За такой уверенностью могли стоять свои резоны, однако не исключено, что они выдают желаемое за действительное. Олигархам трудно доверять даже в лучшие времена, а Ельцину оставалось еще очень далеко до победного пятидесяти одного процента.

Я пришел к выводу, что лучше выяснить намерения другого претендента на президентский пост, судя по рейтингу, наиболее популярного, чем полагаться на мечты людей, которые потеряют все, если Ельцин проиграет. В конце концов именно для этого мы сюда и приехали — оценить Зюганова на приеме, организованном Марком.

Настал вечер званого ужина. Я вошел в заполненный зал эксклюзивных приемов отеля «Флюэла». Тогда во всем Давосе было всего две пятизвездочных гостиницы — Марк оказался на высоте, сумев организовать прием именно здесь. В тот вечер в городе не было места желаннее.

Столы были расставлены большим квадратом, стулья с наружной стороны. Я всматривался в лица гостей, занимающих свои места. Никогда прежде я не видел такое внушительное собрание влиятельных людей сразу. Туда пришли Джордж Сорос, глава концерна «Сименс» Хайнрих фон Пирер, глава «Дженерал Электрик» Джек Уэлч, руководитель компании «Асеа Браун Бовери» Перси Барневик. Всего собралось более двух десятков миллиардеров и руководителей компаний, и, конечно же, мы с Марком. Желая выглядеть подобающим образом, я надел свой лучший костюм. Но про себя отметил, что вряд ли кто-нибудь еще из гостей будет спать этой ночью на полу.

Спустя некоторое время гости расселись, и в зал торжественно вошел Зюганов в сопровождении переводчика и пары телохранителей. Он занял свое место, а Марк звонко постучал по бокалу и встал.

— Уважаемые дамы и господа! Благодарю вас за то, что вы присоединились к нам сегодня вечером. Для меня большая радость быть организатором приема в честь Геннадия Зюганова, руководителя Коммунистической партии России и кандидата в президенты.

Зюганов уже собрался было вставать, когда Марк неожиданно добавил:

— Я хотел бы также поблагодарить соучредителя этого

мероприятия, Билла Браудера, который оказал неоценимое содействие в его подготовке. — Марк протянул в мою сторону руку ладонью вверх. — Билл?

Я оторопел и механически привстал, спешно помахал рукой и быстро сел на место. Не забыть про меня было со стороны Марка очень мило, конечно, но в тот момент я мечтал разве что провалиться сквозь землю.

После того как гости завершили основное блюдо, Зюганов поднялся и произнес речь. Говорил он долго и многословно, его тезисы было трудно запомнить, пока он не произнес:

— Тем из вас, кто опасается, что я стану национализировать приватизированные активы, говорю: повода для опасений нет.

Я оживился. Зюганов тем временем продолжал:

— В наши дни коммунист — это всего лишь ярлык. В России начался процесс приватизации собственности. Этот процесс необратим. Попытайся мы заново национализировать активы, страну всколыхнет от Калининграда до Владивостока.

В завершение он коротко кивнул и произнес:

— Надеюсь увидеть всех вас снова уже будучи президентом России.

Наступила звенящая тишина — он сел, взял серебряную вилку и принялся за десерт. Неужели он и вправду только что исключил возможность ренационализации? По всему выходило, что да.

Банкет вскоре завершился, и мы с Марком чуть позже вернулись в номер отеля. Я лежал на полу и не мог заснуть, мысли беспорядочно роились в голове. Если Зюганов говорил правду, то неважно, кто выиграет выборы — мой бизнес возможен и при нем. Я хотел как можно скорее поделиться этой новостью с Сэнди Койфманом.

Я позвонил ему в Женеву рано утром и рассказал о событиях предыдущего вечера. Но мои новости не произвели на него должного впечатления.

— Ты ведь не станешь верить ему на слово, Билл? Политики могут наобещать что угодно.

— Но, Сэнди, Зюганов сделал это заявление перед аудиторией самых влиятельных бизнесменов в мире! Это ведь ко многому обязывает!

— Да ни к чему это не обязывает. Люди врут, политики врут, все врут. Ну, подумай сам: ты же говоришь о российском политике. Если бы я верил всему, что мне говорили политики, Сафра давно бы обанкротился.

Я не знал, что и думать, но услышанное в Давосе давало пусть небольшой, но все же шанс на то, что бизнес состоится. Я

был полон решимости сделать ради этого все, что в моих силах.

10. Привилегированные акции

Спустя шесть недель после возвращения из Давоса я наконец завершил методическое руководство для Сэнди. Теперь он должен был решить: либо перечислить в фонд обещанные Сафрой деньги, либо отказаться от сделки.

Если бы рейтинг популярности Ельцина оставался на уровне пять-шесть процентов, Сэнди наверняка вышел бы из дела. Однако план олигархов, похоже, начал работать. К первым числам марта его рейтинг подскочил до четырнадцати процентов, что усугубило положение Сэнди. В случае отказа от сделки Сафра, по условиям договора, должен был заплатить многомиллионную неустойку. Но если Сэнди переведет деньги, а Ельцин не победит, то Сафра рисковал потерять гораздо больше. Чтобы выиграть еще немного времени, Сэнди перечислил сто тысяч долларов на расходы, что по крайней мере позволило мне открыть представительство в Москве.

Сам я тоже оказался на перепутье. Меня не радовала перспектива переезда в Москву в условиях полной неопределенности моего предприятия, но и раздражать Сафру тоже не хотелось. Если он решит отказаться от сотрудничества сейчас, мне ни за что не найти другого инвестора, — никто не захочет вкладывать в фонд двадцать пять миллионов долларов за три месяца до президентских выборов.

Я занялся делами и готовился к переезду вместе с Сабриной. Но наше положение осложнилось. Она забеременела, как только мы решили пожениться, и теперь страдала от сильного утреннего токсикоза. Порой от обезвоживания организма Сабрине становилось так плохо, что мне приходилось возить ее в больницу.

Перед самым выездом в Москву, когда мы собирали в спальне вещи, она все-таки произнесла то, что я так боялся услышать.

— Билл, я не спала всю ночь, все думала… Знаешь, я…

— Что такое?

— Прости, но я не могу ехать в Москву.

— Из-за токсикоза?

— Ну, да, и…

— Что? Ты приедешь, когда тебе станет получше?

Она в затруднении отвернулась.

— Да. То есть, наверное. Я не знаю, Билл, просто не знаю.

Как бы мне ни хотелось, чтобы в Москве Сабрина была рядом, я не мог ни в чем ее упрекать. Она скоро станет моей женой, она ждет нашего ребенка. Все прежние разговоры отошли на второй

план. Сейчас главное, чтобы она чувствовала себя счастливо и комфортно.

Мы решили, что она останется в Лондоне. На следующее утро Сабрина отвезла меня в аэропорт Хитроу. Мы попрощались у машины, и я обещал звонить ей по два раза каждый день. Я поцеловал Сабрину и зашагал к терминалу, надеясь, что вскоре она будет в состоянии присоединиться ко мне.

Мысли о Сабрине занимали меня всю дорогу. Но, приземлившись в Шереметьево и окунувшись в толпу и хаос, я уже не мог думать ни о чем другом, кроме будничной жизни в Москве.

Список дел занимал две страницы. Первый пункт — найти офис. Я снял себе номер в гостинице «Националь» и затем позвонил Марку Хольцману. Он незадолго до того открыл в Москве свой офис. Марк сказал, что на том же этаже есть свободное помещение, и я договорился приехать посмотреть это место.

На следующее утро я вышел из гостиницы и встал у дороги, чтобы поймать такси. Не успел я вытянуть руку, как со средней полосы лихо свернула машина скорой помощи и резко затормозила прямо передо мной. Водитель наклонился, опустил стекло и спросил:

— Куда едете?

Я понял, что он спрашивает, куда мне нужно, и на ломаном русском произнес:

— «Парус Бизнес Центр», Тверская-Ямская, двадцать три.

Этими словами практически и ограничивались мои познания в русском языке. В отличие от других иностранцев в Москве, я раньше не изучал русской литературы, не проходил подготовку в разведшколе и вообще не занимался ничем таким, что подготовило бы меня к жизни в России.

— Пять тысяч рублей, — сказал водитель.

Пять тысяч рублей — примерно один доллар — чтобы проехать три с небольшим километра. Пока мы переговаривались, еще четыре машины остановились на случай, если меня не устроит скорая. Но я спешил, так что запрыгнул в салон. Садясь на пассажирское место, я оглянулся через плечо, на всякий случай — убедиться, что там нет тел или пострадавших. К счастью, сзади было пусто. Я закрыл за собой дверь, и мы влились в уличное движение в сторону Тверской.

Вскоре я узнал, что это здесь обычное явление — машины скорой помощи вот так запросто подвозили голосующих. Любой транспорт в России был потенциальным такси. Частники, патрульные машины, даже мусоровозы — всем не хватало денег,

и все были готовы подбросить пассажира.

Через десять минут мы остановились у входа в деловой центр «Парус». Я расплатился с водителем и перешел через подземный переход на другую сторону улицы. Войдя в здание, прошел мимо представительства местного автодилера «Шевроле», расположенного в вестибюле, и встретился с управляющим зданием — расторопным австрийцем.

Он провел меня в пустое помещение на четвертом этаже. Площадью оно было метров восемнадцать, размером со среднюю спальню. Окна из стеклопакета приоткрывались всего на несколько сантиметров и выходили на небольшую парковку с тыльной стороны здания. Из окон открывался вид на обшарпанные советские дома-муравейники. Помещение было неказистым, но функциональным, имелось несколько телефонных розеток, к тому же рядом был офис Марка. Австриец хотел четыре тысячи долларов в месяц — прямо скажем, недешевая аренда. Я попытался торговаться, но он только рассмеялся мне в лицо. Мы еще немного поспорили, но пришлось сдаться и подписать с ним договор.

Ну вот, у меня есть офис — теперь нужны сотрудники. Несмотря на то, что миллионы россиян отчаянно бились об лед в поисках заработка, найти в Москве хорошего работника, владеющего английским языком, было почти нереально. Семьдесят лет жизни при коммунистах искоренили в людях предпринимательские навыки. Миллионы русских попадали в трудовые лагеря за малейшее проявление инициативы. Советская власть сурово расправлялась с любым проявлением свободы мысли, поэтому естественной защитной реакцией было желание не выделяться и вообще делать поменьше. Это впитывалось с молоком матери. Чтобы организовать бизнес в западном стиле, надо было воспитать новичка, развив в нем такие качества, как быстрота действий и ясность мышления, разве что вам повезет встретить человека, чудесным образом сохранившего эти качества в едкой советской среде.

К счастью, мне повезло. Незадолго до моего приезда в Москву закрылась одна местная фирма, которая вела операции на фондовом рынке. В ней работало немало специалистов, подготовленных по западному образцу, и теперь они остались без работы. Таким образом мне меньше чем за неделю удалось нанять сразу троих сотрудников: Клайва — младшего трейдера и аналитика из Великобритании; Светлану — секретаря с идеальным английским; и Алексея — опытного водителя, говорившего только по-русски.

После этого я попросил Светлану подобрать мебель для

офиса. Светлана была невысокой симпатичной темноволосой девушкой двадцати двух лет родом из Литвы, с жизнерадостным характером. Она с энтузиазмом взялась за дело. Осмотревшись в мебельном магазине, она позвонила мне и сказала, что там есть изящные столы и стулья из Италии. По ее мнению, они отлично подходят для нашего офиса.

— Сколько они стоят? — спросил я.

— Около пятнадцати тысяч долларов.

— Пятнадцать тысяч?! Ты шутишь! А что у них еще есть?

— Выбор небольшой. Жуткие пластмассовые столики и складные стулья, и всё.

— И сколько они стоят?

— Около шестисот долларов.

— Берем.

К концу дня мы обзавелись четырьмя пластмассовыми столиками и восемью складными стульями. И еще комнатным растением, которое Светлана купила по собственной инициативе. Затем мы приобрели и установили компьютеры, так что к концу недели моя неоперившаяся команда была готова к бою.

Пока мы обустраивались, рейтинг Ельцина продолжал расти. Но до выборов оставалось еще больше десяти недель, а Сэнди не спешил переводить фонду деньги. Тем временем я с головой ушел в изучение потенциально интересных компаний, надеясь, что Сафра все же сдержит обещание и переведет свои двадцать пять миллионов долларов для инвестиций.

Первой компанией, к которой я решил присмотреться, был Московский нефтеперерабатывающий завод, сокращенно МНПЗ. Пока я трудился в «Саломон Бразерс», мы заработали много денег на акциях российских нефтяных компаний, так что крупное столичное нефтеперерабатывающее предприятие казалось перспективным объектом для вложений.

Светлана договорилась о встрече с главным бухгалтером МНПЗ, и в начале апреля мы поехали в головную контору завода. Полная блондинка лет пятидесяти в непритязательном темно-бордовом брючном костюме встретила нас у входа в старое залатанное здание и провела внутрь. Помещение явно знавало лучшие времена. Лампы мерцали, то ярко вспыхивая, то угасая; куски напольной плитки отколоты; стены замызганы.

После того как мы расположились в кабинете, я задал ей ряд важных для меня вопросов: каковы были выручка и прибыль предприятия за прошлый год, сколько акций находится в обращении и тому подобное. Такие вопросы могут показаться обыденными, но тогда в России не существовало общедоступной информации по компаниям. Получить ее можно было только при

личной встрече.

Светлана переводила ответы про выручку и прибыль, но когда мы добрались до вопроса о количестве акций в обращении, бухгалтер задала мне встречный вопрос:

— Вы имеете в виду обыкновенные или привилегированные акции?

Я слышал термин «привилегированные акции», но не знал, о чем именно она говорит, поэтому спросил:

— А что это?

— Привилегированные акции были выданы работникам во время приватизации.

— И чем они отличаются от обыкновенных?

— По ним выплачивается дивиденд в размере сорока процентов от прибыли.

— А какой размер дивидендов по обыкновенным акциям?

— Минуточку. — Она взяла со стола тяжелую папку и внимательно просмотрела несколько замусоленных страниц. — Согласно документации, в прошлом году дивиденды по ним не начислялись.

— Значит, по привилегированным акциям выплачивался дивиденд в размере сорока процентов от прибыли, а по обыкновенным не выплачивалось ничего, так? — подытожил я, не вполне понимая причину такого несоответствия.

— Да, верно.

Завершив встречу с главным бухгалтером, мы со Светланой вскочили в старенькие жигули Алексея (эта марка автомобилей встречалась в городе повсеместно) и помчались в офис. Пока мы пробирались через полуденный поток транспорта, я позвонил Юрию Бурзинскому, толковому местному брокеру. Русский эмигрант из Нью-Йорка, он недавно вернулся в Москву для работы в инвестиционной компании «Кредитанштальт-Грант». В отличие от других брокеров, он не предлагал «туристические» акции (типа кокосов на Фиджи — туристам на пляже их впаривают по десять долларов, а местные покупают в городе по двадцать центов).

Юрию было лет двадцать с небольшим, и говорил он всегда приглушенным голосом, будто сообщает секретные сведения. Чаще всего его было нелегко понять, но когда мне это удавалось, информация обычно оказывалась интересной.

— Юрий, добрый день. У тебя есть данные по ценам на привилегированные акции МНПЗ? — спросил я.

— Не знаю. Может, и есть. Сейчас посмотрю.

Прикрыв трубку рукой, он пробурчал что-то трейдеру. В глубине доносились какие-то неразборчивые крики. Через

некоторое время я услышал голос Юрия:

— Да, могу достать сто тысяч по пятьдесят центов за акцию.

Его было едва слышно, так что мне пришлось переспросить. Он повторил.

— А обыкновенные акции сколько стоят?

После некоторого бурчания на том конце провода я получил ответ:

— Сто тысяч по семь баксов за штуку.

— Ты уверен?

— Ну, да. Такие цены.

Я не хотел преждевременно раскрывать свои карты, но сердце мое учащенно забилось.

— Хорошо, я перезвоню, — сказал я.

Завершив разговор, я стал обдумывать ситуацию: похоже было, что эти привилегированные акции гораздо выгоднее обыкновенных. Может, с ними что-то не так? Почему цена на них на девяносто пять процентов ниже, чем на обыкновенные акции?

Когда мы добрались до офиса, я отправил Светлану обратно в МНПЗ за экземпляром устава предприятия, где должно быть сказано, какие права у каждой категории акций. Она вернулась через два часа, и мы погрузились в его изучение. Единственным существенным отличием между привилегированными и обыкновенными акциями было то, что привилегированные не давали права голоса. Это не выглядело большой проблемой, поскольку зарубежные инвесторы, такие как мы, и так не голосовали на ежегодных собраниях акционеров в России.

Я был убежден, что должно существовать какое-то объяснение колоссальной разнице в ценах. Несколько следующих дней я провел в поисках ответа. Может быть, у привилегированных акций другая номинальная стоимость? Нет. Или их владельцами могли стать только работники предприятия? Нет. Могла ли компания произвольно изменить или отменить более высокие дивиденды? Нет. Возможно, они представляют лишь малую часть акционерного капитала? Тоже нет. Никаких причин я не нашел. Единственное, к чему я пришел, — это то, что до меня о них просто никто не спрашивал.

С еще большим изумлением я обнаружил, что эта аномалия свойственна не только МНПЗ. Почти у каждой российской компании были привилегированные акции, и большинство продавалось с огромной скидкой по сравнению с обыкновенными. Это могло стать золотой жилой.

Изначально я планировал оставить Сэнди в покое до президентских выборов, но ситуация выглядела очень уж привлекательно. Привилегированные акции продавались с 95-

процентной скидкой к цене обыкновенных акций, а обыкновенные акции, в свою очередь, — с 90–99-процентной скидкой по сравнению с ценами на акции западных компаний. Что бы там Сэнди ни думал про Зюганова, финансовые аномалии вроде этой слишком редки, чтобы просто пройти мимо. Обычно считается удачей найти что-нибудь с 30-процентной скидкой, не говоря уже о 50-процентной, но я обнаружил неслыханную недооценку. Я горел желанием немедля рассказать об этом Сэнди.

Когда я представил Сэнди свои расчеты, он тотчас оживился и засыпал меня массой вопросов. К концу разговора я уже чувствовал, как он прикидывает, в каком ключе подать эту информацию Сафре и обосновать инвестиции.

Спустя два дня Центр изучения общественного мнения под руководством Юрия Левады опубликовал новые рейтинги Ельцина: они подскочили с четырнадцати до двадцати двух процентов. Уже через три минуты после этого объявления мне позвонил возбужденный Сэнди:

— Ты видел результаты опроса?

— Да. Потрясающе!

— Слушай, Билл, думаю, пора начинать инвестировать в эти привилегированные акции. Я завтра отправлю фонду два миллиона.

Я поделился новостью с Клайвом и Светланой, и мы поздравили друг друга, хлопнув по ладоням в традиционном американском стиле. Я даже подошел к Алексею, которому на предыдущей работе в Мосавтоинспекции не был привычен этот жест. Я неловко поднял его руку ладошкой кверху и шлепнул по ней своей, а он в ответ широко улыбнулся. Было видно, что он тоже рад принять участие в этом забавном американском ритуале.

Итак, мы были в деле. К концу следующего дня фонд вложил все полученные средства в российские привилегированные акции.

За следующие три недели рейтинг Ельцина вырос с двадцати двух до двадцати восьми процентов. Впервые с начала предвыборной кампании люди поверили, что он может выиграть. На рынке акций появились новые покупатели, спрос увеличился, и портфель фонда вырос на пятнадцать процентов.

В отличие от других решений в жизни, с инвестициями просто — прав ты был или нет, покажет рыночный курс купленных акций. Здесь нет места неопределенности и разночтениям. Сэнди видел, что первые два миллиона долларов принесли триста тысяч прибыли, и это убеждало больше, чем любые слова или расчеты. Он позвонил мне на мобильный во второй половине дня в субботу и сообщил, что утром в

понедельник добавит еще три миллиона.

Угроза апокалипсиса отступила, фондовая биржа отреагировала на это бурным ростом, и другие инвесторы, не желая упускать шанс, разом ринулись на молодой неликвидный рынок российских акций. Это привело к ажиотажу. Через неделю после того, как Сафра отправил дополнительные три миллиона, стоимость фонда возросла еще на двадцать один процент. За несколько первых недель работы фонда стоимость его инвестиционного портфеля выросла на сорок процентов. В мире высоких финансов это считалось бы успешным годом, а мы достигли этих показателей всего за три недели!

В следующий понедельник Сэнди уже без всякого предупреждения перевел фонду еще пять миллионов.

В разгар этого успеха я должен был отправиться на свадьбу — нашу с Сабриной. Мы собирались пожениться двадцать шестого мая 1996 года — всего за три недели до выборов в России. В среду, за несколько дней до церемонии, я поспешил в Лондон, чтобы подготовиться.

На свадьбу мы пригласили двести пятьдесят гостей со всех концов света. Когда Сабрина, стоя на специальном возвышении в центре лондонской синагоги на Марбл Арч, произносила слова брачного обета любить и лелеять меня до нашей смерти, меня переполнили эмоции. Эти искренние слова проникали в самое сердце. Я произнес в ответ свою клятву, с трудом сдерживая слезы. Я никак не мог наглядеться на свою прекрасную нежную жену. После церемонии нас ждал шумный и веселый праздник. Оркестр играл «Хава нагила», нас поднимали на стульях, и потом все танцевали ночь напролет. Свадьба вышла головокружительная, мы были в кругу семьи и друзей, казалось, что все звезды благоволят нам двоим.

Я обещал Сабрине, что мы отправимся в свадебное путешествие, но устроить его я смогу только после выборов. Так что уже в следующий понедельник я вернулся в Москву — очень устал, но светился от счастья. Когда я прибыл в офис, Клайв сообщил, что пришли еще пять миллионов долларов от Сафры. В течение последующих двух недель Сафра сделал еще два перевода по пять миллионов. К первой декаде июня, всего за неделю до выборов, Сафра вложил все обещанные двадцать пять миллионов, а фонд Hermitage вырос на 65 процентов по сравнению с первоначально вложенной суммой.

Первый тур выборов российского президента состоялся шестнадцатого июня. Мы с Клайвом, Светланой и Алексеем сидели в офисе с шести утра, отслеживая первые данные с Дальнего Востока — разница московского времени с местным

составляла минус семь часов. Ельцин показывал хорошие результаты. На Сахалине он набрал 29,9 %, а Зюганов — 26,9 %. Затем стали поступать цифры из других регионов. Западнее, в Красноярске, за Ельцина проголосовало уже 34 %. Наконец, в Москве количество его голосов достигло 61,7 %. В конечном итоге он набрал 35,3 %, обойдя Зюганова с его 32 % и оставив позади остальных кандидатов. Ельцин набрал простое большинство, но в соответствии с российскими законами победитель должен набрать больше половины всех голосов избирателей, поэтому на третье июля назначили второй тур выборов.

Для всех, кровно заинтересованных в переизбрании Ельцина, еще две недели ожидания были пыткой. Я все еще немного волновался за исход выборов, но, как оказалось, напрасно. К полудню третьего июля не осталось никаких сомнений, что Ельцин остается у руля. После окончательного подсчета голосов было объявлено, что он обошел Зюганова почти на 14 процентов.

Рынки отреагировали мгновенным ростом, а фонд взлетел на 125 процентов. Это была победа! Теперь я был в деле по-настоящему — окончательно и бесповоротно.

11. «Сиданко»

Однажды в пятницу ближе к вечеру я узнал еще об одной перспективной инвестиционной возможности. Дело было в августе 1996 года. На дворе стояла адская жара. В офисе слышался лишь тихий гул компьютеров, сопели кондиционеры и прерывисто жужжал слепень. За окном офиса было необычно тихо. По пятницам измученные жарой жители столицы растекались по пригородным дачам. Складывалось ощущение, что в этот вечер мы остались в городе совсем одни.

Наша небольшая команда уже собиралась уходить, когда зазвонил телефон.

— «Эрмитидж». Здравствуйте, — произнесла Светлана скучающим тоном. Она повернулась на стуле и, прикрыв трубку рукой, сказала: — Билл, это Юрий.

— Юрий? Соединяй.

Я взял трубку, и тот еле прошептал:

— Билл, привет. У меня тут четырехпроцентный пакет акций «Сиданко». Интересует?

— А что это?

— Крупная нефтяная компания в Западной Сибири. Никто о ней не слышал.

— А кто ее контролирует?

— Группа под руководством Потанина.

Владимира Потанина знали все. Это был российский олигарх-миллиардер, человек сурового вида с лицом, изрытым оспинами, одно время он даже работал заместителем председателя правительства России.

— И сколько они хотят за четыре процента?

— Тридцать шесть миллионов шестьсот тысяч.

Капитализация фонда росла, однако ему был не по карману такой большой, пусть и крайне заманчивый, пакет акций. С другой стороны, если компания, предлагающая акции, достаточно привлекательна, то фонд может приобрести какую-то их часть. Я размышлял про себя.

— Если вам это не интересно, то ладно, — сказал Юрий.

— Да нет, Юрий, может быть интересно. Но сначала я должен изучить эту компанию.

— Не вопрос.

— Сколько у меня времени?

— Трудно сказать. Я придержу их недельку, пока продавец не начнет давить, хотя не думаю, что найдутся другие желающие купить акции компании второго эшелона.

Я повесил трубку. Мы ушли на выходные. По дороге домой меня охватило до боли знакомое чувство — что-то подсасывало в желудке. Нечто похожее я испытал, когда узнал, что две тысячи долларов польских инвестиций выросли почти в десять раз, или когда открыл для себя ваучерную приватизацию в России.

Рано утром в субботу я вернулся в офис и принялся изучать аналитику в поисках сведений о «Сиданко», но среди имевшихся у нас отчетов и докладов ничего не нашлось. В понедельник, как только в офисе появились коллеги, я подозвал Клайва и сказал:

— Я искал в наших материалах какую-нибудь информацию о компании «Сиданко» и без успеха. Можешь позвонить брокерам и узнать, есть ли что-то у них?

Клайв ответил, что займется этим.

Я сходил на несколько встреч, а вернувшись к полудню, спросил у Клайва, удалось ли что-то найти по «Сиданко». Он отрицательно покачал головой: ни аналитических отчетов, ни статей, ни фактов, ни даже слухов. Глухо.

Досадно, конечно, но в принципе объяснимо. Акции крупных компаний, таких, например, как «ЛУКОЙЛ», 67 процентов которой торговались на бирже, были ликвидными и давали брокерам хорошие комиссионные. Этих комиссионных хватало на то, чтобы аналитики проводили исследования и составляли отчеты для инвесторов, интересующихся ценными бумагами. В случае «Сиданко» на свободном рынке ходило всего четыре процента акций — и доходы от комиссионных не оправдывали время, затраченное на изучение компании и обзоры.

— Что ж, выходит, нам придется самим заниматься поиском и проводить исследование, — сказал я.

В России искать информацию — все равно что провалиться в кроличью нору и побывать в «стране чудес», если вы, конечно, помните сказку Льюиса Кэрролла про Алису. Ты задаешь вопрос, тебе отвечают загадкой. Вроде видишь свет в конце туннеля, но вдруг перед тобой вырастает стена. Все было очень запутанно и расплывчато, сплошное гадание на кофейной гуще. Семьдесят лет КГБ культивировал шпиономанию, и в результате россияне тщательно оберегали любые данные — так, на всякий случай, как бы чего не вышло. Даже простой вопрос о здоровье иной человек принимал за покушение на государственную тайну. Я чувствовал, что расспросы об экономическом состоянии компании вызовут куда большее напряжение.

Однако я был настроен на успех. Приступив к поискам, я вспомнил, что один мой сокурсник по Стэнфорду издает журнал о нефтегазовой отрасли, — возможно, у него найдется что-нибудь о «Сиданко». Я позвонил, но тот вместо информации о компании

начал предлагать мне платную подписку на журнал.

— Всего каких-то десять тысяч долларов! — задорно уговаривал он.

Подписка меня совершенно не интересовала.

— Это не заложено в бюджет, — отнекивался я.

— А, Билл, — рассмеялся он, — так и быть: как сокурсник сокурснику я тебе пришлю старые выпуски бесплатно.

— Отлично! Большое спасибо.

Затем я занялся стопкой визиток на столе. Будь я инвестиционным банкиром в Лондоне, моя визитница ломилась бы от множества тисненых карточек на дорогой бумаге. Здесь же, в России, коллекция визиток выглядела куда скромнее: одни картонные, другие на цветной бумаге самых нелепых оттенков, третьи вообще напоминали распечатку на домашнем принтере. Две визитки склеились из-за дешевых чернил. Красота красотой, но других визиток у меня не было, и я стал внимательно перебирать все.

Разлепив склеенные визитки, я наткнулся на телефон человека, которого знавал прежде: Дмитрий Северов, консультант одной российской инвестиционной компании. Я познакомился с Дмитрием, когда работал на «Саломон Бразерс», и сейчас вспомнил, что он консультировал российские нефтяные компании по вопросам банковского кредитования. Он наверняка знает что-нибудь о «Сиданко». Я снял трубку, набрал его офис и предложил встретиться. Он охотно согласился.

Офис Дмитрия располагался в многоквартирном жилом доме на тихой улочке недалеко от Кремля, в одном из самых престижных районов города. В будке у входа скучал охранник в черной форме и курил сигарету. Не будь шлёпок на ногах, он вполне сходил бы за спецназовца. Не глядя он махнул в сторону лифта.

Я достал бумажку с адресом, который записала Светлана, и нахмурился. Офис Дмитрия находился на «четвертом этаже с половиной» — я и понятия не имел, что такое возможно. То ли мне надо теперь доехать на лифте до четвертого этажа и подняться пешком наверх, то ли спускаться с пятого?

Мимо прошел, задев меня, какой-то мужчина и вызвал лифт. Лифт двигался очень медленно и был ужасно узким, как телефонная будка. Мне пришлось втиснуться в него вместе с мужчиной, чтобы не ждать еще минут десять. Он нажал на кнопку четвертого этажа и подозрительно уставился на меня. Я потупился и стоял молча.

Выйдя из лифта, мы направились в противоположные стороны. Я поднялся на половину лестничного пролета, обходя

окурки. Полная немолодая женщина впустила меня в квартиру. Должно быть, мама или секретарь Дмитрия. Сказав, что Дмитрий обедает, она провела меня на кухню.

— Садитесь, садитесь! — пригласил Дмитрий, отодвигая корзинку с черным хлебом и банку с сахаром. Я сел на хлипкий пластмассовый стул напротив и старался не замечать, как он макает хлеб в суп. — Чем могу помочь? — спросил он прихлебывая.

— Я занимаюсь исследованием нефтяных компаний.

— Хорошо! Вы обратились по адресу.

— Вы можете что-нибудь рассказать о «Сиданко»?

— Конечно. Я все знаю о «Сиданко». — Он поднялся, вышел и тут же вернулся с большой таблицей. — Что вы хотите узнать?

— Для начала — каковы их запасы.

Мы вместе просмотрели данные, и Дмитрий ткнул пальцем в один столбец. По имевшимся у него сведениям, запасы нефти «Сиданко» составляли шесть миллиардов баррелей. Умножив цену четырех процентов акций на двадцать пять, я получил стоимость всей компании — девятьсот пятнадцать миллионов долларов. Я разделил эту сумму на количество баррелей нефтезапасов, и получалось, что стоимость акций «Сиданко» на бирже была эквивалентна пятнадцати центам за баррель. Это была нелепая цена, потому что в то время рыночная стоимость одного барреля нефти составляла двадцать долларов.

Я нахмурился: что-то тут не так. Если цифры верны, пусть даже приблизительно, то компания стоит фантастически дешево.

— Невероятно… — пробормотал я себе под нос.

Я поблагодарил Дмитрия и ушел. Вернувшись в офис, я попросил Клайва провести оценку стоимости «ЛУКОЙЛа», самой известной российской нефтяной компании. Пообщавшись с брокером, Клайв передал мне расчеты. Я несколько секунд стоял, уставившись на цифры.

— Этого не может быть.

— Но такие цифры мне дал брокер, — ответил он, оправдываясь.

Акции «ЛУКОЙЛа» в перерасчете на баррель нефтезапасов стоили в шесть раз дороже акций «Сиданко», хотя компании были одного уровня — это мне казалось невероятным.

— Почему же «ЛУКОЙЛ» стоит настолько дороже?

Клайв прищурился:

— А что, если с «Сиданко» что-то не так?

— Возможно. А если все в порядке? Может, она и вправду стоит дешевле?

— Было бы здорово. Но как в этом убедиться?

— А мы спросим их самих. Если не ответят, будем спрашивать других людей, пока не разберемся.

На следующий день мы продолжили наши изыскания.

Офис «Сиданко» располагался в старинном царском особняке на берегу Москвы-реки, неподалеку от резиденции посла Великобритании. Я отправился туда со Светланой. В приемной нас встретила эффектная молодая блондинка в туфлях на шпильках. Она провела нас в зал в стиле семидесятых годов, с фанерными шкафами и выцветшим вельветовым диваном, и сообщила, что начальник скоро подойдет.

Мы прождали руководящего сотрудника отдела стратегического развития полчаса. Высокий, худой, слегка за тридцать, но уже с заметными залысинами, он вошел в зал заседаний с видом председателя правления, все утро проводившего важные встречи. Он что-то пробурчал себе под нос, но что именно, я не разобрал.

— Он приносит извинения, что заставил вас ждать, — выручила Светлана, — и спрашивает, чем может помочь.

— Пожалуйста, чай? — произнес он по-русски.

— Он спрашивает, не хотите ли вы чаю, — сказала Светлана. Она сидела на кожаном стуле между нами, и ей явно было неудобно.

Мужчина посмотрел на часы. Время шло, и я отказался от чая.

— Скажи ему, что я хотел бы узнать объем запасов нефти у компании, — попросил я. Я уже владел этой информацией, но надо было перепроверить.

Он заерзал на стуле, как будто понял мой вопрос, но все же ждал, пока Светлана переведет. Растянув губы в напряженной улыбке и закинув ногу на ногу, он пустился в объяснения. Через несколько минут он сделал паузу, чтобы Светлана могла перевести.

— Он говорит, что самое важное в запасах нефти — это технология бурения компании. Говорит, что у «Сиданко» самое современное оборудование и лучшие инженеры в стране.

Прежде чем я успел вставить слово, он жестом остановил меня и продолжил монотонно говорить о бурении, узких местах нефтепровода и маркетинговых подразделениях, а Светлана прилежно переводила. Неожиданно она сказала:

— Он спрашивает, есть ли еще вопросы.

— Можешь спросить его о запасах нефти?

— Я уже спросила, — смутилась она.

— Но он не ответил. Спроси еще раз.

Светлана покраснела и опять повернулась к нему. Он

откинулся назад и ждал, пока она договорит, затем кивнул, мол, понял мой вопрос и собирается на него ответить.

На этот раз он говорил еще дольше. Поняв, что он не будет делать паузы на перевод, я дал Светлане листок и ручку, и она начала быстро конспектировать речь. Минут через пять она недоуменно взглянула на меня, не зная, нужно ли записывать дальше. Через десять минут она отложила бумагу.

Наконец, он завершил свою лекцию, выдвинулся на стуле вперед и кивнул Светлане, мол, можно переводить. Она сверилась с заметками.

— Он говорит, что лучшую нефть в России добывают в Западной Сибири — она лучше, чем тяжелая нефть из центральных областей Татарстана и Башкортостана. Еще…

— А он назвал объем запасов? — прервал я ее.

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

— Спроси его опять.

Светлана застыла.

— Смелее, — кивнул я. — Все в порядке.

Она медленно повернулась к сотруднику компании. Тот уже не улыбался. Раздраженно достав из кармана мобильный телефон, он начал пролистывать меню. Светлана робко задала вопрос в третий раз. Он встал и что-то отрывисто сказал ей.

— Он говорит, что опаздывает на другую встречу, — тихо перевела Светлана.

Он явно не собирался отвечать на мой вопрос. Я не мог понять, почему он так боится сообщить объем запасов нефти компании. Возможно, он не знает ответа или полагается на русскую мудрость сидеть тише воды, ниже травы и не брякнуть лишнего. В России бытует мнение, что конкретика чревата неприятностями, поэтому люди предпочитают держаться от греха подальше и осторожничают в словах. Услышав прямой вопрос, россияне склонны подолгу говорить ни о чем, на разный лад увиливая от ответа. Большинство людей либо слишком воспитаны, чтобы настаивать и требовать ответа, либо успевают забыть свой вопрос. Когда сталкиваешься с таким лицемерием, надо быть предельно собранным и настойчивым, иначе упустишь шанс узнать что-то дельное.

— Он сказал, что надеется, что исчерпывающе ответил на все ваши вопросы.

Мужчина протянул руку для рукопожатия и на чистейшем английском добавил:

— Пожалуйста, приходите к нам еще. Мы всегда рады встрече

с западными инвесторами.

Было ясно, что сотрудники «Сиданко» не поделятся существенной информацией о своей компании. Тогда мы стали договариваться о встречах с представителями других нефтяных компаний в надежде на то, что им известно что-нибудь о конкуренте.

Начали мы с «ЛУКОЙЛа». При входе в их здание всегда производили досмотр, просвечивали все вещи, забирали телефон и паспорт и возвращали только на выходе. Меня проводили к экс-сотруднику КГБ, которого компания специально наняла в отдел по работе с иностранными инвесторами, чтобы общаться с такими, как я. Он устроил мне часовую презентацию и демонстрировал фотографии радостных специалистов компании, которые позируют в касках на фоне буровых вышек.

Финансовый директор компании «Юганскнефтегаз» пытался уговорить меня ссудить им полтора миллиарда долларов на покупку нового нефтеперерабатывающего завода.

В московском офисе «Татнефти», менее крупной нефтяной компании, головная контора которой расположена в Татарстане, мне предложили принять участие в строительстве автомагистрали.

Остальные встречи прошли в том же ключе. Каждый раз я приходил с оптимизмом и надеждами, и каждый раз уходил ни с чем: меня засыпали массой пустых деталей.

Я начал чувствовать, что вся эта работа отнимает слишком много времени и сил. А на что я, собственно, рассчитываю, если аналитики всех инвестиционных банков списали «Сиданко» со счетов? Может, есть веская причина, почему никто не заинтересовался этим четырехпроцентным пакетом?

Когда я вернулся в офис с очередной встречи и был готов отказаться от этой затеи, Светлана вручила мне большой плотный коричневый конверт:

— Только что получили из Америки! От вашего знакомого из отраслевого журнала, с которым вы разговаривали.

— Проехали. Можешь сразу выбросить его в корзину, — буркнул я, не глядя на конверт.

Я решил, что внутри скорее всего рекламные материалы, расписывающие выгоду инвестиций в буровые вышки. Но потом передумал: а вдруг отыщется что-нибудь дельное? Я остановил Светлану:

— Хотя постой. Принеси, пожалуйста, обратно.

Листая подшивку журнала, я понял, что сокурсник прислал мне настоящий кладезь информации. Этот малоизвестный глянцевый журнал оказался золотым ключиком к моей

головоломке. В приложении к журналу приводились все нужные мне данные о российских нефтяных компаниях, включая неуловимую «Сиданко»: запасы нефти, объем производства, нефтепереработки — словом, вся информация была аккуратно собрана в одном месте и выглядела вполне убедительно.

Я взял листок бумаги и разделил его на две колонки, озаглавив их «Сиданко» и «ЛУКОЙЛ». Затем выписал и классифицировал все найденные в журнале факты об этих компаниях, вписал их в соответствующие колонки, потом подытожил общую картину и не обнаружил между ними почти никаких отличий. После распада Советского Союза инфраструктура обеих компаний развивалась слабо. И там, и там буровые вышки ржавели, а нефтепроводы прохудились; и там, и там за одинаково мизерную зарплату дорабатывали по старинке прежние сотрудники.

Пожалуй, единственное отличие заключалось в том, что компанию «ЛУКОЙЛ» все знали и по ней было написано множество аналитических отчетов, а по «Сиданко» — ни одного. Сопоставив данные по «ЛУКОЙЛу» в этих отчетах и в присланном мне журнале, мы увидели, что они полностью совпадают. Это привело меня к заключению, что журнальные сведения о «Сиданко» надежны.

Для меня это было открытие. Все знали, какой лакомый кусок компания «ЛУКОЙЛ»: она контролировала такой же объем нефти и газа, как «Бритиш Петролеум», но стоила в десять раз дешевле британского гиганта. А тут появляется никому не известная «Сиданко», у которой нефти ненамного меньше, чем у «ЛУКОЙЛа», но при этом стоит она в шесть раз дешевле «ЛУКОЙЛа» и, следовательно, в шестьдесят раз дешевле «Бритиш Петролеума»!

Отличная инвестиционная идея — дальше тут и думать было нечего. Фонд, на основании нашего анализа, приобрел 1,2 % компании «Сиданко» по четыре доллара за акцию, потратив примерно одиннадцать миллионов долларов. Это была одна из крупнейших инвестиций, в которой я когда-либо участвовал. Как только Эдмонд Сафра услышал об этом, он захотел дополнительно вложить собственные средства и вскоре приобрел такое же количество акций для себя.

Обычно в случае свободного обращения акций компании на бирже цены на них устанавливает рынок. В случае «Сиданко» 96 % акций принадлежало одной инвестиционной группе и 4 % миноритарным акционерам (в том числе и нам). Таким образом, у нас не было возможности оценить на рынке, по хорошей ли цене купили мы акции или нет. Какое-то время меня это устраивало,

но шли месяцы, и я начинал понемногу беспокоиться. Тщательный анализ данных и определенная доля уверенности в себе — одно дело. Но вдруг я просчитался, и фонд потеряет существенную часть своих вложений? Со временем я даже начал сомневаться: может, стоило просто плыть по течению и поступать, как все, а не ввязываться в авантюры? Я старался совладать с тревогой и надеялся рано или поздно услышать хорошие новости. И действительно, через год с небольшим кое-что произошло.

Четырнадцатого октября 1997 года компания «Бритиш Петролеум» объявила о покупке десяти процентов акций «Сиданко» из 96-процентного пакета Владимира Потанина — по цене с премией в 600 % к той, что мы заплатили за год до этого.

Это был полный успех.

12. Золотая рыбка

Прошедший год был полон событий. Мой бизнес начал набирать обороты. Но, что важнее всего, в ноябре 1996 года у меня родился сын Дэвид. Сабрина, как и обещала, после родов привезла его в Москву, и мы зажили вместе одной семьей. Сабрина украсила детскую и даже сама сшила занавески и подушечки. Вскоре она познакомилась с другими мамами-иностранками, так что у нее появился в Москве какой-то круг общения.

Но все же, как ни старалась Сабрина, в Москве ей было неуютно. В новом году она стала чаще ездить в Лондон и проводила там все больше времени. К тому моменту, как сыну исполнился год, она почти не появлялась с ним в Москве. Меня это совсем не радовало, но, с другой стороны, я не мог настаивать, чтобы она была там, где чувствовала себя некомфортно. Я навещал ее с Дэвидом в Лондоне каждые вторые выходные.

Наступающие рождественские праздники Сабрине захотелось провести в Кейптауне. ЮАР у меня с детства ассоциировалась с апартеидом и расизмом, поэтому особого желания ехать туда не возникало. Однако настойчивость Сабрины взяла верх над моими предрассудками, и в конце концов я согласился. На самом деле мне было не так уж важно, куда ехать, поскольку я все равно планировал работать. Если нормально работает мобильник, а под рукой есть факс, то меня устроит любой вариант.

Девятнадцатого декабря мы прилетели в Кейптаун и остановились в гостинице «Маунт Нельсон». Все предубеждения испарились в мгновение ока — это было превосходное место.

Величественное здание отеля — колониальное наследие Британской империи — располагалось у подножия Столовой горы, напоминавшей крепость. В безоблачном небе над Кейптауном всходило яркое солнце, вокруг отеля мирно покачивались темные пальмы, а под ними простиралось море зеленых лужаек. В бассейне весело плескались дети, пока родители отдыхали неподалеку в шезлонгах. Легкий теплый ветерок играл в белоснежных скатертях обеденного зала, а официанты с идеальной выучкой услужливо разносили напитки, еду и всё, что душа пожелает. Это был рай на земле — прямая противоположность декабрьской Москве.

Впервые за много лет я сделал передышку и стал понемногу приходить в себя. Лежа у бассейна и наблюдая, как Дэвид забавляется игрушками, разложенными рядом на полотенце, я

почувствовал, насколько устал и на каком взводе жил все это время. Я с удовольствием погружался в состояние полного покоя. Сабрина была права, выбрав для отдыха это прекрасное место. Я закрыл глаза, подставив лицо теплым солнечным лучам, и подумал, что могу лежать вот так вечно.

Но через несколько дней после нашего приезда, когда напряжение только-только начало уходить, раздался звонок на мобильный. Звонил Вадим, директор по корпоративным исследованиям. Вадим — двадцатисемилетний финансовый аналитик — получил степень кандидата экономических наук в одном из лучших вузов Москвы. Я взял его на работу пятью месяцами ранее, чтобы укрепить нашу команду молодых, еще не окрепших специалистов по российскому фондовому рынку. Копна курчавых темных волос вечно не слушалась прически, очки скрывали дотошный взгляд. Вадим обладал удивительной способностью за считанные минуты решать сложнейшие экономические ребусы.

— Билл, — подавленно произнес он, — «Рейтер» только что передало крайне неприятные новости.

— Что такое?

— «Сиданко» объявила, что выпустит конвертируемые облигации[8], тем самым утроив общее число акций, и будет продавать их очень дешево — почти на девяносто пять процентов ниже рыночной стоимости.

Я не знал, как оценить услышанное.

— Это хорошо или плохо?

«Если любой сможет купить конвертируемые облигации, то нам эта новость ничем не угрожает, даже наоборот», — размышлял я про себя.

— Хуже некуда. Эти новые ценные бумаги смогут купить акционеры компании, но мы из их перечня исключены!

Это противоречило здравому смыслу. Если «Сиданко» сможет, отстранив нас от возможности купить конвертируемые облигации, увеличить общее количество акций почти втрое, то фонду и Сафре вместо 2,4 % будет принадлежать только 0,9 % компании, и при этом мы не получим ничего взамен. Иными словами, Потанин и его команда средь бела дня вознамерились лишить инвесторов фонда и Сафру восьмидесяти семи миллионов долларов.

Я вскочил.

— Невероятно! Вадим, ты уверен? Может, в «Рейтер» ошиблись в формулировках?

— Не думаю. Сообщение выглядит достоверно.

— Съезди за оригиналами документов, посмотри сам. Не

может быть, чтобы это было правдой.

Меня словно молнией поразило. Если эмиссия конвертируемых облигаций, как ее описал Вадим, действительно состоится, то это поставит крест на моей репутации с рекомендациями по «Сиданко» и принесет фонду огромные убытки.

Я был сбит с толку. Зачем все это Потанину? Какова его цель? Зачем обесценивать акции компании, небольшой частью которых владел наш фонд, и создавать скандал, когда он сам только что получил приличный куш от «Бритиш Петролеума», продав им большой пакет акций «Сиданко»? Потанин продолжал контролировать восемьдесят шесть процентов компании, а размывая нашу долю, получал всего лишь полтора процента. В этом не было никакой финансовой логики.

Я пытался понять причину таких действий и позже пришел к выводу, что все это было очень по-русски.

Об этой особенности русского менталитета слагались сказки, а позже и анекдоты. Мне запомнился один. Поймал как-то раз бедный старик золотую рыбку, которая могла выполнить только одно желание. Обрадовавшись, он стал размышлять: «Может, дворец попросить? Или еще лучше — тысячу слитков золота? А то, может, отправиться на большом корабле в кругосветное плавание?» В этот момент рыбка прерывает его мысли и говорит: «Но знай, старче: что бы ты ни пожелал, твой сосед получит вдвойне». Тогда старик, не раздумывая, говорит: «В таком случае, выколи мне один глаз».

Мораль проста: когда дело касается денег, в России с легкостью пожертвуют собственным успехом, лишь бы насолить ближнему своему.

Похоже, именно этим принципом и руководствовалась группа Потанина. Неважно, что они заработали в сорок раз больше нас: им претила сама мысль, что какие-то иностранцы тоже добились финансового успеха. Им казалось, что это просто «не по понятиям».

А «по понятиям» нужно было раздавить чужой бизнес. Это и произойдет, если я не вернусь в Москву и не повлияю на ситуацию. Следующие несколько дней в Кейптауне я провел, пытаясь хоть на время забыть о проблемах и насладиться отдыхом, но тщетно.

Когда отпуск подошел к концу, Сабрина, не переносившая русскую зиму, увезла Дэвида обратно в Лондон. Я вернулся в Москву двенадцатого января 1998 года, за день до старого Нового года. Едва прибыв в столицу, я связался с Вадимом. Он все перепроверил и подтвердил: размывание доли собственности

займет около шести недель, пока решение пройдет через все инстанции, но процесс уже начался.

Я должен был срочно что-то предпринять, чтобы это остановить.

Благоприятная возможность подвернулась на следующий же день, тринадцатого января. Мне позвонил знакомый и рассказал о новогодней вечеринке в доме Ника Джордана, богатого русско-американского банкира из «Дж. П. Морган». Брат Ника, Борис Джордан, был финансовым консультантом Потанина и главой нового инвестиционного банка «Ренессанс Капитал». Я немного знал их обоих и попросил знакомого взять меня с собой на вечеринку.

Вечеринка проходила в огромной роскошной квартире в сталинском доме в нескольких кварталах от Кремля. За аренду таких хором инвестиционные банки выкладывали по пятнадцать тысяч долларов в месяц, чтобы их иностранные сотрудники могли перенести «тяготы жизни в Москве». Найти Бориса Джордана в толпе гостей, поглощающих икру и шампанское, было нетрудно. Здесь его считали воплощением американца: шумный, упитанный рубаха-парень, типичный маклер с Уолл-стрит. Я направился прямо к нему. Он был явно удивлен, увидев меня, но не подал виду — расплылся в улыбке и крепко пожал мне руку:

— Билл, как жизнь?

Я сразу перешел к делу.

— Ничего хорошего, Борис. Что происходит в «Сиданко»? Если утвердят выпуск конвертируемых облигаций, меня ждут серьезные проблемы.

Я застал его врасплох. Он не хотел конфликта на вечеринке брата. Обернувшись на других гостей, он с натянутой улыбкой произнес:

— Билл, это просто недоразумение. Ни о чем не беспокойся.

Он повернулся к большому серебряному блюду с закусками, выбрал бутербродик и, не глядя на меня, добавил с полным ртом:

— Я тебе вот что скажу. Приходи в «Ренессанс» завтра к половине пятого, и мы решим вопрос.

Он откусил еще кусок и продолжил, с прилипшей к зубам едой:

— Серьезно, Билл. Всё будет хорошо. А сегодня выпей чего-нибудь, расслабься. Старый Новый год же!

Вот и поговорили. Его слова звучали так убедительно и мне так хотелось в них верить, что я еще немного побродил среди гостей и ушел с вечеринки в приподнятом расположении духа.

Когда я проснулся на следующее утро, было еще темно. Январское солнце не спешило показываться часов до десяти. Я

пошел на работу. Ко времени встречи с Борисом за окном опять стемнело. Ровно в четыре тридцать я вошел в банк «Ренессанс Капитал», располагавшийся в современном административном здании со стеклянным фасадом неподалеку от Белого дома — Дома Правительства Российской Федерации. Меня без церемоний отвели в переговорную комнату без окон, не предложив никаких угощений или напитков. Я сидел и ждал.

И ждал.

И ждал.

Через полчаса меня начали одолевать подозрения. Я вдруг почувствовал себя, как рыба в аквариуме, и стал оглядываться в поисках скрытых камер. Никаких камер видно не было, но я начал думать, что Борис обманул меня. Ничего хорошего это не сулило.

Я уже собирался уходить, как дверь наконец распахнулась, но вошел не Борис, а Леонид Рожецкин — тридцатиоднолетний юрист, эмигрировавший из Советского Союза и получивший образование в престижном американском университете из Лиги плюща. Я видел его до этого несколько раз (спустя десять лет после описываемых событий Рожецкина в ходе конфликта с некими деловыми партнерами убили в Юрмале).

Леонид, явно насмотревшись фильма «Уолл-стрит»[9], ходил в красных подтяжках поверх индпошивной рубашки с монограммой и воротничком на пуговичках, да и стрижкой напоминал Гордона Гекко, персонажа Майкла Дугласа. Он выдвинул стул из-под стола, сел, заложив ногу на ногу, и сплел пальцы рук, обхватив колено.

— Сожалею, но Борис не смог прийти на встречу, — произнес он по-английски с легким акцентом. — Он занят.

— Я тоже.

— Ну, разумеется. Что привело вас сюда сегодня?

— Вам это известно, Леонид. Я здесь, чтобы поговорить о «Сиданко».

— Да. И что?

— Если акции будут размыты, то потери фонда, моих инвесторов, в том числе Эдмонда Сафры, — с нажимом произнес я, — составят восемьдесят семь миллионов долларов.

— Да, это нам известно. В этом весь план, Билл.

— Что?

— Таков был план, — невозмутимо повторил он.

— То есть вы специально пытаетесь нас размыть?

— Ага, — подмигнул он.

— Но как же это возможно? Это ведь незаконно!

— Мы в России. — Он слегка отклонился назад. — Думаете, нас беспокоят такие мелочи?

Я подумал о своих клиентах. Об Эдмонде. В это было трудно поверить. Я тяжело откинулся на спинку стула.

— Леонид, вы можете пытаться объегорить меня, но среди моих инвесторов — известнейшие люди Уолл-стрит. Камень упадет здесь, но круги разойдутся повсюду!

— Билл, нас это не волнует.

Мы оба молчали, пока я осмысливал услышанное. Затем он взглянул на часы и встал:

— Если это всё, мне пора.

Я был просто потрясен. Спешно пытаясь придумать ответ, я выпалил:

— Леонид, если вы на это пойдете, я буду вынужден объявить вам войну.

Он застыл. Я тоже. Вдруг он разразился хохотом. Мы оба знали, как неправдоподобно это прозвучало. Но я и не думал брать свои слова обратно. Голова шла кругом. Воевать с олигархом в России? Только безумец отважится на такое.

Нервы были на пределе, но я стоял неподвижно. Его смех прекратился так же внезапно, как и начался, после чего он выпалил:

— Да неужели? Что ж, Билл, желаю удачи.

Затем он развернулся и вышел.

Я был так расстроен этой стычкой, что несколько секунд не мог пошевелиться, потом меня долго трясло от унижения и смятения. Как в тумане, я вышел из офиса «Ренессанса» на пятнадцатиградусный московский мороз и сел в подержанный «Шевроле-Блейзер», который мы недавно купили. Алексей завел мотор, и мы поехали к моему дому.

Просидев несколько минут в звенящей тишине, я прямо в машине достал телефон и набрал нью-йоркский номер Эдмонда. С нескольких попыток удалось дозвониться. Его помощница сказала, что Сафра занят, но я настоял на разговоре. Я сильно нервничал, ожидая соединения, но не мог не поставить его в известность, ведь нас собираются «кинуть» на восемьдесят семь миллионов долларов. Он воспринял новость спокойно, но был явно огорчен. Никому не нравится терять деньги, а Эдмонд, как все знали, ненавидел проигрывать. Когда я закончил говорить, он спросил:

— Что будем делать, Билл?

— Дадим отпор этим мерзавцам. Пойдем на них войной.

Я произнес эти слова, но они все равно звучали как чужие. Последовала пауза, слышны были лишь помехи на линии. Потом Эдмонд серьезно сказал:

— О чем ты говоришь? Это Россия. Тебя просто убьют.

Я собрался с мыслями.

— Может быть, а может и нет. Но я не могу позволить, чтобы им это сошло с рук.

В тот момент мне было все равно, безрассудство это или храбрость. Меня загнали в угол, и я говорил, что думаю.

— Я не могу в этом участвовать, Билл, — медленно произнес он, находясь в полной безопасности за семь с половиной тысяч километров от Москвы.

А я был здесь — на передовой. Уровень адреналина зашкаливал. Я был готов сражаться даже в одиночку. Алексей поворачивал на Большую Ордынку, где я снимал квартиру, и я сказал:

— Эдмонд, вы мой партнер, а не начальник. Я буду бороться — вместе с вами или без вас.

Ему нечего было на это ответить, и разговор был окончен. Алексей остановился у подъезда, мотор продолжал работать, и мое сердце, как сумасшедшее, стучало ему в такт. Я вышел из машины и поднялся к себе. В ту ночь я не сомкнул глаз.

Следующим утром я шел, поникнув головой, на работу — несколько месяцев тому назад мы переехали в новый, более просторный офис. Ночью меня одолели жалость к себе и неуверенность. Однако, едва зайдя в парадное, я увидел нечто необычное, что вернуло меня в тонус. В офисе меня ждало полтора десятка вооруженных до зубов людей. Начальник охраны подошел ко мне, протянул руку и произнес с израильским акцентом:

— Господин Браудер, я Ариэль Боудзадá. Меня прислал господин Сафра. У нас четыре бронированные машины и пятнадцать человек. Мы будем охранять вас, пока не разрешится эта ситуация.

Я пожал ему руку. Ариэль был примерно моего возраста, но более коренастый, здоровый и мощный. Виду он был весьма грозного, чем я никогда не отличался, а главное — излучал уверенность человека, наделенного властью и способного в любой момент применить силу. Судя по всему, Сафра все же решил присоединиться к борьбе.

Я познакомился со старшими телохранителями, затем ушел в кабинет и сел за стол, обхватив голову руками. В голове пульсировала мысль: «Как ответить этому олигарху? Как? Как ответить этому проклятому олигарху? Надо держать строй и идти в лобовую. Вот как».

Я собрал всех сотрудников и коллег в переговорной. Одной доски для записей было мало; достав из шкафчика стопку бумаги и скотч, мы обклеили все стены.

— Нам нужны идеи, способные причинить Владимиру Потанину такие экономические неудобства, что это перевесит «блага», которые он получит, размывая наши акции. Приветствуются любые варианты.

Взяв ручки и фломастеры, мы принялись за дело. Началась кропотливая работа.

13. «Адвокатов, оружия и денег» [10]

В конце концов мы составили план действий в трех частях. Определили задачу — последовательно усиливать давление на Потанина.

Первый пункт плана — сообщить деловым партнерам Потанина на Западе о его намерении выпустить конвертируемые облигации. У олигарха-миллиардера было немало интересов, не связанных напрямую с «Сиданко»: например, совместные инвестиции с такими людьми, как Джордж Сорос, или со структурами типа инвестиционного фонда Гарвардского университета и пенсионного фонда крупной американской деревообрабатывающей компании «Уэйерхойзер».

Мы с Эдмондом поделили между собой список этих партнеров и лично обзвонили каждого. Вслед за телефонным разговором мы отправили им заранее подготовленную презентацию, наглядно и доходчиво объясняющую суть происходящего с размыванием долей собственности. Наш посыл был прост и ясен: вот что Потанин делает с нами, и если его не остановить, то придет и ваш черед.

Многие начали звонить Потанину, выражая свое недовольство. Я в этих беседах участия не принимал, но догадывался, что партнеры ему говорят: такое размывание собственности повлияет на стоимость их совместных инвестиций, и советовали отказаться от этой вредной для нас затеи в его же собственных интересах.

Мы ждали реакции Потанина и полагали, что он отступит. Увы, он этого не сделал. Наоборот, пошел на обострение. Возможно, он решил: «Эта чикагская козявка большого о себе мнения! Я столько времени обхаживал этих людей, а он пытается меня опорочить. Да как такое вообще возможно?»

Хороший вопрос. Всякий раз, когда в России отжимали активы у очередных иностранных инвесторов, те устраивали жаркие дебаты за закрытыми дверями и пытались выработать план обороны (так же, как сделали мы). Но потом приходили юристы и консультанты и заявляли, что сопротивляться бесполезно и опасно (так же, как сказал Эдмонд). А после всех этих разговоров и бряцания оружием инвесторы разбегались прочь, как затравленные звери.

Но я не хотел быть как все. Я не был наемным сотрудником, не работал в инвестиционном банке или промышленной компании из списка «Форчун 500»[11]. Я сражался за собственное дело. Потанин не понял, что я не сдамся без боя.

Был еще один человек, который этого не понимал, — Сабрина. Она знала о моих намерениях и с самого начала не одобряла их. Я рассказал ей обо всем в тот же вечер, когда разговаривал с Эдмондом, и она устроила настоящую истерику.

— Билл, как ты можешь так поступать с нами? — кричала она в трубку.

— Милая, это мой долг. Я не могу оставаться в стороне и наблюдать, как они безнаказанно творят произвол.

— Как ты можешь такое говорить? Как можно быть таким эгоистом?! Ты же муж и отец! Они же могут тебя убить!

— Надеюсь, до этого не дойдет. Но я должен думать и о людях, которые доверили мне свои деньги. Я втянул их в эту историю, и я должен помочь им из нее выбраться.

— Да какое нам до них дело? У тебя семья. Я не понимаю, почему ты не можешь найти себе работу в Лондоне, как все нормальные люди.

Она была права, апеллируя к семье, но я был так зол и возмущен поступком Потанина, что ничего не хотел слышать.

Мы холодно простились в тот вечер, так и не найдя точек соприкосновения. Как бы то ни было, на раздумья о Сабрине времени не оставалось: я готовился к битве.

К несчастью, первый раунд окончился поражением. Хотя внимание Потанина он все же привлек. Мы словно задели старую рану: к концу недели мне позвонил его «адъютант» Борис Джордан и показал свое истинное лицо. Должно быть, ему здорово досталось от Потанина. По телефону он еле скрывал свое раздражение.

— Б-билл, — сказал он, грохоча и запинаясь, — какого ч-черта ты звонишь нашим инвесторам?

— Разве Леонид не доложил о нашей встрече? — Я старался говорить невозмутимым тоном и надеялся, что голос не дрогнет от напряжения.

— Да, но я думал, что ты понял, каковы ставки.

— Какие ставки?

— Ты, похоже, не догоняешь: ты играешь не по правилам!

Сквозь стеклянную дверь кабинета я взглянул на крепкого охранника. Раз я решил объявить войну этим людям, то какие тут осторожности. Страшно мне или нет — неважно.

— Борис, если вы сейчас думаете, что я играю не по правилам, посмотрим, что вы скажете, когда я сделаю следующий шаг.

Я не стал дожидаться ответа и повесил трубку, смакуя маленькую победу.

Второй пункт плана предусматривал огласку этой истории в

средствах массовой информации.

В Москве работало немало хороших зарубежных репортеров, со многими я был знаком, а кое-кого знал довольно хорошо. Среди них была Кристиа Фриланд, шеф московского бюро газеты «Файнэншл Таймс», молодая, невысокая и привлекательная брюнетка. Эта энергичная журналистка с лихвой компенсировала малый рост подходом к жизни — женщина-огонь. Она частенько давала понять в разговорах, что хочет написать статью про олигархов, но ей не удавалось найти храбреца (или глупца, как посмотреть), который согласится говорить откровенно.

Я позвонил ей и договорился встретиться в своем любимом ресторанчике восточной кухни — «Семирамис». Пока мы заказывали еду, Кристиа поставила посередине стола небольшой черный диктофон. С прессой я раньше не общался, мне это было в новинку, так что я просто начал рассказывать всю историю с самого начала. Официанты подносили закуски — хумус, бабагануш — я говорил, а Кристиа делала заметки. Когда подали шашлык, я все еще говорил, а она слушала. Наконец я закончил. Ее сдержанность немного обескураживала. Я засомневался: а вдруг эта история звучит убедительно только для меня? За мятным чаем с пахлавой я решился задать вопрос:

— Итак, что вы думаете обо всем этом?

Мне стоило больших трудов сидеть спокойно и не ерзать, глядя, как она задумчиво обхватила ладонями стеклянную чашку с чаем. Кристиа подняла взгляд:

— Билл, это сенсация. Я давно ждала чего-нибудь в этом роде.

На следующий день Кристиа позвонила Потанину, чтобы узнать его точку зрения, и он отреагировал в типичной новорусской манере.

Казалось бы, деловая логика подсказывает, что теперь самое время отступить. Ведь он только что заработал сотни миллионов долларов на сделке с «Бритиш Петролеумом», зачем рисковать успехом из-за наших нескольких процентов в доле компании? Но здесь, в России, правила игры отличались от привычных: гораздо важнее было не показывать слабость.

Это стало мне уроком: у российских олигархов царят порядки, как на тюремном дворе. Все, что есть у заключенного в тюрьме — это его репутация. Высокое положение в общей иерархии дается непросто и его изо всех сил стараются удержать. Нельзя спокойно стоять в стороне и ждать удара — надо быть начеку и достать противника первым, иначе не уцелеешь. Как минимум тебя сочтут слабаком, ты лишишься уважения и вскоре станешь чей-нибудь «шестеркой». Этими понятиями российские

олигархи и политики руководствуются каждый день.

Здравый ответ Потанина на вопрос Кристии звучал бы так: «Госпожа Фриланд, вышло досадное недоразумение. Господин Браудер видел черновые проекты выпуска конвертируемых облигаций, которые не планировалось отправлять в комиссию по ценным бумагам. Я уже уволил секретаря, допустившего эту оплошность. Разумеется, условия выпуска облигаций будут одинаковыми для всех акционеров „Сиданко“, в том числе для господина Браудера и господина Сафры».

Но мы были в России, и Потанин не мог спасовать перед каким-то иностранным заморышем-инвестором. Он не угомонился и ответил примерно так: «Билл Браудер — непрофессиональный и безответственный инвестиционный менеджер. Если бы он как следует выполнял свою работу, то знал бы, что я предприму подобное в его отношении. Инвесторам фонда следует подать на него в суд и взыскать с него убытки».

Выражаясь «по понятиям», это было признание в умышленной «разводке», причем публичное.

На той же неделе Кристиа сдала в номер подробную статью. Новость тут же подхватили другие издания — «Рейтер», «Блумберг», «Уолл-стрит Джорнал» и московская англоязычная газета «Москоу Таймс». В последующие несколько недель в финансовых кругах, причастных к российскому рынку, активно обсуждали размывание нашей доли в «Сиданко». Другая популярная тема — сколько я протяну в сложившихся обстоятельствах.

Я предполагал, что теперь-то Потанин пойдет на попятную: отменит новую эмиссию или включит нас в число акционеров, которые могут в ней участвовать. Однако признать неудачу и перевернуть страницу он не захотел и дальше упорствовал: вместе с Борисом Джорданом они провели ряд пресс-конференций и встреч, на которых оправдывали свои действия и пытались убедить всех в своей правоте. Но это лишь дало обратный эффект: все только и говорили об этой истории.

Головная боль заключалась в том, что я открыто выступил против олигарха, а это в России было чревато летальным исходом. Воображение живо рисовало различные способы расправы: бомба, подложенная в машину, пуля снайпера, яд… Я чувствовал себя в безопасности только во время визитов в Лондон.

Положение усугублялось тем, что не так давно произошел похожий случай. Американец Пол Тейтум, живший в Москве с 1985 года, на каком-то этапе не поделил со своим российским партнером московскую гостиницу «Рэдиссон-Славянская». В ходе

конфликта он опубликовал в местной газете статью на целую страницу, где обвинил партнера в шантаже, что не так уж сильно отличалось от моего обращения в прессу в борьбе с Потаниным. Вскоре после этой публикации, третьего ноября 1996 года, Тейтума расстреляли в упор в подземном переходе у этой самой гостиницы. Бронежилет ему не помог. К ответственности за его убийство никто не привлечен и поныне. В том, что я мог стать следующим Полом Тейтумом, не было преувеличения.

Естественно, я принял меры предосторожности, да и пятнадцать телохранителей, которых выделил Сафра, внушали доверие. В течение всего конфликта, куда бы я ни ехал по Москве, меня сопровождал конвой из четырех автомобилей — по одному с каждой стороны. Одна машина в авангарде подъезжала к дому за несколько минут до меня — двое охранников проверяли, нет ли мин или снайперов. Потом у подъезда останавливались все остальные машины, и меня, окруженного со всех сторон телохранителями, провожали в здание. Наверху в квартире со мной всегда находились двое вооруженных охранников. Они стерегли мой сон, сидя рядом на диване с заряженными автоматами. Кое-кто из друзей-американцев полагал, что это круто. Но я могу ответственно заявить: когда в твоем доме круглые сутки сидят вооруженные люди, пусть ради твоей же безопасности, — это вовсе не круто.

Итак, второй тайм тоже не принес результатов, и мы перешли к третьему, последнему этапу плана. Появилось чувство обреченности. Если и он не сработает, то я не знал, что делать дальше и как спасти свой бизнес.

Последняя стадия началась со встречи с Дмитрием Васильевым, председателем Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг России (ФКЦБ). Он принял меня в своем кабинете, расположенном в большом административном здании, построенном в советскую эпоху. Это был сухопарый мужчина с проницательным взглядом, в очках со стальной оправой. Он внимательно выслушал мой рассказ. Я спросил, может ли он помочь мне. Вместо ответа он задал простой вопрос:

— Они нарушили закон?

— Конечно, да!

Он снял очки и тщательно протер стекла аккуратно сложенным платком.

— Процедура такова. Если вы полагаете, что у вас есть основания для жалобы, подробно распишите нарушения господина Потанина и подайте нам. Мы рассмотрим обращение и отреагируем в установленном законом порядке.

Я не мог понять, он дает совет или отмахивается, но

предпочел воспринять его буквально. Я поспешил обратно в офис, созвал команду юристов, и те составили подробную жалобу. В итоге у нас на руках оказался двухсотстраничный документ, где были перечислены статьи закона, которые предлагаемый выпуск конвертируемых облигаций, по нашему мнению, нарушал. Мы подали его в ФКЦБ и застыли в мучительном ожидании.

К моему великому удивлению, два дня спустя красной строкой прошло сообщение «Рейтер»: «ФКЦБ расследует заявление о нарушении прав акционеров». Мы воспрянули духом. Похоже, Васильев действительно готов взяться за Потанина.

Но все же я не знал, как пойдет расследование. Дело вышло за рамки простого противостояния акционера и олигарха, в игру вступил Васильев. А российский гражданин (пусть и глава ФКЦБ) был, пожалуй, еще более уязвим, чем я, могло случиться что угодно.

В течение последующих недель, пока Васильев занимался своим делом, я проводил ежедневные телефонные совещания по ситуации с «Сиданко» с заместителями Эдмонда в Нью-Йорке. Но вынужден был констатировать, что ничего существенного не происходит. Я узнал, что Эдмонд начинает терять уверенность в моей способности справиться со сложившейся ситуацией.

Я не знал, что он задумал, но по беспокойству в его голосе и по частым звонкам от Сэнди и юридического отдела в Нью-Йорке чувствовал: что-то не так.

Их намерения вскрылись, когда один брокер, с которым работал фонд, заметил Сэнди в вестибюле московского отеля «Кемпински» и позвонил мне сообщить об этом. Для тайного приезда Сэнди в Москву имелась только одна причина: договориться с Потаниным за моей спиной.

В это было трудно поверить. Если подозрения подтвердятся, мы тем самым продемонстрируем серьезные разногласия внутри команды. Я мог представить, как радостно будут потирать руки Потанин с Борисом Джорданом, учуяв разлад в наших рядах.

Я позвонил в Нью-Йорк начальнику юридического отдела Сафры и прямо спросил:

— Вы отправили Сэнди в Москву на переговоры с Потаниным?

Последовала напряженная пауза. Мне не полагалось об этом знать, и он чувствовал неловкость, но все же взял себя в руки и ответил:

— Билл, сожалею, но это дело не твоего уровня. Речь идет о большом бизнесе и о больших деньгах. Я думаю, будет лучше, если дальше действовать будем мы.

Происходи вся эта история в Нью-Йорке, он был бы прав: там

работает правосудие, и шестидесятидвухлетний юрист с Уолл-стрит может сделать больше, чем тридцатиоднолетний управляющий хедж-фондом. Но дело было в России, где действовали другие правила. Я ответил:

— При всем уважении, вы понятия не имеете, к чему приведут ваши действия. Проявите малейшую слабость — и наши инвесторы потеряют всё. И это будет на вашей совести.

Я настойчиво просил по крайней мере дать мне немного времени на реализацию плана. Он неохотно пообещал проконсультироваться с Эдмондом. Позже в тот вечер он перезвонил мне и недовольным голосом произнес:

— Эдмонд дает вам еще десять дней. Потом, если ничего не изменится, мы берем ситуацию под свой контроль.

На следующий день я позвонил в ФКЦБ Васильеву узнать, есть ли новости в расследовании, но его секретарь сказала, что Васильева нет на месте. Я спросил у наших юристов, сколько времени может уйти у ФКЦБ на принятие решения, но те затруднялись с ответом.

Пролетали отпущенные дни. Я ежедневно созванивался с представителем юротдела Сафры — перспективы были нерадужными. На шестой день он сказал:

— Слушай, Билл, мы обещали тебе десять дней, но пока не видно никаких сдвигов. В понедельник Сэнди вновь поедет в Москву, чтобы встретиться с Потаниным. Мы ценим предпринятые тобой действия, но они не дают результатов.

Я в тот вечер шел домой и чувствовал себя как никогда паршиво. Мало того, что меня обманули новые русские, так еще и деловой партнер во мне разуверился. Мы в лучшем случае вернем, наверное, процентов десять или двадцать из того, что отобрал Потанин. Наступит конец моего партнерства с Сафрой — фактически это будет концом фонда Hermitage.

На следующее утро я заставил себя идти на работу — надо было сделать все возможное и постараться свести потери к минимуму. Но делать этого не пришлось: безо всякого предупреждения из факса выползла страница с первой полосой «Файнэншл Таймс». Заголовок гласил: «ФКЦБ аннулировала выпуск облигаций, конвертируемых в обыкновенные акции общества „Сиданко“».

Вот и всё. Я победил! Эта мелюзга из южного Чикаго победила российского олигарха на его же поле! Эдмонд Сафра позвонил с поздравлениями. Даже директор его юридического отдела неохотно признал свою поспешность.

Когда стало ясно, что задуманное уж точно не воплотить, Потанин отступил. Как и первоначальное желание наехать на

меня, отступление тоже выглядело «по понятиям»: поскольку вопрос о деньгах уже не стоит, то нет и причин воевать.

Вот так я столкнулся с олигархом на его тюремном дворе и устоял. Более того, научился давать им отпор. Русские олигархи казались непобедимыми, но на самом деле такими не были.

14. Прощание с «Виллой д'Эсте»

После схватки с Потаниным в России для меня все складывалось более-менее удачно. В 1997 году наш фонд Hermitage был признан лучшим в мире по доходности (фонд вырос на 235 % за год и на 718 % с начала работы). Активы под его управлением возросли с первоначальных двадцати пяти миллионов до одного миллиарда долларов. Международные издания — «Нью-Йорк Таймс», «Бизнес Уик», «Файнэншл Таймс», «Тайм» — публиковали обо мне репортажи как о «вундеркинде» современных финансов. Клиенты выстраивались в очередь, чтобы пригласить меня на свои яхты на юге Франции. Куда бы я ни приезжал, меня засыпали приглашениями на обеды в лучших ресторанах. Это вскружит голову любому, что говорить о тридцатитрехлетнем парне, который начал свое дело всего два года назад.

Оглядываясь в прошлое, теперь я понимаю, что следовало быть предусмотрительнее. Все инвестиции по отдельности приносили фонду высокую доходность, но такой ошеломительный успех явно говорил о том, что пора продавать акции и фиксировать прибыль. Умом я это понимал, но в душе надеялся, что полоса удачи будет длиться бесконечно. Все средства фонда были вложены, исходя из предположения, что в России ничего не изменится.

Не все разделяли мой оптимизм. В первую очередь Эдмонд Сафра. Он позвонил мне в начале апреля 1998 года и сказал:

— Билл, меня беспокоят события в Азии. Не пора ли нам продать активы фонда?

Он вел речь об экономическом кризисе в Азии, разразившемся летом 1997 года. Тогда Таиланд, Индонезию, Малайзию и Южную Корею накрыли экономические бури, проявившиеся в обвале местной валюты и неспособности правительства платить по государственным обязательствам.

— Думаю, нам стоит держаться намеченного курса и переждать шторм, Эдмонд. В России все будет в порядке.

— Как ты можешь говорить об этом с такой уверенностью? Мы ведь уже понесли серьезные потери.

В его беспокойстве был резон. В январе 1998 года фонд потерял двадцать пять процентов своей стоимости, но к апрелю нам удалось отыграть около половины потерянного, и я был убежден, что дела идут на поправку.

— Рынок сейчас опять подскочил. Когда все утрясется, мы вернем и остальное.

— Скажи мне, что дает тебе такую уверенность? — спросил он. По голосу было понятно, что мои слова его не убедили.

— Опасения, что Россия находится на грани кризиса, не основаны на базовых показателях, это только кажется так.

— Ты о чем?

— Ну, во-первых, у России с Азией торговый оборот небольшой. Во-вторых, Россия с ней не конкурирует. И в-третьих, бизнес из Азии не инвестирует в Россию. Не представляю, как азиатские проблемы могут перенестись сюда.

Помедлив несколько секунд, Эдмонд произнес:

— Очень хочу надеяться, что ты прав, Билл.

Я тоже на это надеялся. Увы, я сильно ошибался.

Я полностью упустил из виду то, что мир превратился в единый «океан ликвидности»: если где-то возникает цунами, оно затронет всех. Понеся потери в Азии, крупные инвесторы тут же принялись избавляться от рискованных активов, независимо от их географии. Россия шла одной из первых.

Паника среди инвесторов создала катастрофическую ситуацию для российского правительства. Огромный дефицит бюджета в прошлые несколько лет вынудил государство занять на покрытие социальных нужд сорок миллиардов долларов под трехмесячные рублевые облигации, так называемые ГКО — государственные краткосрочные облигации. То есть только чтобы удержаться на плаву, российское правительство должно было каждые три месяца выпускать новые облигации в счет погашения старых на сумму в сорок миллиардов долларов. Кроме того, чтобы привлечь инвесторов, приходилось выплачивать по облигациям доход свыше тридцати процентов годовых. Поэтому долг рос как снежный ком.

Даже в лучшие времена эту стратегию не назовешь расчетливой, а во время кризиса она стала гибельной.

Страну мог спасти только МВФ — Международный валютный фонд. Весной 1998 года все московские брокеры и инвесторы только и говорили, что о вмешательстве МВФ.

Интересно, что российское правительство не разделяло наших эйфорических упований на помощь МВФ. Не знаю, чем это объяснялось — высокомерием или глупостью, но Кремль занял жесткую позицию, в то время как фонд следовало умолять на коленях.

В середине мая в Россию прибыл Ларри Саммерс, в то время заместитель министра финансов США. Он должен был решить, что Соединенным Штатам делать в связи с надвигающимся финансовым кризисом. Поскольку США были самым крупным участником МВФ, точка зрения Саммерса могла повлиять на

дальнейшие шаги этой организации. Все западные политики понимали, что Саммерс один из самых могущественных людей в мире финансов. Однако, узнав, что должность Саммерса называется всего лишь «заместитель министра финансов», тогдашний премьер-министр Российской Федерации Сергей Кириенко оскорбился и отказался с ним встречаться. Несколько дней спустя, двадцать третьего мая 1998 года, в Россию на переговоры о двадцатимиллиардном кредите приехала делегация МВФ. Столкнувшись с таким же неразумием, она была вынуждена прекратить дальнейшие обсуждения. В обоих случаях и Саммерс, и делегация МВФ покинули страну, так и не достигнув договоренности.

В отсутствие финансовой помощи со стороны МВФ российскому правительству для поддержания рынка облигаций и привлечения покупателей пришлось увеличить ставку доходности с тридцати процентов до сорока четырех. Но эффект оказался прямо противоположным. Вместо того чтобы воспользоваться столь щедрым предложением и накупить российских облигаций, инвесторы с Уолл-стрит почуяли подвох. Они рассуждали так: вряд ли от хорошей жизни Россия поднимает и так огромные ставки с 30 до 44 %, поэтому лучше держаться от этого подальше.

Отсутствие доверия привело к обвалу российского фондового рынка. В мае наш фонд упал на тридцать три процента, а с начала года — на пятьдесят.

Эдмонд был прав.

Фонд стоял перед выбором: продавать акции, которыми он владеет, сейчас, когда потери уже составили пятьдесят процентов, или не поддаваться панике и ждать, пока рынок восстановится. Мысль навсегда зафиксировать пятидесятипроцентный убыток была мучительной. Я считал, что рынок уже достиг дна, и предложил не продавать имевшиеся у фонда акции в ожидании помощи МВФ.

В начале июня пошли слухи, что переговоры с МВФ возобновились. Рынки оживились, и доходность фонда всего за неделю выросла на девять процентов. Однако на следующей неделе слухи не подтвердились, и фонд упал на восемь.

К июлю ставка доходности по российским облигациям достигла небывалых ста двадцати процентов. Было ясно: если МВФ не вмешается, то Россию, безусловно, ждет дефолт. Ключевые фигуры, такие как Ларри Саммерс и технократы из МВФ, могли сколько угодно злиться на российское правительство за высокомерие, но они прекрасно понимали, что неконтролируемый дефолт России грозит катастрофой всем, и в последний момент США поддержали план предоставления ей

финансовой помощи. Двадцатого июля МВФ и Всемирный банк одобрили кредитный пакет размером в 22,6 миллиарда долларов и тут же выделили России первый транш объемом 4,8 миллиарда долларов.

Увидев заголовки с этой новостью, я испытал огромное облегчение. От потока плохих известий мои нервы были натянуты до предела, а теперь забрезжила надежда. Казалось, что пакет этих мер экстренной помощи спасет и страну, и фондовый рынок, а следовательно и активы инвесторов фонда. В течение следующей недели фонд отыграл двадцать два процента потерь. Телефоны вновь разрывались: мне поступали звонки от клиентов и брокеров, и мы стали рассуждать, как будет восстанавливаться рынок.

Впрочем я слишком рано начал праздновать победу. Российские олигархи видели в этой помощи не защиту, а дойную корову, воспользовавшись которой можно обменять свои рубли на доллары и перевести их из России куда-нибудь подальше. За последующие четыре недели они конвертировали шесть с половиной миллиардов долларов, и страна оказалась в том же положении, что и до вмешательства МВФ.

Помимо потерь на финансовом фронте, еще более значительные потери я нес в личной жизни: мой брак трещал по швам. После случая с «Сиданко» Сабрина затаила на меня обиду. Решение дать отпор Потанину казалось ей предательством, и она уговаривала меня переехать в Лондон. Я напоминал ей, что, несмотря на все опасности, она сама дала согласие на переезд в Москву. Но Сабрина смотрела на это иначе. Мои доводы об обязанностях перед инвесторами она тоже не воспринимала.

Нам становилось все труднее найти точки соприкосновения. Если не считать заботу о нашем сыне (а с этим она справлялась превосходно), единственной стороной семейных отношений, в которой она принимала живое участие, было планирование совместного отдыха. Только там мы с женой проводили вместе больше недели кряду. Надеясь, что отпуски нас сблизят, я предоставлял ей полную свободу выбирать путешествия.

В начале лета, еще до обвала российских финансов, Сабрина забронировала номер в отеле «Вилла д'Эсте» на озере Комо в Италии. Номер в этом пятизвездочном отеле обходился в тысячу двести долларов в день — больше, чем я потратил за целое лето каникул после окончания университета. Мне всегда было не по себе от расточительного отдыха, независимо от того, мог я себе это позволить или нет. Моя мама, пережившая нацистские гонения на евреев в тридцатые — сороковые годы прошлого века, привила мне привычку не тратить деньги на излишества,

поскольку это глупо и безответственно. В моем положении это было абсурдно, но я все равно не мог себя пересилить и платить по тридцать долларов за кофе с круассаном на завтрак. Мне казалось до того неприличным сорить деньгами, что я цеплялся за любой предлог не ходить на утреннюю трапезу, и просил жену просто захватить мне пару булочек.

Время для поездки выдалось самое неподходящее. Рынки скакали то вверх, то вниз на пять процентов в день, и я был просто привязан к рабочему столу. Но, отмени я отпуск, это стало бы последней каплей в отношениях с Сабриной. Так что в середине августа я полетел в Милан, взял машину и встретился с женой и сыном на озере Комо.

Контраст между озером Комо и Москвой был ошеломительный. В Москве все агрессивны, озлоблены, напряжены — а в Италии царило безмятежное спокойствие, загорелые лица людей излучали счастье. Мы устроились в шикарном номере с двумя спальнями, и я вышел посидеть на террасу. Глядел на зеркальную гладь горного озера, череду альпийских гор, отдыхающих на берегу людей и с трудом верил, что все это наяву. Было тепло и тихо. В воздухе веяло ароматом соснового леса. Все это казалось какой-то сказкой.

Я попытался отвлечься от качелей рынка и зарядиться положительными эмоциями. Тщетно. Покой приходил лишь на рассвете, когда просыпался Дэвид. Пока Сабрина спала, я одевал его, кормил из бутылочки, и мы несколько часов гуляли в полной идиллии вдоль аккуратных лужаек отеля. Я наслаждался семейным счастьем.

Но утром восемнадцатого августа — мы с Дэвидом вернулись с прогулки и сидели на террасе с видом на озеро, а Сабрина принимала ванну — из Москвы позвонил Вадим в состоянии, близком к панике.

— Билл, похоже, это действительно происходит.

— Что именно?

— Рубль в свободном падении. Правительство больше не поддерживает рубль. Аналитики говорят, что падение остановится только после семидесятипятипроцентного обвала.

— Ох, ничего себе… — Я поставил стакан с водой на кованый столик. Я был потрясен. Из кустов выпорхнула черная птица и полетела к озеру. Дэвид что-то радостно пролепетал ей вдогонку.

— Это еще не все, Билл. Российское правительство объявило, что отказывается от обязательств по внутреннему долгу.

— Как? Зачем отказываться от обязательств, когда они могут напечатать денег, чтобы по ним расплатиться? Не вижу логики.

— В их действиях нет логики, — устало произнес Вадим.

— Как на это реагируют рынки? — спросил я, готовясь к худшему.

— Тут полный обвал. Заявки на покупку сошли на нет. Изредка проходят единичные сделки по цене ниже на восемьдесят — девяносто пять процентов.

Я не стал ничего больше говорить, взял Дэвида на руки и вошел в номер. Я не мог представить себе такого в самых кошмарных снах. До разговора с Вадимом я полагал, что рынок уже достиг дна.

В ту же секунду мне стало ясно: надо срочно возвращаться в Москву.

Когда я сообщил новость Сабрине, она спросила, почему я не могу разобраться с этим отсюда, из отеля. Я попытался объяснить всю серьезность ситуации, но она отказывалась понимать. Я в спешке собрал вещи и на прощанье попытался обнять Сабрину, но она отстранилась. Я взял на руки Дэвида и крепко обнял малыша.

Вечером я уже был в Москве. Когда стихла волна паники, стал ясен ущерб: фонд потерял девятьсот миллионов долларов, или девяносто процентов стоимости. Вот это было настоящее дно!

Невозможно описать словами, каково это — лишиться девятисот миллионов долларов. Меня будто самого выпотрошили. Несколько недель я чувствовал ломку во всем теле, словно его придавило тяжелым грузом. Ущерб был не только материальным: два года я расхваливал перспективы инвестиций в российскую экономику — и вот так грандиозно подвел своих инвесторов.

А затем еще публичное унижение. Журналисты, которые прежде возносили меня на пьедестал, с таким же энтузиазмом принялись чихвостить за провал. Казалось, что я жертва страшной автомобильной катастрофы, и водители притормаживают рассмотреть изуродованное тело и искореженные металлические обломки.

Тем не менее, в голове крутился только один вариант: оставаться. Я должен вернуть деньги, потерянные из-за меня клиентами. Я не собирался убегать из России с поджатым хвостом и не мог допустить, чтобы меня запомнили таким.

15. На дне

Я корил себя за все произошедшее. Но с удивлением обнаружил, что многие инвесторы не думают об этом. Их занимали проблемы куда серьезнее. До начала кризиса российские государственные облигации приносили свыше тридцати процентов прибыли, и большинство людей считали их более надежными вложениями, чем акции. Многие даже брали кредиты, чтобы купить побольше облигаций. Поэтому наш средний инвестор вложил в облигации в пять раз больше средств, чем в фонд Hermitage.

Мои инвесторы знали, что в худшем случае могут потерять вложенные средства, но никто даже представить не мог, что это произойдет с облигациями.

Бени Штайнмец, израильский алмазный магнат, который свел меня с Эдмондом, понес очень крупные потери, из-за этого ему пришлось продать свою долю в фонде Hermitage. Было жаль потерять такого партнера, но, к счастью, оставался Эдмонд. По крайней мере, я так думал.

В мае 1999 года, отправившись на выходные в Лондон, я прочел в «Файнэншл Таймс», что Эдмонд Сафра продал свой «Республиканский национальный банк» крупному британскому банку «Эйч-эс-би-си». Он, как и Бени, сделал большую ставку на рынок российских облигаций и проиграл. На его век пришлось больше рыночных взлетов и падений, чем я мог сосчитать. Эдмонд пережил бы финансовый кризис и двигался дальше, но незадолго до всех этих событий у него развилась болезнь Паркинсона, и я сам замечал, как за время нашего партнерства его состояние постепенно ухудшается. Иногда его было тяжело понимать в разговоре. По какой-то причине он не готовил себе смену, поэтому, случись что, заменить Сафру было попросту некому. Все это вынудило Эдмонда как можно скорее продать банк, и предложение от «Эйч-эс-би-си» пришлось как нельзя кстати.

Уход Эдмонда стал для меня тяжелым ударом: один из самых блистательных финансистов мира больше не был моим партнером.

Семейная жизнь тоже летела под откос. После моего поспешного отъезда, которым завершились наши итальянские каникулы, отношения с Сабриной испортились хуже некуда. Разлука, стресс и разделявшее нас расстояние давили своей тяжестью. Каждый раз, когда я прилетал в Лондон, мы ссорились. Похоже, дело шло к разводу, но я всеми силами пытался этого

избежать. Для начала предложил обратиться к семейному консультанту. Мы сменили трех специалистов, но это не помогло. Я пробовал прилетать сразу на три-четыре дня, но казалось, что мое присутствие больше раздражает Сабрину, чем радует.

Все же Сабрина организовала для нас очередной семейный отдых. Она выбрала гостиницу «Элунда Бич» на берегу моря в Греции. Мы отправились туда в августе 1999 года. С момента прибытия она влюбилась в это место и была на удивление мила и приветлива, даже нежна со мной: ни тебе холодных взглядов, ни споров о моей работе и инвесторах. Это удивило меня. На второй вечер мы даже оставили Дэвида с приглашенной на вечер няней и отправились вдвоем в местную таверну. За ужином я рассказывал жене о России, а она непрестанно расхваливала успехи Дэвида. На несколько часов я поверил, что все не так уж плохо, и наши отношения налаживаются, словно по волшебству. Я чуть было не спросил, что же вызвало такую чудесную перемену в ее настроении, но решил не испытывать судьбу. Помню даже, как за десертом она рассмеялась в ответ на какую-то глупую шутку.

Следующий день тоже прошел великолепно. Мы провели весь день на пляже. Дэвид так славно играл в песке, что мы попросили принести обед под тент. На закате мы вернулись в номер уложить Дэвида. Я подумал, что, может, Сабрина по какой-то неведомой причине решила оставить былые разногласия, и теперь все будет хорошо.

Когда Дэвид уснул, я пошел в душ смыть с себя налет соли и крема от загара. Пока я убаюкивал сына вечерней сказкой, Сабрина уже успела освежиться и читала журнал в спальне. После душа я наполнил умывальник горячей водой и начал бриться. Все выглядело как иллюстрация идеального семейного отдыха.

Я уже заканчивал, делая последнее движение бритвой, когда на пороге ванной появилась Сабрина.

— Билл, нам надо поговорить.

Я опустил бритву и посмотрел на отражение Сабрины в зеркале.

— Конечно. Я слушаю.

— Я больше не хочу быть твоей женой, — ровным голосом произнесла она.

Бритва выпала у меня из рук, и я стал шарить в пене, чтобы выловить ее. Я выключил воду, схватил полотенце и повернулся к Сабрине.

— Что?

— Я больше не хочу быть твоей женой. Я больше так не могу.

— Но мы ведь так замечательно проводим время… — слабо возразил я.

— Конечно. Я была приветливой, потому что приняла решение. Теперь у меня нет причин злиться. — Она мягко улыбнулась и вернулась в спальню, оставив меня наедине с собственными мыслями.

Я был раздавлен новостью, но, что странно, вместе с тем почувствовал облегчение. Мы оказались в безвыходном положении: я не хотел жить «нормальной жизнью» и ходить на «нормальную работу» в Лондоне, как настаивала Сабрина, а она не хотела иметь ничего общего с моей сумасшедшей жизнью в Москве. Нас с трудом можно было назвать семьей. Продолжать отношения только ради сохранения брака, даже если я не хочу его рушить, было неверно. Я в некотором смысле был благодарен Сабрине за то, что у нее, в отличие от меня, хватило решимости поставить точку.

Остаток отдыха прошел спокойно. Несмотря на распадающийся союз, нам было хорошо вместе, рядом был наш малыш. Мы вдруг превратились в друзей, а не разлученных супругов, которые не выносят друг друга. Когда отпуск подошел к концу, мы поехали в аэропорт. Прежде чем повернуть к выходу на свой рейс, Сабрина сказала:

— Билл, мне правда очень жаль. Я знаю, что виновата.

— Ничего, — ответил я. Очень мило с ее стороны, но я-то знал, что моей вины во всем этом не меньше.

— Мы хорошие люди, Билл. Ты хороший отец, надеюсь, что и я хорошая мать. Просто, видно, не суждено.

— Понимаю.

Она поцеловала меня в щеку, попрощалась и ушла, увозя Дэвида в коляске. Я смотрел им вслед, меня переполняло знакомое чувство потери. Я всем нутром ощутил жуткую пустоту. Терять любовь оказалось намного тяжелее, чем деньги.

Я вернулся в Москву. Уже начиналась осень, и я чувствовал себя холодно и одиноко. Утешало лишь то, что, несмотря на огромные потери, мы не сдавались и продолжали работу.

Удивительное дело: в индустрии хедж-фондов, если ты теряешь тридцать или сорок процентов, клиенты забирают все оставшиеся деньги, и фонд вынужден сразу же закрыться. Однако если потерять девяносто процентов, как это случилось в 1999 году с фондом Hermitage, большинство инвесторов скажут себе: «Да какая уж теперь разница… Может, лучше выждать и посмотреть, вдруг фонду удастся наверстать упущенное».

Несмотря на неутешительные показатели фонда, после обвала в нем оставалось сто миллионов долларов инвестиций. Комиссионных с этой суммы хватало на аренду и содержание небольшого офиса, что давало нам возможность продолжать.

Только вот делать было почти нечего. По сравнению с пиком рынка объемы торговых операций к началу 1999 года упали на девяносто девять процентов — со ста миллионов долларов в день до одного миллиона. Большинство позиций фонда стали настолько неликвидными, что, даже при желании, продать их было невозможно. Исчезли и предлоги встречаться со старыми и новыми инвесторами: те, кто жаждал было пригласить меня на яхту, теперь не находили и пятнадцати минут на чашку чая в моем обществе.

Тяжелее всего давались вечера после работы, когда все расходились по домам. Я жил в хорошо обустроенной квартире неподалеку от Красной площади. В ней стояла дорогая кухня фирмы «Поггенполь», а ванная комната была оснащена джакузи и сауной. Прекрасный дом, будь в нем женская рука. Я не хранил там почти никаких личных вещей. Квартире недоставало домашнего тепла и уюта, там было пусто и стерильно, и все это только усугубляло чувство одиночества.

Дни сливались в один, я отрешенно наблюдал за агонией рынка, пока третьего декабря не зазвонил телефон. Это был Сэнди Койфман, правая рука Эдмонда. Он ушел из «Республиканского национального банка» после того, как Эдмонд продал его «Эйч-эс-би-си», но мы оставались на связи. Обычно его голос звучал сосредоточенно и решительно, но в тот день я едва узнал его.

— Билл, я вынужден сообщить очень печальную новость…

Кажется, других новостей в последнее время я не получал.

— Что случилось?

— Эдмонд умер.

Последнее слово он произнес с трудом, и я чувствовал, как бывший военный летчик едва сдерживает слезы.

— Что?..

— Он умер, Билл. Погиб при пожаре вчера в своей квартире в Монако.

— При пожаре? Что ты говоришь?

— Я пока не знаю деталей… — Сэнди удалось взять себя в руки. — Полиция не раскрывает подробностей, а его жена Лили в состоянии шока. Как мы поняли, некий мужчина, один из ночных сиделок Эдмонда, инсценировал вторжение в дом, устроил поджог, и Эдмонд со второй сиделкой, спрятавшись в бронированной комнате, погибли — задохнулись от проникшего в помещение дыма.

У меня не было слов. Сэнди тоже молчал.

— Боже мой, Сэнди, — наконец произнес я. — Это страшная новость… Я так сожалею…

— Спасибо, Билл. Я еще позвоню, когда станут известны подробности. Я просто хотел, чтобы ты узнал это от меня.

Я осторожно и бесшумно положил трубку. Это была последняя капля. Я уже успел смириться с тем, что потерял Эдмонда как делового партнера, но он всегда был для меня не просто партнером. Эдмонд Сафра был моим наставником, образцом для подражания. А теперь его не стало.

16. «Вторники с Морри»[12]

Девяносто девятый был худшим годом в моей жизни, и я надеялся, что новое тысячелетие изменит все к лучшему. Но Новый год наступил и прошел, а никаких улучшений на горизонте не предвиделось.

Вдобавок Москву покинули все мои знакомые. Обычно по четвергам мы играли у меня дома в покер. В лучшие времена — в середине 1997 года — ко мне приходило человек тринадцать друзей, но к январю 2000-го из всей этой компании в Москве остался я один, как последний пассажир у багажной ленты в аэропорту: все пассажиры разобрали чемоданы и разъехались по домам, а я стою один, смотрю, как со скрипом кружится и кружится лента, и чувствую, что багаж мой утерян безвозвратно.

В Москве я остался по одной-единственной причине: я дал себе слово во что бы то ни стало вернуть инвесторам потерянные в кризис деньги.

По идее, ситуация в посткризисной экономике делала эту задачу выполнимой. Фонд инвестировал в акции многих российских нефтегазовых компаний. Эти компании продавали нефть, получая доллары, а расходы свои оплачивали в рублях. Объемы их продаж остались на прежнем уровне, в то время как расходы из-за девальвации рубля снизились на семьдесят пять процентов. Иными словами, когда расходы компании снижаются, ее прибыль растет. Я прикинул, что в результате девальвации рубля прибыль компаний, акции которых находились в портфеле нашего фонда, увеличится — у одних на сто процентов, а у других на все семьсот. При прочих равных это должно привести к впечатляющему росту акций этих компаний на рынке.

Но вот только «прочих равных» не было.

До кризиса олигархи, которые владели контрольными пакетами акций этих компаний, по большей части старались вести себя более-менее справедливо по отношению к владельцам небольших пакетов акций. Почему? Да просто им хотелось получать так называемые «легкие деньги» с Уолл-стрит. В то время западные инвестиционные банкиры говорили им: «Мы поможем вам с деньгами, но не обижайте своих акционеров». Вот они их и не трогали.

Такая договоренность хорошо работала до дефолта и в какой-то степени держала олигархов в узде. Но после краха иностранные банкиры, которые так или иначе занимались российскими компаниями, были уволены, а оставшиеся поспешили заверить свое начальство, что о России слыхом не

слыхали. Когда в 1999 году российские олигархи принялись обзванивать своих банкиров в поисках «легких денег», им попросту никто не ответил. В один день они стали изгоями, и путь на Уолл-стрит был заказан.

Девальвация открыла олигархам доступ к сказочной прибыли, а сдерживающие факторы исчезли. Теперь ничто не мешало им воровать с размахом. Действительно, зачем делиться прибылью с мелкими акционерами? Разве они это заслужили? Нет, конечно. От них ведь одни проблемы и никакой пользы.

Тормоза слетели, и олигархи пустились во все тяжкие. Началась оргия воровства, в дело шли любые средства. При полной атрофии правоохранительной системы изобретательность олигархов не знала границ: вывод активов, размывание долей собственности, трансфертное ценообразование, откровенное воровство денежных потоков компаний — далеко не полный репертуар.

Этой серьезной проблемой были озабочены практически все предприниматели в России. Но кроме меня в Москве, пожалуй, не находилось настолько безрассудных людей, чтобы открыто говорить о злоупотреблениях олигархов. Я заработал репутацию, выиграв борьбу за «Сиданко», и в начале января 2000 года меня пригласила выступить Американская торговая палата в Москве. Тема выступления — борьба с нарушениями принципов корпоративного управления.

В качестве практического примера я решил взять нефтяную компанию «ЮКОС». Можно было выбрать любую российскую компанию, но «ЮКОС» был характерным образцом из-за большого количества скандалов с миноритарными акционерами. Я аллегорически назвал свой доклад «Вооруженные силы корпоративных злоупотреблений», имея в виду различные способы ущемить права мелких акционеров и инвесторов. Так, «армия» символизировала трансфертное ценообразование, «флот» — вывод активов, а «морская пехота» — размывание акционерного капитала.

Мероприятие было запланировано на восемь утра. Когда снежным январским утром в половине седьмого зазвонил будильник, я с трудом заставил себя выбраться из постели. За окном было темно, минус двадцать градусов, улицы запорошены снегом. Российская фондовая биржа открывалась только в одиннадцать, я приходил в офис как раз к открытию торгов и поэтому не имел привычки вставать рано. Да и кто в заваленной снегом Москве пойдет слушать какое-то выступление в такую рань? Если б не выступать, я бы и сам не пошел.

Без четверти восемь за мной заехал Алексей. До

Американской торговой палаты было рукой подать. По прибытии я с удивлением обнаружил, что зал заседаний полон. Я вошел и слился с толпой мужчин среднего возраста в серых костюмах. В этой однородной массе невозможно было не заметить красивую молодую женщину в красно-оранжевом платье. Ее волосы были собраны в тугой пучок, как у балерин. Неожиданно я почувствовал, что не зря встал в такую рань. Мне нужно было пробираться к трибуне, но ноги не слушались и сами несли меня к незнакомке.

Подойдя ближе, я протянул руку:

— Здравствуйте, меня зовут Билл Браудер.

Ее прохладная ладонь ответила твердым рукопожатием.

— Елена Молокова, — ответила она официально-деловым тоном.

— Что привело вас сюда в столь ранний час?

— Я интересуюсь инвестиционным климатом в России.

Я вручил ей визитку. Она неохотно открыла сумочку и протянула в ответ свою. Взглянув на карточку, я понял, что Елена Молокова работает в американской пиар-фирме, которая консультирует Михаила Ходорковского, председателя правления «ЮКОСа». Все сходилось. Я собирался пропесочить их крупнейшего клиента, и они прислали своего человека оценить ущерб.

— Так вы интересуетесь инвестиционным климатом? — Мой голос явно выдавал удивление.

— Разумеется, мы им интересуемся, господин Браудер, — бескомпромиссно ответила она.

— В таком случае, рад, что вы пришли.

Я двинулся дальше, но незнакомое ощущение не покидало меня и словно магнитом тянуло обратно. Мне показалось, что между нами проскочила искра. Несмотря на раннее и темное утро, я чувствовал огромный заряд бодрости и выступил на высоте. Я говорил с утроенной энергией, прибегал к метким сравнениям, описывая драматические события, происходящие с миноритариями. Публика хорошо приняла выступление. Но на Елену оно, похоже, не произвело особого впечатления. Я бросал взгляды в ее сторону чаще, чем следовало, но она не меняла выражения лица — профессиональная строгость без тени улыбки. Мне очень хотелось поговорить с ней после выступления, но меня так плотно обступили слушатели, что я лишь краем глаза заметил, как удаляется из зала и моей жизни яркое платье.

К счастью, у меня осталась ее визитка. Она чуть дыру не прожгла в кармане. Мне очень хотелось сразу же из офиса позвонить Елене, но, даже взяв себя в руки, я продержался только

час. Я чувствовал себя словно школьник — как бы так пригласить девчонку на свидание и не выглядеть при этом чересчур назойливым.

Она взяла трубку с седьмого гудка и, казалось, не горела желанием вновь меня услышать. Но все же приняла приглашение на обед, хоть и дав понять, что он будет исключительно деловым. Ну и ладно, надо же с чего-то начинать.

Мы встретились через неделю в «Скандинавии» — шведском ресторане на Тверской, неподалеку от Пушкинской площади. Вначале мы чувствовали некоторую неловкость, ведь ничего не знали о планах собеседника. Елена, наверное, думала, что я хочу поговорить о российском бизнесе, «ЮКОСе» и корпоративном управлении, поэтому удивилась, когда я начал задавать личные вопросы — впрочем, она их искусно обходила. К середине обеда мы оба поняли, что находимся на разных волнах. Несмотря на это, моя настойчивость принесла пусть небольшие, но плоды. Елена оставалась загадкой, однако за время беседы я убедился, что она не только красива, но и очень умна. Елена с отличием закончила МГУ и защитила сразу две кандидатские диссертации: по экономике и политологии. А факт работы на оппонента делал ее чертовски привлекательной в моих глазах, еще больше, чем при первом знакомстве.

Так или иначе, я был обязан найти подход к этой женщине.

Будь она другой, все выглядело бы просто. В Москве иностранцы, особенно состоятельные, находились в положении топ-моделей. Некоторые девушки были готовы броситься в ваши объятия (и даже в постель) чуть ли не при первой встрече. Не приходилось ни ухаживать, ни манить интересными разговорами: достаточно сказать «привет», как вас тут же обвивала какая-нибудь стройная девица с идеальными губками и томным взглядом, пока вы спешно думали, где здесь ближайшая кровать или отдельный номер.

Я знал, что завоевать ее расположение будет непросто, но был настроен решительно. Таких девушек, как Елена — умных, самостоятельных и независимых, можно встретить в Лондоне, Париже или Нью-Йорке — не нуждающихся в мужчине ради денег или повышения самооценки. Вскоре после нашего обеда я опять позвонил и предложил встретиться, на этот раз за ужином. Наверное, я выбрал правильный подход: пусть без особого энтузиазма, но Елена приняла приглашение.

Мы отправились в китайский ресторан «Мао». Она казалась еще более отстраненной, чем раньше. Чувствуя мои скрытые мотивы, Елена держалась настороже. Мы прошли за столик. Ее лицо сохраняло бесстрастное выражение. Разумеется, это только

разжигало мой интерес. Какое-то время мы просто болтали ни о чем, а потом я спросил:

— Видели статью Ли Волоски в «Форин Афферс»? О том, что Америке следует относиться к российским олигархам как к отверженным?

Елена неодобрительно наморщила носик.

— Нет, не приходилось.

— Интересная статья, — продолжил я, пригубив красное вино. — Автор предлагает американскому правительству не давать въездные визы олигархам из России.

У Елены была изящная шея и белоснежная кожа, и пока я говорил, она вся вспыхнула.

— С какой стати американцам так обращаться с россиянами? В мире полно плохих людей. Это просто лицемерие, — заявила она, будто я оскорбил ее.

— Вовсе нет. Олигархи — чудовища, и вообще надо же с чего-то начинать, — спокойно возразил я.

Я, видимо, задел за живое, и атмосфера встречи полностью изменилась. И зачем я заговорил об этой статье? Мне хотелось завоевать расположение Елены, а не рассердить ее. Я сменил тему, но урон уже был причинен. Прощаясь, мы формально поцеловались в обе щеки. Я был сильно увлечен этой женщиной, но проявил непростительную бестактность в отношении ее родины. Возвращаясь домой, я был уверен, что никогда больше ее не увижу. Весь остаток вечера я бранил себя за испорченное свидание и не мог избавиться от чувства, что рабочие неприятности влияют на робкую попытку завести романтические отношения.

Фонд по-прежнему испытывал затруднения, российская экономика все еще не выкарабкалась из кризиса, а олигархи, судя по всему, готовы к наступлению на наши последние активы. И в работе, и в отношениях с этой недосягаемой женщиной я словно натыкался на стену. Обуреваемый страстями, я час проворочался в кровати, тщетно пытаясь уснуть. В конце концов взял телефон и позвонил другу — Алану Каллисону из газеты «Уолл-стрит Джорнал». Уже почти пробило полночь, но это не имело значения. Алан всегда засиживался допоздна, поэтому я мог застать его и поговорить. Я пожаловался ему на неудачное свидание, и он выразил мне обычные в таких случаях соболезнования. Где-то на середине душещипательной истории я упомянул имя Елены.

— Постой, — перебил меня Алан, — у тебя было свидание с Еленой Молоковой?

— Вообще-то даже два.

— Ого, Билл, это само по себе большое достижение! За ней многие пытаются приударить.

— Эх, видно, кому-то повезет больше. Я все испортил.

— Ну и забудь. В Москве миллион красивых девушек.

Я пожал плечами и тихо произнес:

— Таких, как она, нет.

Алан не особенно сочувствовал, и мы вскоре попрощались. В итоге мне удалось-таки заснуть, и на следующее утро я был полон решимости жить дальше и забыть о Елене. Человек я занятой, работы полно, вокруг и правда много других красавиц, стоит только пожелать…

Только вот желал я не этого. Да и забыть о Елене никак не удавалось. Через неделю после ужина в «Мао» я решил, что надо исправлять ситуацию.

Но как?

Как возобновить контакт и не выглядеть, будто в чем-то оправдываешься или что-то доказываешь? Все, что я запомнил, кроме того, что Елена не согласна со мной по поводу олигархов, это история о том, как она потеряла отца. Он умер от сердечного приступа три года тому назад. Елена рассказала, что он умер скоропостижно, а самое ужасное — что она не успела с ним попрощаться и слишком многое осталось невысказанным.

История ее отца напомнила мне о недавно прочитанной книге «Вторники с Морри». Я написал Елене короткую записку, положил в конверт вместе со своим экземпляром книги и попросил Алексея доставить в офис Елены. В письме было сказано:

Дорогая Елена!

После того, как ты рассказала мне о своем отце, я не мог не думать о тебе, читая эту книгу. Она о человеке, умирающем от неизлечимого недуга. Он стремится, пока остались силы, высказать накопившиеся за долгую жизнь мысли. Не знаю, найдется ли у тебя время прочесть ее, но надеюсь, что она тронет твое сердце так же, как тронула мое.

С теплотой о наших встречах,

Билл

Признаться честно, я не очень-то рассчитывал на успех этой затеи, хотя книга действительно произвела на меня сильное впечатление. Отправляя экземпляр Елене, я боялся, что она воспримет это как-то иначе, мол, я троянским подарком пытаюсь проникнуть в ее сердце.

Прошла неделя. Вестей от Елены не было, и я уже уверовал, что ситуация непоправима, как вдруг, еще через неделю, Светлана, наклонившись через рабочий стол, сообщила:

— Билл, вам звонок от Елены Молоковой.

Сердце участило стук. Я поднял трубку.

— Да?

— Здравствуй, Билл.

— Здравствуй, Елена. Ты… ты получила от меня книгу?

— Да.

— И как? Нашлось у тебя время прочитать?

— Да. — Ее голос звучал мягче, чем раньше. Я не мог утверждать наверняка, но, казалось, вуаль непроницаемости приподнята.

— Понравилась?

Она вздохнула:

— Очень. Я только что закончила читать, и книга действительно тронула меня до глубины души. Спасибо тебе.

— Я очень рад. То есть, я хочу сказать, пожалуйста. Не за что.

— А еще я была удивлена…

Теперь ее тон слегка изменился, и в голосе появились теплые нотки, приоткрыв личное пространство, которое раньше оставалось для меня недоступным.

— Да? Чему же?

— Ну, я совершенно не представляла, что ты такой чуткий человек.

Я почувствовал ее улыбку.

— Да ладно, я не знаю, настолько ли я чуткий.

В разговоре возникла пауза.

— А скажи, ты… не поужинаешь со мной еще раз?

— Да.

Через несколько дней мы встретились в «Марио». Это был дорогой итальянский ресторан, некоторые посетители походили на мафиози, но там отменно готовили самые разные и очень вкусные блюда итальянской кухни. Я пришел первым и занял позицию у барной стойки, а когда метрдотель подвел Елену, подумал, что он ошибся, так изумительно она преобразилась. Светлые волосы, раньше собранные в тугой пучок, мягкими локонами ниспадали с плеч. Помада красного оттенка выразительно очерчивала линию губ, а черное платье было более облегающим и стильным, чем все костюмы, в которых мне доводилось ее видеть. Она была не просто красивой, а необычайно притягательной. Похоже, для нее это было первое настоящее свидание со мной.

Мы сели за столик. На этот раз мы не касались олигархов, корпоративного управления или работы, а рассказывали друг другу о себе и своей семье, о мечтах и планах — о том, что говорят двое, когда хотят узнать друг друга поближе. Это был

прекрасный вечер. Когда настало время прощаться, я притянул ее к себе за талию и поцеловал. Елена не противилась и ответила на мой поцелуй.

После этого мы каждый день говорили по телефону. Я был бы рад видеться с ней каждый день, но Елене удавалось выкроить на меня время только раз в неделю, а то и реже. Так продолжалось три месяца: вкусные ужины, интересные беседы и страстный поцелуй на прощанье. Мне хотелось большего, казалось, что и ей тоже, но я никак не мог придумать, как сделать следующий шаг. Тогда я решил, что нужно поступить стремительно, но романтично.

Приближались майские праздники, когда многие уходят в отпуск на десять дней. Я позвонил Елене во второй половине дня и спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы слетать со мной в Париж?

Она замялась. Разумеется, я был далеко не первым мужчиной, желавшим умчать ее на край света, и мы оба понимали, что произойдет, если она согласится.

— Мне нужно подумать, Билл, — сказала она после небольшой паузы.

Перезвонила она минут через десять.

— Я буду рада поехать с тобой, если мне дадут визу.

Я был окрылен согласием, но немало взволнован из-за визового вопроса. Молодым и незамужним русским девушкам было очень сложно получить визу западной страны. Требовались горы сопроводительных документов, доказывающих, что подательница заявления не намеревается остаться на Западе. Мало того, заявление могли рассматривать несколько недель, а до праздников оставалось всего четыре дня.

Елена обзвонила несколько турагентств. К счастью, одно как раз организовывало тур в Париж, и сотрудница агентства вот-вот собиралась нести тридцать паспортов в посольство Франции. Если Елена успеет вовремя подготовить документы, был шанс быстро получить визу. Елена постаралась, и — о, чудо! — ей дали визу на следующий день. Не прошло и недели после моего предложения, как мы сидели рядом в салоне самолета «Эр Франс», вылетающего в Париж.

Желая произвести впечатление на Елену, я снял номер в отеле «Ле Бристоль», одном из самых шикарных отелей не только во Франции, но и во всем мире. Носильщики в белоснежных перчатках взяли наши компактные сумки и проводили нас в номер. Старинные бра на стенах, дорогие ковры в коридорах, кресла эпохи Людовика XV — я то и дело посматривал на Елену, любопытствуя, как она отреагирует на весь этот роскошный

антураж. Но на ее лице, независимо от настроения, всегда играла легкая улыбка. Когда носильщик открыл дверь в номер, зрелище превзошло все мои ожидания, а я на своем веку повидал немало гостиничных номеров. Я дал чаевые, пробормотал слова благодарности (увы, мой французский оставлял желать лучшего) и повернулся к Елене.

Ее все это, похоже, не впечатлило, во всяком случае она этого не показала.

— Давай пройдемся, — предложила Елена.

Мы освежились и спустились к авеню Матиньон. Париж создан для неторопливых прогулок, и мы долго бродили, болтая о пустяках. Время от времени мы держались за руки, но недостаточно долго, чтобы с уверенностью утверждать, будто я завоевал ее сердце. Между тем над городом сгущались тучи, и когда мы подошли к Елисейским Полям, чувствовалось, что их вот-вот прорвет.

— Пахнет грозой, — заметила Елена.

— Точно.

Мы устроились под зонтиком ближайшего кафе. Официант принес теплый хлеб, я заказал бутылку бордо. Мы ели мидии в белом вине и картофель фри из большого блюда. Дождь все не начинался. Я заказал крем-брюле и чай в чугунных чайничках. Только подали десерт, как на землю упали первые крупные капли. Через несколько секунд они уже звонко барабанили по нашему зонтику. Зонтик был небольшой, я придвинул свой стул поближе и обнял Елену, защищая от дождя. Мы смеялись, как дети, глядя, как небеса разверзлись и вокруг нас завертелись и понеслись потоки воды. Елена перебралась ко мне на колени, и мы сидели так, крепко обнявшись, посреди дождя.

В этот миг мы уже знали, что принадлежим друг другу.

17. Расследования воровства

Удивительно, как преображает человека влюбленность. Вернувшись вдвоем с Еленой в Москву, я почувствовал необычайный прилив сил и был готов горы свернуть.

Моя ключевая задача в то время — остановить колоссальные хищения в компаниях, акции которых приобретал фонд. Фонд Hermitage уже потерял девяносто процентов стоимости инвестиционного портфеля из-за дефолта в России, а теперь олигархи растаскивали оставшиеся десять процентов. Если ничего не предпринять, то фонд останется ни с чем.

Воровство происходило повсеместно, начиная от банковской сферы и заканчивая природными ресурсами. Особенно преуспел в этом газовый гигант «Газпром».

По объему добычи газа и масштабу «Газпром» был одной из важнейших компаний мира. Но рыночная стоимость «Газпрома» составляла всего двенадцать миллиардов долларов. Это меньше, чем стоимость какой-нибудь средненькой нефтегазовой компании в Америке.

По уровню запасов углеводородного сырья «Газпром» превосходил «Эксон Мобил» в восемь раз и «Бритиш Петролеум» — в двенадцать, а это крупнейшие нефтяные компании в мире. Но цена акций «Газпрома» в пересчете на баррель запасов была на 99,7 процента меньше цены акций тех компаний.

Почему же они стоили так дешево? Ответ напрашивался сам собой: большинство инвесторов на рынке полагало, что 99,7 процента активов «Газпрома» разворовано. Но как можно украсть буквально всё, что принадлежит одной из крупнейших компаний в мире? Никто не знал наверняка, но все принимали это как данность.

Несмотря на размах коррупции в стране, я не мог поверить, что руководство «Газпрома» подчистую обобрало свою компанию. Если бы я мог как-то доказать, что рынок ошибается, то появилась бы возможность на этом заработать. Я должен был изучить компанию и разобраться в том, что происходит на самом деле. Другими словами, нужно было расследовать механизмы воровства.

Но как к этому подойти? В Стэнфордском университете этому не учат. Руководство «Газпрома» спросить об этом я не мог. К аналитикам крупнейших международных инвестиционных банков я тоже не мог обратиться: их волновали только собственные гонорары. Они преданно смотрели в рот руководству «Газпрома»

и никогда открыто не признали бы, что прямо под носом происходит самое возмутительное воровство.

Размышляя, я вспомнил об опыте работы в «Би-Си-Джи», который определенно мог сейчас пригодиться. Как консультант по управленческим вопросам, я знал, что лучший способ получить ответ на сложный вопрос — найти знающих людей и расспросить их.

Тогда я составил список людей, которым могло быть известно что-нибудь о «Газпроме». В него вошли конкуренты, заказчики, поставщики, бывшие сотрудники, государственные чиновники и не только. Я начал приглашать этих людей на встречи, завтраки, обеды, ужины, чай, кофе и десерт. Я не хотел их спугнуть, поэтому не раскрывал всех своих планов — сообщал, что я западный инвестор и хочу побеседовать с ними. К моему удивлению, примерно три четверти из четырех десятков приглашенных согласились на встречу.

Первым в списке шел заведующий отделом планирования небольшой региональной компании, конкурирующей с «Газпромом». Это был полный лысеющий мужчина, носивший часы и помятый серый костюм в советском стиле. Я и Вадим встретились с ним в итальянском ресторане «Дориан Грей», расположенном в самом центре на набережной Москвы-реки, что напротив Болотной площади.

Поздоровавшись и перекинувшись несколькими фразами, я сразу перешел к делу:

— Мы организовали нашу встречу, потому что пытаемся выяснить, что и как было украдено в «Газпроме». Вы хорошо разбираетесь в газовых активах, и я буду очень признателен, если вы поделитесь своими познаниями.

Последовала небольшая пауза — я забеспокоился, что наверное перегнул палку, но тут его лицо озарилось. Он положил руки на скатерть и наклонился вперед.

— Очень хорошо, что вы спросили. Управленцы из «Газпрома» — самые отпетые мошенники, которых можно себе представить. Они воруют всё и вся.

— Например? — спросил Вадим.

— Взять, к примеру, «Таркосаленефтегаз», — продолжил наш собеседник, постукивая ложкой по столу. — Его же просто целиком увели из «Газпрома».

— А что это за «Тарко…» — хотел было уточнить Вадим, но мужчина уже продолжал, не дав ему закончить:

— Тарко-Сале — это газовое месторождение в Ямало-Ненецком округе. В нем где-то четыреста миллиардов кубометров.

Вадим достал калькулятор и перевел эту цифру в баррели нефтяного эквивалента. Получившаяся сумма — 2,7 миллиарда баррелей нефти — означала, что запасы Тарко-Сале больше запасов американской нефтяной компании «Оксидентал петролеум», стоимость которой составляла девять миллиардов долларов!

Меня не так просто удивить, но мысль о том, что кто-то «увел» из «Газпрома» активы с рыночной стоимостью в девять миллиардов долларов, не укладывалась в голове. Наш собеседник на этом не остановился: он называл имена, даты и цифры, рассказывал о других украденных крупных газовых месторождениях. Мы задавали вопросы и заполнили информацией семь страниц блокнота. После двух часов мы решили закругляться с обедом, иначе собеседник мог продолжать до бесконечности.

Совершенно того не подозревая, я наткнулся на один из важнейших социально-культурных феноменов постсоветской России — гигантский разрыв в уровне благосостояния населения.

В советское время самые богатые люди в стране были примерно в шесть раз богаче самых бедных. Члены политбюро обладали просторной квартирой, машиной, хорошей дачей, но не более. А к 2000 году богатейшие люди в стране по достатку превосходили беднейших уже в двести пятьдесят тысяч раз. Разница в доходах появилась так быстро, что это отравило психологию людей. Они были озлоблены и охотно изливали свою горечь любому, кто готов их был выслушать.

Большинство встреч проходило примерно в том же ключе. Мы выслушали консультанта по газовой промышленности, который поведал о еще одном украденном газовом месторождении. На встрече с менеджером газотрейдерской компании мы узнали подробности, как «Газпром» организовал продажу газа в бывшие советские республики через сомнительного посредника. Бывший сотрудник описал, как «Газпром» предоставлял огромные займы друзьям руководства на очень льготных — нерыночных — условиях. В итоге после всех этих бесед у нас набралось два блокнота обличающих свидетельств о воровстве и махинациях.

Если верить услышанному, то это, пожалуй, самое крупное воровство за всю историю предпринимательской деятельности. Оставалась, впрочем, одна серьезная загвоздка: у нас не было прямых доказательств. Люди могли говорить из чувства зависти, преувеличивать или намеренно искажать факты. Нужен был способ проверить полученную информацию.

А как что-то проверить в России? Разве не в этом изначальная суть нашей проблемы с «Газпромом»? Казалось, вся страна укрыта

таким густым туманом, что не видно дальше собственного носа.

Но обнаружилось, что это не совсем так. Стоило копнуть немного глубже, и выяснялось, что в действительности Россия одна из самых прозрачных стран в мире. Нужно лишь знать, где искать информацию. Узнали мы это совершенно случайно, через несколько недель после серии встреч о «Газпроме».

Вадим ехал на работу на своем подержанном «Фольксвагене-Гольфе». На Бульварном кольце на пересечении Тверской улицы и Пушкинской площади он застрял в пробке. В этом месте автомобили должны были поворачивать либо направо, либо налево, что создавало длинные заторы почти каждый день. Пользуясь этим, группы предприимчивых мальчишек окружали машины, торгуя всем подряд — от пиратских компакт-дисков с фильмами до газет и зажигалок.

В тот день один сорванец подскочил к машине Вадима, настойчиво размахивая какими-то товарами. Вадима предложение не интересовало, но мальчишка попался настойчивый.

— Ну, ладно, что ты там продаешь? — с неохотой спросил Вадим.

Парнишка распахнул куртку, и взору Вадима предстал набор компакт-дисков в пластиковых кластерах.

— Базы данных.

— Какие еще базы данных? — заинтересовался Вадим.

— Любые: мобильных телефонов, налоговых деклараций, нарушений правил дорожного движения, пенсионных фондов… что угодно.

— Любопытно. И почем?

— По-разному. От пяти до пятидесяти долларов.

Посмотрев искоса на набранные мелким шрифтом наименования дисков на «прилавке» мальчишки, Вадим заметил диск с названием: «База данных Московской регистрационной палаты». Он не поверил своим глазам. Московская регистрационная палата вела реестр владельцев всех московских компаний.

Вадим указал на этот диск.

— Вот этот сколько стоит?

— Этот? Ну, э-э… пять долларов.

Вадим протянул мальчишке купюру и забрал диск.

Добравшись до офиса, Вадим сразу сел за компьютер проверить, не окажется ли диск, на который он потратил пять долларов, пустым. Однако, как и было обещано, на мониторе появилось меню с поиском информации о зарегистрированных владельцах всех компаний в Москве.

В этот момент мы еще раз убедились, насколько все в стране забюрократизировано: в этом виде спорта Россия, наверное, чемпион мира.

При советской системе централизованного планирования власть нуждалась в информации обо всех сторонах жизни огромной страны, чтобы принимать решения: сколько яиц нужно в Красноярске, сколько электричества — во Владивостоке и так далее. После развала Советского Союза ничего, в сущности, не изменилось: все так же работали министерства в Москве, а чиновники скрупулезно продолжали собирать информацию по всем подотчетным сферам.

После удачной уличной покупки Вадима мы быстро сориентировались, как проверить сведения, полученные во время бесед о «Газпроме». С помощью этих баз данных мы убедились, что в период с 1996 по 1999 год руководство «Газпрома» продало практически за бесценок семь крупных газовых месторождений.

Удивлял даже не размер выведенных активов, а та наглость и бесстыдство, с которыми это делалось. Новые владельцы похищенной собственности даже не скрывали этот факт.

Яркий пример — история с дочерней компанией «Газпрома» — «Сибнефтегазом». В 1998 году руководство этой сибирской газодобывающей компании приобрело лицензию на газовое месторождение с запасом 1,6 миллиарда баррелей нефтяного эквивалента. Даже по самым скромным подсчетам стоимость этой «газовой дочки» составляла около 530 миллионов долларов, но одной группе покупателей позволили приобрести 53 % акций «Сибнефтегаза» всего за 1,3 миллиона долларов, то есть по цене, заниженной на 99,5 % против реальной рыночной!

И кто же эти счастливые приобретатели? Одним был Геннадий Вяхирев, брат председателя правления «Газпрома» Рема Вяхирева. Компания, принадлежавшая Геннадию Вяхиреву и его сыну Андрею, приобрела 5 % «Сибнефтегаза» за 87 600 долларов. Пакет в размере 18 % акций выкупила за 158 000 долларов компания, совладельцем которой был Виктор Брянских, руководитель департамента стратегического развития «Газпрома». Еще 10 % «Сибнефтегаза» досталось фирме Вячеслава Кузнецова и его жены Натальи. Вячеслав был начальником отдела внутреннего контроля «Газпрома» — того самого отдела, который должен выявлять и пресекать такого рода деятельность.

Мы обнаружили еще шесть крупных случаев передачи активов с использованием аналогичных методов. Когда Вадим суммировал запасы газа и нефти, исчезнувшие с баланса «Газпрома», получилось, что компания лишилась запасов, сравнимых по объему с запасами всего Кувейта. В мировой

истории войны велись за куда меньшие ресурсы.

Но наиболее удивительным было другое. Безусловно, объем украденных ресурсов был огромен, но он составлял лишь 9,65 % всех запасов «Газпрома». То есть более 90 % запасов «Газпрома» украдено не было. Однако никто из инвесторов и участников рынка этого не понимал, полагая, что буквально всё до последнего атома газа и последней капли нефти разворовано и что именно этим объясняется заниженная на 99,7 % цена акций «Газпрома» по сравнению с акциями аналогичных западных компаний.

Но мы только что выяснили, что 90 % запасов все еще на месте, и никто больше об этом не знал.

Как поступить инвестору в такой ситуации? Я вам скажу: затариться акциями по полной программе!

В мире, где люди готовы ломать копья за двадцать процентов прибыли, мы вдруг обнаружили актив, способный принести тысячу, а то и все пять тысяч процентов дохода. Естественно, фонд увеличил свою позицию в «Газпроме» до максимума — двадцати процентов (по правилам фонда акции одной компании в портфеле не могли составлять больше двадцати процентов общей стоимости портфеля фонда).

Большинство инвесторов-профессионалов этим бы и ограничились: исследуешь, инвестируешь и ждешь, пока другие сами узнают то, что тебе уже известно. Но я не мог так поступить. Обнаруженная нами информация о «Газпроме» была слишком важной, чтобы держать ее при себе. Я должен был ею поделиться.

Я принял необычное для моей профессии решение. Подготовив детальный доклад по «Газпрому», я разделил его на шесть самостоятельных эпизодов и отдал по одному в крупные западные новостные издания. Журналисты и редакторы сразу учуяли сенсацию. К тому же, материал был настолько подробным, что они не могли устоять. Мы экономили им месяцы собственных расследований, все, что требовалось, — перепроверить уже имевшуюся информацию. Вскоре в печати вышло множество статей с громкими заголовками.

Первая под названием «Прожигатель газа?» была напечатана 24 октября 2000 года в газете «Уолл-стрит Джорнал». В ней упоминалось, что газа с украденных месторождений хватило бы всей Европе на полных пять лет.

На следующий день со своей статьей вышла английская газета «Файнэншл Таймс»: «Директора „Газпрома“ обсудят на собрании методы управления компанией». В ней излагались подробности сделок с «родственниками и друзьями».

Двадцать восьмого октября американская газета «Нью-Йорк

Таймс» в рубрике мировых бизнес-новостей опубликовала статью «Директора принимают решения по поводу продаж активов „Газпрома“».

В следующем месяце, 20 ноября, в журнале «Бизнес Уик» появилась статья «Газпром на гриле», а чуть позже, 24 декабря, — статья «Вывод активов — вызов Путину» в газете «Вашингтон Пост».

Общество как в России, так и за ее пределами было шокировано коррупцией в «Газпроме». За последующие полгода вышло больше пятисот статей на русском языке и двести семьдесят пять на английском с информацией из наших раскопок по «Газпрому».

Огласка этих событий возымела эффект. Россияне мирились с существованием коррупции и взяточничества, пока это оставалось чем-то абстрактным, но стоило привести конкретные примеры, назвать имена и суммы, как последовало общественное возмущение. Негодование было настолько сильным, что в январе 2001 года в Государственной Думе прошли слушания по ситуации в «Газпроме». В результате Счетной палате было поручено провести в «Газпроме» проверку.

Совет директоров «Газпрома» оперативно отреагировал на действия Счетной палаты, пригласив ведущую американскую аудиторскую компанию «Прайсуотерхаус Куперс» провести еще один независимый аудит.

Спустя несколько недель Счетная палата отчиталась о результатах. Они мало кого удивили. Проверяльщики не нашли нарушений в деятельности руководства «Газпрома», а передачу активов обосновали нехваткой собственных средств и необходимостью привлечения сторонних ресурсов.

Оставалось ждать отчета «Прайсуотерхаус Куперс». Но, будучи аудитором «Газпрома», эта компания получала от него миллионы долларов в год, поэтому любые обвинения «Газпрома» стали бы обвинением в их собственный адрес. Разумеется, они тоже оправдали действия «Газпрома», приведя беспомощные и бестолковые доводы, что вскрытые нами операции вполне обоснованны и правомерны.

Этого и следовало ожидать. Я так устал от удручающих новостей, что предпочел бы улететь из Москвы куда-нибудь подальше хотя бы на время проведения общего собрания акционеров «Газпрома», назначенного на 30 июня 2001 года. Я знал, что, несмотря на все наши разоблачения, руководство «Газпрома» будет расхаживать, как напыщенный павлин, и всем рассказывать, как хорошо они управляют компанией.

Лицезреть этот спектакль я не хотел и предложил Елене

выбраться куда-нибудь из Москвы на выходные. Она как раз закончила работу над большим проектом и согласилась, поэтому я взял два билета до Стамбула. Это было одно из немногих приятных мест, куда Елене не требовалось въездной визы.

В день общего собрания акционеров «Газпрома» мы приземлились в аэропорту имени Ататюрка и доехали на такси до отеля «Чираган Палас» на европейской стороне Босфора, где раньше располагался дворец султана. Стояла прекрасная погода. Мы перевели дух на веранде у бассейна, а затем пообедали на свежем воздухе, под тенью белоснежного навеса, спасавшего от яркого солнца, наблюдая, как по Мраморному морю неторопливо движутся корабли. Стамбул отделяют от Москвы всего три часа полета, но экзотические виды и звуки Турции, а также присутствие Елены успокоили меня и словно перенесли в другой, нерусский, мир — мир без низости и лжи.

Мы заказали мятный чай и десерт, и тут зазвонил мобильный. Я не хотел отвечать, но это был Вадим.

Он сообщил потрясающую новость. Оказалось, что на общем собрании руководству «Газпрома» пришлось не до сладких речей и павлиньего вида. Президент Владимир Путин сместил Рема Вяхирева с должности председателя правления «Газпрома». На это место он назначил почти никому не известного человека по имени Алексей Миллер. Вступив в должность, Миллер сразу же заверил, что обеспечит сохранность оставшихся в «Газпроме» активов и возвратит то, что было разворовано. Рынок отреагировал бурным ростом котировок акций компании, которые подскочили на 134 % за один день.

В течение последующих двух лет цена акций увеличилась еще вдвое, затем еще и еще. К 2005 году акции «Газпрома» уже стоили в сто раз больше по сравнению со стоимостью их покупки компаниями фонда Hermitage. Не на сто процентов больше, а в сто раз. А наше небольшое расследование помогло стране избавиться от одного из самых бесчестных олигархов. Без сомнения, это была лучшая инвестиция в моей жизни.

18. Пятьдесят процентов

Помимо работы в Москве и романтических встреч с Еленой, я с удовольствием занимался теннисом и старался почаще находить время для игры.

Холодным субботним днем в феврале 2002 года я немного опаздывал на теннисный матч со своим приятелем брокером. Водитель Алексей гнал машину, а мы с Еленой сидели на заднем сиденье, держась за руки. Свернув на улицу, ведущую к кортам, я заметил посреди дороги крупный темный предмет, который по обе стороны объезжали машины. Сначала мне показалось, что это холщовый мешок, выпавший с какого-нибудь грузовика. Приблизившись, я понял, что это человек.

— Алексей, остановись! — попросил я.

Мой водитель ничего не ответил и продолжил движение.

— Да остановись же! — уже крикнул я. Он неохотно притормозил неподалеку от лежавшего на дороге мужчины.

Я открыл дверь и выскочил из машины. Елена последовала за мной. Алексей, поняв, что иного выхода нет, тоже вышел из машины и подошел к нам. Я наклонился к мужчине. Мимо проезжали и сигналили автомобили. Крови не было видно, но человек лежал без сознания. Он судорожно подергивался, изо рта шла пена. Я не знал, что произошло, но, слава Богу, он был жив.

Я опустился на колено и обхватил его за плечо с одной стороны, а Алексей подсобил с другой. Елена приподняла его ноги. Все вместе мы перенесли его подальше от проезжей части.

Нашли припорошенный снегом участок и осторожно положили его на снег. Мужчина начал понемногу приходить в себя.

— Эпилепсия… — расслышали мы тихий шепот. — Эпилепсия…

— Все будет хорошо, — сказала ему Елена по-русски, дотронувшись до плеча.

Видимо, кто-то сообщил о происшествии, поскольку подъехали три милицейские машины. Я был поражен тем, что милиционеры расхаживают по дороге и явно ищут, на кого это все можно повесить, не обращая никакого внимания на лежащего и нуждающегося в помощи человека. Услышав мою английскую речь и поняв, что я иностранец, они переключились на столпившихся вокруг соотечественников. Подошли к Алексею и обвинили в том, что он якобы сбил мужчину. Пострадавший к этому моменту уже полностью пришел в себя и пытался объяснить, что его никто не сбивал, что Алексей, наоборот,

пытался ему помочь, но милиционеры не слушали. Они потребовали у Алексея документы, заставили его пройти тест на содержание алкоголя в крови и говорили с ним на повышенных тонах не меньше четверти часа. Наконец, поняв, что никакого преступления не было, они вернулись к своим машинам и уехали. Бедолага поблагодарил нас, и его проводили в скорую, которая тоже приехала, пока Алексей разговаривал с милиционерами, а мы вернулись в свой «Блейзер» и продолжили путь.

В дороге Алексей объяснил, почему он не спешил помогать, а Елена переводила:

— В России так всегда. Милиции даже неважно, сбили его или нет. Едва появившись, они назначают кого-нибудь виновным, и делу конец.

К счастью, для Алексея, бывшего полковника ГАИ, все разрешилось благополучно. А обычному московскому самаритянину такая помощь ближнему могла стоить семи лет лишения свободы, причем каждый россиянин это знал. И это тоже Россия.

Я успел на корты, но, как ни старался, мысли о дорожном происшествии всё не шли из головы. А если бы мы не остановились? Какая-нибудь машина могла вовремя не свернуть, и человек мог погибнуть или получить тяжелую травму. Подобное происходит по всей стране, и от этого бросало в дрожь. Речь ведь не только о безопасности на дорогах. То же самое могло произойти в любой сфере жизни: в бизнесе, здравоохранении или на школьном дворе. Да где угодно. Случись какое-то несчастье, люди старались не вмешиваться, чтобы самим не пострадать — не от недостатка гражданского долга, а потому, что результатом любой помощи было наказание, а не похвала.

Возможно, следовало воспринять это происшествие как знак. Возможно, не стоило лезть на рожон, пытаясь искоренить коррупцию в компаниях, куда инвестировал фонд. Но я был искренне убежден, что могу помочь.

Я не был россиянином (милиция, к примеру, перестала обращать на меня внимание, едва услышав, что я говорю по-английски), и поэтому мне казалось, что я могу действовать там, где российский гражданин бессилен.

По этой причине после успеха нашей «газпромовской» кампании я решил заняться изобличением коррупции в других крупных компаниях, акции которых входили в портфель фонда. Так, объектом моего пристального внимания стали РАО «ЕЭС» (Единая энергетическая система) и Сбербанк. Как и в случае с «Газпромом», я месяцами расследовал схемы хищений, затем излагал результаты расследований в простой и понятной

обычным людям форме и делился ими с международными печатными изданиями. Едва публичная кампания достигала накала, механизм приходил в движение, и правительство Путина начинало действовать и приструнивало нарушителей.

Когда мы рассказали, что председатель правления РАО «ЕЭС» собирается распродать с колоссальной скидкой активы компании разным олигархам, Кремль наложил мораторий на такую распродажу. После того как мы подали иск против совета директоров Сбербанка за продажу инсайдерам акций банка (по заниженной цене) в обход миноритарных акционеров, парламент внес изменения в законодательство с целью защиты прав акционеров при выпуске новых акций.

Вы можете спросить, почему Путин позволял мне заниматься всем этим. Полагаю, причина кроется в том, что на определенном этапе наши интересы совпадали. Когда в январе 2000 года Путин стал президентом Российской Федерации, реальная власть была сосредоточена в руках олигархов, губернаторов и различных преступных группировок. Поэтому Путин считал делом первостепенной важности возвратить власть на ее законное место в Кремль, а если точнее, в свои собственные руки.

В сущности, в отношении меня и моих антикоррупционных инициатив Путин руководствовался политическим принципом: «Враг моего врага — мой друг». Он регулярно пользовался плодами моей работы как предлогом свести счеты со своими оппонентами — олигархами.

Я же был так поглощен своими успехами и растущей доходностью фонда, что не понимал этого. Я наивно полагал, что Путин действует в интересах общественного блага и искренне стремится навести порядок в стране.

Многие спрашивают, почему олигархи не избавились от меня в отместку за то, что я вывожу на свет их темные схемы. Хороший вопрос. В России убивают и за меньшее. В стране царило беззаконие и могло случиться — и часто происходило — что угодно.

Спас меня не чей-то страх перед законом, а паранойя. В России живут теориями заговора. Здесь вам предложат множество объяснений всему на свете, и ни одно не будет простым. Обычный россиянин и представить себе не мог, чтобы какой-то нескладный американец, который по-русски и двух слов не свяжет, в одиночку пойдет против самых влиятельных в стране олигархов. Единственное логичное объяснение для них: я действовал по указу кого-то гораздо более влиятельного. А поскольку мои кампании неизменно заканчивались вмешательством Путина или правительства, люди предполагали, что за всем этим стоит «сам

Владимир Владимирович». Это было нелепо, я ведь даже никогда не встречался с ним. Однако, по-видимому, меня считали «человеком Путина» и поэтому не трогали.

Результатом наших антикоррупционных кампаний и вмешательства президента стал значительный рост стоимости акций в портфеле фонда. К концу 2003 года капитализация фонда выросла на 1200 % с момента, когда рынок коснулся дна. Я вернул всё, что было потеряно в 1998-м. На это ушло пять лет титанического труда, но я достиг цели и вытянул своих клиентов из этой пропасти. Удалось не только устоять, но и, как мне казалось, найти идеальную модель бизнеса: не просто зарабатывать клиентам большие деньги, но и помогать России стать лучше. В мире найдется мало занятий, которые позволяют одновременно зарабатывать и приносить пользу, а у меня оно было.

Могло показаться, что все идет слишком гладко. Так и вышло. Ранним субботним утром в октябре 2003 года я занимался дома на беговом тренажере, поглядывая новости по телеканалу Си-эн-эн, когда вдруг красной строкой прошло сообщение, что председатель правления «ЮКОСа» Михаил Ходорковский, самый богатый человек в России, арестован.

Я соскочил с беговой дорожки, вытер пот с лица и поспешил на кухню, где Елена готовила завтрак.

— Ты уже слышала? — запыхавшись, выкрикнул я.

— Да, только что по радио сообщили. Невероятно!

— Как думаешь, что будет дальше?

— Не знаю. Думаю, что в понедельник он уже будет на свободе. У нас в стране богатых людей долго за решеткой не держат.

По поводу ареста Ходорковского у меня возникали смешанные чувства. С одной стороны, если его вскорости не выпустят, для российского фондового рынка это станет ударом, и мой фонд потеряет деньги. С другой стороны, если Ходорковского оставят под стражей и начнется реальное наступление на олигархию, то у России появится шанс стать цивилизованным государством, и в конечном итоге это будет благом не только для простых жителей страны, но и для фонда.

Когда в понедельник утром я пришел на работу, положение Ходорковского не изменилось, и рынок открылся падением на десять процентов. Арест Ходорковского стал главной темой всех ведущих изданий. Мои инвесторы запаниковали, и я весь день отвечал на их звонки. Что это может означать для них? Что будет дальше? Следует ли выводить средства из России?

Я не знал. Да и никто не знал. Все зависело от личных

переговоров между Владимиром Путиным и Михаилом Ходорковским, в которых ни закон, ни логика не имели значения.

По причинам, до конца не известным никому, для Ходорковского эти переговоры закончились плохо. К концу недели он по-прежнему сидел в камере. Позже российское правительство пошло на обострение ситуации, наложив арест на 36-процентный пакет акций «ЮКОСа».

Это было беспрецедентно. Конфликт не только обернулся личной трагедией для Ходорковского, но и нанес удар по всему финансовому рынку. Угроза экспроприации всегда сидела в головах инвесторов, и вот при Путине она начала воплощаться в реальность. За следующие четыре рабочих дня рынок скатился еще на 16,5 %, а «ЮКОС» потерял 27,7 % рыночной капитализации.

Зачем Путин это делал? Большинство склонялось к теории, что Ходорковский нарушил его золотое правило: «Ты держишься подальше от политики — я не трогаю твои активы». Спонсируя оппозиционные партии в канун парламентских выборов и делая явно антипутинские заявления, Ходорковский это правило нарушил. Путин любит символические жесты и поступки, и раз Ходорковский переступил черту, то президент решил превратить его в назидательный пример другим.

Чтобы ни у кого не осталось сомнений, Путин открыл охоту на всех, кто был как-либо связан с Ходорковским. Через несколько недель после его ареста правоохранительные органы взялись за политические партии, которые он финансировал, за созданные им благотворительные организации и за сотрудников его компаний.

В июне 2004 года прошел суд над Михаилом Ходорковским и его деловым партнером Платоном Лебедевым. Суд признал их виновными в шести случаях мошенничества, двух случаях уклонения от уплаты налогов и одном хищении. Каждого приговорили к девяти годам заключения. Поскольку все сводилось к символическим жестам, Путин пошел на еще один беспрецедентный шаг: решил показать на всю страну, как самый богатый человек России безмолвно сидит в клетке.

Это был мощный образ. Представьте, что вы российский олигарх и занимаете, скажем, семнадцатую строчку в рейтинге самых богатых людей России. Ваша яхта пришвартована у шикарного «Отеля дю Кап» в порту Антиб на Лазурном берегу. Вы прекрасно проводите время в объятиях любовницы, и вот на минутку отлучаетесь из каюты за бокалом шампанского и икрой. На обратном пути берете пульт от телевизора и включаете Си-эн-эн. А перед вами крупным планом лицо такого же, как вы —

только богаче, умнее и влиятельнее. И он — в клетке.

Как бы вы на это отреагировали? Что бы предприняли?

Разумеется, всё — были бы гарантии, что в этой клетке не окажетесь вы сами.

Когда завершился суд над Ходорковским, многие, если не все, российские олигархи, наверное, один за другим приходили к Путину за одним и тем же: «Что мне, Владимир Владимирович, нужно сделать, дабы не оказаться в клетке?» Меня там не было, поэтому могу только догадываться, какой сигнал посылал им Путин: что-нибудь типа — «пятьдесят процентов».

Предполагаю, что речь шла о пятидесяти процентах не правительству и даже не администрации президента, а самому Владимиру Путину. У меня нет твердой уверенности: может быть, это было тридцать процентов, или семьдесят, или еще какой-нибудь другой договор. Наверняка я знаю одно: после посадки Ходорковского мои интересы больше не совпадали с интересами Путина. Он превратил олигархов в свои «шестерки», консолидировал всю полноту власти и, по некоторым оценкам, стал самым богатым человеком в мире.

К сожалению, я не заметил, как мои походы против коррупции вошли в противоречие с интересами президента. После дела Ходорковского я не изменил свою стратегию и продолжал клеймить российских олигархов. Но все стало по-другому: если раньше я критиковал врагов Путина, то теперь шел против его личных экономических интересов.

Вы, наверное, спросите, почему я этого не заметил. Все дело в том происшествии на дороге. Тогда милиция не захотела связываться со мной, потому что я иностранец. Я полагал, что ко мне не применимы «понятия», которым подчинилась жизнь всей большой страны. Выступай я против коррупции, будучи гражданином России, меня наверняка арестовали бы, избили, а то и убили.

Но тогда Путин еще не был таким бесцеремонным, как сейчас. В то время убийство иностранца выглядело слишком радикальным способом решения проблем, а мой арест превратил бы в заложники и самого Путина: пришлось бы иметь дело с главами западных государств и постоянно выслушивать настоятельные требования освободить меня. В итоге Путин пошел на компромисс, который устраивал всех в его окружении: 13 ноября 2005 года, когда я возвращался из Лондона в Москву, меня остановили в вип-зале Шереметьево-2, задержали на пятнадцать часов и выслали из страны.

19. Угроза национальной безопасности

Сразу после того, как в ноябре 2005 года меня выслали из России, я начал обзванивать всех, пытаясь выяснить, что же произошло.

Елена к этому времени была на восьмом месяце беременности, но пыталась мне в этом хоть как-то помочь. Десять лет я кропотливо, шаг за шагом, создавал свое дело — забыл о развлечениях, неотступно следил за движениями фондовых рынков, работал, не отличая выходных от будней. В итоге я построил консультационный бизнес и сумел привлечь инвестиционный капитал на четыре с половиной миллиардов долларов. Я не мог позволить такой мелочи, как отказ в выдаче визы, одним махом всё уничтожить.

Для начала я связался с одним лондонским юристом по иммиграционным вопросам, который имел широкие связи. Он выслушал меня с интересом. Ему только что сообщили, что во въезде в Россию отказали еще одному британскому гражданину, адвокату-правозащитнику Биллу Баурингу, и произошло это на следующий день после того, как въезд в Россию был закрыт мне. Он предположил, что могла произойти путаница с фамилиями, и меня выслали из страны по ошибке вместо него. На мой взгляд, это объяснение было притянуто за уши, но коль речь шла о России, причина могла быть какой угодно, даже самой невероятной.

Потом я обратился в банк «Эйч-эс-би-си», ставший моим деловым партнером после того, как Эдмонд продал им свой бизнес. Это был огромный забюрократизированный банк, с которым очень непросто вести повседневный инвестиционный бизнес, однако он не знал равных, когда дело касалось британского истеблишмента.

Я переговорил с Клайвом Баннистером из руководства «Эйч-эс-би-си». Через пятнадцать минут он уже связал меня с бывшим послом Великобритании в России сэром Родериком Лайном, консультировавшим «Эйч-эс-би-си» по такого рода вопросам. Сэр Родерик пообещал содействие и помощь в навигации по лабиринтам департаментов британского правительства. Не прошло и четверти часа после нашего разговора, как мне назначили встречу с Саймоном Смитом — главой департамента по России британского министерства иностранных дел и по делам Содружества.

Через пару дней я пришел на встречу в министерство иностранных дел в Лондоне. Это внушительное, богато

декорированное здание в неоклассическом стиле находится на улице Кинг-Чарльз-стрит, неподалеку от Даунинг-стрит, где расположена резиденция премьер-министра Великобритании. В приемной я представился, и меня проводили через большой двор к главному входу. Интерьер был выдержан в державном стиле викторианской эпохи: сводчатые потолки, мраморные колонны. Внутреннее убранство подчеркивало величие Британской империи того периода, внушая посетителям трепет и благоговение. Те же чувства испытал и я, хотя часто встречался с руководителями крупных компаний, политиками и миллиардерами.

Саймон Смит вошел через несколько минут. Он был лет на пять старше меня, с густыми седеющими волосами, в очках без оправы, органично сливающихся с его румяным лицом.

— Добрый день, господин Браудер, очень рад встрече, — живо поздоровался он. Его произношение подчеркивало образ эрудированного человека.

Он налил мне чаю из голубого фарфора тонкой китайской работы, и мы сели друг напротив друга. Аромат цейлонского чая наполнил комнату. Смит произнес:

— Итак, у вас возникли проблемы с нашими друзьями в Москве.

— Похоже, что так.

— Полагаю, вы будете рады узнать, что мы уже занимаемся этим вопросом, — деловым тоном сообщил он. — Наш министр по делам Европы в настоящий момент находится в Москве. Завтра он планирует поднять ваш вопрос на встрече с помощником Путина по внешней политике Сергеем Приходько.

Это прозвучало обнадеживающе.

— Прекрасно! Как скоро, по-вашему, мы узнаем о результатах этой встречи?

Смит пожал плечами.

— Надеюсь, что скоро.

Он наклонился немного вперед, придерживая чашку, и заговорщически произнес:

— Однако, Билл, тут есть один важный момент.

— Какой же?

— Я с большим интересом следил за вашими кампаниями по защите прав акционеров, пока работал в посольстве в Москве, и знаю, как эффективно вы взаимодействовали с прессой, отстаивая свои интересы. Однако в этом конкретном случае критически важно не предавать дело огласке. Если случится утечка, мы не сможем вам помочь: русские будут упорствовать, и разрешить ваш вопрос станет невозможно. При любом раскладе русским

надо дать шанс сохранить лицо.

Я поставил чашку, стараясь не проявить беспокойство. Просьба Смита шла вразрез с моими убеждениями, но раз ситуация сложилась таким образом, что в трудный момент моей карьеры правительство Великобритании выразило готовность вступиться за меня, я понимал, что должен последовать его совету. Я согласился, и на этом встреча была завершена.

На следующий день после обеда мне позвонил Смит и сообщил последние новости:

— Приходько сказал, что причины вашей высылки ему не известны, но обещал всё выяснить.

Он говорил таким тоном, будто это хорошие новости. Я очень сомневался, что ведущий советник Путина по вопросам внешней политики не в курсе выдворения из России крупнейшего иностранного инвестора.

— И еще, Билл, — продолжил Смит, — мы решили задействовать нашего посла в Москве Тони Брентона. Он хотел бы безотлагательно переговорить с вами.

На следующий день я позвонил Брентону. Начал было рассказывать ему свою историю, но он почти сразу прервал меня:

— Можете не продолжать, Билл, мне известно все о вас и о фонде Hermitage. Думаю, русские совершают большую глупость, выдворяя такого влиятельного в инвестиционных кругах человека, как вы.

— Я надеюсь, что это ошибка.

— Я тоже. Я уверен, что вопрос с визой будет улажен, как только я переговорю с нужными людьми. Держитесь. Вы в надежных руках.

Я действительно чувствовал, что оказался в надежных руках. Тони Брентон мне понравился. Он, как и Смит, искренне старался мне помочь. Я не знал, почему мне отказали во въезде — то ли в результате путаницы с фамилиями, то ли это была месть со стороны тех, кто фигурировал в моих публичных антикоррупционных кампаниях, — но чувствовал: раз правительство Великобритании на моей стороне, рано или поздно победа будет за нами. Первым делом Брентон направил в МИД России запрос с просьбой предоставить официальное объяснение произошедшему. Если отказ во въезде действительно стал результатом ошибки, то это выяснится очень скоро.

Неделю спустя нам позвонила секретарь Тони Брентона и сообщила, что получен официальный ответ. Она отправила мне копию по факсу. Выхватив листок из аппарата, я передал его Елене и попросил перевести.

Елена прочитала вслух:

— «Министерство иностранных дел РФ… имеет честь сообщить, что решение о закрытии въезда на территорию Российской Федерации подданному Великобритании Уильяму Браудеру принято компетентными органами в соответствии с пунктом один статьи двадцать семь федерального закона».

— Что означает статья двадцать семь федерального закона?

Елена пожала плечами.

— Понятия не имею.

Я позвонил Вадиму, который все еще находился в Москве, и спросил его.

— Секундочку… — Он начал что-то быстро набирать на компьютере и через минуту снова взял трубку. — Билл, согласно двадцать седьмой статье закона правительство России может отказать во въезде в страну, «если это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства».

— Что?

— Обеспечения безопасности государства, — повторил Вадим.

— Вот черт… — сказал я тихо. — Плохи дела.

— Да уж. Действительно.

Письмо однозначно подтверждало, что отказ мне во въезде не был недоразумением. Меня вовсе не перепутали с Биллом Баурингом. Кто-то очень сильно не хотел видеть меня в России, и этот кто-то занимал весьма серьезный пост.

20. Vogue Café

Я сообщил послу Тони Брентону, что Кремль объявил меня угрозой безопасности государства, на что он ответил:

— Досадно, Билл, но не стоит волноваться. Мы продолжим работать по дипломатическим каналам. У меня назначена встреча с одним из ведущих экономических советников Путина Игорем Шуваловым. Думаю, он с пониманием отнесется к сложившейся ситуации. Но полагаю, что на данном этапе будет нелишним и вам задействовать свои связи.

Я согласился, и мы с Вадимом начали составлять список известных нам российских официальных лиц, которые могли бы помочь.

С момента встречи с Еленой в Москве прошло пять лет. Все это время мы были неразлучны и теперь ждали первенца. За два месяца до родов Елена приехала в Лондон. Вечером пятнадцатого декабря 2005 года я сидел в спальне и добавлял имена в список, когда Елена появилась из ванной. Халат плотно облегал ее округлый живот.

— Билл… — испуганно позвала она, — кажется, у меня только что отошли воды.

Я вскочил, бумаги выпали из рук и разлетелись по постели и полу. Я растерялся. При рождении Дэвида моей первой жене Сабрине делали плановое кесарево сечение, так что опыта в естественных родах у меня было не больше, чем у Елены, которая впервые готовилась стать матерью. Мы перечитали гору литературы и ходили на специальные занятия, но когда это началось, все вмиг вылетело из головы. Одной рукой я схватил заранее приготовленную больничную сумку, другой поддерживал Елену, и мы как могли поспешили к лифту, а оттуда к гаражу рядом с домом. Я помог жене сесть в машину. До ближайшей больницы святых Иоанна и Елизаветы было недалеко, но второпях я свернул на Лиссон Гроув, очутился на улице с односторонним движением и понятия не имел, как оттуда выбраться. Пытаясь в панике разобраться, куда ехать дальше, я отчаянно вертел головой по сторонам, а Елена, обычно кроткая и невозмутимая, выкрикивала слова, которых я в жизни от нее не слышал. Похоже, начинались схватки.

Минут через десять мы уже были в больнице. К счастью, принимать роды на пассажирском сидении не пришлось. Десять часов спустя на свет появилась наша малышка Джессика — красавица весом 3,45 килограмма. Радость рождения дочери затмила все мрачные мысли о проблеме с визой.

Из больницы мы вернулись домой через два дня. Нашу квартиру заполонили друзья с подарками и цветами. Девятилетний Дэвид был в восторге, что теперь у него есть младшая сестренка. То, как Дэвид в первый раз держит завернутую в вафельную пеленку малышку и целует ее, навсегда останется в моей памяти одним из самых счастливых моментов жизни.

Мы отпраздновали Рождество, которое традиционно отмечаем, несмотря на еврейские корни нашей семьи. На какое-то время все мои тревоги исчезли.

Так же счастливо и спокойно прошел и Новый год. Из России новостей не было, вся страна отдыхала, отмечая православное Рождество. Но после праздников, рано утром четырнадцатого января 2006 года, из Москвы позвонил Вадим:

— Билл, я только что говорил по телефону с заместителем Грефа.

Герман Греф был министром экономического развития и одним из наиболее заметных реформаторов в правительстве Путина. Перед новогодними праздниками Вадим обратился к его заместителю с просьбой помочь мне в визовом вопросе.

— И что он сказал?

— Грефу удалось связаться с высокопоставленными лицами, собственно, с Николаем Патрушевым, директором ФСБ, и обсудить эту ситуацию.

— Ого!.. — только и сумел произнести я, изумленный и слегка напуганный. Федеральная служба безопасности России — наследница советского КГБ. Уже одно это не предвещало ничего хорошего. Вдобавок Патрушев слыл одним из самых жестких людей в ближайшем окружении Путина.

— Вроде бы тот сказал Грефу — цитирую! — «Не суй нос не в свое дело».

Вадим сделал паузу, пока я осмысливал его слова, и добавил то, что и так было очевидным:

— За этим явно стоят какие-то серьезные люди, Билл.

Меня будто окатили ледяной водой. Суровая реальность отодвинула на задний план все положительные эмоции, связанные с рождением дочери, увеличением семьи и праздниками.

Через неделю с не менее удручающими новостями позвонил Тони Брентон:

— Шувалов проявил понимание, но сказал, что ничем не может помочь.

Новости были неутешительные, но надежда еще теплилась. Моим вопросом занялся руководитель Федеральной службы по

финансовым рынкам Олег Вьюгин. Он написал письмо заместителю председателя правительства с просьбой о восстановлении моей въездной визы. В середине февраля Вьюгин планировал приехать в Лондон на международную инвестиционную конференцию, и я надеялся, что, может быть, он привезет хорошие новости.

Мы договорились о встрече в баре отеля «Кларидж» в Мейфэре в первый вечер его визита в Лондон. Но стоило мне его увидеть, как стало понятно: хороших новостей не будет. Мы расположились на обитых бархатом низких табуретах и заказали напитки. Пока мы ждали, я сказал:

— Благодарю за столь смелое письмо, которое вы направили заместителю премьер-министра.

— Не стоит благодарности, Билл, — произнес он на хорошем английском. — Боюсь, оно не принесло результата. Правительству спущена разнарядка по вопросу о вашей визе.

У меня ёкнуло сердце:

— От кого?

Он посмотрел на меня и слегка приподнял брови. Затем молча показал пальцем на потолок. Имеет ли он в виду Путина? До конца не ясно, но других объяснений загадочному жесту Вьюгина у меня не было. Если это и вправду решил Путин, то шансов повлиять на ситуацию у меня нет.

Я рассказал о встрече Вадиму, но он не огорчился до такой степени, как я.

— Если за всем этим действительно стоит Путин, ему, возможно, предоставили сфабрикованную информацию о тебе. Нам надо найти кого-нибудь из окружения Путина, кто расскажет ему правду.

Мне было приятно, что Вадим настроен положительно, но это не успокаивало.

— Да кто же за это возьмется? — спросил я с сомнением.

— Как насчет Дворковича? — предложил Вадим.

Аркадий Дворкович был советником Путина по экономическим вопросам. Вадим познакомился с ним во время нашей кампании по недопущению вывода активов из РАО «ЕЭС». Дворкович относился к нам с симпатией, и, что самое главное, к его мнению прислушивался президент.

— Стоит попробовать, — согласился я.

Вадим связался с Дворковичем, и, к нашему удивлению, тот ответил, что попытается нам помочь. Несмотря на твердый оптимизм Вадима, было ясно, что у нас остается очень мало вариантов.

Спустя несколько дней после неприятных известий от

руководителя комиссии по ценным бумагам в наш московский офис позвонил неизвестный и заявил, что обладает важной информацией по вопросу об отказе мне в визе. Он был готов поделиться этой информацией только лично и предлагал встретиться.

Вадим не знал, как поступить. Как правило, мы сторонились незнакомцев, выходивших с настойчивыми предложениями о встречах, но поскольку в данном вопросе практически уперлись в стену, нужен был какой-то выход.

— Можешь встретиться с ним где-нибудь в людном месте? — спросил я.

— Почему бы и нет, — ответил Вадим.

— Тогда можно попробовать, — неуверенно посоветовал я.

На следующий день незнакомец позвонил вновь, и Вадим договорился с ним о встрече в Vogue Café («Вог кафе») на Кузнецком мосту. В это модное место частенько наведывались российские олигархи со своими юными подругами-моделями. Их окружало множество телохранителей, поэтому кафе идеально подходило для встречи.

Пока в Москве продолжалась встреча, я мерил шагами лондонскую квартиру в ожидании новостей. Прошло более двух часов. Вадим позвонил вскоре после одиннадцати утра по лондонскому времени. Голос его звучал тихо и мрачно:

— Билл, новости отвратные, к тому же он очень много знает.

— Так. Но прежде всего, кто он такой?

— Не знаю, настоящего имени он не назвал. Предложил называть его Асланом. Он точно на госслужбе. Возможно, в ФСБ.

— Почему мы должны верить человеку, который отказывается назвать себя? — скептично заметил я.

— Потому что ему известно буквально все, Билл. Он знал о наших попытках получить помощь от Грефа, Вьюгина, Шувалова, Приходько. У него с собой была справка с деталями твоего задержания в аэропорту, копия письма от Брентона. Одним словом, все. Мне было не по себе.

У меня по спине пробежал холодок.

— А что именно он сказал?

— Дело на контроле в ФСБ, и отказ в выдаче тебе визы — только начало.

— Только начало?!

— Да. Также сообщил, что ФСБ заинтересовано в том, чтобы — цитирую — «отобрать у фонда Hermitage все активы».

— Черт…

— Дальше — хуже: речь не только о фонде. Речь о нас. Обо мне. Похоже, ФСБ следит за мной и, по его словам, собирается

меня арестовать.

Вадим проговорил это спокойным тоном, будто дело касалось не его лично, а кого-то другого.

Я резко встал, повалив стул.

— Ты ему веришь?

— Не знаю, но все звучит весьма правдоподобно.

— Зачем этому Аслану сообщать нам об их намерениях?

— Он утверждает, что среди различных департаментов внутри правительственных структур идет война, и его группа столкнулась с той, что давит на нас.

Я не знал, правда ли это или нас пытаются «развести», но был уверен в одном: Вадиму необходимо покинуть Россию.

— Послушай, будет лучше, если ты как можно скорее приедешь сюда. Если хоть часть сказанного правда, нельзя рисковать и ждать, пока тебя арестуют.

— Стоп, стоп, Билл. Давай не будем впадать в крайности.

— Ты шутишь? Немедленно уезжай! Ты же в России, а там только крайности и существуют.

Мы завершили разговор. Вадим, несмотря на уговоры, отказывался уезжать. Он знал, что если уехать сейчас, то, возможно, уже никогда не вернешься. По его мнению, было глупо уезжать из страны на основании слов, сказанных каким-то незнакомцем, и нужно собрать еще информацию.

Я придерживался иного мнения и умолял Вадима поговорить с Владимиром Пастуховым, юридическим консультантом, к которому не раз обращался за советом фонд Hermitage. Владимир был самым мудрым человеком из всех, с кем сводила меня судьба. И совершенно уникальным. У него было очень плохое зрение, и очки с толстенными стеклами придавали ему облик героя исторических романов Диккенса. Но я не знал других людей с таким острым взглядом на мир, широким кругозором и сильным умом. Никто не мог с ним сравниться. Владимир обладал редким даром: он мог основательно проанализировать самую сложную ситуацию, не упустив ни одной мельчайшей детали. Он, словно великий шахматист, предвидел ход соперника не только до того, как этот ход был сделан, но и до того, как сопернику придет в голову его возможность.

Вадим согласился-таки встретиться с Пастуховым. Закончив ближе к полуночи работу, он отправился к нему домой. Владимир его уже ждал. Когда открылась дверь, Вадим приложил палец к губам, намекая, что на серьезные темы лучше вслух не говорить на случай, если в квартире Владимира уже установлены жучки. Хозяин квартиры посторонился и пропустил Вадима внутрь. В тишине они прошли к компьютеру, и Вадим начал печатать.

Один человек из госструктур предупредил меня, что меня арестуют. Могут они это сделать?

Владимир прикоснулся к клавиатуре:

Вы спрашиваете меня как юриста или как друга?

И то, и другое.

Если как юриста, то у них нет оснований для вашего ареста. Если как друга, то да, несомненно — они могут всё.

Мне уехать?

Насколько надежен ваш источник?

Доверие вызывает.

Тогда уезжайте.

Когда?

Немедленно.

Вадим вернулся домой, поспешно собрал вещи и поехал в аэропорт. Ближайший рейс на Лондон отправлялся в пять сорок утра. В ту ночь я не сомкнул глаз, пока в половине третьего ночи по лондонскому времени не получил сообщение, что самолет Вадима готовится к взлету.

Утром он прибыл в Лондон и приехал прямо ко мне. Мы оба находились в состоянии шока: не верилось, что ситуация так молниеносно превратилась из плохой в ужасную.

Пока мы в рабочем кабинете обсуждали драматические события предыдущего дня, Вадиму пришло сообщение, что Аркадий Дворкович всерьез отнесся к нашей просьбе о помощи. Он убедил нескольких чиновников в администрации президента, что отказ восстановить мою визу отрицательно скажется на инвестиционном климате России. Самое главное, в сообщении говорилось, что вопрос о предоставлении мне визы включен в повестку дня заседания Совета национальной безопасности, которое должно состояться в следующую субботу под председательством президента Путина.

Мы с Вадимом попытались найти логику в противоречивых сведениях, поступающих из России. Почему министр экономики или руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам считают мою ситуацию безнадежной, в то время как экономический советник президента, похоже, полагает, что сможет помочь мне в вопросе с визой посредством Совета национальной безопасности?

Мне пришло в голову, что, возможно, все они говорят нам то, что считают правдой, поскольку в российском правительстве существует много различных групп влияния с собственными взглядами и интересами.

Что бы ни происходило на самом деле, мне оставалось лишь надеяться, что группа Дворковича выйдет победителем и

заседание Совета национальной безопасности будет для меня плодотворным.

Однако за четыре дня до заседания в этом сложном уравнении появилась новая переменная. Питер Финн, глава московского бюро газеты «Вашингтон Пост», прислал мне короткое электронное сообщение: «Привет, Билл! Извини за беспокойство, но ходят слухи, что у тебя возникли какие-то трудности с визой. Это может серьезно осложнить жизнь инвестору твоего масштаба. Прокомментируешь? Спасибо. Питер».

Вот черт! Откуда он узнал про мою визу? Это совсем некстати. В ту же секунду в моей голове пронеслось предупреждение Саймона Смита: если моя история просочится в прессу, то Кремль будет упорствовать, и решение вопроса станет невозможным. Финну я не ответил. К счастью, больше сообщений от него не было.

В четверг позвонил другой журналист — Аркадий Островский из газеты «Файнэншл Таймс». Он спросил напрямик:

— Билл, правда, что тебе отказали во въезде в Россию?

Я напрягся, подбирая слова.

— Аркадий, сожалею, я не могу дать тебе комментарий на эту тему.

— Да ладно, Билл, это же сенсация! Мне нужно знать, что происходит.

Мы с Аркадием были на «ты», он сыграл важную роль в огласке наших разоблачений по «Газпрому». Я не мог отрицать: что-то действительно происходит, — но мне как воздух была необходима отсрочка.

— Если допустить, что это правда и я дам тебе об этом эксклюзивное интервью, подождешь четыре дня? — спросил я.

Он не был в восторге от такого ответа, но для журналиста это лучше, чем ничего, поэтому мы договорились, что я позвоню ему в понедельник.

После разговора с Аркадием я не находил себе места. Журналисты любят и чуют сенсации. Мне надо было лишь продержаться следующие тридцать шесть часов. Но в пятницу в половине одиннадцатого утра мне на телефоне оставила голосовое сообщение Элиф Кабан, журналистка агентства «Рейтер». Она не назвала причину звонка, но без четверти двенадцать позвонила снова.

В тот день я обещал отобедать с давним приятелем из Вашингтона и ушел на встречу, не ответив на ее звонки. Мы встретились с ним в одном ресторанчике в китайском квартале Лондона, я отключил телефонный режим, но оставил смартфон

на столе для приема электронной почты, чтобы на всякий случай следить за развитием ситуации с «Рейтер». Только мы начали выбирать блюда, как экран замигал — пришло электронное сообщение от моего секретаря: «Билл, с вами пытается связаться Элиф Кабан. У нее есть информация из заслуживающих доверия источников, что вам запрещен въезд в Россию, и они хотят дать вам возможность это прокомментировать. Пожалуйста, перезвоните ей. Это уже четвертый ее звонок за сегодня. Элиф Кабан чрезвычайно настойчива!»

Я смотрел на это сообщение несколько секунд, потом положил смартфон в карман и попытался получить удовольствие от обеда. Я понимал, что все вот-вот полетит в тартарары, и хотел насладиться последними минутами покоя.

Выйдя из ресторана, я отклонился от обычного маршрута и прошелся через Грин-парк. Был яркий и свежий весенний день — один из тех дней, когда особенно приятно ощущать себя жителем Лондона. Я дышал свежим воздухом и смотрел на прогуливавшихся в парке беззаботных людей — их мир не перевернется с ног на голову в ближайшие полчаса.

Завершив прогулку, я вернулся в рабочий кабинет. Нескольку минут спустя агентство «Рейтер» выдало заголовок новостного сообщения: «Главе компании Hermitage запрещен въезд в Россию».

Завесы тайны пали, и мой телефон тут же замигал, как новогодняя елка. Звонили из «Файнэншл Таймс», «Дейли Телеграф», «Индепендент», «Уолл-стрит джорнал», «Форбс», «Коммерсанта», «Ведомостей», «Доу Джонс», «Ассошиэйтед пресс», «Нью-Йорк Таймс» и еще десятка других агентств и изданий. Именно об этом предупреждал меня Саймон Смит: теперь волну не остановишь. У российских чиновников уже не будет возможности сохранить лицо, так что судьба моя была решена.

С этого момента я знал: Россия для меня осталась в прошлом.

Но вот только Россия меня не отпускала.

21. «Большая восьмерка»

Когда российское правительство решает за кого-нибудь взяться, оно не делает это взвешенно и дозированно, а обрушивается всей своей мощью. Когда на пути Путина встал Михаил Ходорковский, репрессии ждали не только его самого, но и всех, кто был с ним как-то связан: руководство компании, юристов, бухгалтеров, поставщиков и даже благотворительные организации. К началу 2006 года в российских тюрьмах оказались десять человек, имевших отношение к «ЮКОСу»; еще больше сотрудников и партнеров были вынуждены покинуть страну, а власти арестовали активы на десятки миллиардов долларов. Это послужило мне наглядным уроком, и я не хотел позволить российским чиновникам так же расправиться со мной. Я должен был как можно скорее вывести своих людей и деньги своих инвесторов из России.

Для осуществления задуманного в Лондон из Москвы приехал партнер Hermitage Иван Черкасов. Он пришел в компанию за пять лет до этого из американского инвестиционного банка «Дж. П. Морган» и отвечал за отношения с брокерами, банками и персоналом. Ивану исполнилось тридцать девять лет. Это был высокий, телегеничный мужчина, настоящий профессионал, безукоризненно владеющий американским английским.

Он арендовал офисное помещение на улице Тависток в районе Ковент-Гарден, где расположил наш оперативный штаб, и взялся за дело.

Перевезти наших людей из России оказалось относительно просто: в течение месяца все из Hermitage, кто мог стать мишенью, и их семьи были в безопасности за пределами России.

Сложнее обстояло дело с продажей российских ценных бумаг стоимостью в несколько миллиардов долларов: продать бумаги нужно было так, чтобы об этом не узнали на рынке. Если бы стало известно о наших планах, брокеры и биржевые игроки начали бы играть на понижение. В нашем случае, узнай они о том, что компании фонда Hermitage собираются продавать акции «Газпрома», они бы заранее выставили свои пакеты акций на продажу, чтобы сбить цену, а это могло стоить инвесторам фонда Hermitage сотен миллионов долларов только в отношении этой одной компании «Газпром».

Чтобы избежать этого, нам нужно было найти брокера, который мог бы выполнить заявки компаний фонда на продажу акций в режиме полной конфиденциальности. Но большинство

брокеров не умеют держать язык за зубами, а российские и подавно. Мы не могли обратиться к крупным западным брокерским домам, с которыми обычно работал фонд, ведь как только один из них приступит к исполнению заявок на продажу, другие брокеры без труда сообразят, что к чему, и начнут сбрасывать свои пакеты акций.

Выбор у нас был невелик. Мы обсудили все варианты и остановились на кандидатуре приветливого тридцатидвухлетнего специалиста, возглавлявшего небольшой, всего из двух человек, отдел торговых операций крупного европейского банка в Москве. В прошлом он упорно пытался заключить с фондом хоть какую-нибудь сделку, и теперь мы собирались предоставить ему такой шанс.

Иван сообщил ему по телефону, что его настойчивость окупится в ближайшее время.

— Есть только одно «но», — предупредил Иван. — Мы готовы работать с вами при условии, что вы гарантируете полную конфиденциальность.

— Разумеется, — с готовностью ответил брокер, — я не подведу.

На следующий день он получил распоряжение о продаже пакета акций на сумму в сто миллионов долларов. Он, вероятно, ожидал миллион, ну, может, пять, но даже в самых смелых мечтах не мог представить себе заказ на сто миллионов. Не исключено, что для него это был самый крупный заказ за всю карьеру.

Он продал акции на сто миллионов в течение недели без шума и утечки и с гордостью сообщил о результате, полагая, что работа на этом завершена. И очень удивился, когда опять получил заказ на продажу акций на сумму в еще сто миллионов долларов. С ним он тоже справился безупречно. Следующие два месяца он получал от фонда заказы на продажу на крупные суммы и в итоге реализовал акций на миллиарды долларов, по-прежнему без утечек. Благодаря виртуозному исполнению его крохотный, никому не известный отдел превратился в значительного игрока биржевого рынка. Но самое важное — фонд Hermitage забрал из России все свои инвестиции так, что враги об этом не прознали.

Обеспечив безопасность своим людям и сохранность финансам, мы устранили главные рычаги, которые российское правительство могло употребить нам во вред. Что бы они ни придумали дальше, перспективы уже не казались нам такими мрачными.

Когда эта часть плана осталась позади, я почувствовал себя лучше, но совсем иная картина складывалась в отношениях с инвесторами. Большинство доверяло средства фонду Hermitage,

потому что я был в Москве. Мое присутствие в России они отождествляли с интересными инвестиционными идеями и знали, что их средства будут защищены, пойди что-то не так. И вот, с их точки зрения, я вдруг утратил возможность заниматься и первым, и вторым.

На это обратил мое внимание Жан Каруби — мой первый инвестор из далекого 1996 года. Жан всегда чутко понимал рыночную конъюнктуру и за прошедшие годы стал моим близким и доверенным лицом в подобных вопросах. Когда семнадцатого марта агентство «Рейтер» вышло с «сенсацией» про мою историю с визой, Жан сразу же позвонил и непривычным, весьма озабоченным тоном произнес: «Билл, у нас с тобой было много инвестиционных удач, но сейчас, когда ты впал в немилость российского правительства, мне трудно найти причину, почему мне стоит держать деньги в фонде».

Услышать такое от давнего и преданного сторонника было тяжелым ударом, но Жан был прав. Меньше всего мне в тот момент хотелось убеждать его оставить деньги в фонде и потом удостовериться, что мои отношения с российской властью пошли под откос. Единственным разумным решением с его стороны было забрать то, что ему заработал фонд.

В последующие дни у меня состоялись подобные разговоры со многими другими инвесторами, которые пришли к тем же выводам. Я знал, что теперь будет: заявки на выход из фонда и выплаты инвесторам причитающихся им средств, причем в огромном количестве.

Ближайшей датой, когда инвесторы могли изъять средства из фонда, было двадцать шестое мая. За восемь недель до этого они должны были направить свои заявки. Тридцать первое марта стало датой, когда я впервые смог оценить всю тяжесть ситуации.

В тот день в 17:20 из банка «Эйч-эс-би-си», администратора фонда, я получил копию отчета с указанием заявок инвесторов на выход из фонда. Обычно все новые подписки на акции фонда и погашение акций умещались на одной странице. В наиболее активные периоды перечень занимал две-три страницы. В этот раз заявок на погашение набралось на десять страниц — двести сорок строк с именами инвесторов, требовавших выплат по акциям. Я поспешно пролистал отчет и сложил суммы: уходило более двадцати процентов фонда!

Это огромная сумма по любым меркам. И это только начало. Я словно стоял на краю обрыва, глядя, как рушится все, ради чего я работал. Положение могло спасти только восстановление моей визы. Но я уже оставил эту надежду.

К моему удивлению, правительство Великобритании эту

надежду сохраняло. В середине июня 2006 года мне опять позвонил Саймон Смит, глава департамента по России британского МИДа.

— Билл, у нас есть интересная зацепка в деле с вашей визой, — сообщил он. — Но прежде чем приступить, мы хотели бы убедиться, что вы все еще заинтересованы в возвращении в Россию.

— Конечно, заинтересован, Саймон! — с энтузиазмом произнес я. — Но я думал, что вы не будете ничего предпринимать после балагана в прессе.

— Пресса, разумеется, не укрепила ваши позиции, но мы не сдаемся, — ободряюще заметил он.

— Каков ваш план?

— Вам, вероятно, известно, что пятнадцатого июля Россия принимает в Санкт-Петербурге глав государств «Большой восьмерки». Мы планируем включить ваш вопрос в повестку премьер-министра для обсуждения напрямую с Путиным.

— Это… это было бы замечательно, Саймон!

— Не обнадеживайтесь особенно, Билл. Гарантий нет, но мы работаем над этим.

Разговор был окончен, и я задумчиво уставился в окно. Разве мог я не обнадеживаться? Восстановление визы вернуло бы мой бизнес так же легко, как отказ во въезде его разрушил.

В ожидании даты встречи «Большой восьмерки» я превратился в комок нервов. Положительный исход вмешательства премьер-министра Тони Блэра мог стать для меня судьбоносным. Однако шли дни, недели, и меня начали одолевать сомнения. До Смита дозвониться мне не удавалось. Я старался сохранять хладнокровие, но никак не мог понять, почему прежде он оказывал мне поддержку и вдруг пропал.

Когда ожидание стало невыносимым, я позвонил сэру Родерику Лайну, бывшему послу Великобритании в России, консультировавшему «Эйч-эс-би-си», чтобы узнать его мнение на этот счет. Тот удивился, что Смит вообще предложил включить мой вопрос в повестку премьер-министра, и посоветовал мне не возлагать на это больших надежд. Опыт подсказывал ему, что в ходе встреч на высшем уровне всегда возникают непредвиденные вопросы, которые перечеркивают тщательно спланированные повестки.

Я попытался последовать его совету. Тем временем за шесть дней до встречи «восьмерки» мы с Еленой зашли пообедать в ресторан «Ришу» в районе Сент-Джонс-Вуд. В ожидании заказа Елена взяла свежий номер газеты «Обзервер» и пролистала несколько страниц. Вдруг глаза ее вспыхнули:

— Билл, взгляни на этот заголовок! «Блэр обсудит дело управляющего фондом на встрече с Путиным»!

Я выхватил газету у нее из рук и принялся читать статью. Она полностью подтверждала то, что говорил мне Смит. Самое главное заключалось в следующем фрагменте: «На саммите „Большой восьмерки“, который состоится в Санкт-Петербурге в следующие выходные, премьер-министр обратится к российскому президенту с просьбой снять все ограничения в отношении Браудера».

— Невероятно… — удивленно произнесла Елена, глядя на меня.

Заметка в «Обзервере» удивила и моих клиентов: некоторые из них решили повременить с решением о выходе из фонда до окончания саммита.

Я пребывал в отличном расположении духа, пока за три дня до саммита меня не подозвал Вадим.

— Билл, посмотри на это, — указал он в монитор на заголовок информационного агентства «Блумберг».

Я наклонился и пробежал взглядом статью о боевиках группировки «Хезболла» в Ливане, которые обстреляли территорию Израиля из противотанковых ракет. Трое израильских солдат погибло, пятерых похитили и увезли в Ливан.

— А мы-то тут при чем? — недоуменно спросил я.

— Похоже, на Ближнем Востоке начинается война. Это может отвлечь внимание Блэра от обсуждения твоей визы на саммите.

И действительно, на следующий день Израиль нанес ответные авиаудары по целям в Ливане, в том числе по аэропорту Бейрута, в результате которых погибло сорок четыре мирных жителя. Россия, Франция, Великобритания и Италия незамедлительно подвергли критике действия Израиля за «непропорциональное» применение силы, а США публично осудили действия боевиков «Хезболлы». Вадим был прав: саммит «Большой восьмерки» вполне мог стать саммитом по урегулированию мира на Ближнем Востоке, и тогда о ранее подготовленной программе Блэра можно забыть.

В субботу начался саммит, я не знал, что там будет происходить, и за выходные не смог дозвониться ни до кого в британском правительстве. Проходило одно заседание за другим, но все новостные сообщения были посвящены событиям в Израиле и Ливане, — ни слова о моей визе.

Программа саммита завершалась, и по ее итогам Путин давал пресс-конференцию. Зал был заполнен до отказа. Сотни журналистов со всех концов мира надеялись задать Путину вопрос.

После двадцати минут безобидных вопросов микрофон передали Кэтрин Белтон из англоязычной московской газеты «Москоу Таймс» — невысокой миловидной британке тридцати трех лет. С явным волнением она обратилась к Путину:

— Недавно Биллу Браудеру было отказано во въезде в Россию. Многие инвесторы и западные дипломаты озабочены этим и не понимают, почему это произошло. Не могли бы вы пояснить, почему ему без объяснения причин было отказано во въезде?

Закончив говорить, она села, положила блокнот на колени и приготовилась слушать ответ.

В зале наступила тишина. Было заметно, что вопрос застал Путина врасплох. Несколько секунд спустя он произнес:

— Повторите, пожалуйста, кому было отказано во въезде в Россию?

Кэтрин опять поднялась с места:

— Биллу Браудеру. Это глава инвестиционного фонда Hermitage — крупнейшего инвестора на российском фондовом рынке. Я полагаю, премьер-министр Великобритании мог сегодня обсуждать с вами этот вопрос.

Путин нахмурился и с едкостью в голосе ответил:

— Откровенно скажу, я просто не знаю причин, по которым конкретному человеку отказано во въезде в Российскую Федерацию. Могу себе представить, что этот человек нарушал законы нашей страны.

И всё. Услышав это, я понял, что Блэр мой вопрос не поднимал и мою визу восстанавливать не будут. Более важным было то, что в переводе с языка Путина его слова означают одно: «Мы никогда не произносим вслух имена своих врагов, это касается и Билла Браудера. И сейчас я дам указание правоохранительным органам завести против него как можно больше уголовных дел».

Если вам показалось, что в такой трактовке есть помешательство или преувеличение, смею вас заверить, что это не так. Мое «помешательство», если угодно, не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло дальше.

22. Обыски

Из ответа Путина на вопрос журналистки мои инвесторы получили ответ и на свои собственные вопросы: от России теперь ничего хорошего не жди. Следующей датой, когда они могли забрать свои средства из фонда, было двадцать пятое августа. На этот раз двести пятнадцать участников изъяли в общей сложности более тридцати процентов активов фонда. В моем бизнесе это называется «бегство инвесторов», и когда оно начинается, его уже почти невозможно остановить, как при бегстве вкладчиков из банка. Фонд Hermitage будет вынужден прекратить существование, если я, как фокусник, не смогу вытащить кролика из магического цилиндра.

За свою карьеру я выдержал множество взлетов и падений. Акции на рынке часто падают или поднимаются в цене без видимой причины, и это научило меня стоически воспринимать плохие новости и сохранять спокойствие. В 1998 году фонд рухнул на девяносто процентов, но я не утратил присутствия духа и был со временем вознагражден за выдержку: рыночная стоимость нашего портфеля полностью восстановилась.

Но на этот раз все было иначе.

Вся моя профессиональная жизнь была связана с инвестициями в Россию, и я не собирался заниматься чем-то другим. Но дверь в Россию передо мной захлопнули, и пришлось задуматься о будущем — чем еще я могу заняться. Какие есть варианты? Я не хотел возвращаться в Америку и конкурировать с тысячами таких же бизнесменов. Не мог представить себя и в какой-то новой стране, скажем, в Китае — на выстраивание бизнеса с нуля могло уйти лет десять.

И я определенно не собирался уходить на покой. Мне было сорок два года, я был полон сил. Все варианты казались мне неудачными, и чем больше я об этом думал, тем безнадежнее виделась ситуация.

Моих коллег возможный конец фонда Hermitage огорчал еще больше. У нас было интересное дело, мы работали с энтузиазмом и смогли повлиять на улучшение инвестиционного климата в России — никто не хотел уходить из сыгранной команды профессионалов и устраиваться на обычную работу в инвестиционные банки или брокерские фирмы.

Я взвесил наши сильные стороны и выделил главное: мы умеем находить недооцененные активы и накопили огромный опыт в защите инвестиций от жуликоватых менеджеров. По идее, это должно пригодиться и на других развивающихся рынках.

Я отправил четырех моих экспертов, включая Вадима, поискать что-нибудь стоящее в Бразилию, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Турцию и Таиланд. Там они встретились с представителями двадцати самых дешевых компаний. Провели сотню встреч, досконально изучили ряд предприятий и в итоге нашли три привлекательных инвестиционных проекта.

Первый — телефонная компания в Бразилии. Ее рыночная стоимость равнялась трехкратной сумме прибыли за предыдущий год — это был самый низкий показатель по индустрии в мире. Второй — турецкое нефтеперерабатывающее предприятие. Его акции продавались с 72-процентной скидкой по сравнению с ценами на активы аналогичных компаний в отрасли. Третий — компания по операциям с недвижимостью в Объединенных Арабских Эмиратах. Ее акции котировались с 60-процентной скидкой к стоимости ее активов за вычетом всех издержек.

Я начал инвестировать в эти акции и поделился идеей со своим другом Жаном Каруби. На его искреннее и трезвое мнение всегда можно было положиться. Реакция Жана превзошла ожидания. «Билл, мне очень нравится эта идея, — признался он. — Думаю, именно это направление тебе и надо развивать».

Он был прав. Мой опыт инвестора мог пригодиться везде, особенно в странах, где существовали проблемы, схожие с российскими. Оказывается, формула успеха не привязана к России.

Когда я поделился своими соображениями с другими инвесторами, большинство отреагировало так же, как Жан. К осени 2006 года я настолько убедился в правильности выбранного пути, что начал готовить документы по созданию нового фонда — Hermitage Global.

Я планировал закончить подготовку документов ко Всемирному экономическому форуму в Давосе, намеченному на конец января 2007 года. В мире нет лучше места для привлечения инвестиций, чем Давос.

Со времени первой вылазки в Давос в 1996 году моя жизнь сильно изменилась. Уже не приходилось ночевать на полу или околачиваться в вестибюлях в надежде встретиться с важными людьми: с 2000 года я был официальным участником форума и ездил туда ежегодно.

На этот раз я решил взять с собой Елену. Незадолго до этого мы узнали, что она снова ждет ребенка, и я подумал, что интересные выступления и приемы в Давосе отвлекут ее от ежедневных забот по уходу за нашей годовалой малышкой. Мы прилетели в Цюрих и на поезде добрались в Давос, как когда-то

давно с Марком Хольцманом. Мы остановились в отеле «Дерби». Почти сразу меня затянула череда встреч.

Как и предсказывал Жан, инвесторы с интересом отнеслись к созданию нового фонда Hermitage Global. На второй день пребывания в Давосе я провел презентацию для одного давнего клиента, и тот спросил:

— Кстати, Билл, ты будешь завтра вечером на русском ужине?

— Какой русский ужин?

Я знал, что в Давос приедет много русских, но программа форума была такой плотной, что я о нем даже не слышал.

— О, это нечто важное! Там соберутся все российские официальные лица.

— Сомневаюсь, что меня туда вообще пустят, — улыбнулся я.

— В этом-то и прелесть, Билл: не русские решают, кто будет гостем на этом мероприятии, а Всемирный экономический форум. Ты можешь просто зарегистрироваться.

Идея звучала заманчиво. После этой встречи я сразу направился к электронному терминалу для участников форума, где записываются на такие мероприятия. Войдя в систему, я за несколько секунд зарегистрировал на ужин себя и Елену.

На следующий вечер мы прибыли за десять минут до начала мероприятия, но обнаружили, что почти все столики уже заняты. Оглядев зал, мы заметили последние два места рядом. По протоколу за каждым столом сидел кто-то из российских высокопоставленных лиц. Я присмотрелся и пришел в замешательство: во главе нашего стола сидел не кто иной, как начальник экспортного подразделения «Газпрома». Более неподходящего места нельзя было и представить. Скорее всего именно расследования коррупционных схем в «Газпроме», которыми занимался фонд Hermitage, послужили катализатором моего изгнания из России. И вот мне предстояло отведать эскалоп из телятины, жареный картофель и морковный пирог в обществе одного из руководителей этой компании.

Ужинали мы молча и старались не встречаться с ним взглядами. В ходе мероприятия российские чиновники и олигархи по очереди произносили речи, одна преснее, банальнее и высокопарнее другой. Русские умеют много говорить, ничего не сказав по существу! Это качество проявилось в тот вечер во всей красе.

Ближе к концу мероприятия звон столовых приборов и суету официантов прервала суматоха у входа: вошло два десятка крепких охранников, образовав живое кольцо вокруг какого-то невысокого человека. Я не мог рассмотреть, кто это, пока гость не

подошел к своему столику. Оказалось, это первый заместитель премьер-министра России Дмитрий Медведев. Он готовился заменить на президентском посту Путина, второй срок которого подходил к концу в апреле 2008 года. Форум в Давосе был для Медведева первой возможностью предстать перед международным сообществом.

Когда убрали основное блюдо, Медведев поднялся и подошел к микрофону в аванзале. Его речь на русском языке (я слушал перевод в наушниках) заняла несколько минут и была еще более блеклой и тривиальной, чем у предыдущих ораторов. Я едва дождался, когда он закончит говорить.

Сразу после речи Медведева по залу заскользили официанты, расставляя перед гостями блюдца с морковным пирогом и чашки с чаем и кофе. Пока я пил чай и пробовал глазурь с пирога, Елена тихонько потянула меня за рукав и прошептала:

— Слушай, Билл, у меня появилась отличная идея: почему бы тебе не попросить Медведева помочь с визой?

Я искоса взглянул на нее.

— Это нелепо.

К тому времени я испробовал все возможности, вплоть до Путина, вернуть разрешение на въезд. После саммита «Большой восьмерки» я решил, что эта глава моей жизни дописана до конца. Вдобавок подходить к Медведеву и хлопотать о своей визе мне было неловко. Я пытался объяснить это Елене, но она и слушать не хотела и настаивала на своем.

— Ну, посмотри: сейчас с ним никто не говорит. Давай просто попробуем.

Она встала и выразительно посмотрела на меня. Спорить с женой было труднее, чем выдержать не самую приятную встречу с Медведевым, так что я тоже поднялся и с неохотой последовал за ней через зал. Дойдя до Медведева, я протянул руку и поздоровался:

— Здравствуйте, господин заместитель премьер-министра. Я Билл Браудер. Возможно, вы меня помните?

Елена перевела. Медведев встал и пожал мою руку. В зале заметили происходящее, и гул усилился: если я мог заговорить с Медведевым, значит, и им можно. Люди начали вставать с мест и двигаться в нашем направлении.

— Да, разумеется, я вас помню. Как поживаете, господин Браудер?

— Спасибо, хорошо, однако, как вы, наверное, знаете, мне уже год не дают разрешение на въезд в Россию. Я подумал, что, возможно, вы могли бы посодействовать мне в возврате визы.

Пока я говорил, нас плотным кольцом окружила группа

людей — я заметил репортера информагентства «Блумберг» и журналиста газеты «Нью-Йорк Таймс». Они пробились совсем близко к нам. Форум в Давосе был международным дебютом Медведева, а этот разговор мог стать одним из наиболее примечательных моментов всей конференции.

Медведев бегло окинул взглядом собравшихся вокруг людей. Ему предстояло сделать моментальный выбор: отказать мне (что привлечет внимание прессы) или высказать готовность посодействовать (что журналистам будет не так интересно). После короткой паузы Медведев сказал:

— Буду рад, господин Браудер. Пришлите мне копию вашего заявления на получение визы, и я передам его в миграционную службу со своей рекомендацией.

Всё. Репортеры обступили Медведева. Пока мы с Еленой выбирались из толпы, она сжала мою руку:

— Видишь? Я была права!

Мы сразу же вернулись в номер и связались с Лондоном. Обычно на сбор всех бумаг, необходимых для получения визы в Россию, уходит дня три-четыре, но моя команда корпела всю ночь, и в восемь утра гостиничный факс выдал нам полный комплект документов.

Утро было плотно занято встречами с инвесторами, поэтому в зал, где выступал с речью Медведев, отправилась Елена. Она ждала его у подиума. Вокруг сосредоточилось столько охраны, что у Елены почти не было шансов вручить документы лично, но тут она заметила советника Путина Аркадия Дворковича, который пытался мне помочь раньше. Она попросила его передать бумаги Медведеву, и Дворкович согласился.

На следующий день форум закончился, и мы с Еленой вернулись в Лондон, гордые, что благодаря счастливому стечению обстоятельств нам удалось заручиться поддержкой на столь высоком уровне.

Результатов пришлось ждать несколько недель. Девятнадцатого февраля я получил сообщение из Москвы по поводу своей визы. Только пришло оно не от миграционной службы, а от подполковника Артема Кузнецова из Главного управления внутренних дел по городу Москве. Это было странно: МВД занималось расследованием уголовных дел, а не выдачей виз. Я не владею русским языком, поэтому попросил Вадима перезвонить Кузнецову.

После того как Вадим пояснил, что звонит от моего имени, Кузнецов сказал:

— Ладно, я вам объясню, в чем дело.

— Отлично.

— Насколько я понимаю, Браудер послал соответствующую бумагу, чтобы ему разрешили въезд на территорию Российской Федерации.

— Да-да, мы подали документы.

— Я поэтому хотел подъехать, поговорить, если это возможно, объяснить суть вопросов, которые у нас были к вам, может, вы на них ответите, и никаких проблем, конечно.

— Понимаете, дело в том, что я сейчас не в Москве, — ответил Вадим. — Поэтому если бы вы могли прислать эти вопросы, то мы бы постарались на них ответить.

— Прислать так просто не получится, мне хотелось бы побеседовать, если это возможно.

Это не было похоже на стандартный запрос. Когда идет какое-то расследование, то запрос должен быть направлен в организацию в письменном виде. За десять лет, проведенных в России, я усвоил, что чиновник, предлагающий неофициальную встречу, рассчитывает на взятку. В ситуациях, когда чиновники пытались на меня таким образом давить, я неизменно игнорировал их, и они уходили ни с чем.

Завершил разговор Кузнецов следующей фразой:

— Мое заключение зависит от того, как вы себя поведете, то есть что вы предоставите, как объясните и так далее.

Как и раньше в подобных случаях, я решил проигнорировать это предложение.

Звонок из Москвы расстроил бы меня сильнее, если бы не успешный запуск нашего нового фонда Hermitage Global. Вскоре я об этом звонке совсем забыл.

Давние и новые инвесторы один за другим подавали заявки на приобретение паев в новом бизнесе. К концу апреля 2007 года общая сумма вложенных в фонд денег составила шестьсот двадцать пять миллионов долларов. Пусть эти ресурсы уступали сумме, изъятой инвесторами из фонда Hermitage, но мне удалось зализать раны, и компания продолжала работать.

Отчет в совете директоров о первых результатах фонда Hermitage Global был назначен на четвертое июня 2007 года. Заседание проходило в Париже, в отеле «Вестин». После всех неприятностей двух предыдущих лет у меня впервые были хорошие новости.

Мы с Иваном прибыли в Париж накануне вечером, третьего числа, чтобы хватило времени для подготовки к совету. На следующее утро я встал в шесть часов, сходил в тренажерный зал, принял душ и слегка перекусил. В восемь утра я уже ругался по телефону с трейдером о пакете акций, который тот должен был продать на фондовой бирже в Дубае несколько дней назад, но не

сделал этого. Теперь на дубайской бирже возникли какие-то технические проблемы, из-за чего торги приостановились. Цена на акции стремительно падала, и я был вне себя из-за того, что он вовремя не продал их и мы теряем деньги. Он приводил какие-то доводы в свое оправдание, но это меня только больше раздражало.

Пока мы спорили, в телефоне раздался сигнал о втором входящем звонке. Я решил посмотреть на номер звонившего только потому, что могла звонить жена: в конце месяца мы ждали появления второго ребенка, и я очень беспокоился о ней. Но звонила не она, а Эмма, секретарь из московского офиса Hermitage. Эмма была приятной девушкой из русской глубинки, порядочной, трудолюбивой и ответственной. Ей шел двадцать первый год, но выглядела она гораздо моложе. Эмма редко звонила мне напрямую, так что я попросил трейдера не вешать трубку и переключился на Москву:

— Эмма, это может подождать?

— Нет, Билл, не может, — ответила она на хорошем английском языке. — В наш офис вломились двадцать пять милиционеров в штатском!

— Что?

Она повторила.

— Вот черт. Подожди секунду! — Я сказал трейдеру, что перезвоню, и вернулся к Эмме. — Что им нужно?

— Не знаю, но за главного у них Артем Кузнецов, и он…

— Ты сказала Кузнецов?

— Да.

Это, должно быть, тот самый Артем Кузнецов, который пытался нас шантажировать несколько месяцев назад!

— А у него есть ордер на обыск?

— Он мне его показал, но не отдает.

— Можешь переписать все, что там значится?

— Попробую.

Я повесил трубку и позвонил Ивану рассказать о ситуации. Новость тоже его сразила, он поспешил связаться с Эммой. Тем временем я позвонил Джеймисону Файерстоуну, юристу, который работал в Москве. Файерстоун был русофилом и жил в России еще с 1991 года — ладный сорокаоднолетний американец, с приятной внешностью, каштановыми волосами, ясными глазами и удивительно мальчишескими чертами лица. Он был управляющим партнером юридической фирмы «Файерстоун Данкен», которую учредил вместе с другим американцем по имени Терри Данкен. В 1993 году во время осады Белого дома Терри находился у Останкинской телебашни с другими

митингующими. Когда власти открыли по ним огонь, он помогал вытаскивать раненых, но сам был тяжело ранен и вскоре скончался. С тех пор Джемисон остался во главе фирмы.

Файерстоун завоевал мое расположение при первой же встрече. Не только потому, что говорил прямо и без обиняков, но и потому, что, в отличие от других юристов, никогда не драл втридорога. Мы долгие годы активно сотрудничали, и наши бизнесы набирали обороты почти одновременно.

Как только он поднял трубку, я, пропустив обмен любезностями, сразу перешел к делу:

— Джейми, мне только что звонила наша сотрудница из Москвы. У нас…

— Билл, я как раз собирался тебе звонить…

— Наш офис обыскивают двадцать пять полицейских!

— И тебя тоже?

— Что ты имеешь в виду?

— Да, у меня тут два десятка милиционеров в штатском. Перевернули все вверх дном. У них ордер на обыск по «Камее».

Меня будто обухом по голове ударили.

— Не может быть!

Российская компания «Камея» принадлежала нашему клиенту, которого мы консультировали по инвестициям в российские акции. Поскольку милиция проводила одновременные обыски в нашем офисе и у Джеймисона, я пришел к выводу, что их настоящая цель — мы.

— Хреново, Джейми. Что нам теперь делать?

— Не знаю. Нас держат тут в переговорной комнате, как заложников, никого даже в туалет не пускают. Ордер какой-то подозрительный. Милиция не имеет права начинать обыск до прибытия адвокатов, но они уже здесь камня на камне не оставили.

— Свяжись со мной, как только что-нибудь выяснишь.

— Конечно.

Мы закончили разговор. Глянув на часы, я понял, что опаздываю на собрание совета директоров. Схватив папку с повесткой дня и презентациями, я быстро спустился в зал. Адреналин в крови зашкаливал. В тот момент я был не в состоянии думать ни о чем, кроме этих обысков.

В зале уже собрались четверо членов совета директоров — все импозантные мужчины в возрасте. Они приехали из разных уголков Европы, выглядели спокойно и непринужденно, пили кофе с круассанами и обсуждали ситуацию на рынках. Мне пришлось нарушить идиллию и сообщить им о событиях в Москве. Пока я говорил, вошел Иван, белый как полотно. Один

директор спросил, что еще нам известно. Поскольку других новостей не было, я решил позвонить Эмме и перевел телефон на громкую связь. Она ответила и тоже вывела офис на громкую связь. За две с половиной тысячи километров мы слышали, как методично опустошают ящики наших столов и шкафов — крики, топот ног и даже звук сверла — кто-то вскрывал наш сейф.

Так прошло десять минут. Двадцать. Полчаса. Нас потрясло, как Эмма старается владеть ситуацией и кричит на милиционеров: «Эй, хватит пить наш кофе!.. Эй, поставьте компьютер на место!.. А вы оставьте его! Этот человек вообще не имеет отношения к Hermitage!» Она имела в виду сотрудника немецкого «Дойче банка», которого угораздило в то утро появиться в нашем офисе с доставкой каких-то документов. Милиция задержала его, и он сидел в углу конференц-зала, обливаясь от страха холодным потом.

Обыски одновременно тревожили и будоражили. Я заверил членов совета директоров, что милиции нечего изымать в нашем офисе: там не осталось ни информации, ни конфиденциальных материалов, а самое главное, там не было никаких активов. Все ценное еще с прошлого лета было в безопасности за пределами России.

Пока мы слушали, что происходит в нашем московском офисе, зазвонил мой телефон. Это был Джеймисон. Я вышел за дверь, чтобы переговорить с ним.

— Б-билл… произошло нечто у-ужасное!

Он был подавлен и находился на грани срыва. Я никогда прежде не замечал, чтобы Джеймисон, корпоративный юрист с пятнадцатилетним стажем, был в таком состоянии.

— Погоди, Джеймисон, давай помедленнее. Что у вас стряслось?

— Максим, наш младший юрист, сказал им, что ордер на обыск незаконен и что они не имеют права изымать документы, не связанные с «Камеей».

— И что?

— Они избили его! Сейчас он поедет в больницу…

— О Боже! Он справится?

— Не уверен.

У меня пересохло в горле.

— Джейми, надо обязательно задокументировать то, что они творят. Этим подлецам все так просто с рук не сойдет.

— Билл, дело не только в Максиме. Они выносят практически всё.

— В каком смысле «всё»?

— Хватают папки с делами других клиентов, не связанных с

«Камеей». У входа стоят две «газели». Они вынесли почти все наши компьютеры, серверы, все корпоративные документы, печати и штампы, которые мы храним для финансовой и налоговой отчетности компаний наших клиентов. Это лишено всякого смысла! Что нашим клиентам делать без документов и печатей? Я даже не знаю, как мы сами после этого будем работать. Мы теперь даже электронную почту не сможем получать!

У меня не было слов.

— Мне… мне очень жаль, Джейми. Мы справимся с этим вместе. Обещаю. Самое главное, сообщи, как только станет известно что-нибудь о состоянии Максима.

— Да, конечно.

Совершенно ошеломленный, я медленно вернулся в зал. Все посмотрели на меня.

Я попросил Ивана прервать звонок. Иван попрощался с Эммой и повесил трубку. Затем я рассказал присутствующим о том, что происходит в «Файерстоун Данкен». Наступила гробовая тишина.

Похоже, мы сильно влипли. Если я что-то и понимал в России, так то, что это было только начало.

23. Управление «К»

В три часа дня мы с Иваном уже были в поезде «Евростар» Париж — Лондон. Нам надо было многое обсудить, а единственное место, где наш разговор не станет достоянием чужих ушей, — тамбур рядом с багажным отделением. Там на жестких откидных сиденьях мы и устроились. За окнами мелькали размытые серовато-зеленые пейзажи Нормандии. По дороге мы пробовали дозвониться до Москвы и Лондона, но поезд то и дело попадал в очередной тоннель, и связь постоянно прерывалась, так что мы оставили эти попытки и вернулись в вагон. Оставшаяся часть пути прошла в молчаливых раздумьях.

Я знал, что насилие в России — явление распространенное, но с тех пор как в 1992 году ступил на ее землю, ни меня, ни моих близких оно не затрагивало. И вот теперь угроза стала реальной.

Меня не отпускала тревога за Максима. Едва вернувшись домой, я созвонился с Джейми и спросил о его состоянии. К счастью, ушибы оказались не слишком опасными. Я пытался уговорить Джейми подать жалобу, но он отказывался.

— Билл, пойми: Максим напуган. Ему пригрозили арестом и обвинением в сопротивлении милиции, если он решит жаловаться на побои.

Как мне было с этим спорить? По крайней мере, мы знали, что он поправляется.

На следующий день я приехал на работу рано утром. Иван уже был там и изучал переписанный Эммой от руки и переданный по факсу ордер на обыск: аккуратный почерк прилежной школьницы резко контрастировал с содержанием документа. В нем говорилось, что Главное следственное управление Главного управления внутренних дел по городу Москве возбудило уголовное дело в отношении Ивана — его обвиняли якобы в неуплате компанией «Камея» сорока четырех миллионов долларов налога на выплаченные дивиденды. Сами по себе требования к компании выглядели очень сомнительными, а поскольку Иван был генеральным директором этой компании, принадлежавшей нашему клиенту, обвинение касалось его лично.

Какой бы репрессивной и незаконной ни казалась российская система уголовного правосудия стороннему наблюдателю, Россия как суверенное государство все же продолжает оставаться субъектом международного права, и большинство западных стран сотрудничает с ней, в том числе по вопросам экстрадиции, внесения в стоп-листы Интерпола или ареста зарубежных

активов. Мы-то находились в Лондоне, но проигнорировать уголовное дело не могли, поскольку это было чревато серьезными последствиями.

Постановление не имело никаких оснований: «Камея» платила налоги по той же ставке, что и все остальные российские компании, поэтому обвинения в адрес Ивана были просто несправедливыми. Если и был на свете человек, соблюдавший все правила и законы, то это Иван Черкасов. Он был отличным мужем, отцом, другом и коллегой; всегда с иголочки одет, аккуратен и пунктуален. Смотреть, как он ходит взад-вперед по офису вне себя из-за сфабрикованных обвинений, было выше моих сил. Я поклялся сделать все возможное, чтобы разрешить ситуацию.

Первым делом я обратился к лучшему из известных мне в Москве консультантов по налоговому праву — Сергею Магнитскому. Ему было тридцать пять лет, он возглавлял налоговую практику и аудит в юридической компании «Файерстоун Данкен» и владел поистине энциклопедическими знаниями по налоговому законодательству России. Говорили, что с начала работы в фирме он не проиграл ни одного процесса.

Как только Сергей вошел в курс дела, мы попросили его проанализировать деятельность компании за предыдущие годы и выяснить, не было ли ошибки в налоговых расчетах. Иван всегда был скрупулезен в вопросах налогообложения, и я полагал, что все суммы уплачены в полном соответствии с законом. Однако, учитывая тяжесть предъявляемых МВД обвинений, надо было удостовериться в этом на все сто процентов.

Сергей запросил всю налоговую отчетность «Камеи» со всеми без исключения первичными документами. До поздней ночи он изучал и перепроверял все материалы и налоговые выкладки и на следующее утро вынес вердикт: «Я внимательно изучил все аспекты расчета и уплаты налогов по компании „Камея“. Здесь все рассчитано и уплачено верно».

Сергей Магнитский в 2008 году — самый смелый человек, которого я когда-либо знал (Из архива семьи Магнитских)

Сергей был готов помочь нам в вопросах налогового права, но кроме того Ивану требовался юрист по уголовному праву, способный защитить его от преследования МВД. За помощью мы обратились к адвокату Эдуарду Хайретдинову, в прошлом работавшему судьей и следователем. С 1992 года Эдуард перешел к частной адвокатской практике. Высокий, представительный мужчина сорока восьми лет с седыми волосами, густыми усами и крепким рукопожатием — внешне Эдуард чем-то напоминал мне знаменитого ковбоя Мальборо из рекламы. На такого человека можно положиться в трудную минуту. Эдуард представлял известных в России людей и выигрывал громкие процессы по, казалось бы, безнадежным делам. В стране, где девяносто девять процентов дел заканчивается вынесением обвинительного приговора, это было настоящим чудом.

Эдуард предложил в первую очередь выяснить, что же происходит в самом МВД. Когда он прибыл в ГСУ ГУВД г. Москвы, его направили к руководителю следственной группы — тридцатилетнему майору Павлу Карпову. Эдуард запросил у Карпова ряд документов, которые следствие по закону обязано предоставить адвокату. Но Карпов отказался их выдавать. Для Эдуарда это было неожиданностью: за пятнадцать лет работы в адвокатуре он с подобным не сталкивался. Он был раздосадован поведением следователя, но я посчитал это хорошим знаком. Я решил, что если Карпов боится показывать материалы дела, то

это лишь подтверждает его безосновательность.

К сожалению, моя оптимистическая теория почти сразу же разлетелась. Четырнадцатого июня мне позвонила журналистка Кэтрин Белтон — та самая, которая на саммите «Большой восьмерки» в 2006 году задала Путину вопрос о причинах моего выдворения из страны. Теперь она работала в английской газете «Файнэншл Таймс» и хотела получить мой комментарий по поводу недавних обысков. Я ответил на ее вопросы в надежде, что статья правильно выразит нашу позицию.

На следующее утро по дороге в офис я купил газеты и на первой полосе «Файнэншл Таймс» увидел заголовок: «Россия проверяет компанию Браудера по налогам». Я сел на скамейку и дважды перечитал статью. Среди целого вороха инсинуаций и откровенной милицейской лжи где-то в середине статьи мне бросилось в глаза одно предложение: «Следователи нацелены на Браудера как на автора схемы».

Похоже, они вовсе не собирались отступать. Наоборот — замышляли что-то гораздо более масштабное. Очевидно, удар по Ивану и «Камее» — лишь артподготовка к наступлению на меня.

Это крайне тревожило. Вдобавок мы находились в откровенно неравных условиях. Даже при том, что мы привлекли лучших юристов в России, это само по себе не имело значения, так как нам противостояли сотрудники правоохранительных органов, действующие за рамками права. Мы нуждались в источниках информации, чтобы понять, что же они замышляют. Нам нужен был Аслан, который посоветовал Вадиму покинуть Россию в 2006 году.

Мы не знали, продолжается ли тот межведомственный конфликт, который в свое время подтолкнул Аслана к мысли предупредить Вадима. Уверенности в том, что он снова захочет нам помогать, не было, но все же стоило попробовать выйти с ним на контакт. Вадим отправил ему короткое сообщение с просьбой о помощи. Через полчаса пришел ответ: «Что вы хотите узнать?»

«Кто стоит за обысками у нас на прошлой неделе и что еще они планируют?» — задал вопрос Вадим.

Через некоторое время пришел ответ: «За всем стоит Управление „К“ ФСБ. Они хотят разделаться с Браудером и отобрать все активы. Это лишь начало. Будут и другие уголовные дела».

Когда Вадим перевел мне это сообщение, от волнения у меня начала подергиваться нога — сообщение было недвусмысленным и сулило крупные неприятности. Но я отчаянно надеялся, что Аслан ошибается.

В голове у меня возник миллион вопросов, начиная с того, что такое управление «К».

Я спросил Вадима, но тот не знал. Мы подошли к его рабочему столу в надежде найти хоть что-нибудь в Интернете. На удивление, это сработало: несколько кликов на ссылки — и перед нами официальная структура органов ФСБ. Управление «К» занималось финансовой контрразведкой.

Я еле добрел до своего стола и свалился в кресло. Попросил секретаря ни с кем не соединять: нужно было все обдумать. Мысль о том, что я стал объектом преследования управления «К», пугала. Это было уже слишком.

Я сидел и размышлял: «Итак, меня преследуют российские спецслужбы, и я ничего не могу с этим поделать. Я не могу подать на них жалобу, не могу получить от них документы дела. Это секретное подразделение. Хуже того, у них есть доступ к неограниченным ресурсам — и законным, и незаконным. В ФСБ не выносят постановлений об аресте и не отправляют запросы на экстрадицию: они просто посылают профессиональных убийц».

24. У русских историй всегда грустный конец

Пока я молча сидел в кабинете, пытаясь осмыслить ситуацию, секретарь тихонько положила рядом записку. «Звонила Елена. Не срочно», — прочел я. Обычно я сразу же перезванивал жене, но не в этот раз: голова была полна забот.

Примерно через час Елена перезвонила сама. Не успел я ответить, как она закричала в трубку:

— Почему ты не перезвонил?!

— Ты же сказала, что это не срочно.

— Нет, я сказала СРОЧНО! Билл, я рожаю. Я уже в больнице!

— О Господи… Выезжаю сейчас же!

Я вскочил и ринулся к выходу. Не дожидаясь лифта, рванул вниз по лестнице, едва не упав на повороте, поскользнувшись в легких ботинках на гладкой подошве. Солнце как раз вкатилось в полдень, я мчался вверх по улице, мгновенно позабыв об управлении «К», ФСБ и России вместе взятых.

Район Ковент-Гарден представляет собой лабиринт крохотных улиц-ручейков, которые впадают в центральную площадь. Ловить такси здесь было бессмысленно — пришлось бы выбираться еще минут двадцать. Я припустил в сторону улицы Чаринг-Кросс, но не обнаружил ни одного свободного таксомотора, так что продолжал бежать по направлению к больнице, уклоняясь от оживленного лондонского движения — грузовики, двухэтажные автобусы, мотороллеры, пешеходы. Я то и дело оглядывался через плечо в надежде поймать машину. В городе будто не осталось ни одного свободного такси. Бежать до самой больницы было слишком далеко. По счастью, на Шафтсбери-авеню мне удалось поймать свободный кэб.

Спустя четверть часа я вбежал в больницу. До родильного отделения на четвертом этаже я добрался совершенно взмыленным. Елена тем временем была на последнем этапе родов. Она кричала, лицо стало красным от напряжения. Ей было некогда даже думать обо мне, не то что злиться. Я взял ее за руку, а она сжала мою ладонь с такой силой, что мне показалось, что ее пальцы вонзились в мою ладонь до крови.

Через двадцать минут родилась наша вторая дочка — Вероника.

Когда на свет появилась Джессика, радость от младенца отодвинула на задний план тяжелые думы, связанные с Россией. Но на этот раз мои проблемы в России приобрели такой масштаб,

что совсем избавиться от тяжелых мыслей не удалось. Как только стало ясно, что жена и дочка здоровы и чувствуют себя хорошо, российские проблемы вернулись на первый план.

Я не хотел рассказывать Елене плохие новости об управлении «К» — во всяком случае, не сейчас. Ей нужно было отдохнуть и установить связь с новорожденной малышкой. На следующий день мы вернулись домой. Я храбрился, принимая поздравления от родных и близких, но никак не мог отмахнуться от ощущения беспокойства. До сих пор Елена была для меня источником душевного равновесия и поддержки. Между нами образовался удивительный эмоциональный маятник: в моменты, когда я паниковал, она была само спокойствие, и наоборот. Раньше это действовало превосходно. Но сейчас новости выглядели очень тревожно, и я не был уверен, что психологический баланс сохранится.

Я с трудом продержался два дня после возвращения домой. Решив, что нельзя больше хранить все в себе, в тот вечер, убаюкав Веронику, я присел на кровати рядом с Еленой.

— Мне нужно с тобой кое-чем поделиться.

Она взяла меня за руку и, посмотрев мне в глаза, спросила:

— Что случилось?

Я рассказал ей о недавнем сообщении Аслана про управление «К». Рядом в детской кроватке ворковала спящая Вероника (новорожденным так удаются удивительные выдохи-стаккато «А-а-а-аххх!»). Закончив рассказ, я спросил Елену:

— Как думаешь, что нам теперь делать?

Она совсем не изменилась в лице и, как всегда, излучала удивительное спокойствие.

— Давай посмотрим, что они предпримут, — тихо предложила жена, — и потом решим, как лучше с этим справиться. Это всего лишь люди, пусть и злонамеренные, а людям свойственно ошибаться. — Елена сжала мою руку и мягко улыбнулась.

— А как быть с отпуском? — спросил я. Мы планировали семейную поездку на август, как только малышка сможет путешествовать.

— Тут все просто, Билл. Мы поедем. Надо продолжать жить.

К счастью, следующие несколько недель на работе прошли спокойно, без тревожных новостей из России. В середине августа 2007 года мы полетели в Марсель, на юг Франции. Почти весь полет Вероника проспала, а Джессику я развлекал незатейливой игрой с пластмассовой бутылкой и мешочком с бумажными шариками. Дэвид подавал нам бутылки, салфетки, любимые игрушки и закуски, не отрываясь от школьной тетради. Стоило

нам приземлиться в Марселе, как я машинально включил смартфон и начал проверять звонки и сообщения. В почте не оказалось ничего важного, и я счел это хорошим знаком перед отпуском.

Мы покинули самолет, прошли через помещения аэропорта, получили багаж и направились к выходу, где нас ждало такси. Как только мы вышли из здания аэропорта, нас сразу же обдало приятным густым летним зноем. Водитель помог погрузить вещи, и мы расселись по местам. Едва машина отъехала, зазвонил мобильный. Это был Иван.

— Билл, все повторяется, — сказал он, с трудом сдерживая волнение в голосе. Я еще не знал, что он скажет дальше, но моя нога опять начала подергиваться.

— Что повторяется?

— МВД проводит обыск в банке «Кредит Свисс» в Москве.

— А какое отношение это имеет к нам?

— Они ищут все, что принадлежит Hermitage.

— Но у нас там ничего нет, — заметил я.

— Верно, однако МВД об этом не знает.

— Тогда что именно они ищут?

— Секунду… У меня тут копия ордера на обыск…

Полминуты его не было слышно, а затем он продолжил:

— Они ищут всё, что относится к Hermitage Capital Management, Hermitage Capital Services, Hermitage Capital Asset Management, Hermitage Asset Management… и так еще две страницы. Продолжать?

— Нет.

Действия МВД странным образом походили на игру в «морской бой»: они брали все возможные комбинации со словом Hermitage в надежде на прямое попадание. Я чуть было не рассмеялся, так непрофессионально это выглядело.

— Кто руководит обыском? — спросил я.

— А в этом-то и вся фишка, Билл. Артем Кузнецов!

— Что за чертовщина! Артем Кузнецов?! Он, похоже, прикладывает руку ко всему плохому, что происходит с нами в России.

Мы попрощались, но я знал, что впереди нас ждут новые неприятности. Наш источник Аслан был прав: эти люди действительно охотятся за нашими активами. Я одного не мог понять: неужели они до сих пор не знают, что у нас не осталось активов в России? Разве органы безопасности не должны быть как-то поумнее? Но, может, и нет. Может, как говорила Елена, им, как и всем людям, тоже свойственно ошибаться.

Кузнецов ушел из «Кредит Свисс» с пустыми руками, но

попыток найти активы Hermitage не оставил. В течение двух недель, пока я старался насладиться провансальским теплом, Кузнецов один за другим обыскивал московские филиалы иностранных банков — «Эйч-эс-би-си», «Ситибанк», «ИНГ Банк» — но всякий раз уходил ни с чем.

Каждое новое сообщение об обысках все больше отдаляло меня от семьи. Вместо того чтобы отдыхать, петь песенки Веронике и Джессике и играть в бассейне с Дэвидом, я провел большую часть отпуска на телефоне, пытаясь разобраться, что предпримут наши оппоненты.

Когда «отпуск» подошел к концу, я вернулся в Лондон, собрал всю нашу команду, и мы принялись планировать дальнейшие действия. Основной юридической проблемой было уголовное дело против Ивана. По поводу обысков в банках я не особенно волновался, но меня беспокоило все, что могло привести к аресту или экстрадиции Ивана.

Поскольку, как к этому времени выяснил Эдуард, майор Карпов не желает предоставлять никакой информации о деле Ивана, Сергей Магнитский предложил интересный ход: «Если МВД не говорит, что они делают, почему бы не обратиться непосредственно в налоговые органы и узнать, что скажут они?»

Отличная идея. Наш налоговый консультант направил запрос в московскую налоговую инспекцию, куда «Камея» подавала отчетность, с вопросом, числится ли за «Камеей» какая-либо задолженность по налогам.

Тринадцатого сентября Сергей перезвонил Ивану и с нескрываемой радостью в голосе сказал: «Пришел ответ на запрос. Вы не поверите, но налоговая инспекция уведомляет, что „Камея“ ничего не должна по налогам. Более того, у нее переплата налогов на сумму в сто сорок тысяч долларов!»

Когда Иван рассказал мне об этом, я был потрясен. Ответ налоговой доказывал полную несостоятельность обвинений в его адрес. Представьте, что Скотленд-Ярд по подозрению в уклонении от уплаты налогов проводит обыски в фирме в Сити, а Министерство по налогам и пошлинам Ее Величества не выдвигало к ней никаких налоговых претензий. Пусть российская правовая система и расшатана, но этот документ безоговорочно указывал на невиновность Ивана.

После этого я впервые за много месяцев позволил себе перевести дух. Сентябрь сменился октябрем, плохих вестей из России больше не поступало. Я работал в режиме полномасштабного кризиса, но осенью повестка рабочих совещаний начала мало-помалу смещаться от российского кризиса в сторону инвестиций. Я был несказанно рад

возможности обсуждать инвестиционные идеи с аналитиками, а не обыски с юристами.

Одна страна все чаще и чаще упоминалась на наших совещаниях как инвестиционно привлекательная — Южная Корея. Ее едва ли можно было назвать развивающейся, как Таиланд или Индонезию, но южнокорейский фондовый рынок по коэффициенту «цена к прибыли» был дешевле американского на сорок процентов. Это разжигало мой инвестиционный интерес. Если бы удалось установить, что для такой низкой цены не существует объективных причин, то ряд корейских акций обещали хорошие перспективы роста. Я решил слетать в октябре в Корею и посетить несколько компаний, чтобы понять действительные причины низкой стоимости их акций.

Самолет совершил посадку в Сеуле воскресным вечером четырнадцатого октября. После двенадцатичасового перелета и двухчасовой поездки в город из аэропорта Инчхон я остановился в гостинице «Интерконтиненталь» и распаковал вещи. В Сеуле было одиннадцать вечера, но организму казалось, что сейчас только середина дня. Большую часть ночи я провел, безуспешно пытаясь уснуть, но в конце концов оставил попытки, выбрался из постели, сел у окна и стал глядеть на огни ночного Сеула. Взгляду открывался яркий, мерцающий и явно иностранный город, словно из кинофильма. Пожалуй, все западные путешественники в Азии — в Токио ли, Пекине, Гонконге или Бангкоке — страдали по прибытии от подобных бессонных ночей, стараясь совладать с разницей во времени.

Мне удалось поспать всего пару часов, и утром я с трудом заставил себя подняться. Меня ждал тридцатипятилетний корейский брокер Кевин Парк, который должен был отвезти меня на встречи с представителями различных компаний. Он предварительно договорился с несколькими банками, девелоперской компанией и производителем автозапчастей. Разница во времени и бессонная ночь превратили все встречи в каторгу. Я чуть ли не щипал себя под столом, чтобы не клевать носом. Тяжелый выдался денек.

К вечеру я был готов рухнуть в постель и отключиться, но Кевин настоял на том, чтобы отвезти меня на барбекю по-корейски. Он так старательно помогал мне в подготовке этой поездки, что я не мог ему отказать. Я выпил в номере две диетические колы, сполоснул лицо холодной водой и спустился к нему в вестибюль гостиницы. В ресторане мы заказали пулькоги (жареную говядину), пибимпап (смесь из риса, овощей и других продуктов) и кимчи (квашеные овощи). К концу ужина я только и мог думать о том, как вернусь в гостиницу и упаду на кровать, но

Кевин сказал, что сейчас познакомит меня с коллегами по работе и мы вместе пропустим по стаканчику в ближайшем караоке-баре. Это было уже выше моих сил: Кевин с приятелями предлагали мне виски «Джонни Уокер», распевая по очереди песни в караоке. В полночь, когда у меня уже слипались глаза, он сжалился и вызвал такси до гостиницы.

На следующий день было еще больше встреч и еще больше еды. Несмотря на разницу во времени и перебор с гостеприимством, я получал огромное удовольствие от того, что снова могу просто побыть инвестиционным аналитиком и на время забыть о тяжелых заботах, связанных с Россией.

В конце дня я вернулся в номер, чтобы проверить сообщения. Английская мобильная связь в Корее не работала, так что мой офис перенаправлял звонки и почту в гостиницу. Пролистывая в лифте небольшую стопку записок с оставленными сообщениями, я заметил одно от Вадима: «Перезвони, как сможешь. Срочно».

Вадим никогда не горячился, и если он говорит «срочно», значит, это действительно срочно. Сердце учащенно забилось, и я кинулся в свой номер, чтобы позвонить Вадиму.

Он поднял трубку после первого же гудка:

— Билл, рано утром нам позвонил судебный пристав из суда в Петербурге. Он сказал, что имеется судебное решение против одной из наших российских инвесткомпаний, и спрашивал, с кем он может обсудить погашение задолженностей.

Хотя мы и продали все свои акции, инвестиционно-холдинговые компании в России оставались и должны были еще в течение трех лет сдавать отчетность до своей окончательной ликвидации.

— Какое решение суда? О чем он говорит?

— Я не знаю.

— Ты не в курсе, это хотя бы реальное лицо? — уточнил я. Вполне могло оказаться, что это чья-то неудачная шутка.

— Пока не знаю, но в любом случае нам не следует игнорировать эту ситуацию.

— Нет, конечно. О какой сумме шла речь?

Я подумал, что, быть может, остался неоплаченным мелкий счет какой-нибудь курьерской компании и каким-то образом этот спор стал предметом судебного разбирательства.

— Семьдесят один миллион долларов.

— Семьдесят один миллион?! Вадим, это же безумие! Что все это значит?

— Понятия не имею.

— Срочно найди Эдуарда и Сергея. Нам нужно выяснить, что происходит.

— Конечно.

Неделя, посвященная работе над корейскими инвестпроектами, на этом была прервана. Русские не сдавались.

Вся эта история с судебным приставом была невероятной. Откуда, черт возьми, мог взяться иск? Кто за этим стоит? Как они могут предъявлять требования на активы, которые уже находятся не в России? Не могут! Или все-таки могут?

Я не в силах был сосредоточиться на Корее. Нужно было как можно скорее возвращаться в Лондон. Я позвонил Кевину, долго извинялся, что не смогу прийти на ужин, и попросил отменить оставшиеся встречи. Затем связался с «Корейскими авиалиниями» и зарезервировал билет на первый же утренний рейс в Лондон. После долгого перелета я направился прямиком на работу, чтобы встретиться с Вадимом и Иваном. Мы устроились в переговорной комнате, и они рассказали мне о том, что произошло, пока я пребывал в воздухе.

Во-первых, решение суда действительно существовало. Эдуард съездил на поезде в Петербург, получил и отснял на цифру материалы дела в суде. Вадим вынул из стопки снимок и положил передо мной. Он показал на одно слово:

— Вот здесь речь идет о «Махаоне».

«Махаон» была одной из инвестиционно-холдинговых компаний фонда, приостановивших деловую активность.

— А вот здесь стоит сумма.

Она была указана в рублях, но я прикинул в голове курс и получил около семидесяти одного миллиона долларов.

— Как могло случиться, что мы не знали об этом? — строго спросил я, решив, что это, должно быть, какое-то колоссальное упущение с нашей стороны.

— Сергей тоже так подумал, — сказал Вадим. — Но пока Эдуард ездил в Питер, Сергей сделал запрос в государственную базу данных юридических лиц.

— И что? — спросил я с нехорошим предчувствием.

— «Махаон» был украден, Билл, — выдохнул Иван.

— Как это украден?! Как можно украсть целую компанию?

Иван, немного разбиравшийся в вопросах регистрации компаний, ответил:

— Это не просто, но в принципе незаконно перерегистрировать компанию на другое лицо без ведома владельца можно, если у мошенника есть печать компании, подлинные свидетельства о государственной регистрации и о регистрации в налоговом органе, а также устав и учредительные документы.

Это был как гром среди ясного неба.

— Это те самые документы, которые конфисковало МВД, — тихо сказал я. — Когда они обыскивали офис Джейми.

— Именно так, — подтвердил Иван.

Он пояснил, что после этого «новые» владельцы могли проделывать с компанией все, что угодно: управлять ею, ликвидировать, изымать активы, менять месторасположение.

Теперь все прояснилось. Мы стали жертвами того, что в России называется рейдерством. Обычно для этого привлекают коррумпированных милиционеров, которые фабрикуют уголовные дела, продажных судей, которые выносят противоправные решения об аресте активов, и уголовников, устраняющих любые препятствия на пути. Это стало настолько распространенным явлением, что деловое издание «Ведомости» даже публиковало расценки на «услуги» рейдеров: наложение ареста на имущество — пятьдесят тысяч долларов; возбуждение уголовного дела — пятьдесят тысяч долларов; получение судебного решения — триста тысяч долларов и так далее. Единственный способ успешно противостоять рейдерам — применение жесткой силы, но нам этот вариант не подходил.

Сергей всю ночь изучал полученные документы, а на следующий день позвонил и объяснил, как это стало возможным.

— «Махаон» и две другие компании вашего фонда были перерегистрированы на некую компанию «Плутон», зарегистрированную в Казани — столице Татарстана.

— А кто владеет «Плутоном»? — спросил я.

— Некто по фамилии Виктор Маркелов. Он был осужден за непредумышленное убийство в 2001 году.

— Невероятно! — воскликнул я. — Значит, МВД совершает налеты на компании, изымает тонны документов и затем использует убийцу, чтобы обманом перерегистрировать на него наши компании?

— Именно так все и произошло, — подтвердил Сергей. — Более того, с использованием этих документов были подготовлены поддельные договора, согласно которым украденная у фонда компания якобы должна семьдесят один миллион долларов какой-то компании-пустышке, с которой вы никогда не вели дела.

— Сумасшедший дом какой-то… — выдавил я.

— Подождите, это еще не все. Фальшивые договора были предъявлены в суде, и какой-то адвокат, которого вы не нанимали, явился на судебное заседание, якобы для защиты вашей компании. Как только начались слушания, он заявил о полном согласии с претензиями в размере семидесяти одного миллиона.

Все это выглядело отвратительно и непостижимо, но теперь хотя бы стало понятным. События выстроились в голове в логическую цепочку, и я засмеялся. Сначала тихо, потом во весь голос. Конечно, в происходящем не было ничего смешного, но я смеялся просто от облегчения, для разрядки. Все поначалу молчали, но потом ко мне присоединился Иван, а за ним и Вадим.

Теперь мы точно знали, в чем состоит их план, и видели, что он полностью провалился. Они хотели завладеть активами фонда Hermitage, но их там не было. Если верить опубликованному прейскуранту цен на услуги рейдеров, то они потратили миллионы на взятки судьям, милиционерам и чиновникам, а получили шиш.

Не смеялся только Сергей.

— Я думаю, вы рано радуетесь, Билл, — мрачно произнес он по громкой связи. — Это не конец истории.

— О чем это вы? — удивился Вадим.

— Пока не знаю, но… — раздался голос Сергея сквозь легкое потрескивание на линии, — у российских историй всегда грустный конец — счастливый конец бывает только в русских сказках.

25. Высокочастотные помехи

В этот момент можно было просто отстраниться от всей этой ситуации. Если бы не одно «но»: МВД не закрывало уголовное дело против Ивана.

Дело вели Кузнецов и Карпов. Оба были явно замешаны в краже наших компаний. Чтобы выяснить роль этих людей, мы решили подать в российские органы заявление о возбуждении против них уголовного дела. Наша юридическая команда работала на пределе, и мы обратились за помощью к Владимиру Пастухову, тому самому юристу, который убедил Вадима покинуть Россию в 2006 году.

Пастухов прибыл в Лондон и обустроился в переговорной комнате нашего нового офиса. Благодаря успешному старту фонда Hermitage Global нам больше не приходилось тесниться во временном офисе в Ковент-Гардене, и мы перебрались в свежеотремонтированное здание на Голден-сквер, что рядом с площадью Пикадилли.

Владимир обложился папками с документами и несколько дней всех нас подробно расспрашивал о деталях. Затем он принялся составлять подробное заявление о краже наших компаний и создании фальшивых задолженностей на гигантскую сумму. В отдельном разделе он описал механизм мошенничества с использованием документов и электронных файлов, изъятых МВД во время обысков под руководством Кузнецова и затем хранившихся у следователя Карпова.

Пока Владимир работал над подготовкой наступательных жалоб на коррупционеров, Эдуард держал оборону в России. В течение пяти месяцев он пытался получить материалы дела Ивана, которые прояснили бы суть обвинений против него и позволили подготовить защиту. И все эти пять месяцев майор Карпов упорно отказывался их показывать. Эдуард обжаловал действия Карпова его руководству и в прокуратуру, но ничего не добился. Поведение следователя и постоянные отказы только усиливали раздражение адвоката. В глазах Эдуарда это дело превратилось из чисто профессионального в личное.

Но тут двадцать девятого ноября Карпов неожиданно позвонил Эдуарду и сообщил, что согласен ознакомить его с некоторыми документами, которые тот запрашивал уже не один месяц. Эдуард отложил все другие дела и поспешил на Новослободскую улицу в Главное следственное управление внутренних дел по городу Москве. Карпов встретил его у входа и проводил в свой небольшой кабинет, указав на свободный стул.

Эдуард присел.

— Я знаю, что вы запрашивали документы по делу Черкасова, и кое-что готов вам предоставить, — начал он, ухмыляясь.

Поведение Карпова вызывало у Эдуарда одновременно раздражение и брезгливость.

— Вы уже давно были обязаны мне их предоставить.

— Это неважно. Я даю их сейчас. Поэтому скажите спасибо. — С этими словами Карпов встал, обеими руками взял тяжелую стопку документов, обошел вокруг стола и демонстративно опустил ее перед Эдуардом. — Есть только одна проблема, сущий пустяк: копировальная машина сломалась, так что если нужны копии, придется вам переписывать их вручную.

Эдуард всегда держался спокойно и профессионально, но сейчас с ним как с мальчишкой вел себя тридцатилетний эмвэдэшник, одетый в итальянский костюм за три тысячи долларов, с дорогими часами и холеными наманикюренными ногтями. После пяти месяцев тщетных попыток получить положенные документы это было слишком. Эдуард и сам в молодости был следователем, но никогда не позволял себе такого обращения с людьми.

Эдуард закипел от возмущения и раздраженно произнес:

— Вы что себе думаете, что на вас нет управы?! Мы поймали вас за руку и знаем все, что произошло в Санкт-Петербурге.

Карпов вмиг побледнел.

— Ч-что произошло в Петербурге? — спросил Карпов, включив дурачка.

— У нас есть все доказательства. Документы, которые вы изъяли и подшили в дело, были использованы для кражи трех компаний и создания фиктивных задолженностей в особо крупном размере. Как специалист по уголовному праву, могу уверить, что это будет легко доказать.

Карпов, сидя в кресле, скрестил руки на груди и слегка наклонился вперед, глаза его беспокойно бегали. Через несколько секунд он жестом попросил Эдуарда подойти к нему. Эдуард приблизился, и Карпов, не произнося ни слова, принялся что-то быстро набивать на ноутбуке, вероятно, опасаясь, что его кабинет прослушивается.

Когда Карпов закончил, Эдуард наклонился вперед и прочел:

Это не я. Это проект Кузнецова.

Карпов тут же удалил эту запись. Он моментально сменил заносчивость на кротость и даже выбрал из дела Ивана несколько наиболее важных документов, чтобы Эдуард смог переписать их содержание.

Эдуард не знал, чем все обернется, и не хотел упускать

благоприятный случай получить побольше документов. Он принялся их энергично переписывать, пока следователь не сказал, что уже опаздывает на другую встречу. Он проводил Эдуарда к выходу из здания и даже прошел с ним до машины, что было весьма необычно. Возможно, он надеялся, что Эдуард расскажет ему другие известные нам детали.

Дойдя до машины, Эдуард вдруг понял, какую серьезную ошибку совершил: мы просили его ни с кем не обсуждать обнаруженные факты. Потеряв самообладание, он позволил врагам понять, что их поймали с поличным.

Успокоившись, Эдуард позвонил в Лондон рассказать о произошедшем. Конечно, это была ошибка. Но, принимая во внимание заносчивое поведение Карпова, я едва ли мог сердиться. Извинившись, Эдуард посоветовал нам подать жалобы как можно скорее, поскольку противник уже знает о нашем открытии. Я спросил Владимира, сколько еще времени ему понадобится. «Четыре дня», — ответил он.

Это означало понедельник, третьего декабря 2007 года.

Майор МВД Павел Карпов. Он руководил следственной группой и отвечал за сохранность документов, использованных для 5,4-миллиардного налогового мошенничества, которое раскрыл Сергей Магнитский. Карпов пытался заставить меня замолчать с помощью судебного иска в Англии в 2012 году и проиграл (© Sergey Kiselyev/ Kommersant/Getty Images)

Между тем тридцатого ноября я должен был присутствовать в Женеве на деловом обеде с клиентом. Учитывая ситуацию, я предпочел бы остаться в Лондоне, но встреча была слишком важной, и я не мог ее отменить. Вылетев утром в Швейцарию, я в тот же вечер вернулся в Лондон, приземлившись в аэропорту Сити[13]. Пока такси пробиралось до моего дома по закоулкам района Кэнэри-Уорф, позвонила секретарь передать полученные сообщения. Она прошлась по списку и под конец сказала:

— Звонил некто Игорь Сагирян и спрашивал вас. Соединить с ним?

— Сагирян?

Я уже слышал эту фамилию. Пролистав записную книжку в смартфоне, я вспомнил, что это один из руководителей московской брокерской фирмы «Ренессанс Капитал», которой управлял Борис Джордан, в то время, когда я боролся с размыванием активов «Сиданко». С Сагиряном я встречался только раз, на конференции по инвестициям несколько лет назад. Странно, что он пытается связаться со мной сейчас.

— Конечно. Я поговорю с ним.

Секретарь набрала номер и соединила нас.

— Игорь, это Билл Браудер. Как поживаете?

— Я в порядке, насколько в наши дни можно быть в порядке. Послушайте, когда вы будете в Лондоне? Я хотел бы встретиться и обсудить некоторые вопросы. Желательно при личной встрече, а не по телефону.

Эта просьба меня удивила. Я едва его знал, а он зачем-то собирался прилететь из Москвы, чтобы встретиться со мной.

— Хорошо. А в чем дело?

— Ничего особенного, но, как вы знаете, сейчас все испытывают некоторое давление, так что я хотел бы обсудить, что еще мы можем предпринять, потому что много работаем с вами. Я хочу сказать, что сейчас у нас небольшие затруднения, но было бы лучше, если бы их не было совсем.

Крайне туманный ответ. Я понятия не имел, о каком давлении и затруднениях он говорит, и начинал подозревать, что это может быть как-то связано со встречей Эдуарда с Карповым.

— Может быть, вы хотите обсудить что-то конкретное прямо сейчас?

— Проблема в том, что я, если честно, говорю по мобильному телефону. Это вы, счастливчик, живете в Великобритании, а я — в России, поэтому предпочел бы личную встречу.

Происходило что-то странное. Возможно, Сагирян пытается передать сообщение от наших врагов или договориться со мной от их имени. Что бы там ни было у него на уме, на случайность не

похоже. Поэтому я согласился встретиться в отеле «Дорчестер» одиннадцатого декабря, сразу после командировки по Ближнему Востоку, куда я улетал на следующий день.

Наутро я вылетел в Саудовскую Аравию, а с понедельника наши юристы начали подавать в правоохранительные инстанции заявления о возбуждении уголовного дела (объемом в двести сорок четыре страницы). Два экземпляра ушло генеральному прокурору, другие два — председателю Следственного комитета при прокуратуре и еще два — руководителю Департамента собственной безопасности МВД.

Я ожидал, что реакция на эти заявления последует после Нового года, но два дня спустя, когда я шел через вестибюль «Фор Сизонс» в Эр-Рияде, мне позвонил обеспокоенный Джеймисон Файерстоун, который все еще находился в Москве:

— Билл, ты на «чистой» линии?

— Что?

— У тебя телефон не прослушивается?

— Понятия не имею. Я в Саудовской Аравии. А что?

— У меня только что состоялась очень странная встреча с неким Игорем Сагиряном.

— С Сагиряном?

— Да. Это президент «Ренессанс Капитал»…

— Я знаю, кто это. Зачем он связался с тобой?

— Он хотел поговорить о тебе, Билл.

— Обо мне?

— Это было странно. Он все знал о твоей ситуации. Когда я пришел к нему в офис, у него на столе лежала пачка бумаг о тебе. Он взял один лист и сказал, что дело серьезное и что в этом замешаны очень страшные люди. Из тех, кто не побоится насилия. Люди с судимостями.

— Что ему было нужно? — спросил я.

— Это самое интересное. Он хотел, чтобы я убедил тебя позволить «Ренессансу» ликвидировать похищенные компании вашего фонда.

— Ликвидировать наши похищенные компании? Но это бред! Зачем ему это? И как он может это сделать?

— Не знаю. И не понимаю, как такая ликвидация может помочь решить дело Ивана. Кроме того, как Сагирян может ликвидировать что-то, что ему не принадлежит?

На этом мы попрощались. События принимали причудливый оборот. Откуда об этом мог прознать Сагирян? Определенно не от нас. Это означало, что предстоящая встреча с ним могла иметь решающее значение и раскрыть карты противников.

Я спешно закончил ближневосточные дела и вернулся в

Лондон. Вместе с Иваном и Вадимом мы начали готовиться к этой встрече. Я надеялся по возможности застать Сагиряна врасплох.

Также очень важно было записать наш разговор, чтобы позже проанализировать каждое его слово. За два дня до встречи я связался со Стивеном Беком, бывшим британским офицером войск специального назначения и экспертом по безопасности, к которому я обращался за разными советами. Он приехал к нам в офис с двумя специалистами по наружному наблюдению. Один попросил мой кашемировый пиджак. Я неохотно протянул ему пиджак и поморщился, глядя, как он небрежно отпарывает шов лацкана и вшивает микрофон. Провод он спрятал в подкладке и вывел в левый карман, где установил записывающее устройство тоньше монеты. Его мне предстояло использовать во время встречи с Сагиряном.

И вот настал день встречи. Я вышел из офиса на Голден-сквер, взял кэб и, как только мы отъехали, включил диктофон на запись. Нервы были на пределе. Мне предстояло с минуты на минуту встретиться лицом к лицу с человеком, который, как мы подозревали, мог быть как-то связан с совершенным против нас преступлением. Я умел противостоять финансовым жуликам и мошенникам в бизнесе, но никогда в жизни вот так добровольно не шел на встречу, заранее зная о том, насколько она потенциально опасна и враждебна. Я прилагал все усилия, чтобы сохранять спокойствие.

Лондонский кэб подвез меня к отелю «Дорчестер» на Парк-лейн и припарковался между серебристым бентли и красным феррари. Эти автомобили не казались здесь неуместными — отель был излюбленным местом русских олигархов и арабских шейхов, которые обожают показуху.

Я пришел раньше времени. Устроился в вестибюле в кресле оливкового цвета и осматривал помещение с красными мраморными колоннами и шторами в тон, пытаясь узнать в толпе Сагиряна.

Он поспешно вошел около десяти минут восьмого и был похож на человека, опаздывающего на обычную деловую встречу. Это был бизнесмен немного выше меня ростом, лет пятидесяти пяти, с седыми волосами, пухлыми щеками и мягким двойным подбородком, плавно переходящим в шею. Он скорее походил на добродушного дедушку, чем на какого-нибудь злоумышленника.

Мы немного поговорили о мелочах: о Лондоне, о погоде, о Москве и политике, обходя основную причину встречи. Наконец я спросил, ради чего такого важного он проделал весь этот путь в Англию.

Сагирян вздохнул и рассказал, как «Ренессанс» недавно

подвергся обыскам со стороны МВД. Он утверждал, что это произошло потому, что его фирма вела дела с нами, и повторил то, что сказал Джеймисону: если я позволю ему ликвидировать похищенные у фонда Hermitage российские компании, это каким-то образом решит проблемы, с которыми столкнулись он и «Ренессанс».

Я не видел в этом никакой логики. Во-первых, фонд Hermitage уже много лет почти не вел операций с «Ренессансом». Во-вторых, как я могу дать ему разрешение на ликвидацию компаний фонда, если они похищены и не находятся под контролем фонда? И в-третьих: предположим, я разрешу, но какая от этого польза нам и конкретно Ивану, чье дело МВД так и не закрывало? Про себя я подумал: или Сагирян недалек, или преследует какие-то другие цели. Скорее всего второе.

Я пытался вытянуть из него как можно больше сведений под запись. К сожалению, на все прямые вопросы он отвечал уклончиво и невнятно, как и в первый раз, когда звонил по телефону.

Наш разговор завершился, когда он взглянул на часы и резко встал:

— Билл, я опаздываю на ужин. Желаю вам хороших рождественских праздников.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел так же поспешно, как и пришел. Я последовал за ним по вестибюлю, вышел из гостиницы, сел в такси и поехал в офис прослушать запись вместе с коллегами.

Когда я добрался до Голден-сквер, вся команда вместе со Стивеном Беком и одним из его технарей ждала меня в комнате переговоров. Я вынул диктофон, отсоединил его от провода и вручил Стивену. Тот поставил аппарат на стол и нажал на воспроизведение.

Мы сгрудились вокруг. На записи был слышен мой голос — вот я говорю с первым таксистом, затем звуки поездки в «Дорчестер», мои шаги и приветствие швейцара у входа в гостиницу. Были слышны шум и суета в вестибюле отеля. А затем, в десять минут восьмого, внезапно начались помехи, заглушая все остальные звуки.

Стивен взял устройство в руки, полагая, что с ним что-то не в порядке. Отмотал запись на несколько секунд назад и опять нажал на воспроизведение. Результат тот же. Тогда он перемотал запись немного вперед, надеясь услышать хотя бы часть разговора, но помехи не исчезали. Прекратились они только после того, как я покинул гостиницу и попросил швейцара вызвать такси. Стивен опять остановил запись.

Я посмотрел на него:

— Что это было?

Нахмурившись, он вертел устройство в руке.

— Или диктофон неисправен, или Сагирян применил какой-то специальный глушитель, вроде генератора высокочастотных помех.

— Очень интересно, специальный глушитель! А где его вообще можно достать?

— Это не просто, но их широко используют спецслужбы вроде ФСБ.

Я почувствовал настоящее беспокойство. Думал, что умно поступаю, наняв Стивена поиграть в шпионов, а выходило, что сидел рядом с настоящим. Пожалуй, хватит наивных попыток изображать из себя Джеймса Бонда.

На Сагиряне наше расследование зашло в тупик, а мы так и не приблизились к разгадке вражеских замыслов. Теперь все надежды мы возлагали на заявления, поданные в российские правоохранительные органы.

На следующий день после встречи с Сагиряном мы получили первый официальный ответ — из следственного управления Следственного комитета по Санкт-Петербургу. Вадим распечатал его, пробежал глазами и, пропустив юридический язык, перевел заключение:

— Билл, послушай, что здесь написано: «Отказать в возбуждении уголовного дела по сообщению о фальсификации доказательств в Арбитражном суде Санкт-Петербурга и Ленинградской области в связи с отсутствием события преступления».

— Отсутствие события преступления? Наши компании были украдены!

— Постой, это еще не все: они услужливо сообщают, что не будут возбуждать уголовное дело в отношении нашего юриста, Эдуарда Хайретдинова, за подачу заявления, — добавил Вадим с сарказмом в голосе.

Днем позже пришел еще один ответ, на этот раз из Департамента собственной безопасности МВД, который по идее должен был заинтересоваться просьбой проверить своих сотрудников Кузнецова и Карпова.

— Только послушай, — произнес Вадим, перечитав его вновь. — Главное управление внутренних дел передает наше заявление на рассмотрение самому Карпову!

— Да быть такого не может!

— Может. Тут смысл именно такой.

В течение недели мы получили еще три аналогичных ответа,

одинаково бесполезных.

К Новому году без ответа оставалось только одно заявление. Не было причин полагать, что ответ на него будет другим. Однако утром девятого января 2008 года Эдуарду позвонил следователь Ростислав Рассохов из Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Рассохова назначили рассмотреть наше заявление, и он пригласил Эдуарда в управление.

Когда Эдуард прибыл на место, его встретил мужчина примерно того же возраста. На Рассохове был слегка помятый недорогой костюм, на руке простые часы, волосы были пострижены наскоро — в такой коррумпированной стране, как Россия, эти приметы обнадеживали. Они прошли в кабинет, и Рассохов, построчно разбирая текст заявления, с беспристрастным видом стал задавать Эдуарду подробные вопросы. В конце встречи он сообщил, что собирается начать предварительное расследование в связи с нашими обвинениями в адрес Кузнецова и Карпова, и их вызовут на допрос.

Это была замечательная новость. Я представлял себе лица Кузнецова и Карпова, когда их вызовут в Следственный комитет давать показания. После всех тягот, которые нам пришлось вынести, казалось, что справедливость вот-вот восторжествует.

Я наслаждался этим ощущением почти два месяца, пока однажды вечером в начале марта в офис не зашел мрачный и обеспокоенный Вадим.

— Я только что получил сообщение от Аслана.

— О чем? — глухо спросил я, успев привыкнуть к тому, что Вадим постоянно приносит плохие новости, особенно из России.

Он протянул мне сообщение и показал на русские слова:

— Здесь говорится: «Возбуждено уголовное дело номер 401052 по Республике Калмыкия в отношении Браудера. Уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере».

У меня перехватило дыхание, как от удара. Похоже, так Кузнецов и Карпов мстили за вызов на допрос. Напрашивалась сотня вопросов, но, как назло, уже было полвосьмого вечера, и нам с Еленой пора было ехать на ужин, запланированный много месяцев назад. Старый приятель из «Саломон Бразерс» со своей невестой каким-то чудом зарезервировали столик в новом лондонском ресторане под названием «Ателье Жоэля Робюшона», и я не мог отменить встречу в последний момент.

По дороге в ресторан я позвонил Елене и рассказал ей о сообщении из Москвы. Впервые с начала кризиса наши эмоциональные ритмы совпали, и мы одновременно запаниковали. Когда мы вошли в ресторан, друзья уже сидели за

столиком и приветливо улыбались. На свой страх и риск они уже заказали дегустационное меню из семи блюд, на которое у нас ушло бы часа три, не меньше. Весь ужин я старался не поддаваться панике, пока они беззаботно рассказывали о будущей свадьбе, планах на медовый месяц и классных ресторанах. Я не мог дождаться, когда все закончится, и мы уйдем. Тут подали второй десерт. Елена, сжав мое колено под столом, извинилась перед друзьями, что вынуждена спешить домой к детям. Выбравшись из ресторана, мы поехали на такси домой, промолчав всю дорогу.

Новое уголовное дело против меня требовало немедленных действий. На следующее утро я попросил Эдуарда отложить всю текущую работу и поехать в Элисту, чтобы узнать как можно больше подробностей.

Ранним утром Эдуард вылетел в Волгоград, поймал машину и оттуда за четыре часа добрался до Элисты, столицы Калмыкии. В этой республике на юге европейской части России есть выход к Каспийскому морю, большинство местного населения исповедует буддизм. Таких пустынных пейзажей, как в Калмыкии, Эдуард никогда еще не видел: бесплодные равнины, лишенные растительности; коричневая земля и серое небо уныло простираются, насколько хватает глаз. Однообразный пейзаж разбавляли разве что обветшалые здания через каждые двадцать-тридцать километров.

В Элисте Эдуард прямиком направился в МВД на улицу Пушкина. Аккуратное современное четырехэтажное здание располагалось напротив площади с золотой пагодой.

Эдуард вошел, представился и спросил, можно ли поговорить со следователем по уголовному делу номер 401052. Несколько минут спустя появился невысокий средних лет мужчина с азиатской внешностью и широкой кавалеристской походкой. Он был одет в кожаную жилетку.

— Чем могу помочь?

Эдуард пожал ему руку.

— У вас находится дело на Уильяма Браудера?

Следователь Нусхинов внимательно посмотрел на Эдуарда.

— А вы кто?

— Прошу прощения, я только что из Москвы. Я адвокат господина Браудера.

Показав следователю ордер, Эдуард спросил:

— Не могли бы вы рассказать о деле на моего клиента?

Следователь расслабился.

— Да-да, разумеется. Прошу, пройдемте в мой кабинет.

Вдвоем они прошли по длинному коридору в тесный

загроможденный кабинет, где следователь показал Эдуарду материалы дела.

Российские власти предъявляли мне обвинение в том, что две компании фонда якобы уклонились от уплаты налогов в 2001 году. В то время в Калмыкии действовали специальные налоговые льготы, как, например, на острове Джерси или на острове Мэн в Британии. Фонд в свое время зарегистрировал свои российские компании именно здесь.

Было очевидно, что уголовное дело сфабриковано. В материалах дела имелись акты налоговых проверок об отсутствии задолженностей.

Эдуард обратил внимание следователя на этот факт, и тот, тяжело вздохнув, произнес:

— Послушайте, я не хотел этим заниматься. Меня вызвали из отпуска — из Москвы нагрянула делегация высокопоставленных лиц.

— Высокопоставленных лиц?

— Да, четверо. Они и потребовали возбудить это дело. Сказали, что это указание сверху, и надо делать, как они говорят, потому что это вызвано ухудшением отношений между Великобританией и Россией. У меня не было выбора, — подчеркнул Нусхинов, явно обеспокоенный, что выполнением этих указаний он нарушил не один закон.

Позже мы узнали, что делегация состояла из Карпова, двоих подчиненных Кузнецова и сотрудника управления «К» ФСБ.

— И каков статус дела? — спросил Эдуард.

— Против Браудера открыто уголовное производство. Он объявлен в федеральный розыск.

Вернувшись вечером следующего дня в Москву, Эдуард позвонил и рассказал нам все новости. Наши источники в Москве были совершенно правы: дело против Ивана — лишь начало, и надо свыкнуться с мыслью, что впереди нас подстерегает много других.

26. Загадка

Первого октября 1939 года Уинстон Черчилль произнес знаменитую речь, в которой рассматривал вероятность вступления Советского Союза во Вторую мировую войну: «Я не могу предсказать действия России. Это загадка, окутанная тайной, скрытой за семью печатями. Если к ней существует ключ, то это национальные интересы русских».

Перенесемся теперь в 2008 год. Наблюдения Черчилля о России все еще верны, но с одной большой оговоркой: действиями российского государства движут не национальные интересы, а деньги, вернее, алчные чиновники-казнокрады.

Все в нашей ситуации было загадкой. Зачем Карпову и трем его коллегам понадобилось лететь за тысячу километров от Москвы, в Калмыкию, и возбуждать против меня уголовное дело? Ради мести? Зачем они продолжали дело против Ивана, зная, что оно ничего им не дает? Зачем им понадобилось устраивать все эти обыски в банках, если у фонда Hermitage не осталось в России активов?

Я не мог найти ответа.

Чем больше я размышлял об этом, тем больше убеждался в том, что разгадка кроется в наших бывших компаниях, мошеннически перерегистрированных на новых владельцев. Большой экономической ценности они не представляли, но если бы мы смогли каким-то образом вернуть их обратно, то получили бы право запросить интересующую нас информацию в любых государственных инстанциях. А это позволит увидеть всю картину и узнать наверняка, кто именно стоит за этим мошенничеством (было очевидно, что нити тянутся гораздо выше Кузнецова и Карпова).

Поэтому мы подали иски в московский арбитражный суд с целью вернуть компании фонда. Похоже, мошенники этого не ожидали, поскольку тут же подали ответные иски, но уже в арбитражный суд Казани — в результате дело пришлось рассматривать в Татарстане. Возможно, они полагали, что суд в Казани будет к ним более благосклонен.

Я не знал, каковы наши шансы в региональном российском суде, но сам факт, что наши противники заняли круговую оборону, меня порадовал. Мы определенно задели их за живое. Эдуард и еще один юрист помоложе сразу же вылетели в Казань. Они прибыли на место холодным мартовским днем и отправились в суд, располагавшийся в импозантном здании на территории Казанского кремля. Эдуард привык работать по

уголовным делам в мрачных судах общей юрисдикции, где люди агрессивны и царит напряженная атмосфера, но это был другой суд — арбитражный, где рассматриваются гражданские споры между юрлицами. Внешняя обстановка здесь была приятнее, а люди спокойнее.

За день до слушаний Эдуард подошел к секретарю и запросил материалы по делу. Та ввела названия наших компаний в базу данных и с готовностью уточнила:

— По этим компаниям есть два иска. Вам нужны оба?

Эдуард впервые слышал о втором иске, но решил не подавать виду и улыбнулся:

— Да, оба, спасибо.

Секретарь вышла и вскоре вернулась с полной коробкой документов, подсказав, что изучать их будет удобнее за столом дальше по коридору. Эдуард поблагодарил ее и пошел знакомиться с материалами.

Первое дело касалось ответного иска, из-за которого Эдуард сюда и прилетел. Второго он никогда прежде не видел, но по нему уже было вынесено решение о взыскании с одной из похищенных у нашего фонда компаний — «Парфенион» — около пятисот восьмидесяти одного миллиона долларов.

Эдуард просмотрел материалы и поразился: это дело в точности повторяло петербургское. Мошенники задействовали того же адвоката и такие же поддельные контракты с использованием сведений из документов, изъятых МВД во время обысков у нас и в офисе нашей юридической фирмы.

Услышав об очередном решении суда, в этот раз на пятьсот восемьдесят один миллион долларов, я задумался: а сколько еще подобных судебных решений против украденных у нас компаний могло быть вынесено по всей России? Я поделился опасениями с коллегами, и Сергей занялся поиском в базах данных российских судов. В течение недели он нашел еще одно такое решение — на этот раз в московском арбитражном суде на сумму в триста двадцать один миллион долларов.

В целом по одной и той же схеме против компаний фонда были вынесены постановления о взыскании несуществующих долгов на общую сумму приблизительно в один миллиард долларов.

Все эти открытия только усложнили поиски ключа к разгадке. Нам было непонятно, как преступники собирались обогатиться на взысканиях по этим искам. То, что кто-то якобы им «должен» на бумаге, не означало, что эти средства волшебным образом появятся на их счетах. Денег попросту не было! Я был уверен, что у них существовал какой-то другой план. Но какой?

Очевидного ответа не было, поэтому я решил еще раз взглянуть на ситуацию с самого начала в надежде обнаружить какие-нибудь детали и совпадения, которые мы упустили.

Субботним утром в конце мая 2008 года я попросил Ивана приехать в офис и собрать все юридические документы компаний фонда, банковские выписки и судебные иски. Мы разложили все бумаги по стопкам на длинном деревянном столе в большой переговорной комнате: отдельно по каждому судебному решению, по каждому обыску в банках и по каждому уголовному делу. Рассортировав документы, мы начали восстанавливать хронологию событий.

— Когда Кузнецов в последний раз проводил обыски в банках? — спросил я.

Пролистав пачку бумаг, Иван произнес:

— Семнадцатого августа.

— А какими числами датированы судебные решения по фальшивым договорам?

— В Петербурге — третьего сентября, в Казани — тринадцатого ноября, а в Москве — одиннадцатого декабря.

— Подожди, правильно ли я понимаю, что мошенники побывали во всех этих судах и потратили кучу денег на получение этих решений уже после того, как точно знали, что в этих компаниях не осталось ни денег, ни активов?

— Получается, что так, — ответил Иван, впервые обратив внимание на эту нестыковку.

— Зачем же они это сделали?

— Может быть, хотели воспользоваться судебными решениями в качестве залога для получения займа, — предположил Иван.

— Вряд ли. Ни один банк не ссудит деньги на основании этих дилетантских решений.

— А что, если они попытаются истребовать возмещение по этим решениям с твоих личных средств за рубежом?

Звучало очень неприятно, но такой возможности у противника не было. Это подтвердили мои британские юристы, как только мы узнали об исках в Петербурге.

Мы какое-то время сидели молча, а потом меня вдруг озарило:

— Каков был доход российских компаний фонда Hermitage в 2006 году?

— Секундочку… — Иван включил ноутбук и открыл нужный файл. — Девятьсот семьдесят три миллиона долларов.

— И сколько налогов с дохода они уплатили в тот год?

Он опять сверился с данными на компьютере:

— Двести тридцать миллионов долларов.

— Это, наверное, прозвучит дико, но… как ты думаешь — вдруг они хотят, чтобы им возместили эти двести тридцать миллионов долларов?

— Билл, это исключено, налоговики на это не пойдут.

— Как знать… Думаю, стоит спросить Сергея.

В понедельник Иван позвонил Сергею, чтобы проверить эту гипотезу. Сергей, как и Иван, счел ее абсолютно неправдоподобной.

— Исключено, — уверенно заявил он. — Идея, что кто-то может украсть уже уплаченные налоги, более чем абсурдна.

Однако час спустя Сергей перезвонил:

— Возможно, я был слишком категоричен. Я сверился с налоговым кодексом: теоретически такое возможно. Но на практике я это себе с трудом представляю.

В течение нескольких недель, пока я, находясь в офисе, перебирал в голове одну теорию за другой, Сергей шаг за шагом вел тщательное расследование на передовой. Прежде всего он пытался выявить, кто замешан в этом преступлении. Он направил официальные письма в налоговые инспекции Москвы, куда были перерегистрированы похищенные у нас компании, с просьбой сообщить все имеющиеся сведения. Ответа он не получил, зато мошенники предприняли красноречивый ход: они тут же перерегистрировали украденные компании в малоприметный городок Новочеркасск в Ростовской области. Обращение Сергея явно их спугнуло. Следующее письмо Сергея, с аналогичным запросом, ушло в Новочеркасск. Пока налоговики молчали, преступники вновь сменили адреса регистрации наших компаний, в этот раз на Химки — пригород Москвы. Игра в кошки-мышки явно заставляла мошенников трудиться, так что следующим шагом Сергея было обращение в химкинскую налоговую инспекцию.

Сергей понимал, что люди, с которыми мы столкнулись, ни во что не ставят закон, зато четко следуют всем бюрократическим процедурам. Он заставил их понервничать с переводами компаний на новые адреса и решил, что надо вынудить соучастников преступления оставить побольше улик и свидетельств, которые сгодятся в уголовном деле. Сергей знал, что как только нечто попадает в уголовное дело, оно согласно процедуре остается там навсегда. Он надеялся, что даже несмотря на то, что расследование кражи компаний фонда застопорилось, в будущем найдется честный следователь, который примет дело к производству и поступит по совести и по закону. Одна вероятность этого будет постоянно держать мошенников в страхе.

В оговоренный день пятого июня 2008 года Сергей прибыл в Следственный комитет для дачи показаний. Его встретил следователь, ведущий дело, и проводил к своему кабинету. Перед тем как следователь взялся за ручку, чтобы открыть дверь, Сергей обратил внимание, что тот нервничает, а его рука заметно дрожит.

Стоило двери открыться, как стало ясно, почему: в кабинете за столом сидел подполковник Артем Кузнецов.

Сергея передернуло. Глядя следователю прямо в глаза, он спросил:

— А он что здесь делает?

Следователь, стараясь не встречаться взглядом с Сергеем, ответил:

— Подполковник Кузнецов назначен помогать в расследовании по этому делу.

Сначала Карпову поручили расследовать собственное участие в мошенничестве, а теперь то же самое делает Кузнецов!

— Я не буду разговаривать с вами в его присутствии, — решительно заявил Сергей.

— Хорошо, — неуверенно произнес следователь, — в таком случае вам придется подождать в коридоре, пока мы не закончим.

Сергей целый час просидел на жесткой лавке, сжимая в руках документы. Вероятно, следователь и Кузнецов рассчитывали, что Сергей откажется от намерения давать показания, но они ошиблись. Когда Кузнецов наконец ушел, Сергей встал и прошел в кабинет. Он изложил факты и дал свидетельские показания, обличавшие Кузнецова и Карпова. Следователь, подчиняясь установленному порядку, был вынужден подшить показания Сергея к материалам дела.

Выйдя из здания Следственного комитета, Сергей спустился в метро. Произошедшее не укладывалось в голове. Он был готов к тому, что его показания будут проигнорированы. Даже предполагал, что следователь примется его запугивать. Но никак не ожидал увидеть в кабинете следователя человека, против которого он дает показания, да еще узнать, что тот принимает участие в расследовании.

Дорога в офис не заняла много времени, и Сергей решил еще пройтись, чтобы успокоиться. Войдя в свой кабинет в «Файерстоун Данкен», он обнаружил еще кое-что неожиданное. На столе лежал ответ химкинской налоговой инспекции на запрос о похищенных компаниях.

Вскрыв конверт, Сергей внимательно прочитал справку. Это был редкий случай, когда кто-то должным образом выполнил свою работу: в бумаге были запрашиваемые сведения и имена, а

самое главное, содержалась информация о том, что лица, похитившие наши компании, открыли счета в двух неизвестных московских банках — «Интеркоммерце» и «Универсальном банке сбережений».

Это был настоящий прорыв. Зачем мошенникам банковские счета для украденных компаний без активов и с задолженностью в миллиард долларов? Сергей зашел на сайт Центробанка, ввел в строке поиска «Универсальный банк сбережений» и выяснил, что его капитал составляет всего лишь полтора миллиона долларов. «Интеркоммерц» оказался не намного крупнее — двенадцать миллионов долларов капитала. Они-то и банками назывались с натяжкой.

Вдруг Сергей обнаружил нечто исключительное: поскольку эти банки были крохотными, любое движение больших клиентских сумм четко прослеживалось по отчетности, которую они представляли Центробанку. На сайте были видны все пики таких денежных поступлений. В конце декабря 2007 года, вскоре после того, как мошенники открыли похищенным у нашего фонда компаниям новые счета, в «Универсальный банк сбережений» пришло девяносто семь миллионов долларов, а в «Интеркоммерц» — сто сорок семь миллионов долларов.

Тут-то Сергей и вспомнил, как мы спрашивали о возможном возврате уплаченных налогов. Сумма средств, полученных этими двумя банками, примерно совпадала с суммой налогов, уплаченных в 2006 году компаниями фонда Hermitage. Это не могло быть простым совпадением. Сергей немедленно достал все судебные решения и разложил их рядом с налоговыми декларациями наших компаний — тут-то вся картина и сошлась.

Вынесенное в Петербурге по фальшивым договорам судебное решение против украденной у фонда компании «Махаон» было на сумму около семидесяти одного миллиона долларов, и именно такую сумму дохода получила эта компания в 2006 году. Полученное мошенниками решение против компании «Парфенион» в казанском суде было на пятьсот восемьдесят один миллион долларов, что совпадало с суммой дохода этой компании в том же 2006 году. История повторилась и в Москве с еще одной похищенной у фонда компанией — «Рилэнд». Преступники получили судебные решения по фальшивым договорам, превышающие девятьсот семьдесят три миллиона долларов. Тем самым на бумаге они свели к нулю реальную прибыль компаний, которая составляла те же девятьсот семьдесят три миллиона.

Сергей тут же позвонил Ивану, чтобы поделиться открытием, и уже через несколько минут Иван, приподнявшись с места,

взмахом руки подозвал Вадима и меня.

— Ребята, вы только взгляните, — взволнованно произнес он, указывая на экран.

Там были видны всплески сумм клиентских депозитов в этих банках, обнаруженные Сергеем.

— Вот сукины дети… — пробормотал я.

— Сергей — молодец, смог во всем разобраться, — сказал Иван.

— Все это прекрасно, но как мы сможем доказать, что отраженные на депозитах средства пришли от налоговых органов? — спросил я.

— Я уточню у нескольких источников в Москве, могут ли они подтвердить банковские переводы, — предложил Вадим. — Теперь, когда известны банки, вероятно, мы сможем определить, откуда пришли деньги.

Два дня спустя Вадим поспешно вошел ко мне в кабинет и положил на стол несколько документов.

— Это те самые банковские переводы, — сообщил он, довольный собой.

Я схватил бумаги, но там все было по-русски.

— Что здесь сказано?

Он перелистнул на последнюю страницу:

— Здесь подтверждается возврат компании «Парфенион» налога на сумму в сто тридцать девять миллионов долларов из налоговой инспекции. Здесь — семьдесят пять миллионов — это возврат компании «Рилэнд», а тут — шестнадцать миллионов — компании «Махаон». Итого двести тридцать миллионов долларов.

Это была та самая сумма налогов — двести тридцать миллионов долларов — которые уплатили компании фонда. Копейка в копейку.

Мы собрались в моем кабинете и позвонили Сергею, чтобы поздравить с невероятным успехом в расследовании. Вот только Сергей был расстроен: разгадка не принесла ему радости. Эти деньги были украдены у российских налогоплательщиков, а значит, у него, его семьи, его друзей, у всех, кого он знал.

— Это, пожалуй, самое гадкое, с чем я сталкивался в жизни, — сказал он.

Это был крупнейший возврат налогов за всю историю России! Хищение было столь велико и совершено с такой наглостью, что мы были уверены в том, что сможем привлечь мошенников к ответу. Такое преступление не могло быть санкционировано на самом верху, а у нас теперь были доказательства, чтобы участники этой аферы предстали перед законом.

И именно это мы были намерены осуществить.

27. Посылка из Лондона

Я считал, что мое изгнание из России было санкционировано лично Владимиром Путиным. Вероятно, и наши компании были похищены с его ведома. Но мне казалось совершенно невероятным, чтобы он мог позволить государственным чиновникам похитить двести тридцать миллионов долларов у собственного государства. Я был убежден, что как только мы представим правительству доказательства преступления, хорошие парни разберутся с плохими, и на этом будет поставлена точка. Несмотря на все, что с нами произошло, я верил в то, что хорошие парни в России есть.

И вот, начиная с двадцать третьего июля 2008 года, мы стали подавать во все правоохранительные и контролирующие органы подробные заявления о мошенническом возврате налогов.

Мы также поделились результатами нашего расследования с американской газетой «Нью-Йорк Таймс» и ведущим российским деловым изданием — газетой «Ведомости». Статьи произвели настоящий фурор, и наша история вскоре стала широко известна как в России, так и за ее пределами.

Через несколько дней после этих публикаций меня пригласили дать интервью по телефону ведущей независимой радиостанции России — «Эхо Москвы». Я согласился и в прямом эфире двадцать девятого июля в течение сорока пяти минут во всех подробностях рассказывал, что нам пришлось пережить: обыски, кражу компаний фонда и их перерегистрацию на бывших уголовников, сфабрикованные судебные решения, соучастие в этом сотрудников МВД и, самое главное, кражу двухсот тридцати миллионов долларов у российских налогоплательщиков. Ведущий передачи Матвей Ганапольский, матерый журналист, не раз имевший дело с историями о взяточничестве и коррупции, был так потрясен моим рассказом, что в конце нашего разговора произнес: «Если передатчик наш не выключен, если нас слышат, — а нас слышат, — то завтра, наверное, должны быть проведены какие-то аресты; может быть, даже сегодня к вечеру, что-то такое должно произойти».

Я был с ним совершенно согласен, однако реакции не последовало. Никакой. Часы сменялись днями, дни — неделями, но ничего не происходило. Было трудно поверить, что столь громкая история о краже государственных денег пройдет незамеченной.

Реакция все-таки последовала, но вовсе не та, которую я ожидал. Двадцать первого августа 2008 года, в непривычно

безветренный и жаркий лондонский день начал звонить мой рабочий телефон. Первым позвонил Сергей Магнитский из «Файерстоун Данкен», потом Владимир Пастухов из своего офиса, и вскоре Эдуард Хайретдинов — со своей подмосковной дачи. У всех трех наших юристов была одна и та же новость: сотрудники МВД проводят обыски в их офисах.

Новости от Эдуарда были самыми тревожными: в 16:56, в его отсутствие, к нему в адвокатскую контору международной курьерской службой DHL была доставлена посылка. Менее чем через час туда нагрянула с обыском группа сотрудников МВД. Они сразу же «обнаружили» невскрытую посылку и изъяли ее, после чего прекратили обыск и ушли.

Вся эта мизансцена была явно построена вокруг загадочной посылки. К счастью, секретарь Эдуарда успела сделать копию накладной и отправила ее нам по факсу. Зайдя на сайт доставок DHL и введя номер накладной, мы растерялись: в графе отправителя был указан наш адрес в Лондоне.

Конечно, из нашего офиса никто посылку не отправлял. Данные курьерской службы свидетельствовали, что на самом деле ее отправили с пункта сбора посылок DHL, расположенного в южной части Лондона. Мы незамедлительно обратились с заявлением в полицию. Чуть позже в нашем офисе появился молодой человек в кожаной куртке и солнцезащитных очках. Это был детектив сыскной полиции Ричард Нортен.

Представившись, я спросил, удалось ли полиции узнать, кто отправил посылку. Он пожал плечами и вынул из кармана куртки диск.

— Нет, но у меня есть запись камеры наблюдения из отделения DHL района Ламбет, — ответил он. — Возможно, вы опознаете кого-нибудь.

Я проводил его к своему столу. Мы с Иваном и Вадимом стояли рядом и смотрели, как Нортен загружает данные с диска на компьютер. Кликнув несколько раз мышкой, он открыл файл с видеосъемкой невысокого разрешения, где было видно движение людей у стойки. Перемотав запись вперед, он нажал на воспроизведение и сказал:

— Вот здесь.

Мы увидели, как в отделение DHL вошли двое мужчин восточноевропейской наружности. У одного из них был полиэтиленовый пакет с логотипом универмага, расположенного в Казани. Пакет был заполнен документами. Мужчина переложил всё в коробку DHL, пока второй заполнял накладную для отправки и расплачивался наличными. После этого они повернулись спиной к камере и вышли из помещения.

Когда запись закончилась, Нортен спросил:

— Вы узнаёте кого-нибудь из них?

Мы переглянулись. Иван и Вадим покачали головой.

— Нет, никого, — ответил я.

— В таком случае, если вы дадите список лиц, создающих вам проблемы в России, я смогу проверить, не проходило ли чье-нибудь имя в Хитроу и Гатвике[14] за последнюю неделю. Может, что-нибудь и обнаружится.

В успех я не особо верил, но все же дал Нортену список имен, и он ушел.

У меня не было времени размышлять о посылке, так как российские силовики возобновили наступление. Кроме обысков, устроенных в офисах всех наших юристов, Владимира и Эдуарда вызвали для дачи показаний в казанское управление МВД. Они должны были явиться туда на допрос через три дня, в субботу. Эти вызовы были абсолютно незаконными — адвокатов не могут допрашивать в отношении дел, которые они ведут, — и вероятно замышлялись как акт устрашения. Казанская милиция приобрела печальную славу повальной коррупцией и средневековыми методами дознания. По сравнению с казанскими изоляторами, тюрьма из фильма «Полуночный экспресс» покажется гостиницей «Холидэй Инн». Сотрудники местной милиции были известны не просто измывательствами, а выбиванием признаний из задержанных с помощью изощренных пыток, и не гнушались содомией бутылками из-под шампанского. Что еще хуже, вызывая Владимира и Эдуарда на допрос в субботу, эмвэдэшники прекрасно понимали, что юристы исчезнут из поля зрения до понедельника — за это время с ними можно сделать что угодно, и никто не узнает.

Я был в ужасе. Наступил какой-то запредельный уровень эскалации. Ивана, Вадима и других сотрудников компании Hermitage я вывез из России именно из-за такого рода опасений. Но даже в страшном сне я не мог вообразить, что под прицелом окажутся сторонние юристы.

Я особенно беспокоился за Владимира, арест мог совершенно подорвать его здоровье. Я немедленно позвонил ему и напрямик рассказал о своих опасениях. Но Владимир оставался на удивление спокойным и относился к происходящему, будто к отвлеченной научной проблеме, которую можно изучать и анализировать, словно речь шла не о нем самом.

— Билл, не беспокойтесь обо мне. Как адвокат я защищен: они не могут вызвать меня для дачи показаний. Я связался с московской коллегией адвокатов, и они ответят от моего имени. В Казань я не поеду.

— Давайте на секунду допустим, что вы ошибаетесь и что они все равно до вас доберутся. Вы и недели в тюрьме не выдержите, учитывая состояние вашего здоровья.

— Но, Билл, это ни в какие рамки не идет. Не могут же они начать охоту на адвокатов!

Я стоял на своем:

— Владимир, послушайте, ведь именно вы несколько лет назад убедили Вадима посреди ночи покинуть страну. Хотя бы приезжайте в Лондон, чтобы мы могли все спокойно обсудить.

Он помолчал немного, затем произнес:

— Мне нужно подумать.

Похожий разговор произошел у Вадима с Эдуардом, который тоже не собирался уезжать. Оба адвоката знали, что вызовы МВД незаконны, и у них есть все основания их отклонить, поэтому для дачи показаний они не поехали.

Наступила и прошла суббота, за ней воскресенье, но ничего не происходило. В понедельник утром я позвонил Владимиру:

— Итак, слава Богу, вы пережили выходные, и у вас было время подумать. Когда вы приезжаете в Лондон?

— Я не уверен, что приеду. Все говорят мне одно и то же. Отъезд из России станет для меня наихудшим решением: будет казаться, что я в чем-то виновен. Кроме того, вся моя жизнь здесь, и все мои клиенты тоже здесь. Я не могу все бросить и уехать, Билл.

Я хорошо понимал его сомнения, но чувствовал: оставаясь там, он подвергает себя опасности, которая достигла теперь критического уровня. Люди, которые за всем этим стояли, были преступниками и действовали так, будто имеют полный контроль над правоохранительными органами.

— Владимир, если они сфабрикуют против вас дело, будет неважно, виновны вы или нет. Вы должны выбраться оттуда. Если не навсегда, то хотя бы до тех пор, пока все не утихнет. Оставаться там сейчас — безумие!

Несмотря на все мои аргументы, он был непреклонен… пока не наступила среда. В среду Владимир позвонил мне, и на этот раз его голос звучал менее уверенно:

— Билл, я только что получил новую повестку из Казани.

— И?..

— Я позвонил следователю, подписавшему повестку, и сказал ему, что это незаконно. В ответ он пригрозил, что если я не появлюсь сам, они доставят меня силой. Я пытался объяснить ему, что у меня проблемы со здоровьем, но он и слушать не хотел. И разговаривал как бандит, а не как страж порядка!

— Ну, теперь-то вы…

— Это еще не самое худшее, Билл. От всех этих волнений у меня вчера ночью обострилась проблема с глазом. В голове как будто раскаленный шар, и надо срочно проконсультироваться с врачом, но он сейчас в Италии.

— Так летите в Италию.

— Да, да, как только буду в состоянии перенести полет.

В тот же день мы узнали, что еще одну повестку из МВД прислали и Эдуарду. Он полагал, что после обращения московской коллегии адвокатов его оставят в покое, но сейчас и коллегия ничего не могла поделать. Эдуард, в прошлом работавший следователем, позже судьей, решил через свои связи узнать, кто стоит за этими выпадами. Но никто ничего не знал, и в ответ он слышал одно и то же: «Пока ты это не выяснишь, Эдуард, тебе лучше исчезнуть».

Впервые в жизни Эдуард чувствовал себя не в своей тарелке. Обычно все обращались за помощью к нему, а не наоборот. Он работал адвокатом по уголовным делам с 1992 года, защитил множество клиентов, заработал завидный послужной список и многим в России мог быть примером. Он знал уголовное право в мельчайших деталях, но не знал, как можно взять и исчезнуть. К счастью, многие бывшие клиенты Эдуарда это умели: узнав о его трудностях, некоторые предложили помощь.

В четверг двадцать восьмого августа 2008 года, за два дня до назначенного допроса в Казани, Эдуард позвонил Вадиму: «Какое-то время от меня не будет вестей. Пусть это вас не беспокоит: со мной все будет в порядке». Вадим начал было спрашивать, что тот имеет в виду, но Эдуард прервал его, добавив лишь: «Мне пора», — и повесил трубку.

По пути домой на Воробьевы горы он вытащил из мобильного телефона батарейку. Он знал, что еще несколько недель назад за ним установили слежку. Наружка и не думала скрываться: во дворе дома Эдуарда каждую ночь дежурила машина с двумя мужчинами, которые следили за его квартирой. Выглядело это весьма зловеще: он не знал, бандиты это или сотрудники МВД, но в любом случае выяснять не собирался.

В тот вечер, наскоро перекусив, Эдуард с женой вышли на прогулку. Те, что следили за ними, остались на своих местах, поскольку знали, что они совершают этот моцион каждый вечер по одному и тому же маршруту и всегда возвращаются домой.

Держась за руки, они медленно прогуливались вдоль широкого проспекта. Пройдя с километр, Эдуард, вместо того чтобы повернуть обратно, неожиданно потянул жену за руку, и они быстро пересекли дорогу. На другой стороне их уже ждал черный седан «Ауди А8» с тонированными стеклами. Супруга

знала, что у Эдуарда возникли трудности, но о своем плане он ей ничего не рассказывал. Он повернулся к жене, взял ее за руку и быстро произнес: «Время пришло».

В этот вечер он должен был исчезнуть.

Она обняла его за плечи и поцеловала. Они не знали, когда им суждено увидеться вновь. Эдуард нырнул на заднее сиденье авто, лег, и машина скрылась из виду.

Жена перешла улицу и побрела в одиночестве домой, засунув руки в карманы и еле сдерживая слезы. Она не заметила, как и когда оживилась группа наружного наблюдения, а они, несомненно, задергались, сообразив, что произошло. Около полуночи они позвонили в дверь квартиры и стали расспрашивать об Эдуарде. Но его жена не имела ни малейшего представления о местонахождении супруга, о чем и сказала незваным гостям.

Если уж Эдуард со всеми своими связями и знанием уголовного законодательства решил на время исчезнуть, то Владимиру — ученому-теоретику, да еще и обремененному кучей болезней — уж точно следует немедленно покинуть Россию.

Я тут же позвонил ему, сетуя, что тот до сих пор в Москве:

— Владимир, Эдуард уехал. А вы когда собираетесь?

— Билл, сожалею, но здоровье пока не позволяет никуда ехать. Хотя ваши доводы услышаны.

Я не знал, что именно он хочет сказать этой завуалированной фразой, а в подробности он не вдавался, но было похоже, что Владимир все же решился.

По крайней мере, я очень на это рассчитывал, так как был уверен: если они с Эдуардом не явятся в субботу в Казань по повторной повестке, те же продажные сотрудники МВД попытаются их арестовать.

В тот момент Владимир не мог сказать мне, что уже обдумывает варианты выезда из страны. Самым логичным было пересечь границу по суше или по морю. Российская пограничная служба к тому времени значительно ослабла: многие отдаленные пропускные пункты не были оборудованы современными технологиями по распознаванию беглецов, и работали там обычно те, кого не приняли на службу в более приличные места. Исходя из этих соображений, удобнее всего было пересечь границу с Украиной вблизи хутора Нехотеевка или сесть на паром из Сочи в Стамбул. К несчастью для Владимира, оба этих места находились довольно далеко от Москвы, а ужасные российские дороги вошли в пословицы. Из-за рытвин и ухабов эта поездка могла закончиться для Владимира самым печальным образом.

Отбросив эти два варианта, Владимир решил прибегнуть к

третьему — он тоже имел шансы на успех. Период летних отпусков в России заканчивался тридцать первого августа, в воскресенье, и в это время границу в обе стороны пересекали огромные толпы людей. Владимир надеялся, что таможенники устанут от этого хаоса и к вечеру уже не будут тщательно проверять каждый паспорт. Идея рискованная, и любой физически здоровый человек тут же отмел бы ее как слишком ненадежную, но большого выбора у Владимира не было.

И вот наступила суббота, тридцатое августа — день, когда Владимиру и Эдуарду надлежало явиться для дачи показаний в Казань. Я сидел как на иголках и ждал, когда позвонит жена Владимира и скажет, что за ним пришли. Но звонков из России не было. Мне хотелось позвонить ему в воскресенье утром, но я сдержался: вдруг его телефон прослушивают и поймут, что Владимир все еще на месте.

В тот день Владимир с семьей заказали билеты на рейс итальянской компании «Алиталия». Самолет вылетал в Милан в одиннадцать вечера из Шереметьево. Без двадцати пять они вышли из дома с простым ручным багажом. За Владимиром, в отличие от Эдуарда, никакие подозрительные личности не следили. Они сели в такси, но из-за пробок попали в Шереметьево только через два с половиной часа. В семь вечера они встали в очередь на регистрацию. В аэропорту тем временем царила полная неразбериха. Море людей везде, и никто даже не пытался образовать нормальную очередь. Проходы были забиты сумками и чемоданами. Страсти накалялись ежеминутно — толпы людей боялись опоздать на свой рейс.

Именно на это и рассчитывал Владимир. Регистрация заняла больше часа. Затем надо было пройти через службу безопасности аэропорта. На прохождение контроля ушел целый час. Когда Владимир с семьей встали в очередь к стойке паспортного контроля, было уже десять вечера. Здесь народу толпилось не меньше, чем в предыдущих точках: все стояли не в линию, а как попало, маневрируя и ругаясь за право встать поближе к началу очереди.

Когда настал черед Владимира с семьей, на него вдруг навалилась вся тяжесть положения. Если план не сработает, его наверняка арестуют, а в случае ареста он скорее всего сгинет в тюрьме. Простая и будничная процедура пересечения границы была для Владимира без преувеличения вопросом жизни или смерти.

До рейса оставалось меньше сорока минут, когда они пересекли красную линию, отделявшую зону паспортного контроля, и подошли к стойке. Сотрудник пограничной службы

аэропорта, молодой, ясноглазый и розовощекий парень с выступившей на лбу испариной, не отрывая взгляда от монитора, произнес:

— Ваши документы.

Владимир начал доставать из портмоне паспорта и посадочные талоны.

— Какой суматошный сегодня вечер, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринужденнее.

Сотрудник аэропорта пробурчал что-то неразборчивое и хмуро посмотрел на Владимира в ожидании документов.

— Вот, пожалуйста, — Владимир протянул ему бумаги.

За текущую смену это был, наверное, уже пятисотый паспорт, который молодой человек взял для проверки. Обычно сотрудники паспортного контроля тщательно изучают каждый документ: вводят данные в компьютер, ожидают ответа и только после этого ставят в нем штамп. Однако в тот день у них не хватало времени на полную проверку, иначе это привело бы к огромным задержкам и половина пассажиров опоздала бы на свои рейсы.

Ускоряя процедуру, молодой парень быстро пролистал все паспорта, а затем проставил на последних страницах красный штамп о выезде. Вернув их Владимиру, он сразу же выкрикнул:

— Следующий!

Они поспешили дальше и попали в самолет всего за пятнадцать минут до вылета. Сели, пристегнули ремни и перевели дух, радуясь, что все завершилось благополучно. Спустя несколько часов они прибыли в Италию.

Владимир позвонил мне поздно вечером после приземления.

— Билл, мы в Милане! — воскликнул он.

У меня отлегло от сердца: Владимир в безопасности.

28. Хабаровск

Владимир уже был в безопасности, но Эдуард по-прежнему находился где-то в России. Вестей от него не поступало.

Даже его жена не знала, где он. После того как Эдуард попрощался с ней на Университетском проспекте, он остановился у друга на востоке столицы, за Садовым кольцом, и находился там в течение двух дней, никуда не выходя и ни с кем не общаясь по телефону. В течение дня он был в квартире один, а когда друг возвращался домой они обсуждали ситуацию и размышляли о дальнейших действиях. Эдуард по-прежнему не был готов уезжать из страны. Пока не готов.

На рассвете третьего дня за Эдуардом приехал другой товарищ и отвез его на свою квартиру. Но перед тем они покружили по городу. Эдуард занял заднее сиденье. Убедившись, что хвоста нет, они направились в пункт назначения.

На новом месте он провел еще два дня. Переезды начинали действовать ему на нервы. Эдуард привык принимать решения сам, а тут приходилось полагаться на других. Он не мог пользоваться телефоном и электронной почтой. Все, что ему оставалось, — смотреть новости и ходить из угла в угол по чужой квартире. Он чувствовал себя, как зверь в клетке, и от этого переживал еще больше.

К концу первой недели один приятель Эдуарда сообщил, что штат сотрудников, занимающихся его поиском в Москве, увеличился.

Кольцо сжималось, и оставаться в Москве становилось все опаснее.

Он все еще не был уверен, что следует покинуть Россию, тем более признать поражение. Нужно было найти надежное место в другом городе. Эдуард подумывал уехать ночным поездом в Воронеж или Нижний Новгород, но там он будет один. Эдуард был опытным юристом, но никак не беглецом-нелегалом, поэтому одному ему было трудно продержаться и неделю. Нужны были две вещи: место подальше от Москвы и надежный товарищ, который обеспечит безопасное укрытие.

Эдуард стал пролистывать записную книжку. Взгляд остановился на одном имени — Михаил из Хабаровска. Много лет назад Эдуард оказывал ему юридическую помощь в весьма сложном деле, и тот избежал длительного заключения.

Эдуард позвонил Михаилу на Дальний Восток с нового мобильного телефона и объяснил ситуацию. Когда он закончил, Михаил сказал: «Если сможешь добраться до Хабаровска, я укрою

тебя на любое время».

Хабаровск как нельзя лучше подходил по удаленности от Москвы: между этими городами более шести тысяч километров, это на четыреста восемьдесят километров больше, чем расстояние от Лондона до экватора. Проблема была в том, как туда добраться. Ехать на машине слишком долго, рано или поздно какие-нибудь вымогатели-гаишники остановят его, и это может закончиться очень плохо. Поезд тоже проблематичный вариант — при покупке билета его имя засветится в системе, и у плохих парней будет целая неделя сообразить, что к чему, пока Эдуард будет трястись по рельсам в металлической коробке.

Лучшим решением оставался перелет. Имя в систему-то попадет, но перелет займет всего восемь часов, а значит у преследователей будет меньше времени.

Желая увеличить шансы на успех, Эдуард решил, что безопаснее всего вылетать в пятницу поздно вечером — следаки в преддверии выходных уже наверняка откупорят бутылки и не успеют отвлечься на обработку новых сведений, пока он не приземлится.

Эдуард приехал за полтора часа до вылета в аэропорт Домодедово, который обслуживает большинство региональных рейсов, и пошел к билетной кассе. Кассир назвал стоимость билета — 56 890 рублей. Эдуард достал бумажник и отсчитал наличные. Он протянул деньги, стараясь выглядеть равнодушно, хотя на душе было тревожно. Сумма была немалая, но женщина спокойно приняла их, продолжая что-то печатать, а затем с улыбкой вручила билет и пожелала приятного пути.

Первый барьер преодолен.

Следующие препятствия до взлета — досмотр багажа и проверка при выходе на посадку. Вскоре Эдуард благополучно преодолел и их, но впереди было еще одно: с покупкой билета его имя попало в систему, и в хабаровском аэропорту Эдуарда вполне могли ждать коллеги его врагов. Пока самолет пересекал в ночи семь часовых поясов, он пытался заснуть, но тщетно.

Когда наконец самолет совершил посадку в Хабаровске, Эдуард чувствовал себя совершенно измученным и разбитым. Самолет подрулил к стоянке и замер. Подали трап. Дверь открылась, немногочисленные пассажиры сошли и направились пешком к терминалу. Выходя из салона, Эдуард пригнул голову и прямо на парковочной площадке самолета увидел черный автомобиль. Сердце замерло, но тут он заметил рядом с машиной приветливо улыбающегося Михаила.

Эдуард спустился по трапу с небольшой сумкой в руке. Михаил отвез его, минуя здание аэропорта, в неприметную

пригородную гостиницу, где уже был забронирован номер.

Мы не знали, где находится Эдуард, что с ним происходит и не в опасности ли он. Мы не могли помочь ему в России, но это вовсе не означало, что у нас не было способов узнать, что против него затевают.

В начале сентября мы получили копии материалов из суда в Казани. Самым зловещим документом были «свидетельские показания» Виктора Маркелова, укравшего наши компании и в прошлом судимого за непредумышленное убийство. Он заявил, что действовал по указанию некоего Октая Гасанова, умершего от кардиосклероза за два месяца до хищения средств. Кроме того, Маркелов утверждал, что все указания Гасанов получал якобы от Эдуарда Хайретдинова, а тот — от меня.

Теперь мы поняли, что ожидает Эдуарда, если он останется в России: эмвэдэшные коррупционеры рано или поздно найдут и арестуют его. В следственном изоляторе на него будут давить, чтобы получить показания, будто мы с ним украли 5,4 миллиарда рублей (230 миллионов долларов). Если он согласится, то они, может быть, проявят «мягкость» и дадут ему несколько лет колонии. Если же он откажется, то его просто-напросто убьют, и тогда все сказанное Маркеловым будет считаться в России «официальной правдой».

Нам нужно было найти способ передать ему эту информацию. Вадим решил оставить короткое сообщение нескольким московским знакомым Эдуарда, на случай, если он выйдет с ними на контакт: «Есть новая информация. Твоя жизнь в опасности. Уезжай как можно скорее».

Как мы позднее узнали, Эдуард в итоге получил это сообщение, но даже после этого продолжал упорствовать. Он надеялся, что если наши заявления о краже 5,4 миллиарда рублей, уплаченных нами в виде налогов, рассмотрит кто-то из высоких чиновников, то все еще может разрешиться.

Однако укрывавший Эдуарда Михаил начал нервничать, понимая, что теперь даже в Хабаровске оставаться слишком опасно. Он приставил к Эдуарду двух вооруженных охранников, которые отвезли его на таежную дачу Михаила за сотню километров от города. Дача была оборудована генератором для подачи электричества и тепла, а в распоряжении Эдуарда имелись спутниковая связь и машина. Места были неописуемой красоты: дикая природа, нехоженая тайга, непроходимые чащи и реки, обильные рыбой.

Через две недели пребывания за городом Эдуард получил сообщение от Михаила. Один из близких друзей Эдуарда приезжает в Хабаровск, чтобы передать ему новости лично.

Эдуард воспринял это как хороший знак, иначе зачем кому-то пересекать всю страну, чтобы передать плохие вести? Спустя два дня он с охранниками сел в машину и отправился в кафе на окраине Хабаровска встретиться с московским гостем. Эдуарду хватило одного взгляда на друга, чтобы радужные надежды вмиг развеялись. Тот тяжело пожал ему руку, они сели за столик, заказали чай и начали разговор.

— Мы всё испробовали Эдуард, — сказал он. — В деле против вас замешаны чрезвычайно влиятельные люди. Ничто не изменится, и проблема не разрешится.

— Тогда зачем нужно было проделывать весь этот путь — только чтобы сказать мне об этом?

Наклонившись, гость произнес:

— А затем, Эдуард, чтобы сказать тебе с глазу на глаз: ты должен уехать из России. Тебя могут здесь убить. Они не остановятся ни перед чем.

Эти слова подтвердили самые худшие опасения Эдуарда и убедили его в невозможности дальше оставаться в России. После этой встречи он позвонил Михаилу и спросил:

— Мне надо выбираться из страны. Сможешь помочь?

— Сделаю все, что смогу, — ответил Михаил.

Россия состоит из множества разных регионов, и в некоторых краях власть крупного предпринимателя порой не уступает власти главного управления внутренних дел по городу Москве. Михаил был одним из ключевых людей в Хабаровске, и Эдуарду пришлось положиться на него; на выезде из страны ему еще предстояло пройти паспортный контроль.

Михаил договорился с сотрудником местного аэропорта проводить Эдуарда от входа до самого самолета.

Восемнадцатого октября 2008 года в десять часов утра Эдуард прибыл в аэропорт, где его уже ждал невысокого роста мужчина с дружелюбным взглядом, одетый в элегантный серый костюм. У Эдуарда была английская виза, поэтому он сразу направился к билетной кассе южнокорейской авиакомпании «Азиана» и купил билет в эконом-классе по маршруту Хабаровск — Сеул — Лондон. Зарегистрировавшись на рейс, он решил подождать, пока до вылета останется час, необходимый для досмотра багажа и паспортного контроля. Когда больше ждать было уже нельзя, Эдуард с сопровождающим направились к стойке службы безопасности.

Минуя очередь, они прошли дальше.

Человек Михаила все время находился рядом с Эдуардом, периодически обмениваясь рукопожатиями с сотрудниками безопасности аэропорта. Эдуард положил сумку на ленту

транспортера, предъявил посадочный талон и прошел через металлоискатель.

Затем они подошли к стойке паспортного контроля.

Пограничник взял паспорт Эдуарда. Положив его на стол, он посмотрел на Эдуарда, нашел в паспорте свободное место и проставил штамп отбытия. Закрыв паспорт, вернул его владельцу. Эдуард встретился взглядом с человеком Михаила и сказал: «Спасибо». Тот ободряюще подмигнул. Эдуард повернулся и заспешил к своему выходу. До окончания посадки оставалось несколько минут.

Он успел на борт вовремя. И лишь когда самолет был уже над Японским морем, покинув воздушное пространство России, напряжение этих страшных недель начало постепенно отпускать.

Эдуард был вне досягаемости преследователей.

Позже в тот же день в Лондоне зазвонил телефон Вадима. На экране отразился номер с кодом незнакомой страны. Вадим поднял трубку:

— Да?

— Вадим, это Эдуард.

Вадим вскочил со стула. От Эдуарда не было вестей почти два месяца. Каждый день мы разрывались между надеждой и отчаянием, не зная, что с ним, жив ли он, в безопасности или нет.

— Эдуард! — воскликнул Вадим. — Ты где? С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо. Я в Сеуле.

— В Сеуле?!

— Да. Вылетаю в Хитроу следующим рейсом авиакомпании «Азиана». Завтра буду у вас. Нам о многом нужно поговорить. До скорого!

— Так ты в порядке?

— Да-да.

Следующим вечером, в семь часов, машина забрала Эдуарда в аэропорту и привезла в наш офис на Голден-сквер. Стоило ему войти, как мы бросились обнимать его и хлопать по спине. У меня было такое чувство, что я воссоединился с давно пропавшим братом, несмотря на то, что встречался с Эдуардом до этого всего раз.

Мы устроились в переговорной комнате, и Эдуард рассказал нам все, что ему пришлось пережить, а Вадим с Иваном помогали с переводом. Все были глубоко потрясены, и когда он закончил, я сказал:

— Эдуард, это просто поразительно. Слава Богу, что ты вырвался.

Он кивнул.

— Действительно, слава Богу.

В тот вечер я жил радостью от того, что Эдуард в безопасности. Но наши проблемы были далеки от разрешения.

Пока Эдуард укрывался, Сергей по-прежнему находился на виду в Москве. В сентябре мы наткнулись на откровенно заказную статью в малоизвестном московском еженедельнике «Деловой вторник». Называлась она «Чисто английское надувательство». В ней повторялась уже известная нам версия мошенников о том, что за миллиардными хищениями налогов стоим мы с Эдуардом, но в статье впервые упоминалось имя Сергея Магнитского — до этого мы никогда не видели его в прессе.

Вадим попытался убедить Сергея в необходимости уехать из страны, но Сергей упорно отказывался, настаивая, что ничего с ним не случится, так как он ничего противозаконного не совершал. Сергея приводило в негодование то, что мошенники украли столько денег у его сограждан. Он был непреклонен и так свято верил в закон, что седьмого октября подал второе заявление в Следственный комитет. Он вновь, полагаясь на правовую процедуру, пытался донести правду и закрепить ее в материалах дела, и на этот раз предоставил еще больше сведений о воровстве и о тех, кто мог за этим стоять. И все это несмотря на угрозу Эдуарду и Владимиру со стороны злоумышленников.

Это был отважный поступок. Но он не мог не вызывать опасений за Сергея. Меня восхищали целостность его характера и решимость, но становилось страшно от мысли, что Сергея могут арестовать.

Утром двадцатого октября 2008 года Иван еще раз попытался уговорить Сергея:

— Все наши юристы сейчас под прицелом. Эдуард выбрался и находится здесь, Владимир тоже. Мы видели материалы, в которых упомянуто твое имя. Я очень боюсь, что если ты останешься, случится что-то ужасное.

— Но почему и что может случиться? — твердо возражал Сергей. — Закон я не нарушал. А охотятся они за Эдуардом и Владимиром, потому что те боролись в судах, аннулируя подложные иски. Я в этом не участвовал. У меня нет повода уезжать.

— Сергей, ты должен уехать! Все закончится арестом. Прошу тебя!

— Извини, Иван, но закон на моей стороне. Сейчас не тридцать седьмой год, — ответил он, вспомнив о сталинских репрессиях, когда люди пропадали ни за что и гибли от рук сотрудников НКВД.

Никому не удавалось его переубедить. Сергей оставался в

России, и мы ничего не могли с этим поделать.

Сергей принадлежал к новому поколению россиян. Владимир и Эдуард были гораздо старше, выросли в непростое советское время и от старшего поколения слышали о том, как власть может расправиться с неудобными людьми. Если высокому начальству угодно было арестовать человека, чекисты-опричники делали это в два счета. Нормы права не имели значения.

Сергею же было тридцать шесть лет. Он вступил во взрослую жизнь, когда в стране начались перемены к лучшему. Он видел Россию не такой, какой она была, а такой, какой хотел ее видеть. Из-за этого он не представлял, что в стране нет верховенства закона, а есть верховенство людей.

А люди эти были жуликами.

29. Девятая заповедь

Ранним утром двадцать четвертого ноября 2008 года три группы оперативников МВД в подчинении подполковника Артема Кузнецова выехали на спецзадание. Одна группа отправилась к Сергею домой, две другие — на квартиры младших юристов, работавших в команде с Сергеем в «Файерстоун Данкен».

Ирина Перихина, одна из младших юристов, была занята утренним макияжем, когда послышался звонок в дверь. Как любая русская женщина чуть старше тридцати, она не могла позволить себе показаться на людях, не завершив этот обязательный утренний ритуал. Не обращая внимания на звонок, она продолжила наносить тушь и помаду. Лишь положив на лицо последний штрих, Ирина подошла к двери, но там уже никого не было: к ее счастью, оперативники не стали ждать и ушли, решив, что в квартире никого нет.

Другому коллеге Сергея юристу Борису Самойлову тоже повезло: оперативники нагрянули к нему по адресу прописки, но Борис жил не там и поэтому избежал встречи с милицией в то утро.

Сергей же был дома с восьмилетним сыном Никитой. Сергей собирался идти на работу, а Никита — в школу. Старший сын ушел в школу немного раньше, а жена Сергея Наталья отправилась на прием к врачу.

Когда в дверь позвонили, Сергей открыл и, увидев трех сотрудников милиции, пропустил их в квартиру.

Семья Магнитских жила в уютной трехкомнатной квартире на Покровке, в центре Москвы. В течение восьми часов оперативники переворачивали всё в квартире вверх дном. Вернувшись от врача и увидев дома эту картину, Наташа пришла в ужас, но Сергей был спокоен. Они сидели в комнате Никиты, и Сергей тихо говорил жене: «Не волнуйся, за мной нет никакой вины. Они ничего не могут мне сделать». Оперативники продолжали обыск, когда из школы вернулся старший сын. Юноша начал возмущаться, но Сергей ровным голосом попросил его не волноваться и заверил, что все будет хорошо.

Обыск закончился около четырех часов дня. Оперативники изъяли все личные документы Сергея, компьютеры, семейные фотографии, стопку детских мультфильмов на дисках и даже коллекцию бумажных самолетиков и рисунков Никиты. Сергея арестовали, и когда его уводили, он с вымученной улыбкой обернулся к жене и детям и сказал, что скоро вернется.

Это стало началом нечеловеческих испытаний, через которые

предстояло пройти Сергею Магнитскому. Я узнавал о них урывками на протяжении нескольких месяцев и думал о нем постоянно.

Про обыск у Сергея я узнал сразу же. В середине дня двадцать четвертого ноября Вадим подошел ко мне.

— Билл, ты нам нужен в переговорной прямо сейчас! — произнес он голосом, полным отчаяния.

Идя за ним, я догадывался, что он собирается мне сообщить. Иван, Эдуард и Владимир уже были там. Закрыв дверь, Вадим произнес:

— Только что арестовали Сергея!

— Проклятье!..

Я обессиленно рухнул на ближайший стул. От потрясения во рту мгновенно пересохло. В голове сразу возникали десятки вопросов, воображение рисовало страшные картины. Где его содержат? Что с ним вытворяют? На каком основании его арестовали? Что против него сфабриковали?

— Что будет дальше, Эдуард? — спросил я.

— Будет судебное слушание о мере пресечения — в результате его либо выпустят под залог, либо оставят в следственном изоляторе. Почти наверняка второе.

— Что там за условия?

Эдуард вздохнул и отвел взгляд.

— Нехорошие. Очень нехорошие, Билл.

— Как долго они могут держать его под стражей?

— До года.

— До года?! До передачи дела в суд?!

— Да.

Воображение усиленно рисовало все новые и новые образы. Я не мог не вспомнить известный американский телесериал «Тюрьма Оз» об адвокате, выпускнике Гарварда, который по сюжету фильма попал за решетку и сидел вместе с отпетыми уголовниками в вымышленной тюрьме штата Нью-Йорк. Это было всего лишь кино, но при мысли об отвратительных вещах, которые происходили с главным героем, я вздрогнул, представив, что предстоит вынести Сергею. Будут ли его пытать? Насиловать? Как может справиться с подобным уравновешенный, интеллигентный человек, юрист, типичный представитель среднего класса?

Я обязан был предпринять всё, чтобы вытащить его оттуда.

Первое, что мне нужно было сделать, это найти Сергею хорошего адвоката. Сам Сергей попросил пригласить знакомого ему юриста — Дмитрия Харитонова, который был также его земляком. Таково было пожелание Сергея, и мы, конечно же,

немедленно согласились. Я предполагал, что Дмитрий, по мере возможности, будет делиться с нами любой информацией о том, что происходит с Сергеем, но он оказался человеком чрезвычайно осмотрительным. Он был уверен, что его телефон прослушивают, а электронную почту просматривают, и поэтому согласился общаться с нами только при личных встречах. Первый приезд в Лондон был запланирован на середину января. Меня совершенно не устраивало такое положение вещей, но, раз Сергей просил пригласить именно его, я не считал возможным возражать.

Далее мне необходимо было встретиться с главой департамента МИДа Великобритании по делам России и стран СНГ Майклом Давенпортом. Он был примерно моего возраста, выпускником Кембриджа, юристом по образованию. В отличие от своего предшественника, Давенпорт не вызывал у меня симпатии. Мы прежде встречались с ним несколько раз — я держал его в курсе наших проблем в России, — но он, похоже, видел во мне только бизнесмена, который просто зарабатывает деньги и не заслуживает внимания британского правительства.

Однако в данный момент речь шла о человеческой жизни, и поэтому я очень надеялся, что он изменит свою позицию.

Я пришел к нему в офис на Кинг-Чарльз-стрит. Давенпорт пригласил меня пройти в кабинет. Мы сели друг против друга за деревянным столом для переговоров. Он попросил секретаря принести чаю и затем спросил:

— Чем я могу быть полезен, господин Браудер?

— У меня очень плохие новости из России, — тихо произнес я.

— В чем дело?

— Арестован один из моих юристов, Сергей Магнитский.

Давенпорт застыл:

— Один из ваших юристов?

— Да. Сергей раскрыл масштабное мошенничество, связанное с хищением налогов, о котором я вам ранее рассказывал. А теперь замешанные в этом преступлении сотрудники МВД арестовали его.

— На каком основании?

— Мы пытаемся в этом разобраться. Но если делать предположения, полагаю, речь идет об уклонении от уплаты налогов. Это их стиль.

— Это весьма досадно. Расскажите, пожалуйста, все, что вам известно.

Я сообщил Давенпорту все подробности, он по ходу беседы записывал. Когда я закончил, он, стараясь придать голосу весомость, пообещал:

— Мы поднимем этот вопрос на встрече с нашими коллегами из России при первой же возможности.

Я повидал на своем веку достаточно дипломатов и понимал, что эта фраза на языке сотрудников МИДа на самом деле означает, что ни черта они не сделают.

По завершении встречи я поспешил покинуть здание, нырнул в черный кэб и направился в офис. Когда мы проезжали мимо Трафальгарской площади, позвонил Вадим.

— Билл, у меня плохие новости от Аслана, нашего источника.

— Что такое?

— Он сказал, что в следственно-оперативную группу по делу Сергея МВД включило девять сотрудников полиции. Девять, Билл!

— Что это означает?

— Обычно их один или двое. При расследовании крупного дела могут выделить троих или четверых. Только в случае громкого политического заказа, как в случае с «ЮКОСом», назначают больше.

— Ничего себе!

— Это еще не всё. Он сообщил, что на аресте Сергея настаивал лично Воронин, глава управления «К» ФСБ.

— Вот черт… — буркнул я и прекратил разговор.

Стало ясно, что Сергею предстоят очень серьезные испытания.

Слушание об избрании меры пресечения в отношении Сергея состоялось в Тверском районном суде Москвы, через два дня после его задержания. У МВД не было доказательств преступления и законных оснований для заключения Сергея под стражу. Сергей и его адвокаты полагали, что задержание будет рассмотрено как недоразумение, и его до окончания следствия выпустят под залог.

В зале суда они впервые увидели следователя, который был назначен старшим группы, — Олега Сильченко. Для тридцати одного года он выглядел молодо, но уже был майором. Мальчишеский вид и высокий голос делали его похожим на какого-нибудь юриста-стажера из налогового отдела «Файерстоун Данкен» или выпускника МГУ. Но когда Сильченко в отглаженном синем мундире начал бойко озвучивать «улики», стало понятно, что судьба Сергея в руках безжалостного исполнителя.

Следователь МВД Олег Сильченко на пресс-конференции в декабре 2011 года. Он несет ответственность за создание пыточных условий Сергею и отказы в неотложной медицинской помощи. Незадолго до первой годовщины убийства Сергея майор Сильченко, как и Карпов, был отмечен наградой министерства внутренних дел «Лучший следователь» (© Reuters/Anton Golubev)

Сильченко заявил, что Сергей может скрыться от следствия, и сослался на письмо из управления «К» ФСБ, в котором утверждалось, что Сергей якобы оформлял документы на получение визы в консульстве Великобритании в Москве и забронировал авиабилет в Киев. Представленные документы были чистой воды фабрикацией. Сергей ответил, что не подавал документы на визу, и это легко проверить, сделав запрос в консульство Великобритании. Затем привел аргументы, что бронирование билета в Киев является вымыслом, но судья перебил его на полуслове: «Вопреки доводам защиты, предоставленная суду органом следствия информация сомнений в своей достоверности не вызывает». Судья согласился со следствием и вынес решение о заключении Сергея под стражу, после чего его в наручниках вывели из здания суда и увезли в автозаке в неизвестном направлении. Там он провел десять дней.

Потом его перевели в московский следственный изолятор номер пять, где ему предстояло провести не меньше двух месяцев.

По прибытии в изолятор Сергея поместили в камеру, где на восемь нар приходилось четырнадцать человек, поэтому заключенным приходилось спать по очереди. Свет горел круглые сутки. Очевидно, это было задумано с целью лишения арестантов сна. Возможно, Сильченко полагал, что через неделю борьбы за матрас с матерыми преступниками Сергей, человек с высшим образованием и налоговый юрист, будет сломлен и сделает все, что от него потребует следствие.

Он ошибался.

В последующие месяцы Сергея снова и снова переводили на новое место. Каждая следующая камера была хуже предыдущей. В одной не было отопления и стекол во фрамугах, так что в камеру проникал морозный воздух с улицы. По ночам было настолько холодно, что Сергей не мог спать. Дыра в полу, служившая туалетом, не была отделена от остальной части камеры. Нечистоты нередко поднимались из канализации и заливали пол. В другой камере единственная электрическая розетка была расположена рядом с напольной отхожей чашей, поэтому, чтобы согреть себе чаю, воду приходилось кипятить, стоя над смердящей клоакой. В третьей Сергей попытался прикрыть канализационный сток пластиковой бутылкой, но за ночь ее сгрызла крыса, а к утру пол был затоплен зловонной жидкостью так, что Сергею с сокамерником пришлось передвигаться по табуреткам и нарам, словно обезьянам.

Намного тяжелее физического дискомфорта оказались для Сергея психологические пытки, которым его подвергали в заключении. Сергей был заботливым семьянином, а Сильченко изощренно мучил его, отказывая в каком-либо контакте с семьей. Когда Сергей обратился с просьбой увидеться с женой и матерью, Сильченко ответил: «Предоставление вам свиданий с женой и матерью следствие считает нецелесообразным». Тогда Сергей обратился с просьбой разрешить ему поговорить по телефону с восьмилетним сыном. В ответ Сильченко сообщил: «Следствие полагает нецелесообразным разрешить вам телефонный разговор с сыном в силу малолетства последнего».

Сильченко также отказал Сергею в просьбе повидаться с тетей, указав, что «достоверными сведениями об этом родстве следствие не располагает».

Цель Сильченко была проста: вынудить Сергея отказаться от показаний против Кузнецова и Карпова. Но Сергей был тверд, и с каждым отказом Сильченко создавал ему все более невыносимые условия содержания, отрезая от прежней жизни и свободы,

которая еще совсем недавно была частью этой жизни.

О нечеловеческих условиях содержания Сергея, полной изоляции от семьи и обращении со стороны Сильченко мы впервые узнали в январе 2009 года из судебного заседания, на котором судья вновь продлил срок содержания под стражей. Тогда же мы узнали, что Сергей решительно отказался менять показания, и перед нашими глазами начала открываться вся сила его духа.

Почти все январские новости были чрезвычайно мрачными, но всё же были и положительные моменты. После очередного перевода Сергей оказался в камере с одним армянином, которого обвиняли в краже. Тот ожидал суда и отчаянно нуждался в помощи, и Сергей, не имея под рукой никакой юридической литературы, сумел изложить убедительные доводы в защиту сокамерника. На суде его, как ни удивительно, оправдали и выпустили на свободу. Весть об этом быстро разлетелась среди заключенных, и Сергей неожиданно стал одним из самых уважаемых и оберегаемых людей среди арестантов следственного изолятора.

Когда я узнал, что другие заключенные хорошо относятся к Сергею, ужасные образы тюрьмы Оз отпустили и я смог хоть немного спать по ночам.

Однако, к несчастью, правоохранительная система обращалась с Сергеем совершенно иначе.

В конце февраля Сильченко втайне перевел Сергея в изолятор временного содержания на Петровку. Этот изолятор находится вне общей системы следственных изоляторов и подчиняется МВД. Там с Сергеем могли сделать что угодно. Мы понимали, что в этом месте Сильченко и ФСБ попытаются заставить Сергея подписать ложное признание. Мы не имели представления, что там с ним происходит, но подозревали худшее.

Следующие два-три месяца новостей почти не приносили.

Было ясно одно: несмотря на все усилия Сильченко и других сотрудников следственной группы, Сергей отказывался подписывать документы, которые они ему предлагали. Когда Сильченко требовал от Сергея дать на кого-нибудь показания, Сергей повторял: «Я готов вновь дать показания на тех сотрудников МВД, которые совершили преступления». В конце концов Сильченко наверное всё-таки осознал, что серьезно недооценил этого покладистого на вид юриста.

Чем больше они пытались сломить Сергея, тем больше креп его дух. В письме к матери он писал:

«Психологическому своему состоянию я сам иногда

удивляюсь: кажется, мне все нипочем, только соскучился по всем вам и по дому. Всех вас целую и обнимаю».

Сергей был непреклонен. Им не удавалось сломить его волю, но вот тело начало сдавать. В начале апреля Сергея опять перевели — на этот раз в следственный изолятор «Матросская тишина». Там его начали мучить острые боли в желудке. Приступы длились часами и сопровождались рвотой. К середине июня он потерял двадцать килограммов.

Сергей был болен, но я еще не знал об этом.

Наступила весна, Сергей продолжал томиться под арестом. Меня стала посещать мысль, что, может быть, Сергею лучше уступить и дать на меня показания — только бы его оставили в покое. Пусть мои проблемы с российскими властями усугубятся — это пустяк, если Сергей выберется из милицейского ада и вернется к семье, к детям, в тепло и уют домашнего очага.

Каждый новый день лишь обострял чувство отчаяния от того, что я бессилен вызволить Сергея из тюрьмы. Тогда я стал предпринимать для его спасения все возможное здесь, на Западе.

Бюрократы в британском правительстве дали ясно понять, что не будут напрягаться ради спасения Сергея, так что я начал искать международные организации, которые смогут ему помочь. Первую перспективную зацепку я нашел в Совете Европы. Это межгосударственная структура, которая среди прочего занимается правами человека. Ее штаб-квартира расположена в Страсбурге, а в состав входит сорок семь европейских стран, в том числе Россия. Незадолго до этого Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) поручила депутату и бывшему министру юстиции Германии Сабине Лойтхойссер-Шнарренбергер оценить работу российской системы уголовного правосудия, и она отбирала для изучения наиболее резонансные дела.

Мы понимали, что многочисленные жертвы российской фемиды пытаются привлечь к себе ее внимание. На тот момент в России были осуждены и полагали, что несправедливо, около трехсот тысяч человек. Мы не особо надеялись на успех, но наши юристы связались с депутатом ПАСЕ, и она согласилась с ними встретиться. Мы неделями подбирали документы и составляли иллюстративный материал к этой встрече: наглядно обрисовали каждый этап преступления, совершенного российскими чиновниками; показали, как Сергей стал заложником системы и как бесчеловечно с ним обращались в заключении. Услышав обстоятельно изложенные факты и увидев массу доказательств, она без промедления согласилась заняться делом Сергея.

В апреле 2009 года она обратилась в российские

правоохранительные органы с длинным перечнем вопросов. Это был хороший поворот: запрос Совета Европы о Сергее, направленный в российские властные структуры, мог сам по себе привести к освобождению или хотя бы к улучшению условий содержания.

К сожалению, этого не произошло.

Российские власти отказали Сабине Лойтхойссер-Шнарренбергер во встречах, поэтому ей пришлось направить вопросы в письменном виде. После продолжительного молчания она получила официальный ответ.

На ее первый простой вопрос «Почему Сергей Магнитский был арестован?» ответ гласил: «Сергей Магнитский не был арестован». Разумеется, Сергей был арестован и находился под стражей. Не могу представить, о чем думали российские официальные лица, указывая в ответах заведомую ложь.

На второй вопрос «Почему он был арестован сотрудником МВД Кузнецовым, против которого он давал обличающие показания до своего ареста?» она получила не менее нелепый ответ: «Сотрудник с таким именем не работает в ГУВД по г. Москве». У нас же были свидетельства, что он работал там не один год! Российские власти откровенно включали дурака.

Почти все ответы были такими же абсурдными и лживыми.

Госпожа Лойтхойссер-Шнарренбергер планировала указать на все эти несоответствия в заключительном отчете, который она готовила к началу августа, но у нас не было времени ждать. Я продолжал поиски. В результате еще две влиятельные организации согласились помочь: Международная ассоциация юристов и Общество юристов Англии. Обе организации, услышав историю Сергея и ознакомившись с документами, направили письма с просьбой о его освобождении президенту Медведеву и генеральному прокурору Чайке.

Я возлагал большие надежды на то, что это вмешательство поможет. Но всё тщетно. Генеральная прокуратура ответила Обществу юристов Англии формальной отпиской:

> «Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется».

На остальные письма российские государственные органы и вовсе не удосужились ответить.

Мои поиски перекинулись за океан — в Соединенные Штаты Америки. В июне 2009 года меня пригласили в Вашингтон выступить перед Хельсинкской комиссией США. Это отдельная правительственная организация, которая занимается мониторингом соблюдения международных норм в области прав

человека в странах бывшего советского блока. В то время ее возглавлял Бен Карден, сенатор-демократ от штата Мэриленд, избранный на первый срок. Целью слушания было решить, какие дела войдут в подборку материалов для предстоящей встречи президентов Обамы и Медведева.

Это была моя первая возможность представить дело Сергея на таком высоком политическом уровне в Соединенных Штатах. Я сделал доклад. Сенаторы и конгрессмены были до глубины души потрясены испытаниями, выпавшими на долю Сергея. К сожалению, один из сотрудников комиссии — молодой человек по имени Кайл Паркер — решил не включать дело Сергея в меморандум, адресованный президенту Обаме. Он полагал, что другие вопросы были более актуальны.

После этого я понял: чтобы привлечь общественное внимание к положению Сергея, нам нужна пресса. До этого о Сергее было написано всего несколько статей, и все они вышли вскоре после его ареста. Как я ни старался, журналисты не проявляли интереса. В России происходило столько всего ужасного, что ситуация с арестом какого-то юриста не представлялась им новостью. Все мои попытки поделиться сложными подробностями дела Сергея журналисты просто игнорировали.

Я почти исчерпал свой список иностранных корреспондентов, работавших в России, когда вдруг наткнулся на Филиппа Пэна — молодого репортера газеты «Вашингтон Пост». В отличие от остальных, в Москву он приехал сравнительно недавно, и его глаз еще не замылился. Он сразу почувствовал масштаб истории Сергея.

С начала июля по август 2009 года он беседовал с моими коллегами, занимался проверкой наших документов и пытался, как мог, получить ответы от российских государственных органов. К началу августа был готов поистине сенсационный материал.

Тринадцатого августа в «Вашингтон Пост» появилась его статья под заголовком «Трое юристов, разоблачив корпоративное рейдерство, стали жертвами преследования». Он обвинил российские государственные органы в крупномасштабных финансовых махинациях и объяснил, как они фабрикуют дела против Сергея, Эдуарда и Владимира, чтобы замести следы преступления.

Обычно подобные разоблачения производят много шума, но в этот раз — мертвая тишина. Российские власти были совершенно безразличны и невозмутимы. Мало того, российская пресса вообще не обратила внимания на этот материал. Похоже, журналисты в России опасались писать о чем-либо, связанном со

мной. Я был для них словно прокаженный.

Почти одновременно со статьей Пэна в «Вашингтон Пост» был опубликован и отчет депутата Лойтхойссер-Шнарренбергер. Она тоже детально разбирала ложь российской власти, мошенничество с кражей налогов, необоснованный арест Сергея и жестокое обращение с ним. Вывод депутата ПАСЕ: «Я не могу не подозревать, что эта скоординированная атака происходит при полной поддержке высокопоставленных чиновников. Они, судя по всему, воспользовались наличием системных проблем в уголовном судопроизводстве Российской Федерации».

Ее доклад был сокрушительным, он расставлял все точки над «i». Но тоже не оказал никакого влияния. Российское правительство встретило его такой же оглушительной тишиной. Тем, кто продолжал пытать Сергея, было все равно.

В своем кругу мы долго и горячо обсуждали дальнейшие действия. Традиционные инструменты защиты ни к чему не привели, и идеи были почти исчерпаны. Но тут в нашу комнату заглянула двадцатичетырехлетняя девушка-секретарь и сказала: «Простите, что прерываю, я услышала ваш разговор. А вы не думали снять видеоролик и выложить его на Ютьюбе?»

В 2009 году я и не знал, что в интернете существует такой сайт, где любой человек может разместить свое видео. Она принесла свой ноутбук и показала, как устроен этот интернет-сервис.

Учитывая отсутствие каких-либо серьезных результатов, мы решили, что стоит попробовать. Мы вновь просмотрели имеющиеся документы, еще раз подытожили свидетельства мошенничества, написали сценарий и сняли 14-минутный видеосюжет. В нем просто и доступно рассказывалось, как МВД и преступники украли из российского бюджета 5,4 миллиарда рублей и упрятали за решетку человека, который их разоблачил, — Сергея Магнитского. Мы сделали две версии ролика — на русском и английском языках. Результат оказался нагляднее и понятнее, чем всё, что мы делали до этого, и я полагал, что этот видеоролик сразу произведет впечатление.

Мне хотелось, чтобы ролик появился в интернете как можно скорее, но для начала требовалось одобрение Сергея, ведь именно он находился в самом уязвимом положении. Я передал копию сценария его адвокату и с нетерпением ожидал решения.

Положение Сергея тем временем становилось все тяжелее и тяжелее.

К лету 2009 года состояние его здоровья заметно ухудшилось. В медицинской части «Матросской тишины» ему поставили диагноз: панкреатит, камни в желчном пузыре и холецистит. Ему

назначили повторное ультразвуковое исследование (УЗИ) на первое августа и плановую операцию. Однако за неделю до запланированного УЗИ с одобрения майора Сильченко Сергея перевели из «Матросской тишины» в Бутырку — следственный изолятор более строгого режима, который в советское время использовался в качестве пересылочной тюрьмы на пути в лагеря. Это место имело в России такую же дурную славу, как тюрьма Алькатрас в Калифорнии, только условия содержания были еще хуже. Для Сергея ситуация усугублялась тем, что в Бутырке не было больницы, необходимой для его лечения.

То, что пришлось пережить Сергею в Бутырке, сопоставимо разве что с тем, что Александр Солженицын описал в своем «Архипелаге ГУЛАГ».

Двадцать пятого июля, как только Сергей оказался в Бутырке, он попросил тюремное начальство провести назначенное ранее лечение, но просьба осталась без внимания. День за днем он терял силы в камере, а боль становилась все острее.

Двадцать четвертого августа в четыре часа дня боль в желудке стала такой невыносимой, что Сергей не мог даже лежать. Он пробовал принимать разные положения, но боль сильно отдавала в солнечном сплетении и груди. Временное облегчение приносила только поза эмбриона, если поджать ноги, свернуться в клубок и покачиваться из стороны в сторону.

В половине шестого вечера с допроса вернулся его сокамерник Эрик. Сергей лежал, сжавшись на кровати, и тихо стонал. Эрик попытался узнать, что случилось, но боль была настолько сильной, что Сергей не мог разговаривать. Эрик стал кричать и звать врача. Охранник услышал его и пообещал кого-нибудь привести, но ничего не происходило. Еще через полчаса Эрик стал стучать в дверь камеры, чтобы привлечь внимание охранника, но ответа не дождался.

Час спустя Эрик услышал мужские голоса:

— В какой камере?

— Двести шестьдесят семь! — закричал он. — Пожалуйста, скорее!

Но никто не подошел.

За следующие несколько часов терзавшая Сергея боль стала невыносимой. Наконец в половине десятого вечера в камеру вошли двое охранников и доставили его в санитарный кабинет.

Сергею пришлось еще полчаса ждать, пока медсестра не спеша закончит заполнять документы. Чтобы хоть как-то облегчить боль, Сергей сидел скорчившись, поджав колени к груди. Закончив с бумагами, медсестра произнесла:

— Так. Что с вами?

Сергея передергивало от боли, и сквозь стиснутые зубы он медленно произнес:

— У меня невыносимые боли. Мне нужен врач. Я просил много раз, но со дня моего перевода сюда в прошлом месяце меня никто не осмотрел.

Медсестра уставилась на него с нескрываемым раздражением:

— Как это не осматривали? Вас осматривали там, откуда вас привезли!

— Да, и мне назначили обследование, и никто это обследование не проводит и лечение не назначает.

— Вас когда к нам привезли? Всего месяц назад! Вы что же хотите, чтобы вас каждый месяц лечили? Надо было вам на воле лечиться.

— На воле у меня не болело. Я эти заболевания получил, уже находясь в заключении.

— Не рассказывайте мне сказки! — возмутилась сестра. — Если нужен медицинский уход, пишите заявление, чтобы вас принял врач, — добавила она напоследок и отправила его обратно в камеру, не оказав помощи.

Охрана отвела Сергея в камеру. Боль понемногу утихла, и он забылся тяжелым сном.

Становилось ясно, что начальство следственного изолятора целенаправленно отказывает Сергею в медицинской помощи. Его мучители использовали развившиеся в заключении болезни как инструмент пытки, прекрасно зная, что камни в желчном пузыре вызывают жуткие боли. Обычно при таких приступах человек может кое-как продержаться пару часов, пока сознание не помутнеет от боли. Потом он окажется в отделении интенсивной терапии, где врачи первым делом вколют сильное болеутоляющее типа морфина, прежде чем приступить к курсу лечения. Но это на воле. Сергей же был вынужден в течение четырех месяцев терпеть невыносимую боль, без лечения и болеутоляющих средств. Как он держался все это время, как терпел эту боль — мне до сих пор непостижимо.

Сергей и его адвокаты написали во всевозможные инстанции больше двадцати заявлений, требуя медицинской помощи. Они обращались и в пенитенциарную службу, и в правоохранительные органы, и в суд. Большинство обращений остались без реакции, а полученные ответы повергали в шок.

Майор МВД Олег Сильченко писал:

> «Об обеспечении проведения Магнитскому контрольного УЗИ брюшной полости… вынесено

постановление о полном отказе в его удовлетворении».

Судья Тверского районного суда города Москвы Алексей Криворучко ответил:

> «Доводы Магнитского об антисанитарных условиях содержания под стражей суд признает несостоятельными, поскольку исследованными материалами они не подтверждаются».

Прокурор Андрей Печегин из генеральной прокуратуры ответил:

> «Проверкой установлено, что в ходе предварительного следствия физическое и психологическое давление на Магнитского не оказывалось… Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется».

Судья Елена Сташина, одна из тех, кто санкционировал продление срока содержания Сергея под стражей, написала:

> «Суд считает, что заявления Магнитского, относящиеся к его условиям содержания, не подлежат исследованию».

Одновременно с этими истязаниями Сергея начал периодически навещать человек, отказавшийся назвать свое имя, должность и организацию. Всякий раз, когда он приходил, Сергея выводили из камеры и на время встречи помещали в душное помещение без окон. Встречи были короткими, так как незнакомец говорил лишь одно:

> «Сделай, что нам нужно, или тебе будет хуже».

Каждый раз Сергей молча смотрел на человека по другую сторону стола и отказывался подчиниться.

Никто не знает предела своих возможностей, пока ему не выпадут испытания. И я не знаю, как бы себя повел в такой ситуации. Да и Сергей, наверное, не знал, пока не столкнулся с ними лицом к лицу. Как бы тяжело ему ни приходилось, он всякий раз отказывался лжесвидетельствовать. Сергей верил в святые заповеди и не мог нарушить девятую:

> «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

Признать себя виновным в преступлении, которого не совершал, и оговорить другого человека казалось ему недопустимым в любых обстоятельствах. Поступить так было для Сергея горше любых физических страданий.

Невиновный человек, силой оторванный от родных и близких, обманутый законом, преданный государством, стоял перед глухой стеной, которую выстроили казнокрады. За решеткой ему устроили пытку болезнью и искушали — уступи нам, и все опять будет хорошо. Но даже в этих самых невыносимых условиях, когда у него были все основания дать своим палачам то, чего они добивались, человек держался. Утратив свободу и здоровье, рискуя жизнью, он не предал свои идеалы и веру.

Он не сдавался.

30. Шестнадцатое ноября 2009 года

Сергей переживал этот кошмар наяву, а мои дни проходили словно в полузабытье. Особенно невыносимыми были субботние утра. Я просыпался рано и смотрел, как Елена спит рядом в большой и уютной постели. Возле нашей кровати было окно, а за окном — Лондон. Я был свободен, окружен комфортом и любовью. Я мог прикоснуться к любви и в любой момент ощутить ее тепло — Сергей мог разве что предаваться воспоминаниям. От этой мысли мне становилось тошно.

Стремление разобраться в коммунистическом прошлом моей семьи и как-то увязать его с собственными амбициями капиталиста привело меня в Россию. Но я не мог себе представить, что это наивное желание приведет в заложники тех, кто мне дорог.

Я вставал, шел в ванную, включал душ. Горячая вода обычно давала ощущение обновления, но не сейчас. Она помогала телу, но чувство вины обволакивало меня изнутри и вязало, как смола. Сергею разрешали принять душ от силы раз в неделю, а порой этого приходилось ждать все три. Вода в тюрьме была холодной, а мыло (если оно вообще было) грубое. Камеры были зловонными, и здоровье Сергея угасало. От всего этого меня часто мутило до тошноты. Даже сейчас, по прошествии лет, заходя в душ, я всякий раз мысленно возвращаюсь в то, что пережил Сергей.

Но я все же вставал по выходным, принимал душ, любил свою семью, а получая очередные мрачные новости о состоянии Сергея, еще решительнее боролся за него. Однако и без того тяжелая ситуация продолжала ухудшаться.

В октябре 2009 года, в очередной попытке привлечь внимание политиков к судьбе Сергея, я снова отправился в Вашингтон и Нью-Йорк. Это мало кого интересовало, но я не сдавался. Я должен был обратить внимание всего мира на ситуацию Сергея, но, увы, понятия не имел, как это сделать.

Вечером, когда я проходил регистрацию на обратный рейс «Британских авиалиний» в Лондон, раздался звонок. Это была Елена.

Прежде чем она успела слово вымолвить, я спросил:

— Милая, это срочно? Я как раз сажусь в самолет.

— Да, это важно. Следователи только что предъявили обвинение!

Я сделал шаг в сторону, пропуская других пассажиров.

— Сергею?

— Да… — Она сделала паузу. — И против тебя. Они

намерены преследовать вас обоих.

Такой поворот не был неожиданностью, но все же, услышав это, я был потрясен.

— Так они пойдут до конца?

— Да. Планируют устроить грандиозный показательный процесс.

Я задумался и затем спросил:

— Мы понимаем, что будет дальше?

— Эдуард полагает, что Сергею дадут лет шесть. Тебе тоже, но заочно. После этого Россия разошлет красный циркуляр через Интерпол и направит британским властям запрос о твоей выдаче.

Красный циркуляр Интерпола — это международный ордер на арест. Если выпишут такой ордер, то меня могут задержать при пересечении любой границы, стоит предъявить паспорт. Далее российские власти запросят мою выдачу, и запрос скорее всего будет удовлетворен. Меня экстрадируют в Россию, и придется пройти через все то, что пережил Сергей.

— Билл, нам нужно распространить пресс-релиз с опровержением их лживых обвинений.

— Хорошо, — кивнул я, вновь вливаясь в поток пассажиров. Меня давила мысль о судебном процессе и переполняло чувство тревоги. — Я что-нибудь напишу в полете, и мы обсудим это, как прилечу.

— До скорого, дорогой. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я занял свое место и, уставившись в одну точку, погрузился в думы. Я понимал, к чему все идет, и уже видел скандальные газетные заголовки: «Браудер и Магнитский предстанут перед судом за уклонение от налогов» или «Россия объявила Браудера в международный розыск».

Противоположные мнения журналисты обычно указывают в последних абзацах, и читатели до них просто не доходят. В этом-то и вся выгода ситуации для силовиков-коррупционеров. Они использовали служебное положение для воровства и терроризировали своих жертв, скрываясь при этом за ширмой легитимности, которую предоставляет им статус силового ведомства. Пресса публикует их официальные заявления, не сомневаясь в достоверности, поскольку в большинстве стран правоохранительные органы открыто не лгут. Мы столкнулись с большой проблемой: как теперь донести до общества правдивую картину событий?

Самолет набрал высоту, в салоне приглушили свет на ночь, а я попытался устроиться поудобнее. Сидел, уставившись на тусклый свет от таблички «Не курить», и вдруг вспомнил про

видеоролик, который мы подготовили для Ютьюба. Сергей дал нам зеленый свет на прошлой неделе, и теперь нас ничто не сдерживало. Я подумал: «А нужен ли пресс-релиз, когда у нас есть вариант получше — ведь можно рассказать людям правду и так?»

Приземлившись в Лондоне, я поймал кэб и приехал на работу. Взял с полки жесткий диск с видео и загрузил файл на Ютьюб под заголовком «Расследование Hermitage о мошенничестве сотрудников МВД». Видео быстро разошлось по всему интернету. К концу первого дня его посмотрело одиннадцать тысяч человек, через три дня — больше двадцати тысяч, а через неделю — больше сорока семи тысяч. Для фильма о сложном преступлении и нарушении прав человека это были очень хорошие цифры. Раньше я рассказывал о нашем деле и о Сергее в бесконечной череде бесед длиной минут по сорок пять каждая. Теперь же тысячи людей могли одновременно узнать об этом из видео.

Как только фильм был опубликован в интернете, посыпались звонки от друзей, коллег, знакомых, и все удивлялись этой невероятной истории. Они слышали о случившемся с Сергеем, но не осознавали тяжесть ситуации, пока не увидели наш ролик. Звонили не только знакомые, но и журналисты. Фильм стал событием. Впервые люди наглядно увидели, что МВД России вместо того, чтобы служить народу, стало прикрытием для мошенников-казнокрадов. Фильм помог нам рассказать правду и отразить нападки врагов.

Тем временем в неволе, несмотря на все мучения, Сергей по-прежнему твердо стоял за правду.

Четырнадцатого октября 2009 года он дал новые показания на двенадцати страницах, продолжая документально закреплять в деле свидетельства соучастия чиновников в хищении и укрывательстве. Он указывал имена людей, даты и места событий, не оставляя ничего воображению. В заключение он указал: «Я считаю всех членов следственной группы исполнителями чьего-то преступного заказа».

Это был поистине выдающийся документ. То, что Сергей решился его написать, было невероятно храбрым поступком. Тем, кто далек от реалий сегодняшней России, нелегко понять, какой опасности он подвергал себя, давая эти показания. В России убивают людей за гораздо меньшие свидетельства. То, что Сергей говорил, находясь во власти людей, которые его упрятали за решетку и против которых он свидетельствовал, демонстрировало его решимость. Он не собирался замалчивать коррупцию в правоохранительных органах и добивался уголовного преследования своих мучителей.

В те же дни мне предстояло выступить с большой речью в Стэнфордском университете о рисках, связанных с инвестированием в Россию. Моему сыну Дэвиду в то время шел тринадцатый год. Он никогда не был в моей альма матер. Последнее время Дэвид был окружен моими злоключениями, и я решил взять его с собой, чтобы показать место, где провел несколько самых счастливых лет жизни.

Мы полетели в Сан-Франциско, и я попытался на время мысленно отключиться от России. Но в каком бы часовом поясе или части света я не находился, мысль о положении Сергея не покидала меня ни на минуту, она наполняла печалью и чувством вины. Единственное, что могло принести мне облегчение, это освобождение Сергея.

На следующий день после нашего приезда я выступил с речью и поведал слушателям о судьбе своего бизнеса в России. Я завершил рассказ событиями, которые полностью поглощали меня последний год, а в самом конце показал ролик из Ютьюба — многие были тронуты до слез.

Покинув зал, мы с Дэвидом окунулись в теплый калифорнийский воздух, и в этот момент я почувствовал себя немного лучше. Хотя наш ролик в интернете посмотрели десятки тысяч людей, мне прежде не доводилось видеть реакцию зрителей. Поделившись историей Сергея с присутствующими в зале людьми, увидев их лица и услышав негодование в их голосах, я ощутил, что не одинок в своей борьбе.

Пока мы с Дэвидом прогуливались по территории университета, раздался звонок. Звонил Владимир Пастухов. Его голос прозвучал мрачно:

— Билл, произошло нечто ужасное.

— Что такое?

— Мне на телефон только что пришло текстовое сообщение. Оно на русском. Вот его текст:

«Что страшней… не знаю, смерть… или тюрьма».

От волнения я начал ходить взад-вперед.

— Оно адресовано вам?

— Не знаю.

— Может быть мне, Вадиму… или Сергею?

— Возможно.

— Кто его прислал?

— Не ясно.

— А откуда у них ваш номер? Этот номер телефона никому не известен.

— Я не знаю, Билл.

Сын стоял рядом и с беспокойством смотрел на меня во все глаза. Я перестал вышагивать и слабо улыбнулся, чтобы успокоить его.

— А можно отследить это сообщение и выяснить, кто отправитель?

— Я попробую. Перезвоню, как только что-нибудь узнаю.

— Спасибо.

Этот минутный звонок растворил без остатка все положительные эмоции дня. Обратный путь в Лондон был долгим и безрадостным. Я понятия не имел, как объяснить это послание, в чей адрес оно направлено и что мне следует предпринять. Ситуация выглядела серьезной и вызывала у меня большие опасения.

Вскоре Владимир получил еще одно сообщение, тоже на русском языке:

> «Поезда… идут поезда… все на северный… на восток… и мне кажется… никогда… не закончится… этот срок…».

Как объяснил Владимир, это был припев из тюремного шансона. Имелись в виду поезда, увозившие арестантов в сибирские лагеря на верную смерть.

Через несколько дней мне неожиданно позвонил давний клиент — Филипп Фалтон. Он был моим близким приятелем со времен истории с «Газпромом». Они с женой остановились проездом в Лондоне и хотели повидать Елену и детей. Мы прекрасно провели время, пообедав в ресторане на пятом этаже торгового центра «Харви Николс», и мне удалось на несколько часов оставить в стороне свои тревоги. Филипп с супругой умилялись нашими малышами, и мы с Еленой получили истинное удовольствие от встречи. Мне неприятно это признавать, но какое-то время я чувствовал себя, будто все вернулось в нормальное русло. Я, конечно, понимал, что проблемы никуда не делись, но полагал, что можно — или даже нужно — забывать о них на время, делать передышки и хотя бы один вечер провести так, будто у меня все нормально.

Я уже собирался уходить, когда снова позвонил Владимир:

— Билл, пришло очередное сообщение.

— Что на этот раз?

— Цитата из «Крестного отца»:

> «Если история чему-нибудь и учит, то только тому, что убить можно кого угодно. Майкл Карлеоне».

Я замер. У меня затряслись руки. Я в сердцах выругался и закончил разговор.

Я был всерьез напуган. На следующий день рано утром я собрал все три сообщения со смартфона Владимира, включая время получения, и обратился в антитеррористическое подразделение Скотленд-Ярда, известное как «SO15». Они прислали группу следователей, которые опросили нас с Владимиром, а их технические специалисты отследили исходящие номера. Все три сообщения пришли с номера, который не был зарегистрирован на конкретного абонента, и это было необычно. Позже наш специалист по безопасности Стивен Бек пояснил, что в России допуск к таким незарегистрированным номерам имели сотрудники ФСБ.

В четверг, двенадцатого ноября, должно было состояться очередное судебное заседание о продлении содержания Сергея под стражей. Добираться до суда арестантам было весьма непросто. Доставка в суды обычно начиналась в пять утра, когда охранники выводили заключенных из камер и сажали в автозак. Двадцать с лишним человек заталкивали в кузов, рассчитанный на вдвое меньшее количество. Несколько часов людей держали в грузовике, пока служащие следственного изолятора оформляли документы. Сергей и другие арестанты вынуждены были стоять в набитом битком фургоне и ждать. Они были лишены свежего воздуха, глотка воды и доступа в туалет. То же самое повторялось на обратном пути из суда, измотанные люди добирались до своих нар уже за полночь. В течение дня их не кормили, зачастую они оставались без горячей еды по тридцать шесть часов. Поездка в суд превращалась в своего рода пытку с целью сломить и деморализовать обвиняемых, пока те сражаются за призрачный шанс на оправдание.

В тот день Сергея доставили в суд около десяти утра. В коридоре его наручниками приковали к батарее центрального отопления. Пока он находился там и обдумывал свои заранее подготовленные ходатайства, появился следователь Сильченко и с ухмылкой произнес: «Я предоставил суду документы, которые вы просили».

За предыдущие шесть недель Сергей пять раз запрашивал у следователя эти документы. Они были необходимы для заблаговременной подготовки к судебному заседанию, но Сильченко приложил их к делу только сейчас, за десять минут до начала слушания, тем самым лишив Сергея возможности полноценно подготовиться к своей защите. Сергей даже не успел возразить, как конвоир освободил его от наручника, повел в зал заседания и оставил в клетке для подсудимых.

Усаживаясь на скамью, Сергей увидел в первом ряду свою маму и тетю. Он помахал им рукой, делая вид, что все в порядке.

Судья Елена Сташина объявила слушание открытым. Сначала Сергей зачитал ходатайство о приобщении документов о неоказании ему медицинской помощи в заключении. Судья Сташина отклонила его. Далее он зачитал ходатайство о приобщении документов, которые свидетельствуют о фальсификации доказательств в материалах следствия. Сташина отказала и в нем. Когда Сергей перешел к ходатайству о приобщении документов о незаконности ареста, судья прервала его на полуслове и отклонила и это ходатайство. В итоге она отклонила больше десятка ходатайств Сергея. Когда Сергей попросил дать ему дополнительное время для ознакомления с материалами, которые только что принес Сильченко, судья велела ему замолчать.

Но он не стал молчать. Поднявшись в клетке в полный рост, Сергей, несмотря на плохое самочувствие, громко и отчетливо произнес обвинительную речь, заявив судье Сташиной о попрании закона и его собственных прав. Сергей закончил свое выступление так:

«Мое право, которое предусмотрено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод иметь достаточное время и возможность для защиты, грубо нарушено, и все мои ходатайства, с которыми я обращался к суду с просьбой обеспечить мне это право, судом просто проигнорированы. Поэтому я не буду сегодня выступать и отказываюсь участвовать и слушать что-то сегодня в судебном заседании».

Он сел и отвернулся от судьи. Слушание продолжалось без участия Сергея. Сташина оставалась невозмутимой. Она прошлась по нескольким техническим вопросам и затем хладнокровно продлила срок содержания под стражей. Слушание было окончено, и конвоиры вошли в клетку за Сергеем. Когда его уводили из зала, Сергей не нашел в себе силы даже улыбнуться семье.

Его отвели в коридор и вновь приковали к радиатору. До конца вечера ни адвокату, ни семье не позволили увидеть Сергея. Мама и тетя несколько часов простояли на холоде в ожидании тюремного фургона, который должен был увезти Сергея обратно в Бутырку. Они надеялись хотя бы помахать ему рукой на прощание и сказать, что любят его, но до девяти вечера машина так и не появилась. Холод, отчаяние и печаль подавляли их. Ждать дальше становилось невыносимо, и они пошли домой.

Я узнал обо всем, что случилось, на следующее утро. Когда я рассказал это Елене, она пришла в смятение:

— Билл, у меня очень нехорошее предчувствие.

Было трудно не согласиться с ней.

— Кто-то из адвокатов обязательно должен поехать навестить его в Бутырке, — продолжила она решительно. — Кто-то должен увидеть его. Сегодня же.

Но отправиться туда никто не мог. Адвокат Сергея — единственный, кому было позволено с ним видеться, — уехал из города до понедельника.

В ту ночь, в четверть первого, мой смартфон завибрировал — пришло сообщение на голосовую почту. Никто никогда не звонил мне на этот номер, никто его даже не знал. Я взглянул на Елену и нажал кнопку голосовой почты. Там было оставлено одно новое сообщение.

Я услышал крики и мольбу человека, которого жестоко избивали. Запись длилась две минуты и обрывалась на полувопле. Я дал Елене прослушать запись. Мы до утра просидели в кровати без сна, думая о самых мрачных сценариях.

На рассвете я обзвонил всех ребят из нашей команды. Все были в порядке. Единственный, кому я не мог позвонить, был Сергей.

В понедельник, шестнадцатого ноября 2009 года, адвокат Сергея Дмитрий Харитонов отправился к нему в Бутырку. Однако служащие следственного изолятора не привели Сергея — он «не может покинуть камеру по состоянию здоровья». Дмитрий попросил показать ему медицинское заключение, но они не предоставили его, сообщив, что бумага находится у следователя Сильченко. Дмитрий позвонил Сильченко и попросил копию заключения о состоянии здоровья Сергея, но и Сильченко сказал, что медицинское заключение является «внутренним делом следствия», и наотрез отказался сообщать какие бы то ни было подробности.

Они намеренно давали адвокату уклончивые ответы. На самом деле Сергею не просто «нездоровилось». За время заключения у него развились панкреатит, камни в желчном пузыре и холецистит. Несколько месяцев без лечения закончились тем, что организм сдал, у Сергея началось серьезное обострение. До этого начальство Бутырки отказывало Сергею в многочисленных просьбах о медицинской помощи, но в тот день направило его с конвоем в больницу «Матросской тишины» для неотложной госпитализации.

По прибытии в СИЗО его отвели не в больничное отделение, а в изоляционную камеру, где приковали наручниками к кушетке. Там его навестило восемь конвоиров и оперативников. Сергей требовал, чтобы были срочно вызваны его адвокат и прокурор, и

кричал: «Меня кинули сюда потому, что я раскрыл, как чиновники и сотрудники органов украли пять миллиардов четыреста миллионов рублей». Но спецотряд пришел не для того, чтобы помочь ему. Их цель заключалась в другом — и именно для этого они прихватили с собой резиновые дубинки.

Спустя один час и восемнадцать минут допущенный в следственный изолятор гражданский врач обнаружил мертвое тело Сергея Магнитского на полу камеры.

Жена Сергея больше никогда не услышит его голос, мать никогда не увидит его мягкую улыбку, а дети не почувствуют тепло отцовских рук.

«Осуществляемое в отношении меня уголовное преследование, — писал Сергей в своем заявлении из заключения, — направлено не на достижение целей, установленных ст. 6 УПК РФ, а является репрессивной мерой, целью которой является наказание меня за помощь, которую я оказывал своему клиенту в отношении расследования обстоятельств похищения принадлежавших клиенту обществ — ООО „Рилэнд“, ООО „Махаон“, ООО „Парфенион“. В ходе оказания мною этой помощи клиенту мне стало известно о возможной причастности к хищению сотрудников МВД РФ, а также о том, что похищенные компании впоследствии были использованы злоумышленниками для хищения из государственной казны суммы налогов в размере 5,4 миллиарда рублей, ранее уплаченных указанными обществами в то время, когда они контролировались моим клиентом».

Сергей Магнитский был убит за свои идеалы. Он был убит, потому что верил в закон. Он был убит за то, что любил свой народ и свою родину — Россию.

Ему было всего тридцать семь лет.

31. «Катынский принцип»

В апреле 1940 года в начале Второй мировой войны дислоцированному в Белоруссии сотруднику НКВД Василию Блохину было приказано расстрелять как можно больше польских военнопленных[15]. Чтобы эффективно выполнить приказ, не привлекая внимания пленных к уготованной им участи, Блохин распорядился о постройке специального сарая на территории лагеря. Вход сделали с одной стороны, выход — с другой. Сарай со всех сторон обложили мешками с песком. Поляков заводили туда по одному и приказывали встать на колени. Затем Блохин приставлял пистолет к затылку пленного и стрелял. Тела выволакивали через выход с противоположной стороны и складывали в грузовик. Заполнив кузов, «груз» отвозили в лес и сбрасывали в общую яму.

Работу свою Блохин выполнял хорошо. Он был «совой» и под покровом ночи трудился, не покладая рук, от захода солнца до рассвета. Вначале он использовал стандартный пистолет советского образца, но позже перешел на немецкий «вальтер». У того меньше отдача, поэтому не так сильно уставала рука. За двадцать восемь дней, с небольшим перерывом на майские праздники, Блохин расправился с семью тысячами польских военнопленных. Этот результативный палач был далеко не единственным исполнителем воли коммунистической партии и Сталина. В кратчайший срок было уничтожено около двадцати двух тысяч польских солдат и офицеров — большинство их захоронено в Катынском лесу.

Когда война окончилась и были обнаружены массовые захоронения, советское руководство заявило, что в этих чудовищных преступлениях повинны нацисты. Мир знал о жестоких и немыслимых бесчинствах нацистов в военное время, и эта ложь выглядела вполне правдоподобно. Чтобы закрепить ее в сознании людей, советские чиновники сфабриковали доказательства, подготовили официальные экспертные заключения и повторяли их столько раз и в таком количестве мест, в том числе на знаменитом Нюрнбергском процессе, что их версию событий не подвергали сомнению.

И только десятилетия спустя, в начале девяностых годов двадцатого века, когда Советский Союз стоял на грани распада и на сокрытие правды в этом деле не оставалось сил, российское руководство созналось, что же действительно произошло в лесу под Катынью.

Вы, верно, подумаете, что все это осталось в прошлом —

шагнув в двадцать первый век, российское государство прекратило подобную практику. Однако, придя в 2000 году к власти, Владимир Путин вместо того, чтобы разобрать этот аппарат лжи и фальсификации, усовершенствовал его и сделал еще более мощным.

Убийство Сергея Магнитского стало ярким свидетельством такого подхода, и нам на себе довелось ощутить, как работают поршни и шестеренки машины лжи.

Утром семнадцатого ноября 2009 года задолго до рассвета мама Сергея, Наталья Николаевна, поехала в Бутырский следственный изолятор, чтобы передать сыну пакет с едой и лекарствами, как она делала каждую неделю. В 5:30 утра она уже стояла в очереди. Родственники заключенных толпились у бокового входа в Бутырку. Приезжать надо было рано, потому что передачи принимали только с девяти до одиннадцати утра по вторникам. Если пропустить это окно, то следующей возможности передать необходимое родным приходилось ждать неделю. Многие заключенные без этих передач не выжили бы, и Наталья Николаевна никогда не опаздывала.

В то утро очередь двигалась медленно. С полусотней таких же, как она, Наталья Николаевна стояла в узком сыром коридоре, который вел к окошку, где двое служащих изолятора принимали передачи. Наконец, в 9:40 утра подошел черед Натальи Николаевны. Она протянула сотруднице список содержимого своей передачи.

Женщина взглянула на него и энергично замотала головой:

— Этот заключенный больше не у нас. Его перевели прошлым вечером в «Матросскую тишину».

— В их больницу? — с тревогой спросила Наталья Николаевна. За несколько дней до этого Сергей неважно выглядел на судебном слушании, мама беспокоилась за его здоровье и надеялась, что речь идет не об экстренной госпитализации.

— Не знаю, — жестко произнесла приемщица.

Держа передачу для сына в руках, Наталья Николаевна поспешно вышла. На метро она добралась до «Матросской тишины». В 10:30 утра она уже встала в очередь. Перед ней было всего три человека. Дойдя до окна приема передач, она обратилась к сотруднице:

— Мне сказали, что мой сын, Сергей Магнитский, переведен сюда.

Не взглянув в журнал или на экран компьютера, сотрудница ответила:

— Да, его доставили сюда вчера вечером в очень тяжелом

состоянии.

— Что случилось? С ним все в порядке? — запаниковала Наталья Николаевна.

Несколько секунд женщина молчала, а потом ответила:

— Я очень сожалею. Он умер вчера в девять часов вечера.

Наталья Николаевна вскрикнула.

— К-как? Как это произошло?

— Умер от панкреонекроза, разрыва брюшной мембраны и токсического шока, — сообщила приемщица монотонным голосом. — Очень сожалею о вашей утрате.

Наталью Николаевну бросило в дрожь. От потрясения она не могла и шага ступить. Она тяжело оперлась о стойку приема. Смысл услышанного стал доходить до нее, и по лицу хлынули слезы.

— Женщина, отойдите, пожалуйста, в сторону, — холодно отрезала сотрудница следственного изолятора. — У меня следующий на приеме.

Пелена застилала глаза Натальи Николаевны.

— Вам следует отойти в сторону, — повторила сотрудница и указала на убогий пластмассовый стул у стены.

Наталья Николаевна сделала несколько шагов в сторону стула, с трудом переставляя немеющие ноги. Очередь безмолвно глядела на нее.

Наталья Николаевна опустилась на стул. По щекам текли слезы. Через несколько минут ей удалось взять себя в руки ровно настолько, чтобы позвонить Дмитрию, адвокату Сергея — его офис располагался поблизости. Когда через четверть часа он прибыл на место, Наталья Николаевна была уже не в состоянии говорить. Дмитрий попросил позвать дежурного врача. Через несколько минут появился мужчина в белом халате, повторил причину смерти и сказал, что тело перевезли в одиннадцатый морг, так что если они хотят выяснить что-то еще, следует ехать туда.

В то утро мой домашний телефон зазвонил в 7:45 утра (10:45 по Москве). Я поднял трубку. Звонил Эдуард. Он что-то быстро говорил по-русски, и я передал телефон Елене. Она слушала, потом ахнула, и глаза ее наполнились слезами. Елена закричала. Не по-русски и не по-английски: в этом было что-то первобытное — такого стона я в жизни не слышал.

Когда Елена сказала мне, что Сергей умер, я вскочил и заметался по комнате, как птица, которая впервые оказалась в клетке.

Смерть Сергея превосходила самые худшие опасения, и я не знал, как с этим справиться. Я чувствовал боль, как будто меня

ударили ножом в живот.

Отойдя от первого потрясения и метаний, продышавшись немного от переполнявших сердце слез, я собрался с силами, чтобы позвонить.

Первым я набрал Владимира. Он всегда знал, что нужно делать, что говорить, к кому обратиться за помощью… но только не в этот раз. Когда я сообщил ему о случившемся, он какое-то время молчал, потом прошептал в трубку: «Билл, это ужасно».

Не принимая душа, я натянул брюки, схватил на ходу рубашку и поспешил в офис. Поймав такси, я прибыл на работу первым, но через двадцать минут все уже были в сборе, взъерошенные, с охваченными горем лицами.

В любой критической ситуации определяющим становится то, что мы делаем в первые несколько часов. Мы быстро составили заявление для прессы на английском и русском языках. Его сопровождал рукописный документ Сергея на сорока листах, в котором он подробно описывал, как над ним издевались, как отказывали в медицинской помощи, подвергая мучениям и лишениям в неволе. Мы разослали заявление, молясь о том, чтобы не встретить безразличия и в этот раз.

И в этот раз люди услышали нас.

Посмертные фотографии кистей рук и костяшек Сергея Магнитского, сделанные на следующий день после его гибели 17 ноября 2009 года. Глубокие раны от наручников и ссадины на руках говорят об отчаянной схватке за жизнь (Из архива семьи Магнитских)

Большинство крупных газет взялось за собственные расследования — российским властям посыпались звонки с просьбами прокомментировать случившуюся трагедию. Пресс-службой в Следственном комитете при МВД руководила Ирина Дудукина — полнощекая блондинка лет за сорок. Вскоре после первых запросов она озвучила версию МВД — Сергей умер не от панкреонекроза и токсического шока, как ранее сообщила Наталье Николаевне администрация следственного изолятора, а от острой сердечной недостаточности (без признаков насильственной смерти).

Дудукина не ограничилась этим и чуть позже в тот же день сообщила, что «в уголовном деле не было ни одной жалобы от Сергея Магнитского на состояние здоровья» и что смерть Сергея «для следователя — это просто шок».

Это было откровенной ложью. Не только потому, что в материалах дела лежали многочисленные жалобы, но и потому, что там значились отказы в медицинском обследовании за подписью следователя Сильченко и других должностных лиц.

Дудукина лгала и о времени и месте смерти Сергея. По ее заявлению, Сергей умер в 21:50 в отделении больницы «Матросской тишины», пока врачи якобы пытались его реанимировать. Эту версию полностью опровергали показания гражданского врача, обнаружившего тело на полу одиночной камеры и зафиксировавшего, что Сергей умер в 21 час.

Я не был раньше знаком с мамой и женой Сергея, потому что общался либо напрямую с Сергеем, либо — после его ареста — с адвокатом. Но с этого дня мы навсегда стали неразрывно связаны.

Мой первый звонок его маме был семнадцатого ноября. Вадим переводил. Я хотел не только выразить глубочайшие соболезнования, но и сказать ей, что чувствую свою ответственность за произошедшее с ее сыном и что она не одинока. Этот разговор и сегодня остается одним из самых тяжелых в моей жизни. Наталья Николаевна была безутешна. Сергей был ее единственным сыном, смыслом ее жизни. Каждый раз, когда она пыталась говорить, ее голос срывался до слез. Я не хотел причинять ей новую боль, старался только донести, что отныне буду заботиться о ней и о семье Сергея. А главное — я хотел сказать, что не успокоюсь, пока люди, причастные к пыткам и смерти Сергея, не предстанут перед законом, и сделаю для этого все, что в моих силах.

К сожалению, я не мог приехать в Москву, чтобы помочь на месте, так что бремя похорон Сергея легло на его семью. Узнав о смерти, они сразу же попросили, чтобы вскрытие было произведено в присутствии независимого эксперта-

патологоанатома, на что получили отказ прокурора, заявившего, что «все эксперты одинаково независимы».

Два дня спустя Наталья Николаевна попросила выдать тело сына, чтобы семья смогла организовать независимое вскрытие, на что тоже получила отказ — мол, «оснований не доверять результатам проведенного государственным экспертом вскрытия не имеется».

В тот же день она приехала в морг номер одиннадцать, где ей сообщили, что тело Сергея следует немедленно захоронить, иначе оно начнет разлагаться из-за проблем с холодильниками в морге. Тогда Наталья Николаевна спросила, могут ли выдать тело семье, чтобы отпеть Сергея по-человечески в открытом гробу, и вновь категорический отказ: «Тело выдадут только для немедленного захоронения».

Семье Сергея пришлось организовать похороны на следующий день. Наталья Николаевна с вдовой и тетей Сергея привезли в морг темный костюм, белую отглаженную рубашку и синий галстук в полоску. Они надеялись побыть с ним одни, без посторонних, в последний раз. Служащий морга неохотно согласился. Они пошли вниз по лестнице и затем по коридору в подвальное помещение. Там было темно, невыносимо пахло формалином, и воздух был пропитан смертью. Через пятнадцать минут он выкатил на тележке тело Сергея и сказал: «Можете попрощаться».

Тело было по плечи накрыто белой простыней. Наталья Николаевна принесла с собой свечку, которую хотела вложить Сергею в руки по православной традиции. Отвернув простыню, она ужаснулась, увидев темные пятна от синяков на его костяшках и глубокие раны на запястьях. Самообладание покинуло всех трех, и они разрыдались.

Со слезами на глазах они поцеловали покойного в лоб и коснулись израненных рук. Отдав работнику морга одежду Сергея, женщины ушли.

Мама Сергея, Наталья Николаевна Магнитская, скорбит над телом сына во время похорон на московском кладбище 20 ноября 2009 года (© Reuters/Mikhail Voskresensky)

Двадцатого ноября 2009 года коричневый деревянный гроб вынесли из морга номер одиннадцать и погрузили в катафалк. Семья последовала за машиной до Преображенского кладбища на северо-востоке Москвы. Друзья Сергея перенесли гроб из катафалка на тележку, и процессия пошла к месту захоронения. Многие несли похоронные венки и большие букеты цветов. Гроб поставили рядом с подготовленной для захоронения могилой, крышку сняли и прислонили к основанию гроба. Сергей, облаченный в свой костюм, был по грудь накрыт накрахмаленным хлопчатобумажным покрывалом. Открытые участки тела были покрыты толстым слоем косметики, нанесенной сотрудниками морга. Но даже несмотря на это, на запястьях и костяшках пальцев были хорошо различимы следы насилия. Сергей выглядел умиротворенным, и именно так ему и предстояло быть похороненным.

Родные и близкие по очереди прощались с ним, кладя к ногам красные розы. Мать Наталья Николаевна и вдова Наташа, не сдерживая слез, разложили в изголовье белые розы. Когда все простились с Сергеем, гроб закрыли и опустили в могилу.

Сразу же после смерти Сергея Магнитского во всех правоохранительных инстанциях началось укрывательство. Восемнадцатого ноября представитель Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве объявил: «У следствия нет оснований для возбуждения уголовного дела по факту смерти

Сергея Магнитского в СИЗО».

Двадцать третьего ноября, через три дня после похорон, Генеральная прокуратура сообщила, что в ходе проверки, проведенной прокуратурой города Москвы,

> «нарушений <…> со стороны администрации[16] не установлено. Магнитский скончался от острой сердечно-сосудистой недостаточности».

Наконец, двадцать четвертого ноября начальник «Матросской тишины» утвердил официальное заключение, в котором говорилось:

> «Нарушения законности не допущено. Дальнейшую проверку прекратить, материалы проверки списать в дело отдела режима[17]».

Но незаметно списать дело Сергея в архив не удалось. У каждого арестанта есть свой способ справляться с невзгодами заключения; способ Сергея состоял в подробном письменном фиксировании всего, что с ним происходит. За 358 дней в заключении он совместно с адвокатами подал 450 жалоб и ходатайств, в мельчайших подробностях описывавших, кто, как и когда попирал его права. Эти свидетельства сделали совершённое против Магнитского преступление самым задокументированным нарушением прав человека в России за последние тридцать пять лет.

В первую неделю после гибели Сергея я полностью подавил эмоции и старался сделать как можно больше, чтобы добиться хоть какой-то справедливости в России. Однако непрекращающийся поток отказов выбивал из колеи.

Придя домой вечером двадцать пятого ноября, я сел за стол поужинать с Еленой. Обхватил голову руками и закрыл глаза, надеясь, что жена мягко прикоснется к моим плечам и, как прежде, приободрит меня. Но все ее внимание было поглощено смартфоном.

Я поднял голову и увидел, что она что-то напряженно читает.

— Что-то случилось?

Она подняла руку вверх, прося меня подождать, дочитала до конца и сказала:

— Медведев только что распорядился расследовать обстоятельства смерти Сергея!

— Что?

— Президент Медведев собирается начать расследование!

— Серьезно?

— Да. Здесь говорится, что председатель совета по правам человека ввела его в курс дела, и он поручил генеральному прокурору и министру юстиции провести проверку.

В этот момент зазвонил мой телефон. Это был Владимир.

— Билл, вы слышали новости, что Медведев…

— Да, мы с Еленой как раз их читаем. Что вы думаете по этому поводу?

— Знаете, Билл, я никогда не верил ни единому слову этих людей, но, с другой стороны, если это так, то что в этом может быть плохого?

— Думаю, ничего, — согласился я.

Ничто не вернет Сергея, но эта новость позволяла надеяться хотя бы на то, что фундамент лжи даст трещину. А вдруг это шанс — пусть и крохотный, — что российское руководство не последует вновь «катынскому принципу» и не будет лгать об убийстве Сергея.

Две недели спустя, одиннадцатого декабря, пресс-секретарь Медведева сообщил, что по итогам служебной проверки смерти Сергея уволено двадцать руководителей федеральной системы исполнения наказаний. Услышав об этом, я начал представлять, как мучителей Сергея арестовывают по домам и бросают в те же камеры, где томился Сергей.

В тот же день ко мне с мрачным видом подошел Вадим, сжимая в руке какие-то листки.

— Что это? — спросил я, кивнув на бумаги.

— Имена уволенных чиновников. Девятнадцать не имеют ни малейшего отношения к делу Сергея. Некоторые вообще работали за тысячи километров от Москвы — во Владивостоке и Новосибирске.

— А есть в этом списке кто-то причастный?

— Всего один. Но это чушь собачья. Просто пыль в глаза.

Кульминацией отговорок и показушных увольнений стала реакция властей на отчет независимой наблюдательной комиссии по правам человека в местах заключения, опубликованный двадцать восьмого декабря. Эта московская общественная группа расследует нарушения прав заключенных, факты жестокого обращения с ними и подозрительные смерти в следственных изоляторах столицы. Вскоре после гибели Сергея комиссия начала собственное расследование. Проходило оно под руководством честнейшего человека — Валерия Васильевича Борщева. Он и возглавляемая им комиссия лично опрашивали охранников, врачей и сокамерников, так или иначе связанных с Сергеем. Они изучали заявления и жалобы Сергея и материалы его уголовного дела.

Их выводы были однозначными:

> «Поведение медиков <…> не было халатностью. Это было <…> неоказание медицинской помощи»; на Сергея «оказывалось психологическое и физическое давление»; «случай с С. Л. Магнитским может рассматриваться как нарушение[18] права на жизнь»; следователи, прокуроры и судьи сыграли свою роль «в создании пыточных условий содержания»; и, наконец, «они намеренно скрывают правду».

Борщев направил отчет в пять различных правительственных учреждений, в том числе в Администрацию Президента, Министерство юстиции и Генеральную прокуратуру.

На выводы комиссии не ответило ни одно.

То, что «Новая газета» опубликовала фрагмент тюремных дневников Сергея на первой полосе, и его прочитало множество людей, не имело для власти никакого значения.

Для них не имело никакого значения и то, что после смерти Сергея вышло 1148 статей на русском языке и 1257 репортажей на английском, в которых упоминались его имя и его история.

Для них не имело значения, что убийство Сергея нарушает негласный общественный договор: «Не вмешивайтесь в конфликтные сферы — политику, вопросы прав человека или Чечню — и живите себе спокойно, довольствуясь плодами авторитарного режима».

Силовые структуры были так поглощены сокрытием фактов, что даже не понимали — то, что произошло с Сергеем, задевает каждого. Сергей был всего лишь хорошим специалистом по налоговому законодательству — представителем молодого среднего класса России, простым человеком, который любит свою семью и каждый день ходит на работу в скромный офис.

Единственное несчастье Сергея заключалось в том, что он случайно обнаружил, как чиновники-коррупционеры совершили крупное хищение из государственной казны, и поступил как патриот своей страны: дал показания. За это его вырвали из нормальной жизни и бросили за решетку, где медленно и методично запытали до смерти.

В конце концов на месте Сергея Магнитского запросто мог оказаться любой россиянин.

Я прятал сомнения, желая верить в то, что Россия оставила далеко в прошлом «катынский принцип» — сознательное распространение лжи от лица государства, чтобы скрыть свою ответственность за преступление. Но под ярким лучом общественного внимания зло не исчезло само. Я хотел добиться

справедливости для Сергея в его стране, но другого варианта, кроме как сделать это за пределами России, не видел.

32. Война Кайла Паркера

Как же мне добиться справедливости на Западе в отношении пыток и убийства, совершенных в России?

Поскольку правительство Великобритании показало свою несостоятельность, мне надо было расширить область поисков. Мое происхождение логично указывало на следующий шаг — обратиться за помощью к американским политикам.

Договорившись заранее о ряде встреч, второго марта 2010 года я прибыл в Вашингтон. В городе было холодно, и время от времени накрапывал мелкий дождь. Моя первая встреча была с Джонатаном Вайнером, ведущим специалистом по вопросам международного уголовного права. Прежде чем заняться частной практикой, Джонатан служил заместителем помощника госсекретаря по правопорядку и контролю за оборотом наркотиков, или, как говорили в Вашингтоне, «замом по наркоте и криминалу». Он отвечал за внешнюю политику США в отношении наркоторговцев и русской мафии. Работал он результативно и не давал спуску никому.

Я прибыл в офис Джонатана, расположенный в центре города, утром третьего марта. Учитывая его репутацию, я ожидал увидеть рослого, сурового человека, эдакого Клинта Иствуда, и подумал, что ошибся адресом, когда увидел в кабинете мужчину ростом где-то метр семьдесят, с залысиной и продолговатым лицом. Ему было лет за сорок, и он смахивал на одного из моих любимых профессоров экономики в университете. По внешнему виду Джонатан казался совсем не похожим на супергероя и борца с преступностью, которого рисовало мое воображение. Он пригласил меня войти. Мы сели, и Джонатан вежливо попросил рассказать все факты. Слушал он внимательно, не перебивая, и время от времени делал заметки на небольшой карточке. Только после того, как я закончил свою речь и Джонатан начал говорить, я понял, чем он заслужил свою репутацию.

— Вы уже обращались с этим вопросом в Сенатский комитет по международным отношениям? — выстрелил он низким отрывистым голосом первый вопрос.

— Нет. А следовало?

— Безусловно. Добавьте их в свой список, — сказал он и поставил галочку рядом с одним пунктом в своих записях. — А в комитет Палаты представителей США по расследованиям?

— Нет. А какова его роль? — спросил я, начиная чувствовать себя неподготовленным школьником.

— У него почти неограниченные полномочия проводить

расследования. Их тоже внесите в список. Как насчет Хельсинкской комиссии США?

— Да, я встречаюсь с ними в последний день пребывания в Вашингтоне, — ответил я, с облегчением отметив, что не провалил экзамен полностью. Мне почему-то очень хотелось получить одобрение этого человека, хотя мы с ним только что встретились.

— Хорошо. Это важно. Сообщите мне потом о результатах встречи. — Он поставил еще одну галочку в заметках. — А что с Госдепартаментом? Вы планируете с кем-нибудь там встретиться?

— Да, завтра. С главой российского отдела Кайлом Скоттом.

— Для начала неплохо. На данном этапе они все равно не дадут вам встретиться с людьми повыше, поэтому сейчас это подходящий вариант. Но важно, что именно вы ему скажете. — Джонатан выдержал паузу. — У вас есть план?

С каждым вопросом я все больше осознавал, что не имею ни малейшего представления о том, что делаю.

— Я собирался рассказать ему о том, что произошло с Сергеем, — неуверенно произнес я.

Лицо Джонатана расплылось в доброжелательной улыбке, как будто он говорил с ребенком.

— Билл, у Скотта будет обширнейшее аналитическое досье и на вас, и на Сергея. С ресурсами правительства США он, вероятно, знает о вашей истории больше вас. С точки зрения Госдепартамента, основная цель такой встречи — оценка рисков. Они будут решать, достаточно ли серьезна эта ситуация, чтобы побуждать правительство к принятию каких-нибудь мер. А ваша задача — показать им ее значимость.

— Хорошо. И как мне это сделать?

— Все зависит от того, что вам от них нужно.

— В конечном итоге мне нужно, чтобы те, кто причастен к убийству Сергея, не остались безнаказанными.

Джонатан несколько секунд тер подбородок.

— Ну, если вы решили запустить лису в курятник, я бы рекомендовал просить их задействовать президентский указ за номером 7750. Он дает Госдепартаменту право налагать визовые санкции на коррумпированных иностранных чиновников. Буш подписал его в 2004 году. Эту пощечину в России несомненно прочувствуют.

Идея применить указ 7750 была гениальной. Визовые санкции способны задеть российского коррупционера за живое. После крушения Советского Союза вороватые российские чиновники стали путешествовать по всему миру, заполонив роскошные отели от Монте-Карло до Беверли-Хиллс и соря

деньгами так, будто завтра потоп. Если я смогу убедить правительство США ограничить их передвижение по свету, это станет шоковой терапией для российской «элиты».

— А Госдеп пойдет на это? — поинтересовался я.

— Маловероятно, но попробовать стоит, — пожал плечами Джонатан. — Этот указ почти не применяется, но он существует. В свете доказательств по вашему делу будет интересно посмотреть, какие аргументы они приведут, чтобы не применять его.

Я встал:

— В таком случае, решено. Огромное спасибо за ваше время.

Я покинул кабинет Вайнера, чувствуя воодушевление. Я все еще был для Вашингтона новичком, но теперь у меня, по крайней мере, есть план, да еще и сторонник.

Я прибыл в Госдепартамент на улицу Си-стрит на следующее утро. Простое на вид угловатое здание походило больше на вытянутый кирпич, чем на средоточие дипломатической мощи США. После длительной процедуры досмотра меня встретила помощница Кайла Скотта и повела, ритмично постукивая черными шпильками, по тусклым коридорам, застланным линолеумом. Наконец мы очутились у двери с табличкой «Управление по делам России».

Она открыла дверь и показала рукой:

— Пожалуйста.

Я прошел в небольшой офис из нескольких помещений. Она проводила меня в угловой кабинет:

— Господин Скотт сейчас подойдет.

Обычно угловой кабинет призван подчеркнуть начальственное положение, но, осмотревшись, я отметил, что это, пожалуй, единственная примета статуса Кайла Скотта. Кабинет был тесноват, здесь едва хватало места для письменного стола, двухместного диванчика, журнального столика и пары стульев. Я расположился на диванчике и стал ждать.

Через несколько минут в кабинет в сопровождении помощницы вошел Кайл Скотт.

— Добрый день, господин Браудер.

Кайл Скотт, мужчина примерно моего роста и возраста, с близко посаженными карими глазами, одет был в белую рубашку с красным галстуком и серый костюм — типичный мундир вашингтонского бюрократа.

— Благодарю, что вы согласились на встречу, — сказал он, великодушно не упомянув, что это я просил о ней.

— Это вам спасибо, что уделили мне время, — ответил я.

— У меня есть для вас кое-что, что должно вас порадовать, —

произнес он с улыбкой заговорщика. Его помощница — девушка в сером брючном костюме с ярко-красным шелковым шарфом, повязанным вокруг шеи, — делала записи в блокноте. Скотт развернулся и взял со стола заполненную документами папку — там наверняка лежала вся аналитика обо мне и Сергее, как и предполагал Джонатан. Скотт свел ноги и, положив папку на колени, достал из нее один листок.

Я был заинтригован.

— Что это?

— Господин Браудер, в начале каждого года Госдепартамент публикует доклад о соблюдении прав человека, и в этом году в доклад внесены два очень сильных абзаца о деле Магнитского.

Я слышал, что международные неправительственные организации типа «На страже прав человека» или «Международной амнистии» круглый год работают над тем, чтобы включить в этот доклад то или иное дело, а тут вдруг Кайл Скотт сам предлагает мне это на блюдечке.

Может быть, в других делах это имело большое значение, но не в нашем. Российскому правительству наплевать на пару абзацев в американском правительственном докладе о правах человека. Российские власти активно покрывали масштабное преступление, и единственное, на что им было не наплевать, — это реальные последствия.

Кайл Скотт смотрел на меня, ожидая реакции.

— Могу я ознакомиться с текстом?

Он протянул мне листок. Я прочитал текст — он звучал достаточно жестко, но это всего лишь слова. Я взглянул на Скотта и вежливо произнес:

— Это замечательно. Я благодарен вам. Но у меня есть еще одна просьба.

Скотт сменил позу, как бы в некоторой неловкости, а его помощница подняла взгляд от своих записей.

— Да, конечно, я вас слушаю.

— Дело в том, господин Скотт, что мне стало известно о нормативном акте, который, как я полагаю, будет весьма кстати в деле Магнитского. Речь идет о президентском указе за номером 7750, который может применяться для запрета на въезд в Соединенные Штаты коррумпированным иностранным чиновникам.

Скотт выпрямился и парировал:

— Мне известно об этом указе. Но какое он имеет отношение к данному делу?

— Указ применим в нашем случае, поскольку очевидно, что чиновники, ответственные за гибель Сергея, являются

коррупционерами и, следовательно, подпадают под действие указа. Госсекретарь должен запретить им въезд в США.

Помощница лихорадочно записывала за мной, как будто я наговорил раза в три больше слов. Они не ожидали, что беседа примет такой оборот. Джонатан Вайнер был прав.

Это было не то, что им хотелось слышать, поскольку с тех пор, как в 2008 году президентом США стал Барак Обама, Белый дом в отношении России вел политику умиротворения. Американская администрация даже придумала ей особое название — «перезагрузка». Она была призвана восстановить подпорченные отношения между Кремлем и Вашингтоном, но на деле это означало, что Америка готова закрывать глаза на нелицеприятные эпизоды в России, пока Кремль демонстрирует сотрудничество в сфере торговли, ядерного разоружения и других областях. Правительство Соединенных Штатов могло, разумеется, включить несколько пассажей в доклад, чтобы выразить свою «озабоченность» нарушениями прав человека, но главная политическая линия сводилась к тому, что США будет активно бездействовать по этому поводу.

Я просил о вещах, которые шли вразрез с этой политикой, и Скотт неожиданно оказался на тонком льду.

— Сожалею, господин Браудер, но… я по-прежнему не вижу, как указ номер 7750 можно применить в деле Магнитского, — сказал он уклончиво.

Я понимал, что Скотт находится в неудобном положении, но вместо того чтобы отступить, я решил проявить настойчивость:

— Как вы можете так говорить? Эти чиновники похитили у россиян двести тридцать миллионов долларов, а затем убили человека, который раскрыл это преступление. Они «отмыли» украденные деньги, и теперь ряд государственных структур занимается крупномасштабным сокрытием следов преступления. Указ 7750 издан именно для таких случаев!

— Но, господин Браудер, я не… невозможно будет доказать, что упомянутые лица действительно совершили то, о чем вы рассказали, — твердо заявил он.

Я пытался сохранять спокойствие, но чем дальше, тем труднее это давалось.

— В двух абзацах, которые вы мне только что показали, некоторые эти чиновники названы поименно, — сказал я с вызовом.

— Да… но ведь…

Я повысил голос:

— Господин Скотт, с момента распада Советского Союза это самый вопиющий и самый задокументированный случай

попрания прав человека. Независимые эксперты признали причастность конкретных российских чиновников к смерти Сергея. Я готов изложить вам факты.

Наш разговор отклонился от запланированного Скоттом сценария, и теперь он желал побыстрее завершить встречу. Он дал знак помощнице, та перестала делать записи и встала. Я тоже поднялся с места.

— Сожалею, господин Браудер, — произнес он, провожая меня до двери, — но я должен идти на следующую встречу. Буду рад обсудить с вами подробности в другой раз, но не сейчас. Еще раз благодарю за визит.

Я пожал ему руку, прекрасно понимая, что других встреч с ним не предвидится. Помощница Скотта молча проводила меня до выхода из здания.

Я покинул здание Госдепартамента, испытывая досаду и разочарование. Направившись пешком на восток в сторону Капитолийского холма к месту следующей встречи, я вскоре оказался в Национальной аллее. Надо мной нависло серовато-грязное небо. Навстречу, что-то оживленно обсуждая, приближались два молодых человека, лет двадцати, в синих пиджаках с медными пуговицами и бежевых брюках. У них еще подростковые прыщи не прошли, а они уже работали в Вашингтоне, играя в управление государством. Я был чужой в этом мире. Кто я такой, что думаю, будто у меня есть шанс чего-то добиться в Вашингтоне? Когда я встретился с Джонатаном, мне уже стало понятно, как мало я разбираюсь в политике. Это подтверждала и моя неприятная встреча с Кайлом Скоттом.

В тот день у меня состоялось еще несколько встреч, но все они прошли как в тумане — ни одна не дала конкретных результатов. Я только и думал о том, чтобы поскорее вернуться домой в Лондон.

Оставалась последняя встреча перед отъездом из Вашингтона — с Кайлом Паркером из Хельсинкской комиссии США. Именно он решил не включать вопрос о Сергее в подборку материалов для президента Обамы, когда Сергей был еще жив, поэтому на теплый прием я не рассчитывал. Я пошел на эту встречу только потому, что Джонатан Вайнер подчеркивал ее важность, когда мы обсуждали план действий в Вашингтоне.

Кайл Паркер запомнился мне как человек лет за тридцать, с бездонными глазами, в которых, несмотря на молодой возраст, будто отразилась вся печаль мира. Он великолепно владел русским языком и хорошо разбирался во всем, что происходит в России. Он с равным успехом мог бы работать не в малоизвестном правительственном комитете по правам человека,

а где-нибудь на престижной должности в ЦРУ.

Я добрался до офисного здания «Форд-хаус» на улице Ди-стрит, всего в квартале от железнодорожных путей и автомагистрали. Это унылое серое строение без признаков архитектурной мысли на фасаде находилось далеко от центра Капитолийского холма. Пожалуй, худшей недвижимости у правительства не было. Заходя внутрь, я подумал, что именно сюда выселяют все вспомогательные структуры конгресса, которые не входят во властный круг.

Кайл Паркер встретил меня у проходной службы безопасности и провел в переговорную комнату — там было прохладно, а на книжных полках располагалась коллекция всяких памятных вещей и сувениров из СССР. Он сел во главе стола, и на какое-то время в комнате воцарилась неловкая тишина. Я сделал было вдох, чтобы нарушить ее, но Паркер опередил меня:

— Билл, должен вам сказать — я глубоко сожалею о том, что в прошлом году мы не приложили больше усилий, чтобы помочь Сергею. Не могу даже выразить, как часто я думаю об этом с тех пор, как его не стало.

Я не ожидал услышать от него такие слова, и мне потребовалось какое-то время, чтобы собраться с мыслями и сказать:

— Мы пытались, Кайл.

И вдруг он произнес фразу, которая настолько противоречила всем канонам официального Вашингтона, что я до сих пор не могу в это поверить:

— Когда после смерти Сергея вы опубликовали материал его памяти, я ехал в метро и перечитывал его снова и снова. Я был раздавлен горем. Ведь всего за четыре месяца до этого вы приезжали сюда и просили о помощи. Я разрыдался прямо там, в метро. Дома я прочел статью жене, и она тоже расплакалась. Это убийство — одна из самых больших трагедий, с которыми мне пришлось столкнуться с начала работы здесь.

Я был ошеломлен — никогда не слышал, чтобы американский чиновник говорил настолько по-человечески и с таким чувством.

— Кайл, не знаю, что и сказать. Для меня это тоже стало ужасным потрясением. По утрам меня поднимает только одна мысль — что в течение дня я могу что-то сделать, чтобы те, кто совершил это против Сергея, предстали перед законом.

— Я знаю. И помогу вам.

Я глубоко вздохнул. Этот Кайл Паркер отличался от всех, с кем мне приходилось встречаться в Вашингтоне.

Я хотел рассказать ему о встрече в Госдепартаменте, но не

успел: он уже сам искал решение.

— Билл, я хочу составить список всех причастных к незаконному аресту, пыткам и гибели Сергея. Не только Кузнецова с Карповым и других сотрудников из МВД, но и врачей, которые игнорировали обращения о помощи, судей, которые проштамповали решения о содержании Сергея под стражей, налоговиков, которые украли деньги у сограждан. Всех, кто имел прямое касательство к убийству Сергея.

— Это несложно, Кайл. У нас есть эта информация и подтверждающие документы. Но что вы думаете делать?

— Я вам скажу: организую поездку в Москву представителей конгресса для изучения фактов, и посольство США обзвонит всех по этому списку, чтобы устроить встречи, на которых будет идти речь о деле Магнитского. Не думаю, что многие согласятся, но российское правительство наверняка сильно встревожится тем, что Америка обратила такое пристальное внимание на смерть Магнитского.

— Мысль хорошая, хотя я вижу множество причин, почему это не сработает. Однако такой список можно задействовать иным способом.

— Слушаю вас.

Я рассказал ему о своей встрече с Джонатаном Вайнером, об указе номер 7750 и о визите к Кайлу Скотту в Госдепартамент. Пока я говорил, Кайл Паркер делал записи.

— Это отличная идея… — Он постучал ручкой по блокноту. — Какова была реакция в Госдепартаменте?

— Испуганная. Стоило мне произнести «7750», как Скотт напустил туману и едва ли не выдворил меня из кабинета.

— Я вот что скажу. Я поговорю с сенатором Карденом и попрошу его направить письмо госсекретарю Хиллари Клинтон с ходатайством о применении указа номер 7750. — Он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза. — Посмотрим, откажут ли они сенатору США.

33. Расселл 241

По возвращении в Лондон я собрал коллег, чтобы поделиться новостями о том, как прошла поездка в Вашингтон. Я знал, что им сейчас нужны хорошие вести, ведь все, что мы делали в России, не принесло результатов. Я не стал с ходу подбадривать коллег, пока они рассаживаются в креслах, и решил просто рассказать им вашингтонскую историю целиком, напоследок оставив идею о визовых санкциях и обращении сенатора Кардена к Хиллари Клинтон.

— Билл, ты понимаешь насколько это важно? — сказал Иван, когда я закончил рассказ. — Если это получится, то на нашей стороне будет правительство США!

— Знаю, Иван, знаю.

Это подняло боевой дух, особенно русской части нашей команды. Те, кто читал Чехова, Гоголя или Достоевского, знают, что в русских историях не бывает счастливого конца; об этом же говорил нам Сергей. Россияне привыкли к невзгодам, страданиям и отчаянию и стали принимать как данность то, что успех и справедливость — это не их удел. Не удивительно, что во многих укоренился глубинный фатализм — мир плох, так будет всегда, а любые попытки его изменить обречены.

А вот молодой американец по имени Кайл Паркер бросает вызов фатализму.

К сожалению, прошла неделя, за ней другая, потом третья, а от Кайла ни звука. Я заметил, что Иван, Вадим и Владимир с каждым днем теряют надежду и возвращаются к фаталистическому взгляду на вещи — к концу недели я и сам этим заразился. Я сдерживал желание позвонить Кайлу, опасаясь все испортить. Но чем больше времени проходило с момента встречи с Кайлом, тем больше я сомневался в том, что верно истолковал его слова.

К концу марта 2010 года я не мог больше ждать и набрал его номер. Кайл тут же поднял трубку, будто специально сидел и ждал моего звонка.

— Да, слушаю, — бодро произнес он.

— Добрый день, Кайл. Это Билл Браудер. Прошу прощения за беспокойство, но мне хотелось бы узнать, когда примерно будет готово письмо сенатора Кардена. Для нашей кампании оно имеет колоссальное значение… я бы даже сказал, что оно может все изменить.

— Вынужден признать, Билл, что дела здесь у нас обычно быстро не делаются. Но не волнуйтесь, просто наберитесь

терпения и подождите еще немного. Я отношусь к этому вопросу со всей серьезностью.

— Что ж, я попробую, — ответил я, не чувствуя себя убежденным. — Но если я хоть как-то могу помочь, прошу вас, дайте мне знать.

— Обязательно.

Как бы сильно я ни верил в то, что Кайл искренне взволнован смертью Сергея, совет набраться терпения казался мне вежливой формой отказа. Я был уверен, что многие в Вашингтоне не поддержат санкции, и в итоге никакого письма Кардена не будет.

Несколько недель спустя, в пятницу вечером, я решил отвлечься ненадолго от дел, связанных с нашей кампанией, и пошел с Еленой и Дэвидом в кинотеатр на Лестер-сквер. Там шел политический триллер Романа Полански «Призрак»[19] о писателе-невидимке и влиятельном политике — как раз под стать моей ситуации. Когда мы под хруст попкорна смотрели трейлеры новых фильмов, завибрировал телефон. Я взглянул на номер — это был Кайл Паркер. Я шепнул Елене, что сейчас вернусь, и вышел в фойе.

— Да?

— Билл, у меня хорошие новости. Оно готово и в понедельник утром уйдет к госсекретарю Клинтон.

— Письмо? Все-таки у вас получилось?

— Ага. Сейчас добавляем последние штрихи, и через час я смогу вам его переслать.

Разговор был завершен. Я рассеянно смотрел кино, с трудом успевая за поворотами сюжета. Как только фильм закончился, мы поспешили домой, и я сразу же распечатал копию письма, адресованного Хиллари Клинтон. Сжимая лист обеими руками, я несколько раз его перечитал.

Текст был великолепный — емкий и убедительный. В заключительном абзаце говорилось:

> «Я призываю Вас незамедлительно отменить и навсегда отозвать визовые привилегии США в отношении всех лиц, причастных к этому преступлению, а также их иждивенцев и членов их семей. Сделав это, мы в какой-то мере восстановим справедливость в отношении погибшего господина Магнитского и его семьи и подадим важный сигнал для коррумпированных чиновников в России и во всем мире, что США настроены серьезно бороться с коррупцией за рубежом и тем вредом, который она наносит».

Я тут же перезвонил Кайлу:

— Это потрясающе! Не могу передать, как много это значит для меня и для всех, кто знал Сергея…

— Я ведь говорил, что мы всё сделаем, Билл, и это были не просто слова. Мое сердце исполнилось горем, когда Сергея убили. Я хочу добиться того, чтобы принесенная им жертва была ненапрасной, — сказал Кайл слегка срывающимся голосом.

— Что дальше?

— В понедельник письмо будет направлено Клинтон. Сразу же после отправки его опубликуют на сайте комиссии.

— Отлично. Тогда до связи в понедельник. Хороших выходных!

В ту ночь я часа два ворочался, пытаясь уснуть. Действительно ли Карден сделает это? Вдруг в последний момент что-то помешает ему? А если получится, что сделает Клинтон? Как отреагируют русские?

И вот наступило утро понедельника. Я рано пришел на работу, сел на рабочее место и открыл сайт Хельсинкской комиссии США. Ничего. Но утро наступает в Лондоне на пять часов раньше, чем в Вашингтоне, поэтому вполне логично было ожидать, что письмо опубликуют чуть позже.

В полдень я снова проверил сайт — вновь ничего. В нетерпении расхаживая по офису, я заметил, что не я один прилип вниманием к сайту Хельсинкской комиссии: на экранах Вадима, Ивана и Владимира была та же страница, но сколько мы ее ни обновляли, письмо не появлялось.

И вот в 14:12 по Лондону — 9:12 утра в Вашингтоне — появилась новая страница. На меня с экрана смотрели Кузнецов и Карпов, их фотографии были обрамлены в рамки в стиле «их разыскивает полиция». Там же была копия письма сенатора Кардена госсекретарю Хиллари Клинтон. К письму прилагался список из шестидесяти лиц, причастных к смерти Сергея и краже налогов, а рядом с каждой фамилией были указаны сведения: дата рождения, должность и роль в деле Магнитского. Карден предлагал лишить въездных виз и не выдавать их в будущем всем упомянутым в списке лицам.

Я откинулся на спинку кресла.

Свершилось! Правду узнают все и во всем мире. Наконец-то удалось что-то сделать, чтобы призвать к ответу виновных в гибели Сергея. Я смотрел на экран, а к горлу подступал ком… Если бы Сергей увидел, что его душераздирающие письма из следственного изолятора с просьбами о помощи наконец-то услышаны…

Через десять минут эта новость уже была в лентах российских информагентств. В течение получаса историю подхватила и

западная пресса. К концу дня появился новый термин — «список Кардена», и он постоянно мелькал в прессе.

В России о Бенджамине Кардене никто прежде не слышал, но после двадцать шестого апреля 2010 года стало само собой разумеющимся, что сенатор Карден из штата Мэриленд — самая весомая фигура на политической арене. Российские правозащитники и политическая оппозиция взяли эту идею на вооружение и принялись писать письма президенту Обаме и главе Евросоюза в поддержку списка Кардена.

Впервые со времен Рональда Рейгана русские увидели, как иностранный политик предпринимает решительные действия в вопросе прав человека в России.

Как ни печально, но в прежние годы, что бы ни творилось в России, иностранцы ничего не замечали, а в тех редких случаях, когда нарушения прав человека получали огласку, зарубежные правительства почти всегда игнорировали их. И вдруг американский сенатор призывает лишить шестьдесят поименно названных российских чиновников права на въезд в Соединенные Штаты, потому что эти люди причастны к чудовищному преступлению против личности. Беспрецедентное событие.

В то время как простые россияне радовались этому, приближенные к Путину чиновники были вне себя. Люди его круга сказочно обогатились на хлебных должностях, и на пути к богатству многие совершали неприглядные дела. Список Кардена представлял для них потенциальную угрозу — они рисковали попасть в будущем под те же санкции. С появлением этого списка все для них изменилось.

Впрочем, поначалу они могли не особенно беспокоиться. Вашингтонский Госдепартамент не горел желанием реагировать на письмо Кардена в надежде, что проблема рассосется сама собой, если ничего не предпринимать.

Но этого не произошло. Пока Госдепартамент игнорировал сенатора Кардена, Кайл повышал ставки. Он организовал мое выступление о деле Магнитского перед комиссией Палаты представителей конгресса США по правам человека имени Тома Лантоса.

Слушания были назначены на шестое мая и проходили в «Рейберн-хаусе» — здании Палаты представителей Конгресса США, расположенном к юго-западу от Капитолийского холма. Это здание было достроено в 1965 году, оно представляло собой образец неоклассической архитектуры, каких немало по всему Вашингтону, но заметно отличалось внутренним видом. Здесь не было устремленных ввысь мраморных колонн, сводов и панелей из вишневого дерева на стенах. Вместо этого полы из линолеума,

низкие потолки и хромированные детали часов и лифтов.

Я никогда раньше здесь не был, поэтому приехал задолго до десяти утра, чтобы осмотреться и прочувствовать атмосферу места. Я вошел со стороны Индепенденс-авеню через небольшой контрольно-пропускной пункт, на котором дежурили два полицейских. Отыскав аудиторию 2255, я заглянул внутрь. В просторном зале для слушаний была устроена полукруглая платформа для членов комиссии, два длинных стола для приглашенных докладчиков и галерея для публики, вмещавшая человек семьдесят. Председателя — конгрессмена от штата Массачусетс по имени Джим Макговерн — пока не было, но персонал и помощники уже ходили по залу и оживленно переговаривались. Я вышел в коридор и некоторое время прокручивал в голове текст своего выступления о Сергее.

Когда я вернулся в зал, на столах докладчиков уже были расставлены таблички с именами выступающих. В числе приглашенных были представители авторитетных правозащитных организаций — Комитета защиты журналистов, международной организации «На страже прав человека» и Центра содействия международной защите. Как бизнесмен, я чувствовал себя немного не в своей тарелке среди профессиональных правозащитников.

В галерее я заметил сидевшего сбоку Кайла Паркера, и в этот момент в зал вошел конгрессмен Макговерн. Это был человек приятной наружности, с мальчишескими чертами лица, но уже с заметной лысиной. Он поприветствовал всех выступающих крепким рукопожатием. Говорил он с явным бостонским акцентом. Не знаю почему, но я моментально проникся к нему симпатией. Он предложил всем занять свои места, после чего ровно в назначенное время открыл заседание.

Первым докладчиком была защитница российских журналистов, подвергшихся политическим репрессиям и расправам. Она зачитала заявление, со знанием дела изложила суть вопроса и привела многочисленные факты и цифры, касающиеся убийств и похищений журналистов, которые разоблачали преступления путинской власти. Меня повергли в трепет как масштаб ее выступления, так и глубина понимания политических проблем. Я собирался рассказать всего об одном деле, судьбе одного человека и даже не подготовил письменное заявление.

Следующий докладчик, представительница организации «На страже прав человека», также привела многочисленные факты разнообразных нарушений прав человека в России, зафиксированные ее организацией. Она также упомянула ряд

печально известных дел, в том числе убийство журналистов Анны Политковской и Натальи Эстемировой. Я хорошо помнил обе трагедии, и доклад произвел на меня неизгладимое впечатление. Когда она закончила речь, я еще острее почувствовал себя здесь не у дел.

Но эти выступления не очень тронули присутствующих в зале — они регулярно посещали подобные заседания и наслушались многого. Они сидели, уткнувшись в экраны своих смартфонов, бегая пальцами по клавишам, и едва ли замечали, как один докладчик на трибуне сменяет другого.

Подошла моя очередь выступать. У меня не было при себе ни статистических данных, ни таблиц, ни политических рецептов. Чувствуя себя неловко, я просто встал, поправил рукава пиджака и начал говорить.

Я немного рассказал о себе, а затем поведал страшную и тяжелую историю Сергея Магнитского.

Конгрессмен Макговерн внимательно слушал и смотрел прямо мне в глаза. Шаг за шагом я подробно описал ему и другим слушателям, как Сергей раскрыл преступление, как после дачи показаний его арестовали, как изощренно пытали в следственном изоляторе и как после всего этого убили.

Во время выступления я обратил внимание, что многие перестали стучать по клавишам смартфонов.

Заканчивая речь, я попросил комиссию поддержать требование сенатора Кардена о применении Госдепартаментом визовых санкций в отношении убийц Сергея.

В заключение я сказал: «Дело Сергея Магнитского — это история одного человека, но в России есть тысячи и тысячи похожих историй. И ответственные за них будут продолжать бесчинствовать, если только не найдется способ бросить им вызов и показать, что такие поступки не останутся безнаказанными».

Я сел и взглянул на часы. Вся речь заняла восемь минут. Я размял руки под столом и огляделся. У нескольких слушателей в зале, в том числе у правозащитников, на глазах выступили слезы. Я ждал, что кто-нибудь заговорит, но в зале стояла тишина.

Секунд через двадцать Макговерн сплел пальцы рук и наклонился вперед:

— Я имею честь быть сопредседателем этой комиссии вот уже почти два года, и за это время очень многое узнал. Нас так часто заваливают статистикой и цифрами, что мы иногда теряем человеческую способность почувствовать, что они означают. Господин Браудер, я благодарен вам за то, что вы пришли сюда и рассказали о деле господина Магнитского. Это поистине трагическая история. Я убежден, что убийцы не должны иметь

право приезжать сюда и вкладывать средства в наши предприятия. Последствия должны быть. Поэтому, полагаю, будет правильно, если мы не только направим письмо Хиллари Клинтон, но и внесем законопроект, вписав туда имена этих шестидесяти человек, а затем передадим его комитету с официальными рекомендациями для проведения слушаний, одобрим его на заседании Палаты представителей и уведомим администрацию президента о том, что именно такие последствия должны наступить! И вы, господин президент, обязаны это выполнить! Потому что иначе ничего не произойдет. Даю слово, что так мы и поступим.

Кайл Паркер, сотрудник администрации Сената США, который принял активное участие в подготовке закона Магнитского, показывает маме Сергея ротонду Капитолия в апреле 2013 года (© Allison Shelley)

Когда слушания закончились, мы с Кайлом молча вышли из зала. Неужели Макговерн только что пообещал представить законопроект Магнитского? Так и есть. Это превзошло самые смелые ожидания и казалось невероятным.

Мы спустились вниз по лестнице, и я спросил:

— Кайл, как вы считаете, Карден сможет сделать то же самое в Сенате?

Кайл остановился.

— Учитывая то, что сейчас произошло, Билл, не могу

представить, чтобы Карден сказал «нет».

Чуть позже Кайл позвонил и сообщил, что Карден готов инициировать законопроект в сенате. Так неожиданно возник небольшой, но реальный шанс, что в США появится закон имени Сергея — закон Сергея Магнитского.

Конечно, от замысла до принятия закона лежит долгий путь. Предстояло много работы. Для начала нужен был сам законопроект, который Карден и Макговерн смогут внести на рассмотрение обеих палат. Когда текст документа будет готов, он должен пройти одобрение комитетов и сената, и палаты представителей. Затем последует голосование в каждой палате конгресса. Если обе палаты одобрят законопроект, он пойдет на подпись президенту.

Ежегодно конгресс рассматривает тысячи законопроектов, но принимает лишь несколько десятков. Было крайне важно, чтобы проект документа, который Карден и Макговерн представят коллегам в своих палатах, был с самого начала выше всякой критики. Кайл все лето трудился над этим законопроектом, и в процессе работы между нами крепла дружба. Мы общались практически каждый день, иногда даже дважды в день, и внимательно изучали все аспекты законодательства США относительно санкций.

К началу сентября приемлемый текст законопроекта был готов.

Когда Кайл прислал мне документ, я спросил:

— Как скоро сенатор Карден сможет назначить дату голосования по нему в сенате?

— Это не так просто, Билл, — рассмеялся Кайл. — В Вашингтоне, чтобы законопроект прошел, нужна поддержка со стороны обеих основных партий. Чтобы инициировать законопроект, нам требуется участие уважаемого и влиятельного сенатора от республиканской партии. Только после этого можно будет начинать процесс.

— А Карден найдет такого человека?

— Возможно, но если вы хотите ускорить процесс, можете попробовать что-нибудь предпринять со своей стороны. То, что пережили Сергей и вы, никого не оставляет равнодушным.

Я не хотел пускать такой важный вопрос на самотек, поэтому после разговора с Кайлом внимательно просмотрел список сенаторов-республиканцев, которые могли бы выступить инициаторами законопроекта, и одно имя кричало со страниц: Джон Маккейн.

Сенатор Маккейн, сам пройдя через ужас тюрем и пыток, был способен искренне сопереживать судьбе другого человека,

погибнувшего от истязаний в заключении. Во время войны во Вьетнаме он был морским летчиком-истребителем и, когда его самолет сбили, попал в плен. Пять лет его держали в лагере для военнопленных, подвергая пыткам. Я был уверен, что он поймет весь кошмар, который пришлось пережить Сергею, и захочет помочь.

Но что предпринять и как добиться встречи с Джоном Маккейном? Подступиться к конгрессменам на Капитолийском холме непросто, и чем важнее политик, тем сложнее к нему пробиться. Поэтому в Вашингтоне появилась даже отдельная профессия — лоббист. Когда я попробовал поспрашивать людей, не могут ли они представить меня сенатору Маккейну, на меня смотрели так, будто я с луны свалился.

Тут я вспомнил про одного человека, который мог мне помочь. Звали ее Джулианна Гловер. Это была высокая привлекательная дама с волнистыми золотисто-каштановыми волосами, она отличалась безупречным стилем и непринужденными манерами. Нас познакомил общий друг в Вашингтоне в 2006 году, вскоре после того, как меня лишили права въезда в Россию. Тогда она пригласила меня на общий обед в «Кафе Милано», модный итальянский ресторан в Джорджтауне. В конце мероприятия мы обменялись визитками, но лишь вернувшись в гостиницу и прогуглив ее имя, я понял, что сидел рядом с одним из наиболее влиятельных вашингтонских лоббистов.

Послужной список Джулианны впечатлял. Она работала пресс-секретарем вице-президента Дика Чейни, потом старшим советником по вопросам политики у генерального прокурора Джона Эшкрофта. Она последовала за Эшкрофтом, когда тот ушел из правительства, и возглавила вашингтонский офис его юридической фирмы «Эшкрофт груп». Джулианна пользовалась всеобщим уважением, и в 2012 году модный журнал Elle включил ее в десятку самых влиятельных женщин в Вашингтоне.

Как оказалось, после того ужина Джулианна тоже прогуглила меня в интернете и узнала о моих проблемах с российским правительством. На следующий день она позвонила мне и предложила посильную помощь. С того дня мы стали хорошими друзьями. Когда не стало Сергея, Джулианна и Джон Эшкрофт позвонили одними из первых, чтобы выразить свои соболезнования. «Мы понимаем, каково вам сейчас, Билл, — сказал тогда Эшкрофт, — но знайте, что вы не одни. Если мы хоть что-нибудь можем сделать, чтобы помочь вам или семье Сергея, мы всё сделаем. Только дайте знать».

И вот теперь мне действительно нужна была помощь — чтобы

организовать встречу с Джоном Маккейном.

Я позвонил Джулианне и ввел ее в курс дела. Она ответила, что устроить встречу с Маккейном будет нетрудно. «Неужели для нее это так просто?» — мысленно поразился я. Джулианна перезвонила минут через десять: «Билл, сенатор Маккейн встретится с вами двадцать второго сентября в три пятнадцать». Да, для нее это действительно было просто.

Двадцать первого сентября я полетел в Вашингтон, и на следующий день после полудня Джулианна встретила меня в фойе отеля. Мы на такси доехали до Капитолийского холма, прошли проверку службы безопасности на входе и направились к офису Маккейна — Расселл, 241.

В соответствии со статусом Маккейна в сенате, его офис располагался в самой престижной части здания и занимал ряд помещений с высокими потолками. Мы доложили о приходе, и помощница проводила нас в комнату ожидания. Здесь нас поприветствовал главный советник Маккейна по вопросам внешней политики — высокий, худой рыжеволосый мужчина с приветливой улыбкой по имени Крис Броуз. Мы немного пообщались с ним, ожидая, пока сенатор примет нас.

Через полчаса Маккейн поздоровался с нами в дверях крепким рукопожатием и пригласил в свой кабинет — уютное помещение с кожаным диваном, большим книжным шкафом и мягким освещением. Воздух был пропитан атмосферой американского запада. Если бы не высокие потолки и большое окно за письменным столом, офис можно было бы принять за благоустроенный домашний кабинет какого-нибудь книголюба из Финикса — столицы штата Аризона.

Я сел на диван, Маккейн устроился на стуле за журнальным столиком и сказал, прочистив горло:

— Благодарю за визит, господин Браудер. Мне сказали, что вы хотите сообщить мне о некоторых событиях, происходящих в России.

Вероятно, он полагал, что я ищу поддержки в каком-то деловом вопросе, связанном с российским бизнесом.

— Да, сенатор.

Я начал рассказывать историю о Сергее, и Маккейну вскоре стало ясно, что эта встреча не будет похожа на остальные. Не прошло и двух минут, как он остановил меня, чтобы уточнить дату ареста Сергея. Я ответил и продолжил рассказ. Немного погодя он снова прервал меня, чтобы расспросить об условиях содержания в тюрьме. Через некоторое время он опять задал вопрос. Так прошли отведенные мне пятнадцать минут. В дверь заглянула его помощница — сказать, что все готово для

следующей встречи. Я замер. Нельзя упускать возможность и не попросить его выступить инициатором законопроекта от республиканской партии.

— Мне нужно продлить встречу с господином Браудером, — произнес Маккейн и, когда помощница вышла, попросил меня продолжать.

Последовали новые вопросы и ответы. Через каждые пятнадцать минут появлялась помощница, но Маккейн вежливо давал ей понять, что ему нужно еще время. К тому моменту, как я закончил рассказ, беседа длилась почти час.

— Билл, история Сергея поистине ужасна. Я глубоко сожалею о том, что с ним произошло, и соболезную вам и всем, кто разделяет ваше горе.

— Спасибо, сенатор.

— Скажите, чем я могу помочь?

Я рассказал ему о Кардене и Макговерне и о разработке законопроекта Магнитского. Потом я добавил:

— Поскольку сенатор Карден — демократ, для этого законопроекта было бы очень важно заручиться поддержкой со стороны весомого политика-республиканца. Я надеялся, что этим человеком могли бы стать вы, сэр.

Маккейн с безмятежным выражением лица задумчиво откинулся на спинку стула.

— Разумеется, я согласен. Это самое малое, что я могу сделать.

Он повернулся к своему советнику, Крису Броузу, который все это время сидел рядом.

— Крис, свяжитесь, пожалуйста, безотлагательно с сенатором Карденом, чтобы включить меня в этот проект.

Затем он опять обратился ко мне:

— Вы были Сергею настоящим другом. Мало кто способен на то, что вы делаете, и я отношусь к этому с глубоким уважением. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам добиться справедливости для Сергея. Да благословит вас Бог.

Сенатор Джон Маккейн во время встречи с семьей в 2013 году Магнитских принимает благодарность за несгибаемую волю в борьбе за справедливость для Сергея.

34. Каста неприкасаемых

Пока я летал между Лондоном и Вашингтоном, прорабатывая политическое направление на Западе, наша команда в Лондоне занималась аспектами, связанными с Россией.

С тех пор как в октябре 2009 года мы разместили первое видео на Ютьюбе, к нам стали поступать обращения по телефону и электронной почте от людей из России, которые делились информацией по нашему делу. Среди них была Екатерина Михеева — она поведала нам леденящую душу историю.

Группа сотрудников МВД, как оказалось, терроризировала не только нас. По словам Екатерины, двое из этих «милиционеров» принимали участие в обыске офиса ее мужа Федора еще в 2006 году. После обыска его арестовали и отвезли в тот же изолятор, куда бросят Сергея. Продержали Федора там недолго, потом его вывели на улицу и препроводили к частной автомашине. Посадили на заднее сиденье и привезли в загородный дом километрах в пятидесяти от Москвы. Вскоре Федор догадался, что он взят как заложник. Екатерина сообщила нам, что одним из похитителей был Виктор Маркелов — тот самый осужденный за убийство «по неосторожности» преступник, который в 2007 году участвовал в краже наших компаний.

Похитители озвучили условия освобождения Федора его руководителю: двадцать миллионов долларов. Они также связались с его женой и предупредили: если та пойдет в милицию, то Федору не поздоровится, а ее саму «пустят по кругу» у нее же дома. Екатерина впала в отчаяние, но храбро продолжила борьбу за свою семью. Не поддавшись угрозам, она обратилась в ОМОН, а те уже нашли ее мужа, взяв штурмом дом, где его удерживали, освободили Федора и арестовали Маркелова и его сообщника.

К сожалению, история на этом не заканчивалась. Месяц спустя сотрудники МВД из того же отдела снова арестовали Федора и поместили в камеру вместе с одним из его похитителей. Мы не знаем, что с ним случилось в камере и кто к этому был причастен, но известно, что в итоге Федора осудили за якобы совершенное мошенничество и приговорили к одиннадцати годам лишения свободы, с отбыванием срока в колонии Кировской области, в восьмистах километрах от Москвы. Екатерине было тридцать четыре года, они с Федором имели двоих маленьких детей. Семейное счастье было растоптано, теперь Екатерине пришлось самой поднимать детей и заботиться о себе, пока муж выживал в лагерях.

Я знал, что мы имеем дело с бесчеловечными людьми, но после того как я услышал эту историю, остановить таких, как Кузнецов и Карпов, стало делом принципа.

Наша команда сосредоточилась на выяснении всех возможных сведений о Кузнецове и Карпове. С целью выявить их активы было изучено множество финансовой документации, банковских выписок, заявлений, судебных материалов и решений, регистрационных документов, писем и иных сообщений. Мы были уверены: что-нибудь да найдем. Кузнецов и Карпов вели гламурный образ жизни, носили дорогие костюмы и часы, ездили на шикарных машинах, хотя зарабатывали меньше полутора тысяч долларов в месяц. Любое свидетельство их необоснованной расточительности дало бы нам огромное преимущество.

Мы начали расследование, пробив их имена по базам данных, аналогичным тем, что пригодились во время наших антикоррупционных баталий с управленцами российских госкомпаний. К сожалению, попытки найти какие-либо активы, зарегистрированные на них лично, ни к чему не привели. Однако имена их родителей дали ряд прямых попаданий. Кузнецов и Карпов вели себя крайне неосмотрительно, принимая во внимание, что оба были сотрудниками МВД.

Одной из наиболее любопытных находок была собственность, зарегистрированная на мать Кузнецова: квартира площадью в полторы сотни квадратных метров в престижном высотном жилом комплексе «Эдельвейс» рядом с Кутузовским проспектом, который называют московскими Елисейскими полями. Окна квартиры выходили на Парк Победы, и ее рыночная стоимость составляла больше полутора миллиона долларов.

Кроме того, мы обнаружили, что отец Кузнецова зарегистрирован собственником квартиры площадью 83,6 квадратных метра в элитном комплексе «Созвездие Капитал» с рыночной стоимостью около семисот пятидесяти тысяч долларов.

В дополнение к этой престижной недвижимости на имя матери Кузнецова было зарегистрировано три земельных участка в пригороде Москвы, в Ногинском районе, общей стоимостью около ста восьмидесяти тысяч долларов.

Теоретически всю эту собственность действительно могли приобрести родители Кузнецова, но их совокупный месячный доход составлял всего четыре с половиной тысячи долларов, этого было явно мало для всех этих покупок. По нашему мнению, существовало лишь одно объяснение: за недвижимость заплатил их сын, Артем.

Имущество семьи Кузнецовых не ограничивалось элитной недвижимостью и землей. Согласно регистрационным данным,

мать Кузнецова владела новеньким автомобилем «Ленд-Ровер-Фрилендер» стоимостью около шестидесяти пяти тысяч долларов, а у жены Кузнецова был «Рэйндж Ровер», ценой в сто пятнадцать тысяч, и «Мерседес-Бенц SLK 200», стоимостью восемьдесят одну тысячу долларов.

Среди данных о пересечении российской границы и прохождении пограничного контроля обнаружились еще более любопытные факты, проливавшие свет на образ жизни Кузнецова. В 2006 году Артем с женой вдруг начали путешествовать по всему свету, как завсегдатаи модных курортов. За пять лет они совершили более тридцати поездок в восемь разных стран, побывав в Дубае, Франции, Италии и Великобритании, а на Кипр даже слетали на частном самолете.

Как показало наше расследование, общая стоимость активов семьи Кузнецовых превышала два миллиона шестьсот тысяч долларов. Для сравнения: чтобы накопить такую сумму, получая официальную зарплату в МВД, Кузнецову пришлось бы проработать сто сорок пять лет.

На Карпова мы раскопали не менее шокирующую информацию и все активы по той же схеме: элитная квартира с рыночной стоимостью девятьсот тридцать тысяч долларов, зарегистрированная на мать-пенсионерку; новехонькая «Ауди А3», спорткар «Порше 911», зарегистрированный также на имя матери, и «Мерседес-Бенц Е280» на его имя. Согласно данным о передвижениях Карпова по свету, с 2006 года он побывал в Великобритании, США, Италии, Испании, Австрии, Греции, Омане, Дубае, Турции, а также на Кипре и на Карибских островах. Он стал завсегдатаем самых дорогих и престижных ночных клубов Москвы, фотографируясь с шикарными девицами и франтоватыми друзьями. Он явно не скромничал и открыто публиковал в интернете фотографии, с которых смотрел на мир с ухмылкой.

Эти двое вызывали отвращение. Показная роскошь Кузнецова и Карпова — все эти дома, машины и путешествия — должны были вызвать шок у рядовых граждан. Такие кадры могут произвести больший эффект, чем все статьи в газетах и интервью по радио вместе взятые. Нам надо было показать, какую выгоду извлекают из своей деятельности эти эмвэдэшники, вполне себе среднего звена. Это не могло больше оставаться безнаказанным. Нельзя ломать чью-то жизнь утром и пировать в дорогих ресторанах вечером.

Я решил, что нужно сделать новые видеоролики, на этот раз про Артема Кузнецова и Павла Карпова. Мы взялись за работу, и к июню 2010 года все было готово. Как раз в это же время в

Вашингтоне кипела работа над проектом закона Магнитского. Мы только ждали подходящего момента, чтобы опубликовать эти материалы.

Момент настал, когда генерал МВД Олег Логунов — ключевая фигура в аресте Сергея — начал кампанию в прессе с целью выгородить следствие и обосновать преследование и смерть Сергея. Отвечая на вопрос известной российской радиостанции, оказывало ли следствие давление на арестованного Сергея, Логунов цинично заявил: «Разумеется, следствие как по делу Магнитского, так и по любому абсолютно другому делу, было заинтересовано в получении от него показаний в отношении себя и других соучастников. Это не уловка. Во всем мире это называется сотрудничество со следствием». То есть то, что они сделали с Сергеем, подавалось как нечто совершенно обыденное.

Замалчивание и укрывательство фактов преступления против Сергея с их стороны набирало обороты, и надо было что-то этому противопоставить. Поэтому двадцать второго июня я загрузил на Ютьюб видео о Кузнецове. В то же время мы запустили новый веб-сайт под названием «Каста неприкасаемых»[20], где выложили на всеобщее обозрение документы и свидетельства не по средствам шикарного образа жизни этих должностных лиц.

За первый же день видео о Кузнецове посмотрело свыше пятидесяти тысяч человек. Это больше, чем общее число просмотров нашего первого видео о хищениях.

За неделю эта цифра достигла ста семидесяти тысяч человек — этот ролик стал на Ютьюбе самым популярным политическим видео в России.

Московский еженедельник «Новое время» опубликовал большую статью «Частный самолет для подполковника».

Богатство Кузнецова стало такой аппетитной темой для прессы, что эта история была опубликована даже в Великобритании — в газете «Сандей экспресс», которая почти никогда не берет материалы о событиях, происходящих за пределами страны.

Пока все говорили и писали об этом видео и делились ссылками, группа российских активистов перешла от слов к делу. Они обклеили двери квартир в подъезде дома Кузнецова фотографиями Сергея и именем Кузнецова, а на многоэтажном здании напротив окон Кузнецова развернули огромный баннер.

Чтобы побудить властные структуры начать-таки расследование деятельности Кузнецова, незадолго до того, как мы опубликовали видео, Джеймисон Файерстоун подал в Следственный комитет, Генеральную прокуратуру и Департамент

собственной безопасности МВД заявления о проведении проверки и возбуждении уголовного дела, поставив под сомнение законность богатства Кузнецова.

Несмотря на наличие очевидных доказательств, силовые органы сплотились вокруг этого вполне себе заурядного милиционера. Они выставили на линию огня заместителя министра внутренних дел Алексея Аничина, который заявил, что расследование вопроса о законности источников состояния сотрудника МВД Кузнецова и его семьи — «не наша компетенция».

Хотя реакция со стороны официальных лиц отсутствовала, было очевидно, что материал задел их за живое. Одиннадцатого июля 2010 года майор МВД Павел Карпов подал заявление в Генпрокуратуру РФ, в котором обвинял меня, Джеймисона Файерстоуна и даже уже погибшего Сергея Магнитского в клевете и «дискредитации». Кроме того, в заявлении Карпов указывал следующее: «Единственным заинтересованным лицом в хищении долей собственных компаний, возмещении налогов и смерти С. Магнитского является У. Браудер». Именно так: Карпов теперь заявлял, что в смерти Сергея виновен я.

Возможно, Карпов полагал, что это заставит меня отступить, но своими нападками достиг противоположного эффекта: на следующий день после того, как его заявление поступило в прессу, мы опубликовали видео с Карповым в «главной роли». Кинематографически это видео было даже лучше предыдущего. Мы включили в него кадры, изображающие собственность и машины, зарегистрированные на него и его мать, а также фотографии, сделанные самим Карповым — из ночных клубов, ресторанов и дискотек по всей Москве. Жизнь «обыкновенного» эмвэдэшника, показанная без купюр, приводила любого честного россиянина в шок.

Кроме того, Джеймисон также подал заявление с просьбой провести проверку и в отношении майора Карпова.

На этот раз сотрудники Департамента собственной безопасности МВД даже допросили Кузнецова и Карпова. Но, как и следовало ожидать, «не обнаружили» правонарушений, сославшись на то, что у службы нет полномочий запрашивать и проверять источники доходов родственников Кузнецова и Карпова.

Может, для правоохранительных органов страны подполковник Кузнецов с майором Карповым и были неприкасаемыми, но только не для общественного мнения. В течение трех месяцев опубликованные видеоматериалы просмотрело более четырехсот тысяч человек. Сколько бы лжи ни

исходило от российских госорганов, всегда кто-нибудь любознательный спрашивал: «Извините, но если Кузнецов и Карпов не коррумпированы, то откуда у них такие богатства? Объясните, как они разбогатели?»

35. Счета в швейцарском банке

В августе я вместе с сыном Дэвидом отправился в поход на выходные на полуостров Корнуолл. Мы поднимались по довольно крутой тропе, тянувшейся вдоль скал, когда телефон преподнес сюрприз — звонил Джейми Файерстоун. Он был так взволнован, что едва мог внятно говорить.

— Привет, Билл! Могу тебя обрадовать!

— К хорошим новостям я готов, — отозвался я, остановившись перевести дух, пока Дэвид в тени деревьев пьет воду. — Что у тебя?

— Я только что получил сообщение от одного человека… Он утверждает, что у него есть доказательства, что сотрудница московской налоговой инспекции номер двадцать восемь получила на том мошенничестве миллионы!

— А от кого сообщение?

— Некто Алехандро Санчес.

— На русское имя не похоже. Ты уверен, что это не розыгрыш?

— Не знаю… он приложил к письму выписки со счетов в швейцарском банке и документы какой-то офшорной компании.

— И что в них?

— Там видны платежи по счетам, которые, судя по всему, принадлежат мужу Ольги Степановой — той самой начальницы из налоговой, которая одобрила возврат налогов.

— Вот это да! Думаешь, они настоящие?

— Не знаю, но Санчес говорит, что готов встретиться, если нас это заинтересует.

— А для тебя это не опасно?

— Не волнуйся, Билл, — отмахнулся Джейми. Даже после всего случившегося с нами он не утратил привычного оптимизма. — Здесь беспокоиться не о чем.

Закончив разговор, я сделал несколько глотков воды, и мы с сыном продолжили восхождение по тропе, но теперь я едва обращал внимание на открывавшийся отсюда прекрасный вид на взморье. Голова шла кругом. Нашей кампании нужен был такой прорыв, но я волновался о Джейми и не хотел подвергать его опасности.

Сейчас не было безопасно нигде, особенно в Лондоне, где осело множество россиян. В 2006 году агенты ФСБ отравили своего бывшего сотрудника и известного критика Путина — Александра Литвиненко, и произошло это через дорогу от американского посольства, в лондонском отеле «Миллениум».

Обменявшись еще несколькими сообщениями, Джейми и Санчес договорились встретиться двадцать седьмого августа 2010 года. Было решено, что сначала на встречу придет Джейми и если решит, что Санчес заслуживает доверия, то позвонит Вадиму, и они вместе ознакомятся с документами.

Санчес предложил встретиться в баре «Поло» отеля «Уэстбери» в центральном районе Лондона Мейфэр, в опасной близости от того места, где был отравлен Литвиненко. Серьезно обеспокоенный тем, что может случиться что-то плохое, я связался с нашим экспертом по безопасности, Стивеном Беком, чтобы тот разработал план действий.

Стивен осмотрел место встречи и решил, что за Джейми и Вадимом будут присматривать четыре человека: двое бывших спецназовцев и еще двое бывших сотрудников британской разведки.

Двадцать седьмого августа, в половине третьего дня, коллеги Стивена один за другим появились в баре «Поло». Органично растворившись среди посетителей, они заняли стратегические позиции: двое — у выходов, один — у столика, где должна была состояться встреча, и еще один — в конце барной стойки. Один имел при себе устройство, способное обнаружить и заглушить любые технические средства наблюдения, подобное глушилке, которую, по нашему мнению, использовал Сагирян во время встречи в отеле «Дорчестер». Другой незаметно прошелся по залу со счетчиком Гейгера, чтобы проверить, нет ли здесь радиации, так как Литвиненко был отравлен высокотоксичным радиоактивным изотопом полония.

Гарантий не было, но я знал, что если ситуация примет плохой оборот, эти ребята быстро уведут Джейми и Вадима.

Джейми добрался до бара чуть раньше назначенного времени и вошел через стеклянно-металлическую дверь. Пройдя через салон, выдержанный в стиле арт-деко, с низким потолком, он сел у забронированного столика в низкое бархатное кресло спиной к стене, под картиной с изображением нью-йоркского небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. Стивен счел это место наиболее выгодным и безопасным. Джейми попытался выделить из толпы туристов охранников, но никого не приметил. Тогда он бросил взгляд на барную стойку черно-зеленого мрамора: стоявший за ней бармен взбивал мартини и разливал напиток в покрытые инеем коктейльные бокалы. Официантка принесла небольшой поднос с бесплатной закуской. Джейми пристально посмотрел на копченый миндаль, но решил не притрагиваться к нему. Он заказал диетическую колу с долькой лимона. Но когда официантка принесла напиток, он оставил стакан на столе нетронутым.

Отравленным могло быть что угодно.

Санчес опоздал на четверть часа. Это был человек лет за сорок с небольшим, примерно метр восемьдесят роста, с заметным брюшком. Одет он был в коричневую спортивную куртку, темные брюки и белую рубашку без галстука. Растрепанные каштановые волосы, кожа молочно-матового оттенка, взгляд нервный и пристальный.

Стоило ему заговорить, как стало ясно: никакой это не Алехандро Санчес.

— Прошу прощения за псевдоним, господин Файерстоун, — сказал он по-русски, — но мне следует быть осторожным.

— Понимаю, — ответил Джейми, тоже по-русски, подумав, что все остальные люди в баре могут оказаться охраной Санчеса.

— Мое настоящее имя — Александр Перепеличный, — представился собеседник, садясь на стул.

Джейми подал знак официантке, и Александр заказал себе зеленый чай. Оба некоторое время оценивающе смотрели друг на друга.

Подали чай.

— Спасибо, что согласились встретиться, — продолжил Перепеличный.

— Не стоит. Нам интересно выслушать вас.

Перепеличный взял чашку, осторожно отпил и поставил обратно. На какое-то время опять воцарилось неловкое молчание. Затем Александр снова заговорил:

— Я связался с вами, потому что посмотрел видеоматериалы о Кузнецове и Карпове. Смерть Магнитского стала потрясением. Русские привыкли к коррупции, но пытки и смерть невинного человека — это уж слишком.

«Чушь, — подумал Джейми. — В наши дни большинство людей в России не руководствуется такими благородными принципами. Там все упирается в деньги: как заработать, приумножить, а главное, чтобы после не отобрали». Джейми не знал истинных намерений Перепеличного, но был уверен, что его привело сюда не сочувствие к Сергею.

— Информация, которую вы прислали по почте, неполная, — заметил Джейми. — У вас есть еще другие документы?

— Есть, но не с собой, — ответил собеседник.

Джейми откинулся назад, отметив краем глаза, как сдвинулся кусочек льда, тающего в стакане с кока-колой.

— Не возражаете, если к нам присоединится мой коллега? Я хотел бы, чтобы он ознакомился с документами, которые вы передали. Изучив их, мы сможем сказать, какие еще сведения необходимы.

Перепеличный согласился. Вынув из кармана телефон, Джейми отправил сообщение Вадиму, который ждал за углом, на улице Нью-Бонд. Через две минуты тот вошел в бар и, подойдя к столику, представился.

Когда Вадим сел, Джейми достал документы Перепеличного. Пролистав их, Вадим спросил:

— Не могли бы вы пояснить мне содержание этих документов?

— Разумеется. Это выписка по счету Владлена Степанова — мужа Ольги Степановой — в банке «Кредит Свисс». Вот здесь, — он указал на строчку в центре страницы, — перевод на сумму полтора миллиона евро, сделанный двадцать шестого мая. Здесь — перевод на один миллион семьсот тысяч от шестого июня. А вот тут — еще один, на миллион триста тысяч от семнадцатого июня.

Он указал еще несколько переводов. Всего за май — июнь 2008 года на этот счет было переведено семь миллионов сто тысяч евро.

— Откуда они у вас? — Джейми кивнул в сторону документов.

Перепеличный заерзал на стуле.

— Скажем так, у меня есть некоторые связи.

Такой ответ явно не устраивал Джейми и Вадима, но они не стали донимать Перепеличного расспросами, чтобы не спугнуть.

Вадим еще раз пролистал бумаги.

— Эти сведения могут оказаться исключительно полезными, но я не вижу ни в одной выписке имени Владлена. Какая тут с ним связь?

— Объяснение простое. Счет принадлежит кипрской компании, владельцем которой является Владлен, — ответил Перепеличный, продемонстрировав свидетельство о регистрации собственности на имя Владлена Степанова, на котором, однако, отсутствовала подпись.

Вадим поправил очки. Он тринадцать лет занимался расследованиями мошенничества в бизнесе и взял за правило предполагать, что все сведения ложны, пока не доказано обратное.

— Спасибо, но без доказательств, что Степанов действительно владелец этой компании, мы мало что можем сделать по этому поводу. Нужны копии регистрационных документов с его подписью.

— Понимаю, — кивнул Перепеличный. — Предполагалось, что это только первая встреча. Если есть желание снова встретиться, то я смогу найти необходимые документы.

— Да, это было бы здорово, — ответил Джейми.

На этом они пожали друг другу руки, Перепеличный встал и ушел.

Когда Вадим вернулся в офис и рассказал о встрече, я произнес с недоверием:

— Очень похоже на подставу.

— Возможно. Но если его информация правдива, мы впервые сможем в точности увидеть, как именно они получили деньги от мошеннического возврата налогов.

— Логично. Посмотрим, сможет ли Перепеличный достать обещанное.

Неделю спустя они опять договорились о встрече. На этот раз к ним присоединился Владимир Пастухов, у которого, несмотря на слабое зрение, было блестяще развито шестое чувство.

В следующий вторник Вадим и Владимир встретились с Перепеличным в том же баре «Поло». Тот, как и обещал, принес копию подписанного документа, указывавшего, что Владлен Степанов являлся владельцем кипрской компании, чьи банковские выписки в «Кредит Свисс» он передал раньше.

Когда Вадим с Владимиром вернулись в офис и показали мне этот документ, он не произвел на меня должного впечатления. Он выглядел как простая бумажка с неразборчивой подписью. Такую любой мог сделать или подделать.

— Что это за документ? Я с трудом могу его разобрать.

— Это от аудитора Степанова, — сказал Вадим.

Мне показалось, что коллеги слишком легко доверились Перепеличному.

— Эта подпись может принадлежать кому угодно. Вы действительно считаете, что этому человеку можно верить?

— Да, — сказал Вадим. — Я думаю, он говорит правду.

— А вы как полагаете, Владимир?

— Я тоже ему верю. Он производит впечатление откровенного человека.

Они встречались еще в течение последующих недель, и мы выяснили интересные подробности.

Перепеличный рассказал, что кроме счетов в швейцарском банке Степановы приобрели шикарную виллу с шестью спальнями и две элитные квартиры в Дубае на Пальме Джумейре — огромном искусственном острове в форме пальмовой ветви на побережье Персидского залива. Он сообщил, что рыночная стоимость этой недвижимости составляла около семи миллионов долларов, а в России Степановы отстроили огромный особняк в одном из самых престижных пригородов Москвы рыночной стоимостью около двадцати миллионов долларов. Общая сумма

средств на банковских счетах и в недвижимости, по его данным, достигала почти сорока миллионов долларов.

Масштаб этого богатства и расточительства стал ясен, когда Вадим изучил налоговые декларации Степановых: их официальный средний годовой доход с 2006 года составлял… 38 281 доллар.

Это была действительно ценная информация. Нет сомнений, что будь у нас видеоролик с такими сведениями, он сразу разойдется по интернету. Мы добавим новый портрет — Ольги Степановой — в галерею «неприкасаемых», и российская верхушка таки почувствует удар.

Оставалась загвоздка: история Перепеличного была не просто хороша, а слишком хороша.

Нельзя было исключать, что Перепеличный работает на ФСБ, и все это хорошо продуманная операция с целью подорвать мою репутацию. Вполне в их стиле: создать персонажа с правдоподобной историей; слить нам важные сведения; подождать, пока мы выложим их в открытый доступ, а затем показать, что они фальшивые.

Если это так и было задумано, то в результате всё, чего мы с таким трудом добились за три года вместе с журналистами и правительственными организациями по всему миру, будет скомпрометировано, и политики начнут вопрошать: «Зачем мы вообще поддерживаем этого лжеца и ставим ради него под угрозу взаимоотношения с Россией?»

Если делать видеоролик о Степановых, то нужно быть абсолютно уверенным, что Перепеличный говорит правду. Кроме того, я должен знать источник его информации.

Долгое время Перепеличный уклонялся от прямого ответа, но потом пошел на откровенность и объяснил, что доступ к такому большому количеству финансовых документов у него имеется потому, что до этого он был финансовым советником нескольких богатых русских семей, в том числе Степановых.

Дела у Перепеличного шли довольно неплохо до 2008 года, но когда в кризис рынки обвалились, он потерял крупную сумму денег, принадлежавших Степановым. По словам Перепеличного, Степановы не пожелали мириться с убытками, обвинили его в краже денег и потребовали возместить потерянную сумму. Так как Перепеличный не мог возместить им рыночные убытки, то Ольга Степанова, воспользовавшись положением начальницы налоговой инспекции, инициировала против Перепеличного уголовное дело по уклонению от налогов. Перепеличный, во избежание ареста, поспешил покинуть Россию, вывез семью в Англию и залег на дно, поселившись в съемном доме в графстве

Суррей. Когда он впервые увидел видео о Кузнецове и Карпове, у него возникла идея: убедить нас сделать аналогичное видео о Степановых и скомпрометировать их настолько, чтобы это помогло ему уладить собственные проблемы.

Когда Владимир рассказал мне об этом, я успокоился и решил взяться за создание видеоролика.

Но едва мы начали осваивать материалы Перепеличного, как поступило сообщение от нашего источника в России — Аслана. В нем говорилось, что управление «К» в ярости по поводу видео о Кузнецове и Карпове и против фонда Hermitage и Браудера разрабатывается новая крупная операция.

Мы надеялись узнать больше, но Аслан не смог сообщить подробностей. Мои опасения, что Перепеличный — часть замысла ФСБ, вернулись с новой силой. Возможно, все идет по их плану. Какой бы достоверной ни казалась его информация, прежде всего надо было убедиться, что мы не угодим прямиком в ловушку ФСБ.

36. Налоговая принцесса

Одной из главных задач осенью 2010 года было убедиться, что Перепеличный не пытается обвести нас вокруг пальца.

Сначала мы решили проверить наличие недвижимости под Москвой и вскоре обнаружили, что участок в шестьдесят соток, на котором возведен особняк, принадлежит восьмидесятипятилетней матери Владлена Степанова. Ее доход составлял всего три с половиной тысячи долларов в год, но каким-то образом она владела земельным участком с оценочной рыночной стоимостью в двенадцать миллионов долларов, и это только цена земли без каких-либо строений.

А они на участке были — да еще какие! К возведению загородной резиденции Степановы привлекли одного из лучших столичных архитекторов, который спроектировал два здания из немецкого гранита, стеклопрофилита и полированного металла в стиле техно-модерн общей площадью более тысячи квадратных метров. Увидев фотографии этих строений, я подумал, что они скорее могли бы принадлежать какому-нибудь топ-менеджеру инвестиционного фонда, чем сотруднице налоговой инспекции и ее мужу.

Затем мы переключились на Дубай. С помощью электронной базы данных по недвижимости без труда установили: вилла действительно существует, она была приобретена за 767 123 доллара и зарегистрирована на имя Владлена Степанова. К сожалению, две другие квартиры общей стоимостью шесть миллионов долларов еще не достроены и поэтому в базе не фигурировали. Мы знали о них только по денежным переводам со швейцарских счетов Степановых.

Эти швейцарские счета, словно ниточки, увязывали все части картины в единое целое. Через них не только были оплачены дорогие приобретения, на этих счетах лежало более десяти миллионов долларов, которые, по утверждению Перепеличного, появились примерно в то же время, когда под видом возврата налогов было совершено хищение. Если подтвердится факт существования счетов, то можно выпустить в серии «Каста неприкасаемых» такое зажигательное видео об Ольге Степановой, что стены Кремля побелеют.

Теперь все зависело только от подтверждения подлинности швейцарских счетов.

Было бы, конечно, здорово обратиться в «Кредит Свисс» и просто спросить, настоящие ли это выписки, но швейцарские банкиры скрытны и осторожны, так что ничего не скажут.

Я мог бы обратиться к знакомым из «Кредит Свисс», но знал, что и они не помогут. Разглашение конфиденциальной информации о клиенте — серьезное нарушение, которое карается немедленным увольнением, а я никого не знал настолько хорошо, чтобы кто-нибудь пошел для меня на такой риск.

Оставался один вариант — направить заявление швейцарским властям и посмотреть, что из этого получится. Мой лондонский юрист составил такое обращение. Когда все было готово, я спросил, сколько времени, по его мнению, займет ответ.

— От трех месяцев до года, — ответил он.

— До года? Это слишком долго. А нет ли способа их поторопить?

— Нет. Как показывает опыт, швейцарские власти очень неторопливы и займутся нашим вопросом ровно тогда, когда до него дойдет очередь.

Январь и февраль прошли без новостей, на исходе был март 2011 года. К середине месяца видеоролик о Степановой был готов. Он, несомненно, был лучше всех предыдущих. Мне не терпелось сделать следующий шаг, но сдерживало отсутствие ответа от швейцарцев.

Зато в конце марта мы узнали о кардинально новом повороте в российской саге по укрывательству преступления. Вячеслав Хлебников, ранее судимый за другие преступления, был приговорен за соучастие в хищении бюджетных средств. Российские силовики могли избрать козлом отпущения и посадить за решетку хоть сотню рецидивистов — меня это мало волновало. Здесь важно было другое — формулировки в обвинительном заключении Хлебникова. А там говорилось, что работники налоговых инспекций ни в чем не виноваты, они, дескать, были «не осведомлены о преступных действиях и замыслах» и «введены в заблуждение», когда одобрили за один день под конец декабря 2007 года возвраты из казны на миллиарды рублей.

Налоговые работники — это Ольга Степанова со товарищи.

Я решил, что это уже слишком. Ложь необходимо остановить. Сведения Перепеличного были достоверными: это знал я, это знали швейцарские власти, и об этом должен был узнать весь мир.

Видеоролик был выпущен двадцатого апреля 2011 года. Грандиозная реакция российской интернет-аудитории побила все предыдущие рекорды. К концу первого дня видео посмотрело свыше двухсот тысяч человек, к концу недели — почти триста шестьдесят тысяч, а к концу месяца — больше полумиллиона.

Ольгу Степанову окрестили «налоговой принцессой», и

журналисты со всех уголков страны наперебой говорили о ней и ее муже. На телеканале НТВ даже показали интервью с мамой Владлена. Она жила в обычной однокомнатной квартире, а на вопрос о дорогостоящей недвижимости, номинально зарегистрированной на ее имя, ответила, что согласилась в обмен на то, что сын наймет для нее женщину приходить раз в неделю убираться в квартире. Сынок-миллионер даже не позаботился как следует о своей престарелой матери.

Ну, а самой лучшей новостью стало то, что через три дня после выхода в свет видеоролика генеральная прокуратура Швейцарии объявила, что заморозила счета Степанова в банке «Кредит Свисс». Оказалось, что, получив наше заявление, швейцарские власти завели уголовное дело об отмывании денег, не предавая свои действия огласке.

Я был несказанно рад, что справедливость восторжествовала, что сведения Перепеличного подтвердились и что деньги были заморожены. Удар пришелся по самому уязвимому месту — банковским счетам.

37. Как делается колбаса

Видеоролики о казнокрадах и коррупционерах могли застать их врасплох, но более сильным ходом, позволяющим по-настоящему вывести российскую бюрократию из равновесия, был бы закон, вводящий по отношению к ним санкции.

Осенью 2010 года, пока мы налаживали связь с Перепеличным, Кайл Паркер заканчивал составлять законопроект имени Магнитского. Двадцать девятого сентября сенаторы Бен Карден, Джон Маккейн, Роджер Уикер и Джо Либерман внесли его на рассмотрение в Сенат США. Текст, написанный просто и недвусмысленно, сводился к тому, что имена всех, кто замешан в незаконном аресте, пытках и смерти Сергея Магнитского и в раскрытых им преступлениях, будут обнародованы, им будет запрещен въезд на территорию США, а любые их активы заморожены.

Когда об этом стало известно, возмущению российских госорганов не было предела, и они стали думать, что же противопоставить Вашингтону.

Удобная возможность отреагировать на события представилась им десятого ноября, когда до годовщины смерти Сергея оставалось меньше недели. Десятого ноября в России отмечают День милиции, и МВД проводило ежегодную церемонию награждения особо отличившихся сотрудников. Из тридцати пяти награжденных пять были фигурантами в деле Магнитского. Следователи МВД Павел Карпов и Олег Сильченко были награждены знаками отличия «Лучший следователь». А Ирине Дудукиной, руководителю пресс-службы Следственного комитета при МВД, с энтузиазмом распространявшей ложь про Сергея после его смерти, была вынесена благодарность.

Ирина Дудукина, пресс-секретарь МВД РФ, держит смонтированную «простыню», якобы показывающую причастность самого Сергея к раскрытому им же преступлению. Пресс-конференция МВД в ноябре 2010 года к первой годовщине убийства Сергея (© Dmitry Kostyukov/AFP/ Getty Images)

На этом власти не остановились, и через пять дней была проведена пресс-конференция, с целью проинформировать общественность о новых «разоблачениях» по делу Магнитского. Выступала Дудукина. Ее крашеные волосы казались чуть длиннее, а прическа более пышной, чем за год до этого, но массивная нижняя челюсть придавала лицу, все такому же одутловатому и усталому, схожесть с театральной куклой-марионеткой, которой водит актер-чревовещатель. Она развернула самодельный плакат, склеенный из двух десятков листов формата А4, и прикрепила его к доске. Эта мешанина цифр и слов, слишком мелких, чтобы кто-нибудь мог разглядеть написанное, «доказывала», что сам Сергей и совершил мошенничество с возвратом налогов, обогатившись на 5,4 миллиарда рублей. Когда журналисты начали задавать элементарные вопросы о представленной «простыне», у Дудукиной не нашлось внятных ответов, и присутствующим стала ясна фальсификация.

Такая агрессивная и грубая тактика подтверждала, что наша законодательная инициатива задела их за живое. Не я один это заметил. Немало людей, чьи права были попраны в России, сделали те же выводы. После внесения законопроекта на рассмотрение конгресса многие из них стали приезжать в Вашингтон или писать письма инициаторам закона Магнитского, отмечая одно: «Вы нашли ахиллесову пяту путинского режима». Дальше люди стали обращаться к политикам с просьбами: «вы не могли бы внести в этот список убийц моего брата?»; «нельзя ли добавить тех, кто пытал мою мать?»; «а как же быть с похитителями моего мужа?»… Поток просьб не иссякал.

Сенаторы вскоре убедились, что не просто соприкоснулись с еще одной человеческой трагедией, а невольно нашли новый способ борьбы с нарушениями прав человека в авторитарных государствах в двадцать первом веке: адресные визовые санкции и замораживание активов.

После десятка таких визитов и писем сенатор Карден и другие соавторы закона посоветовались и решили расширить проект, добавив в него шестьдесят пять слов о том, что в дополнение к санкциям в отношении лиц, причастных к пыткам Сергея, закон Магнитского коснется всех случаев злостного нарушения прав человека в России. Эти шестьдесят пять слов превратили мою личную борьбу за справедливость во всеобщее дело.

Исправленная редакция законопроекта была официально представлена на рассмотрение Сената девятнадцатого мая 2011 года, то есть примерно через месяц после того, как вышел в свет видеоролик про «налоговую принцессу» Ольгу Степанову. После этого к Капитолийскому холму прибыла небольшая «армия» российских активистов, требовавших одобрения законопроекта и убеждавших сенаторов, согласившихся с ними встретиться, подписать этот важный для России документ. Среди активистов были знаменитый чемпион мира по шахматам и известный правозащитник Гарри Каспаров; самый популярный лидер российской оппозиции Алексей Навальный; бесстрашная российская активистка-эколог Евгения Чирикова. Мне не нужно было агитировать этих людей: они пришли сами.

Эта несогласованная инициатива сработала превосходно. Число присоединившихся к законопроекту сенаторов быстро росло: каждый месяц трое или четверо соглашались поставить под ним подпись. И особенно убеждать их в этом не приходилось. В Вашингтоне не существовало лобби в пользу российских палачей и убийц. Ни один сенатор, будь то самый либеральный демократ или архиконсервативный республиканец, не потерял бы

голоса́ своих избирателей из-за запрета этим людям въезжать в Америку.

Законодательная инициатива Магнитского так интенсивно наращивала темпы, что, казалось, ее не остановить. С того дня, когда Кайл Скотт из Госдепартамента принял эту идею в штыки, я знал, что правительство настроено категорически против такого закона. Но сейчас они попали в затруднительное положение: если открыто противостоять его принятию, то это будет выглядеть так, словно официальный Вашингтон поддерживает коррумпированных российских чиновников; если же открыто поддержать законопроект, то это поставит под угрозу политику «перезагрузки» отношений с Россией.

Правительство искало какой-то другой путь.

Двадцатого июля 2011 года Госдепартамент раскрыл свои карты, направив в сенат меморандум «Комментарии администрации к законопроекту S.1039 — Сергей Магнитский и верховенство закона». Этот документ не предполагалось предавать огласке, но не прошло и дня, как текст просочился в открытый доступ.

Я достал копию и нетерпеливо пробежал документ глазами: вершина вашингтонского политиканства… Основным аргументом Госдепартамента было то, что возможность вводить предлагаемые в законе Магнитского санкции уже существует в рамках президентского указа, и поэтому нет смысла принимать новый закон.

При этом они ловко попытались бросить сенаторам кость. В меморандуме говорилось, что другая важная причина, по которой сенату не следует поддерживать этот закон, заключается в том, что убийцам Магнитского уже запрещен въезд в США. Следовательно, отдельной необходимости в этом законе нет.

Я не знал, можно ли считать это позитивным развитием событий, поэтому решил позвонить Кайлу Паркеру и узнать его мнение.

— Билл, нам это тоже непонятно. Карден поручил мне позвонить в Госдеп и спросить, кто конкретно включен в список по визовым санкциям, но там не стали отвечать.

— Они хотя бы сказали, сколько там человек?

— Нет, об этом они тоже молчат.

— А по поводу замораживания активов что слышно?

— А вот об этом они высказались недвусмысленно: замораживание активов они не одобряют.

— И какова реакция Кардена?

— Он открыто заявил, что так не пойдет и что он продолжит настаивать на принятии закона.

Восьмого августа 2011 года в авторской статье под заголовком «Убийц Сергея Магнитского к ответу», опубликованной в газете «Вашингтон Пост», сенатор Карден публично и решительно заявил о том, что не примет позицию администрации, и подтвердил, что будет добиваться принятия закона Магнитского. Статья стала важным свидетельством его намерений, учитывая, что Обама и Карден принадлежали к одной партии: этим сенатор открыто бросал вызов президенту.

После выхода статьи правительство еще больше взбудоражилось. Белый дом так опасался задеть Кремль и повредить «перезагрузке», что его представители обратились к Кардену и другим соавторам с предложением расширить применение этого закона на весь мир, а не только к России.

Сенаторам эта идея понравилась. То, что задумывалось как закон, связанный с Сергеем и одной страной, превращалось в исторический законодательный акт о правах человека, который приобрел всемирное значение.

После этого Карден сосредоточился на том, чтобы поставить законопроект на голосование в сенате. Предстоял еще один промежуточный этап: рассмотрение в сенатском комитете по международным отношениям. Согласно процедуре, законопроект, который предполагает введение визовых санкций, должен быть одобрен сенатским комитетом, прежде чем попадет на голосование к сенаторам. Это казалось простой формальностью, так как проект закона Сергея Магнитского по санкциям уже получил широкую поддержку и не встретил никакого противодействия.

Карден обратился к председателю комитета, сенатору Джону Керри, с просьбой добавить этот пункт в повестку дня следующего заседания комитета, которое должно было состояться девятого сентября. Но по непонятным причинам Керри отклонил эту просьбу. Тогда Карден предложил включить его в повестку заседания, запланированного на двенадцатое октября, но Керри вновь отказался обсуждать этот вопрос. Было неясно, в чем заключается проблема, но, очевидно, она существовала.

Тем временем поступили мрачные известия из Москвы. Мама Сергея, Наталья Николаевна, наконец-то получила доступ к отчету патологоанатома. Среди документов, которые ей позволили скопировать, было шесть цветных снимков тела Сергея, сделанных вскоре после смерти. Ни для кого не было новостью, что на руках и ногах Сергея остались следы сильных ушибов, а на запястьях были глубокие раны. Эти раны Наталья Николаевна заметила в морге, когда пришла увидеть тело сына. Ей также удалось сделать копию официального документа за

подписью начальника «Матросской тишины», в котором оперативным сотрудникам изолятора давалось разрешение на применение к Сергею резиновых дубинок вечером шестнадцатого ноября.

Мы и раньше знали, что Сергей умер насильственной смертью от рук государства, но теперь это стало неоспоримым и документально подтвержденным фактом.

Увидев эти снимки и документы, Наталья Николаевна подала в правоохранительные органы новое заявление с просьбой начать расследование убийства сына. Но снова получила отказ, как и во всех случаях, когда мы пытались что-либо предпринять в России.

Как я мог утешить Наталью Николаевну, разговаривая с ней по телефону? Разве что рассказать, как мы близки к тому, чтобы добиться справедливости по этому делу в Америке. Я обещал ей сделать все возможное. И хотя запрет на въезд в Соединенные Штаты и замораживание активов едва ли выдерживали сравнение с тем, что было сделано с Сергеем, нам удалось хоть что-то противопоставить полнейшей безнаказанности, которой эти люди пользовались до сих пор.

Двадцать девятого ноября 2011 года сенатский комитет по международным отношениям созвал очередное рабочее заседание. Когда на его сайте появилась повестка заседания, я просмотрел список вопросов в надежде увидеть законопроект имени Сергея. Первым пунктом значилась «Резолюция по защите бассейна реки Меконг». Я спустился по странице немного ниже и прочел: «Резолюция, выражающая отношение сената к мирной „жасминовой“ революции в Тунисе». Имени Магнитского в списке не обнаружилось. Я немедленно набрал Кайла:

— Что происходит? Законопроекта в списке нет.

— Пока не знаю. Мы сами пытаемся это выяснить.

Я начал подозревать, что за кулисами ведется какая-то хитроумная политическая игра. Керри упорно молчал.

Казалось, что проблема именно в Керри, и мне подумалось, что есть смысл встретиться с ним — вдруг история Сергея потрясет его так же, как сенатора Маккейна и конгрессмена Макговерна.

Я позвонил Джулианне Гловер. Если прежде ей легко удавалось договориться о встрече с сенаторами, то Керри оказался недосягаем. Тем не менее, она смогла договориться о приеме у Джейсона Брудера, советника Керри по российским делам.

Я прилетел в Вашингтон и на следующий день вместе с Джулианной отправился в Диксенский корпус сената на встречу с Брудером. Он должен был ждать нас у выхода из зала заседаний

комитета по международным отношениям. Брудер, молодой человек лет тридцати с небольшим, среднего роста, с коротко подстриженной бородкой, провел нас в зал весьма необычной конфигурации с П-образно расположенными столами. Не найдя подходящего места для беседы, мы просто взяли себе по стулу и сели в центре зала лицом друг к другу.

Поблагодарив Брудера за то, что тот согласился встретиться, я начал было рассказывать ему историю Сергея, но через три предложения он прервал меня:

— Да-да, я в курсе этого дела. Меня глубоко тронуло случившееся. Он и его семья заслуживают справедливости.

— Именно поэтому мы здесь.

— Послушайте, я много думал об этом. Мы с сенатором были бы рады помочь в деле Магнитского.

— Замечательно. Значит, сенатор Керри поддержит законопроект и будет добиваться его принятия в комитете?

Брудер отклонился назад, и стул под ним скрипнул.

— Ну, говоря по правде, я не считаю принятие закона Магнитского верным подходом в решении этого вопроса, господин Браудер.

«Ну, вот, опять двадцать пять», — подумал я, вспомнив Кайла Скотта и прочих пуганых карьеристов из правительства США.

— Что вы подразумеваете под неверным подходом?

В ответ он чуть ли не слово в слово повторил то самое заявление Госдепартамента. Я пытался возражать, но он не слушал.

В заключение он сказал:

— Билл, поймите, дело Магнитского имеет для нас большое значение. Я хочу предложить сенатору Керри поднять его на встрече с российским послом.

«С российским послом? — мысленно возмутился я. — Да он издевается! Имя Сергея и то, что случилось с ним, — на передовицах крупнейших газет мира! Российский президент часами обсуждал со своими министрами, как свести к минимуму нежелательные последствия дела Магнитского, а Брудер полагает, что тут поможет тихая беседа с послом?»

Я покинул встречу, ругаясь про себя.

Как выяснилось, позиция Керри против рассмотрения закона Магнитского не имела ничего общего с тем, считал он его хорошей инициативой или плохой. В Вашингтоне поговаривали, что Джон Керри препятствует принятию этого законопроекта по одной простой причине: он намеревается стать госсекретарем после ухода в отставку Хиллари Клинтон. По-видимому, одним из условий получения этой должности было проследить, чтобы

закон Магнитского не получил зеленый свет в сенатском комитете по международным отношениям.

В течение следующих нескольких месяцев новостей по закону Магнитского не было. Но вот весной 2012 года у нас появилась надежда. После почти двадцати лет переговоров Россию наконец-то готовы были принять во Всемирную торговую организацию (ВТО), и должно это было произойти в августе того года. Как только Россия станет членом этой организации, все остальные участники ВТО смогут торговать с ней на равных условиях, без пошлин и иных сборов, но вследствие поправки Джексона — Вэника к американскому закону о торговле только одна страна продолжала бы торговые отношения с Россией на прежних условиях: Соединенные Штаты.

Законодательный акт почти сорокалетней давности, вступивший в силу в середине семидесятых годов двадцатого века, налагал американские торговые санкции на СССР за отказ евреям в праве на эмиграцию. Поначалу правительство Советского Союза было непреклонно, но через несколько лет стало ясно, что цена санкций слишком высока, и в итоге полутора миллионам евреев позволили покинуть страну.

Страна Советов уже почила в бозе, российские евреи свободно выезжали из страны, но поправка Джексона — Вэника все еще действовала. Останься она в силе после вступления России в ВТО, и американские предприятия, например «Боинг», «Катерпиллар», «Форд» или экспортеры говядины, попадут в худшие условия по сравнению с другими членами ВТО — торговыми партнерами России.

Деловое сообщество США полагало, что следует отменить поправку, и правительство Обамы полностью поддерживало эту идею. Если бы президент мог самостоятельно аннулировать поправку Джексона — Вэника, он так и сделал бы, но для этого конгресс должен был принять соответствующий закон.

На той неделе, когда правительство США начало кампанию по отмене поправки Джексона — Вэника, я был в Вашингтоне и с помощью Джулианны продолжал кампанию за принятие закона Магнитского.

Проведя несколько часов за утренними встречами, мы с Джулианной обедали в закусочной на цокольном этаже сенатского здания имени Харта. Я сидел за хлипким на вид алюминиевым столиком и ел салат, когда Джулианна вдруг коснулась моей руки и незаметно указала в глубь зала. Там я увидел сенатора Джо Либермана, одного из наиболее высокопоставленных инициаторов закона Магнитского, в окружении небольшой группы советников.

— Билл, здесь Либерман, — шепнула Джулианна. — Думаю, стоит поговорить с ним обо всей этой ситуации с поправкой Джексона — Вэника.

— Как, прямо сейчас? Он же просто идет по залу. Разве можно серьезно говорить в такой обстановке?

Хоть жизнь и научила меня при необходимости проявлять настойчивость, мне до сих пор неловко подходить с просьбами к незнакомцам, в особенности когда их и так непрестанно осаждают.

Однако Джулианна, проигнорировав мой внутренний дискомфорт, встала и решительно потянула меня за собой:

— Ну же, Билл, идем поговорим с ним.

Мы вместе пересекли зал и направились в сторону сенатора Либермана.

Как только мы оказались в пределах слышимости сенатора, Джулианна протянула руку и обратилась к нему:

— Прошу прощения, что прерываю, но я бы хотела, если можно, представить вам Билла Браудера, человека, стоящего за идеей закона Магнитского.

Либерман и его советники остановились. Сенаторы обычно держат в голове сотни важных мыслей одновременно, и иногда им требуется несколько секунд, чтобы понять, о ком идет речь. Когда он услышал «закон Магнитского», его лицо просветлело.

— А, господин Браудер! — Он повернулся ко мне. — Рад познакомиться. Позвольте поблагодарить вас за важное дело, которым вы занимаетесь.

Мне польстило, что он знает обо мне.

— Я не смог бы ничего достичь без вашей поддержки, — чистосердечно ответил я. — Но есть одна проблема. Как вы наверняка знаете, Белый дом настаивает на отмене поправки Джексона — Вэника.

— Да, это так.

— Я считаю аморальным то, что правительство, аннулируя один из важнейших правозащитных актов за всю американскую историю, в то же время препятствует принятию закона Магнитского.

Он подумал, а затем прямолинейно ответил:

— Вы совершенно правы, и с этим надо что-то делать.

— Но что можно предпринять?

— Вот что я думаю. Мы заявим правительству, что не одобрим отмену поправки Джексона — Вэника, если они не перестанут препятствовать принятию закона Магнитского. Уверен, что Джон, Бен и Роджер[21] поддержат меня в этом.

— Это будет сильным ходом. Спасибо вам.

— Нет, Билл, это вам спасибо за все, что вы делаете.

Затем Либерман повернулся к своим советникам, попросил одного из них напомнить ему составить соответствующее письмо и ушел, а мы с Джулианной остались стоять среди шума и суеты зала.

Через несколько секунд я повернулся к своей спутнице:

— Мне это не приснилось?

— Нет, Билл. Вот так делаются дела в Вашингтоне. Поздравляю!

Либерман сдержал слово и несколько дней спустя вместе с другими инициаторами закона Магнитского направил письмо председателю финансового комитета сената, сенатору от штата Монтана Максу Бокусу. Подобно тому как сенатский комитет по международным отношениям должен был одобрить и внести на голосование закон Магнитского, финансовый комитет сената должен был сделать то же самое в отношении законопроекта об отмене поправки Джексона — Вэника.

В их письме было сказано: «В случае непринятия закона Магнитского мы будем выступать категорически против отмены поправки Джексона — Вэника».

Зная принципы работы сената, можно было приравнять это письмо к официальному вето.

Сенатор Бокус был заинтересован в отмене поправки. Среди его избирателей в Монтане были владельцы животноводческих ферм, которые занимались экспортом говядины и хотели продавать свои бифштексы в Россию — шестому по величине импортеру американской говядины — без риска оказаться в неравном положении по отношению к зарубежным конкурентам-поставщикам говядины.

А отменить поправку Джексона — Вэника теперь можно было только приняв закон Магнитского. После некоторых раздумий сенат решил объединить эти два законопроекта.

Рассмотреть объединенный законопроект планировалось сначала в сенатском комитете по международным отношениям, чтобы одобрить часть, связанную с законом Магнитского, а затем в финансовом комитете сената, чтобы утвердить часть, касающуюся отмены поправки Джексона — Вэника, и уже потом представить на голосование всего сената.

Известное выражение гласит: «Тем, кто любит колбасу и уважает закон, лучше не видеть, как делается то и другое».

Наша кампания за соблюдение прав человека странным образом объединила фермеров-скотоводов из Монтаны, активистов правозащитных организаций и работников авиакорпорации «Боинг». Получалось так, что сообща мы

становились сильнее, могли преодолеть остающееся сопротивление и добиться принятия закона.

Столкнувшись с перспективой задержки законопроекта об отмене поправки Джексона — Вэника, Керри прекратил вставлять палки в колеса: на двадцать шестое июня 2012 года он назначил заседание сенатского комитета по международным отношениям с единственной целью — рассмотреть закон Магнитского. Ради этого я специально прилетел в Вашингтон. Открытое заседание должно было начаться в четверть третьего. Я прибыл на место за сорок пять минут до начала, чтобы успеть занять место в первых рядах, но, к моему удивлению, у входа уже собралось не меньше трехсот человек. Журналисты, активисты, студенты, сотрудники сената, представители российского посольства и многие другие желали попасть внутрь.

Я встал в очередь, но через несколько минут кто-то окликнул меня по имени. Я узнал старшекурсника Колумбийского университета, помогавшего нашей кампании в качестве волонтера. Попросив друзей придержать место, он подошел ко мне и сказал:

— Мистер Браудер, давайте я провожу вас вперед.

Когда мы подходили к началу очереди, нас остановил полицейский конгресса:

— Минуточку, куда это вы идете?

Мне стало неловко, и я промолчал, но студент с энтузиазмом сообщил:

— Сэр, этот человек — инициатор закона Магнитского. Ему нужно попасть в начало очереди.

— Мне нет дела до того, кто он и что сделал. В конец очереди, пожалуйста.

— Но…

— В конец очереди!

Я заверил студента, что всё в порядке, и побрел на прежнее место, по пути заметив краем глаза одного из сотрудников российского посольства, которого я знал в лицо. Судя по ухмылке, его явно позабавило, что мне устроили разнос.

Добравшись наконец до вестибюля у входа в зал заседаний комитета, я увидел, как много там собралось людей. Помещение могло вместить человек шестьдесят, и я понял, что если не попасть туда сейчас, то потом шансов не останется. Ровно в два пятнадцать дверь открыла строгого вида коренастая шатенка и зычным голосом пригласила представителей прессы. К дверям рванула треть ожидающих, и я попытался проскользнуть вместе с ними, но грозная женщина, явно серьезно относившаяся к своим обязанностям, остановила меня и попросила предъявить

удостоверение журналиста.

— Ээ… у меня его нет. Но я принимал активное участие в создании закона Магнитского, и мне очень важно присутствовать здесь.

Она покачала головой — мол, знаем мы вас, хитрецов, — и завернула меня назад.

Что мне оставалось делать? Во второй раз я побрел обратно, чувствуя себя чужим. Только я зашел за бархатную ленту ограждения, как появились сенаторы со своими советниками. Толпа расступилась, и репортеры защелкали фотоаппаратами. Одним из последних прибыл сенатор Бен Карден, но он меня не заметил. Зато заметил Фред Тернер — его старший советник. Я увидел, как у дверей он остановился и, указывая на меня, что-то сказал шатенке. Та сразу же подошла ко мне и промолвила:

— Господин Браудер, прошу прощения. У нас есть для вас место. Следуйте за мной, пожалуйста.

Она провела меня в битком набитый зал (по сравнению с другими сенатскими комитетами здесь был, пожалуй, самый изысканный интерьер) и указала на последнее свободное место.

Сенатор Керри вошел через боковую дверь и объявил заседание открытым. По сенатору было видно, что в этот момент ему меньше всего хочется сидеть здесь. Он открыл заседание сдержанной речью о том, что Америка не идеальная страна и что присутствующим стоит помнить — не надо постоянно показывать пальцами на других и читать нотации, а, когда думаешь о чужих поступках, стоит обращать больше внимания на собственные.

Потом он предоставил слово нескольким другим сенаторам — все они высказались в поддержку законопроекта. После этого Керри обратился непосредственно к Кардену, отметив, что считает представленный законопроект сыроватым и предлагает другим вновь посмотреть на него. В продолжение Керри снисходительным голосом бостонского аристократа маловразумительно вещал о том, что закон Магнитского чреват рассекречиванием конфиденциальной информации, что порицать кого-либо, конечно, допустимо, но он обеспокоен непредвиденными последствиями таких действий и здесь требуется более масштабный и глубокий анализ.

Дипломатический жаргон Керри ясно давал понять, что сенатор вынужден присутствовать здесь, но не согласен с тем, что предстоит сделать. Все сказанное им казалось плохо завуалированной попыткой отложить голосование по этому акту до конгресса нового созыва, чтобы потом пришлось вернуться к изготовлению «колбасы» (то есть закона) заново, с исходной позиции. Это был решающий момент, от которого зависело все.

Сможет ли новичок Карден, избранный в сенат в первый раз, дать отпор Керри, ветерану сената с двадцатисемилетним стажем и ключевому человеку в демократической иерархии?

Как только Керри закончил долгую речь, все взгляды обратились на Кардена. И Карден не спасовал. Он отказался отложить рассмотрение законопроекта, призвав комитет к немедленному голосованию. После пяти минут прений Керри не выдержал и, прервав Кардена на полуслове, спросил: «Будут ли еще мнения? Комментарии? Есть ли необходимость в дальнейшем обсуждении?»

В зале воцарилось молчание.

Керри поставил вопрос на голосование. И… против не проголосовал никто.

После этого Керри объявил единодушное решение и закрыл совещание. Все покинули помещение. Процедура голосования и подсчета голосов заняла всего пятнадцать минут.

Я не шел, а словно летел, не касаясь земли, по самому важному городу самой могущественной страны в мире. Каждый день с шестнадцатого ноября 2009 года я делал все, что в моих силах, чтобы увековечить память о Сергее. И сегодня, двадцать шестого июня 2012 года, казалось, что в этом городе не осталось ни одного человека, который не слышал имени Сергея Магнитского.

38. Делегация Малкина

Казалось, все звезды благоволят скорому принятию закона Магнитского. Предприниматели, правозащитники, администрация президента Обамы, политики — что республиканцы, что демократы — все были за. Я не видел впереди никаких препятствий.

Однако девятого июля 2012 года, когда до рассмотрения объединенного законопроекта в финансовом комитете сената оставалось меньше двух недель, российское правительство предприняло последнюю отчаянную попытку сорвать голосование по этому закону. В Вашингтон направилась делегация высокопоставленных российских официальных лиц представить «результаты парламентского расследования», проведенного в России по делу Магнитского. Они заявляли, что хотели бы создать объединенную комиссию конгресса США и российского парламента по делу Магнитского. Но истинной их целью, как и в случае с Керри, было затормозить рассмотрение законопроекта и по возможности отложить его до нового созыва конгресса, после чего проект канет в Лету.

Делегация состояла из четырех членов Совета Федерации — верхней палаты Федерального законодательного собрания России. Возглавлял ее Виталий Малкин, российский миллиардер, занимавший тысяча шестьдесят второе место в списке богатейших людей мира «Форбс».

Поискав информацию о Малкине, я обнаружил, что в 2009 году канадское правительство, сославшись на информацию о его связях с оргпреступностью, запретило ему въезд, хотя сам Малкин все это категорически отрицал. Я не мог понять, как человек с такой репутацией мог возглавить делегацию в Вашингтон, пока не нашел фотографию, на которой он, стоя на ступенях здания конгресса США, пожимал руки людям в связи с благотворительным взносом на нужды Библиотеки Конгресса одного миллиона долларов. Видимо, в Вашингтоне за миллион вполне можно приобрести некоторую долю снисхождения.

Несмотря на прошлое Малкина, ряд серьезных политиков в конгрессе хотели узнать, какими «новыми» сведениями он располагает по делу Магнитского. Я был уверен, что доклад Малкина наверняка содержит фальшивые данные, подготовленные ФСБ по этому случаю, но разве мог это понять в ходе получасового брифинга обычный конгрессмен?

В тот день, девятого июля, я провел большую часть дня, обзванивая различные управления конгресса и пытаясь выяснить,

кто согласился принять делегацию. Кайл Паркер сообщил, что Карден ответил отказом, но Маккейн, Уикер и Макговерн с неохотой согласились. Кроме того, Кайл слышал, что делегации назначены аудиенции в Совете национальной безопасности при президенте США и в Госдепартаменте. Малкин сообщил, что после всех этих встреч и приемов проведет одиннадцатого июля пресс-конференцию в российском посольстве, чтобы представить общественности «новые сведения по данному делу».

Большинство встреч Малкина проходило десятого июля. Я лихорадочно пытался дозвониться до всех, с кем был знаком в Вашингтоне, чтобы узнать подробности, но тщетно. В тот день даже Кайла не было на связи.

Я и на следующий день продолжил бы обзванивать людей, но, к сожалению, у меня уже давно была запланирована поездка с семьей в Сан-Диего. Более неподходящего времени я и представить не мог, но отменять поездку не стал. Когда все это только начиналось, я пообещал жене, что мы не позволим российским казнокрадам влиять на нашу семейную жизнь.

В полдень мы сели в самолет. Я, как мог, помогал Елене с детьми, хоть и был поглощен своими мыслями. Мы устроились на своих местах. Пока самолет выруливал на взлетную полосу и поднимался, сидевшая рядом Джессика играла с парой плюшевых жирафов. Самолет уже набрал высоту, и тут вдруг дочка спросила меня:

— Папочка, а кто такой Магнитский?

Я никогда прежде не говорил с ней о Сергее, но Джессика много раз слышала это имя из разговоров взрослых. Я подумал, как ей ответить, и сказал:

— Сергей Магнитский был моим другом.

— С ним что-то случилось?

— Да. Плохие люди посадили его в тюрьму, делали ему больно, заставляя сказать неправду.

— А он сказал?

— Нет. И из-за этого они сделали его жизнь очень тяжелой и не давали видеться с семьей.

— Почему они хотели, чтобы он сказал неправду? — спросила она, заставляя жирафа танцевать на подлокотнике между нашими сиденьями.

— Потому что они украли много денег и хотели оставить их себе.

Она уронила жирафа себе на колени. Немного подумав, опять спросила:

— А что случилось с Магнитским?

— Понимаешь, милая… он ушел из жизни.

— Потому что не хотел говорить неправду?

— Да. Он погиб, потому что не хотел говорить неправду.

Джессика вздохнула, затем подобрала жирафа и что-то прошептала ему на своем детском языке. Какое-то время я сидел молча, уйдя в себя, пока она не сказала:

— А с тобой этого не случится?

Я еле сдержал слезы.

— Нет, солнышко. Обещаю, что не случится.

— Хорошо.

В этот момент погас индикатор ремней безопасности, и дочка перебралась к маме, а я продолжал сидеть под тяжестью нахлынувших эмоций. Разговор получился грустным, но к грусти примешивалась и злость: я просто обязан был как можно скорее узнать, что происходит в Вашингтоне и как обстоят дела с делегацией Малкина.

Одиннадцать часов спустя наш самолет приземлился. Первым делом я включил телефон и набрал номер Кайла, внутренне готовясь к худшему. Он ответил сразу же, и голос его звучал непринужденно, как всегда, я уже успел к этому привыкнуть.

— Билл, привет, как дела?

— Я весь день провел в полете. Что происходит с русскими? Принятие закона не под угрозой?

— Да нет, все нормально. Их оперативное вмешательство, если можно это так назвать, с треском провалилось, — он хмыкнул. — Жаль, ты этого не видел.

Он рассказал, что Малкин для начала сообщил сенаторам, что Сергей «пил и был человеком неспортивным» и что его смерть в некотором роде последствие алкоголизма. Сенаторы восприняли это не только как оскорбление памяти погибшего, но и как грубую ложь. Они видели независимые экспертные отчеты, из которых следовало, что смерть Магнитского наступила в результате пыток, побоев и неоказания медицинской помощи.

Затем Малкин продемонстрировал сенаторам толстую пачку купированных копий документов на русском языке и сообщил, что в них содержатся «неоспоримые доказательства» того, что Сергей и я — мошенники, похитившие 5,4 миллиарда рублей из казны. Но и этот номер не прошел. Многим сенаторам были знакомы видеоматериалы о «Касте неприкасаемых» и таинственном богатстве сотрудников МВД Кузнецова и Карпова и налоговички Степановой, не говоря уже о расследовании швейцарской прокуратурой отмывания денег и замороженных миллионах мужа Степановой. Сенаторы напомнили Малкину об этой неприятной правде, на что Малкин ответил, что российские госорганы рассмотрели все эти обвинения и сочли их

беспочвенными.

По словам Кайла, финальная пресс-конференция завершилась еще большим провалом. Когда журналист газеты «Чикаго Трибьюн» попросил прокомментировать документы, показывающие, что конвоиры избивали Сергея, Малкин снисходительно ответил: «Ну, может, стукнули один или два раза, но это не явилось причиной смерти».

Весь этот плохо срежиссированный спектакль русских, устроенный в попытке остановить ход событий, возымел ровно противоположный эффект: вместо того чтобы охладить интерес конгрессменов к закону Магнитского, он, наоборот, убедил всех в его необходимости. Наша поддержка теперь была настолько твердой, что закон просто не мог не пройти в финансовом комитете.

Восемнадцатого июля комитет единогласно одобрил законопроект Магнитского. Следующим шагом было голосование в обеих палатах Конгресса США, которое должно было состояться после летних каникул.

На время каникул страсти поутихли, и я впервые за много лет насладился спокойным семейным отдыхом с детьми. Я уже забыл, каково это — оставить все проблемы далеко-далеко и радоваться общению с родными.

Во время путешествия дети уговорили меня сходить с ними в поход. Мы взяли палатку и несколько спальных мешков, и я отвез семью в Паломарский национальный парк в полутора часах езды к северу от Сан-Диего. Там мы разбили лагерь, принесли из лесничества дров и соорудили костер, а затем отправились на прогулку по лесу. Дэвид взялся приготовить ужин, и мы все вместе ели вермишель с сосисками под соусом из помидоров.

Воздух был наполнен запахами леса и костра, а когда спустилась ночь, где-то неподалеку заухали совы. Из леса по соседству доносились звуки других ночных птиц. Для меня это был первый такой спокойный вечер за долгое время.

По возвращении в Лондон я почувствовал, что набрался свежих сил и готов к решающему этапу.

Но и русские были наготове. В первый же день после моего возвращения к нам в офис доставили увесистый заказной конверт. Внутри оказался судебный иск Павла Карпова на двухстах пяти страницах, адресованный мне. Майора Карпова представляла престижная и дорогая британская юридическая фирма — «Олсванг». С ее помощью Карпов подал иск в Высокий суд Лондона, обвиняя меня в клевете. В иске утверждалось, что опубликованные на Ютьюбе видеоролики о нем, его коллеге подполковнике Кузнецове и налоговичке Степановой нанесли

урон его репутации и причинили ему нравственные страдания. Я не знал, как на это реагировать, и рассмеялся. Нравственные страдания? У Карпова? Хорошая шутка.

И это при том, что майор Карпов зарабатывал меньше полутора тысяч долларов в месяц, а нанятая им английская юридическая контора брала за час работы где-то девятьсот шестьдесят. Выходило, что на одно только составление этого иска Карпов потратил всю свою официальную зарплату за несколько лет.

Это походило на очередную попытку остановить нашу кампанию и отвечало духу путинских указаний. После переизбрания на третий президентский срок и официального вступления в должность в мае 2012 года Путин сразу же подписал указ о внешней политике, одним из пунктов которого значилось недопущение принятия закона Магнитского в Америке. На мой взгляд, именно это объясняло, каким чудесным образом Карпов может позволить себе услуги дорогой юрфирмы.

Могу представить, как рады были сотрудники «Олсванг» взяться за это дело и как красноречиво британский адвокат расписывал этим русским свои услуги: вложите миллион фунтов стерлингов в судебное разбирательство — и все ваши проблемы и с Браудером, и с законом Магнитского будут решены. «Олсванг» упустила только то, что у сотрудника МВД, не владеющего английским и лишь дважды до этого посещавшего Великобританию, едва ли есть шанс в деле о защите «чести и достоинства» на английской земле.

Я нанял адвокатов, чтобы опротестовать иск по делу о клевете, но старался не позволить отвлечь себя от главной цели: закона Магнитского. В начале сентября закончились летние каникулы, и как только Кайл Паркер вернулся на работу, я тут же позвонил ему, чтобы выяснить, когда состоится голосование.

— Билл, в политической жизни страны перед выборами президента грядет мертвый сезон, — засмеялся Кайл. — Закон Магнитского для руководства конгресса — слишком беспроигрышный, чтобы назначать голосование в ближайшее время.

— Но ведь по нему полная поддержка, и сразу от обеих партий! — удивился я. — Кажется, это единственный вопрос, по которому в Вашингтоне нет разногласий.

— В этом-то и дело, Билл. Выборы в полном разгаре, и никто не заинтересован в обсуждении решений, с которыми все согласны. Никто не хочет выставлять других в выгодном свете.

— И что это означает?

— А то, что голосование по закону Магнитского состоится

только после шестого ноября.

Я мысленно прикинул.

— Получается, что между выборами и окончанием работы конгресса нынешнего созыва будет только семь недель?

— Даже меньше. Надо учесть и каникулы.

Это меня беспокоило, но других вариантов не было — оставалось просто ждать. В сентябре и октябре наша команда погрузилась в инвестиционные дела Hermitage, которые теперь казались лишь тенью предыдущих моих предприятий. Чтобы вернуть фонд в прежнее русло, требовалось провести месяцы в разъездах, организуя бесчисленные встречи и конференции по инвестициям. Когда я взвесил погоню за инвесторами и борьбу за правосудие для Сергея, последнее перевесило в мгновение ока.

Медленно тянулись недели. Наконец, шестого ноября прошли выборы президента США. Обама легко обошел Митта Ромни. На следующий день я позвонил Кайлу и снова спросил, когда можно ожидать голосования. К моему удивлению, он ответил:

— Я как раз собрался тебе звонить. Палата только что объявила, что голосование состоится в следующую пятницу.

— Серьезно?

— Да, на самом деле!

Я посмотрел на календарь.

— Это будет шестнадцатое ноября…

До Кайла сразу же дошла значимость этой даты — третья годовщина со дня гибели Сергея.

— Действительно… — тихо произнес он, помолчав. — Но есть одна проблема: палата представителей настаивает, чтобы закон касался исключительно России. Именно такую версию они ставят на голосование.

Когда сенатор Карден решил придать закону Магнитского статус правозащитного акта мирового масштаба, его так захватили перспективы и историческое значение, что он был готов пойти на риск, чтобы сохранить глобальный характер документа.

— Значит ли это, что Карден не поддержит в сенате версию, которая касается только России?

— Вполне возможно.

Если версии закона, принятые сенатом и палатой представителей, будут отличаться, их необходимо согласовывать, на что понадобится время, а вот времени у нас как раз и не было. Если Карден не уступит, возрастал риск, что закон не пройдет вовсе.

Разумеется, я хотел, чтобы была принята глобальная версия закона, предложенная Карденом. Имя Сергея на законодательном

акте мирового значения, каким видел его Карден, было лучшим способом отдать дань его памяти. Однако еще важнее, чтобы законопроект стал законом, и если для этого надо ограничиться усеченной «российской» версией, то, на мой взгляд, так и следовало поступить. Я надеялся, что Карден придерживается того же мнения.

И вот наступило шестнадцатое ноября. Это был во многом знаменательный день. Палата представителей США проводила голосование по законопроекту Магнитского. Вечером того же дня я выступал на лондонской премьере спектакля «Час восемнадцать». Это была театральная постановка российского драматурга Елены Греминой о последних минутах жизни Сергея.

Во второй половине дня все в офисе прильнули к мониторам и в прямом эфире следили на сайте C-SPAN[22] за происходящим в палате представителей США. До начала голосования члены конгресса брали слово и говорили о том, что произошло с Сергеем, призывая к правосудию. Это знаковое событие происходило прямо на моих глазах — в просторном зале, пропитанном американской историей. Именно здесь принимали поправку, запрещающую рабство, и поправку, дающую избирательные права женщинам. Именно здесь утверждалось историческое законодательство в области гражданских прав. Я испытывал трепет при мысли о том, к чему привела трагическая история Сергея Магнитского.

Наконец началось голосование. Один за другим поступали голоса — почти все были «за». Когда какой-то голос был «против», в нашем офисе раздавался гул неодобрения, но их можно было пересчитать по пальцам. Было ясно, что в палате представителей закон проходит.

Примерно на середине голосования раздался звонок. Я ответил, не глядя на номер вызывающего абонента, полагая, что это Елена или еще кто-нибудь, кто радуется вместе с нами и хочет обсудить происходящее в Вашингтоне.

— Билл, это Марсел.

Я узнал его голос. Это был бухгалтер, которого нам представил Александр Перепеличный, поведавший о швейцарских счетах. Меня удивил его неожиданный звонок, потому что он не имел никакого отношения ни к закону Магнитского, ни к другим вопросам, которыми я занимался на тот момент.

— Марсел, здравствуй! Это может подождать? Я сейчас занят.

— Билл, прошу прощения, но это важно.

— Хорошо, я слушаю.

— Я даже не уверен, что мне стоит этим делиться, — уклончиво произнес он.

— Чем? — Я отвернулся от экрана, где транслировалось голосование.

— Дайте слово, что никому об этом не скажете… даже коллегам по работе.

— Смотря о чем речь. Так в чем дело?

— Умер Александр Перепеличный.

39. Правосудие для Сергея

Марсел рассказал, что Перепеличный упал замертво недалеко от своего дома в графстве Суррей во время дневной пробежки, но всех подробностей он не знал.

Несколько минут я пытался осмыслить услышанное. От нашего офиса до Суррея не больше тридцати километров. Если он умер насильственной смертью (а было очень похоже), то, значит, наши враги перешли от запугиваний к открытому террору.

Просьба Марсела никому об этом не говорить была совершенно неуместной, и я немедленно позвал в кабинет Вадима, Владимира и Ивана. Новость потрясла коллег до глубины души, особенно Вадима и Владимира, которые за последний год хорошо узнали Перепеличного. Вдруг за пределами кабинета раздались аплодисменты и крики ликования. Увидев сквозь стеклянные перегородки рукоплескания сотрудников, я выглянул за дверь и спросил, что происходит. Помощница ответила: «Закон Магнитского только что утвержден в палате представителей, набрав триста шестьдесят пять голосов! Против только сорок три».

Это было грандиозное событие, но я был не в состоянии радоваться, ведь погиб еще один человек, связанный с нашим делом. Я вышел в зал, поздравил ребят с успехом и поблагодарил за упорный труд, пытаясь не показывать чувств от случившегося с Перепеличным. Какое-то время я говорил с коллегами о голосовании и дальнейших планах, но о Перепеличном решил не рассказывать, пока не проанализирую возможные последствия.

Был ли он убит? А вдруг убийцы Перепеличного до сих пор в Англии? Я очень хотел позвонить тем, кому доверял, кто помог бы мне разобраться в ситуации, но не мог, поскольку через сорок пять минут должен был открывать в театре «Новая диорама» премьеру спектакля памяти Сергея.

Я отправился в театр пешком и попытался хотя бы на время выбросить из головы мрачные мысли. В фойе я встретил выдающихся людей, посвятивших свою жизнь правозащитной деятельности, членов парламента, правительственных служащих, деятелей культуры и близких друзей. Постановка получилась яркой и волнующей. По окончании я с тремя почетными гостями занял своего рода «президиум» — мы расположились на складных стульях прямо на сцене и начали открытый разговор с аудиторией. Рядом со мной сидели известный драматург Том Стоппард, бывший советский политзаключенный Владимир Буковский и Бьянка Джаггер — бывшая жена Мика Джаггера и

авторитетная правозащитница.

Стоппард с Буковским поведали о том, как в семидесятые годы Стоппард поставил спектакль, который в конечном итоге помог освободить Буковского из советской психиатрической больницы. Обсуждая историю, которая произошла с Сергеем, они отмечали, что в России, к сожалению, с тех пор мало что изменилось.

Я обратился к аудитории последним:

— Ситуация в России действительно очень тяжелая, но сегодня появился небольшой лучик надежды: всего несколько часов назад палата представителей Конгресса США одобрила законопроект «Сергей Магнитский — Верховенство закона и ответственность», предусматривающий санкции в отношении тех, кто пытал и убил Сергея. С гордостью сообщаю, что законопроект набрал восемьдесят девять процентов голосов.

Я планировал продолжать речь, но мои слова утонули в бурных аплодисментах. Один за другим люди вставали с мест, и вскоре стоял весь зал. Они аплодировали не столько успеху кампании, сколько крошечной частице правосудия в мире. Я был глубоко этим тронут и, стоя вместе со всеми, тоже аплодировал.

На выходе из театра я пожимал руки и принимал поздравления, но мысли вернулись к Перепеличному. Еще по дороге в театр я рассказал о случившемся Елене, и теперь мне очень нужно было все с ней обсудить.

Дома я застал Елену сидящей на диване — отвлеченный взгляд блуждал по комнате. Видеть ужас в глазах любимых людей невыносимо, но в ту ночь именно это мне пришлось испытать. Дети спали в кроватках, мы были дома и теоретически в безопасности, но и Перепеличный в своем жилище в Суррее наверное думал то же самое.

На следующее утро я связался со своим лондонским адвокатом Мэри, и мы решили, что следует как можно скорее уведомить полицию Суррея, кем был этот человек. Полиции следовало знать, что в этом деле могла быть замешана российская организованная преступность и коррупционеры из высших эшелонов власти. Происшествие с Перепеличным — вряд ли просто несчастный случай.

Мэри подготовила письмо, подчеркнув, что Перепеличный выступал свидетелем, помогал западным правоохранительным органам в расследовании крупного дела по отмыванию денег российским преступным сообществом и мог быть отравлен, как Александр Литвиненко в 2006 году. Она настоятельно рекомендовала полиции срочно провести токсикологический анализ.

Письмо ушло в субботу по факсу. Выждав воскресенье, Мэри в понедельник позвонила в полицейский участок в Вэйбридже. Дежурный подтвердил, что письмо они получили, но, к нашему удивлению, ответил, что в полицию не поступала информация о смерти человека по фамилии Перепеличный.

Это было полной нелепицей, и я попросил Мэри позвонить старшему по званию, кто может знать, что же в действительности произошло. На этот раз в полиции подтвердили, что Перепеличный действительно умер одиннадцатого ноября на дороге, ведущей к его дому, но подробности обсуждать отказались. Мэри напомнила им, что у нас есть важная информация, которая может помочь следствию, но полицейский только записал ее телефонный номер и сказал, что в случае необходимости с ней свяжутся. Однако время шло, а до среды с ней так никто и не связался. В тот день Марсел сообщил нам, что первоначальные результаты вскрытия неопределенные: судмедэксперт не смог установить причину смерти Перепеличного — это был не сердечный приступ, не инсульт и не аневризм. Он просто умер. И всё.

Это всерьез обеспокоило меня еще и потому, что перед смертью Перепеличный говорил, будто значится в некоем «расстрельном» списке и что ему грозили расправой. Это наводило на мысль, что где-то в Великобритании бродит российский наемный убийца, и если он смог добраться до Перепеличного, то ничто не мешает ему добраться и до нас.

Мэри до конца недели осаждала полицию телефонными звонками, но всякий раз с ней отказывались говорить. Все это удручало, и в понедельник я спросил ее совета: что предпринять, чтобы они начали работать. Ответ был прост: надо обратиться к прессе. Обычно адвокаты советуют в подобных ситуациях держаться подальше от журналистов, но дело затрагивало общественные интересы, а полиция, похоже, не собиралась реагировать, так что, по ее мнению, у нас не было иного выхода.

Два дня спустя в газете «Индепендент» была опубликована подробная статья на пяти страницах под заголовком «В Суррее найден мертвым ключевой свидетель по делу о крупном российском мошенничестве» с портретом Перепеличного на передовице. Новость облетела телеканалы, радиопередачи и газеты Великобритании. Люди пришли в ужас от мысли, что российские преступники могут вести расправу уже на улицах Англии.

Сразу же после публикации полиция Суррея направила к нам в офис двух детективов-криминалистов. В итоге через двадцать один день после смерти Перепеличного полиция объявила, что

будет назначено токсикологическое исследование. Я полагал, что с этим они уже опоздали: если его отравили, то обнаружить следы яда по прошествии трех недель вряд ли возможно.

Кто бы ни был в ответе за смерть Перепеличного, теперь они наверняка знали, что полным ходом идет расследование убийства, а в прессе бурно обсуждаются подробности дела, и залегли на дно. Уровень угрозы оставался высоким, но паника уступила место относительному спокойствию, что дало возможность сосредоточиться на других делах и проблемах.

До голосования в сенате оставались считанные дни. Я планировал быть в это время в Соединенных Штатах, но не мог присутствовать в Вашингтоне и видеть все своими глазами: мне предстояло выступить в Гарвардском университете и провести несколько деловых встреч в Нью-Йорке.

В воскресенье, второго декабря, я вылетел в Бостон. На выходе из самолета я получил срочное сообщение от Кайла Паркера и по пути к паспортному контролю перезвонил ему.

— Билл, привет, как дела? — привычно откликнулся он.

— Я получил твое сообщение. Что-то случилось?

— Возможно. Некоторые сенаторы настаивают, чтобы закон Магнитского все-таки распространялся на все страны, а не только на Россию.

— И что это означает для нас?

— Ну, дело уже не только в том, что думает Карден. Все больше сенаторов присоединяется к группе, возглавляемой Килом и Левином, которые настаивают на глобальной версии закона.

— Я думал, что весь сенат поддерживает закон.

— Голоса у нас, без сомнения, есть, Билл. Но если нет консенсуса по поводу того, какую версию принять, Гарри Рид не назначит голосование, — пояснил Кайл, имея в виду руководителя сенатского большинства. — А время идет.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Попробуй выйти на людей Кила и Левина и приведи свои доводы в пользу российской версии закона, а я поговорю с Карденом.

— Хорошо. Я, к сожалению, на ближайшие несколько дней зависаю в Бостоне и Нью-Йорке, но все сделаю.

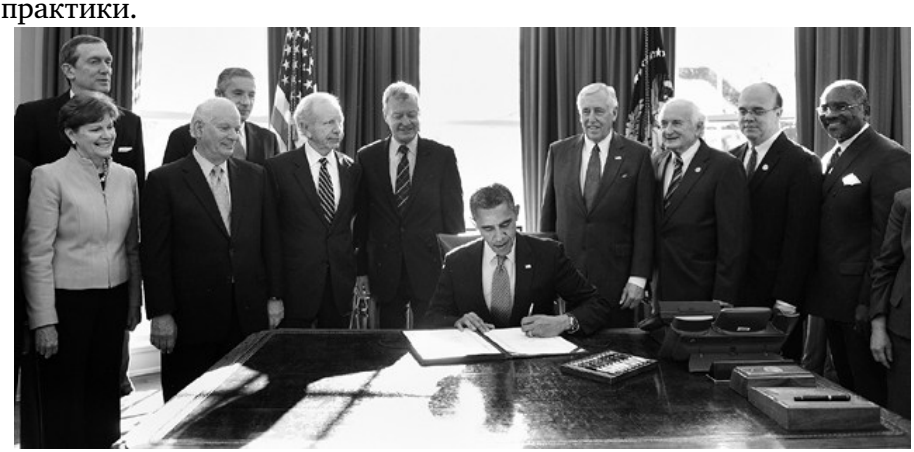
Я остановился на полпути к паспортному контролю и поговорил с Джулианной. В отличие от Кайла, она восприняла происходящее более спокойно и пообещала в понедельник с самого утра связаться с советниками сенаторов по вопросам внешней политики.

Закончив формальности в аэропорту, я отправился в гостиницу. На следующее утро я делился в Гарвардской школе

бизнеса опытом работы в России. В первой части семинара студенты по очереди рассказывали преподавателю, что бы они сделали на моем месте, а я тихо сидел в заднем ряду, наблюдая, как рождаются интересные идеи, и немного жалел, что они не пришли мне в голову раньше. Анализ затрагивал только события, происходившие до обысков в офисах в 2007 году, поэтому они думали исключительно об управлении портфельными инвестициями и установлении стандартов корпоративного управления, а не об уголовном преследовании. Студенты не знали продолжения истории.

Во второй части семинара слово предоставили мне, и я рассказал историю до конца — об обнаруженном хищении, о Сергее, его аресте, пытках и гибели. Настроение в аудитории заметно менялось, пока я говорил. Под конец выступления я видел слезы в глазах некоторых студентов.

Провожая меня к выходу, профессор Альдо Мусаккио сказал, что впервые за годы работы в Гарвардской бизнес-школе видит, как студенты плачут во время анализа примеров из деловой практики.



Президент США Барак Обама подписывает закон имени Сергея Магнитского 14 декабря 2012 года. Закон ввел санкции против российских официальных лиц, причастных к задержанию, пыткам и убийству Сергея, а также против других нарушителей прав человека (© Mandel Ngan/AFP/Getty Images)

Завершив визит в Гарвард, я отправился в Нью-Йорк. В Вашингтоне же, несмотря на усилия Кайла и Джулианны, до конца следующего дня ничего не изменилось. Сенатор Левин был непреклонен, а Карден не раскрывал своих планов.

В ночь на пятое декабря я лег спать пораньше, но из-за смены

часовых поясов и неопределенности ситуации в сенате проснулся в два часа ночи. Я понял, что заснуть больше не смогу, поэтому принял душ, надел гостиничный халат, открыл ноутбук и стал искать в интернете последние новости по делу Магнитского.

Одним из первых на экране высветилось сообщение для прессы из офиса сенатора Кардена. Оно было опубликовано предыдущим вечером. Я нажал на ссылку и прочитал документ. Карден пошел на компромисс: он снял свое требование ставить на голосование сената глобальную версию закона.

Я отменил все запланированные на шестое декабря встречи и открыл страницу C-SPAN на компьютере. Я сидел в гостиничном номере один, в ожидании. Заказав еду в номер, я ходил из угла в угол, как неприкаянный.

И вот около полудня в сенате началось голосование по законопроекту Магнитского.

Все прошло очень быстро. После подсчета половины голосов стало ясно, что закон будет принят. Результат: девяносто два — за, четыре — против. Против проголосовали только Левин и еще трое сенаторов.

Принятие законопроекта в конгрессе было начисто лишено какой бы то ни было торжественности: ни тебе барабанной дроби, ни салюта, ни парада — просто поименное голосование и сразу же переход к следующему вопросу повестки дня. Но вот последствия были колоссальными.

С 2009 года в конгресс было внесено 13 195 законопроектов, но только 386 из них стали законами. Наперекор всему мы победили — благодаря храбрости Сергея, большому сердцу его мамы Натальи Николаевны, самоотверженности Кайла, уверенному руководству Кардена, целостности Маккейна, дальновидности Макговерна, проницательности Вадима, мудрости Владимира, предприимчивости Джулианны, любви Елены. Это стало возможным благодаря Ивану и Джонатану, Джейми и Эдуарду, Александру Перепеличному и многим другим, от мала до велика.

Наша простая идея применить санкции к палачам Сергея пустила корни и проросла.

В судьбе Сергея было что-то едва ли не библейское. Я человек не религиозный, но наблюдая, как развиваются события, не мог не думать, что Бог вступился на этот раз. В этом мире нет недостатка в страданиях, но каким-то образом трагедия, произошедшая с Сергеем, нашла сильнейший отклик в сердцах людей.

Больше всего мне хотелось, чтобы ничего этого не было. Чтобы Сергей был жив и здоров. Но его не было с нами, и ничто

не могло его вернуть.

Однако страдания Сергея не были напрасны: они положили конец полной безнаказанности, окутавшей современную Россию. Сергей оставил нам наследие, которым он и его семья могут гордиться.

Торжественный прием в Вашингтоне по случаю введения Закона Магнитского. Рядом со мной, конгрессмен Джим Макговерн (который представил законопроект Палаты представителей), Сергей мать, Наталья и вдовы Сергея, Наташа. (© Allison Shelley)

Сенатор Бен Кардин во время пресс-конференции в здании Капитолия в 2013 году, оценивает мужество она показала семейный Магнитских. Рядом с ним стоят: вдова Сергея и его сын Никита и мать Сергея и Вадима Клейнера. (© Allison

Shelley)

40. Унижающий и униженный

Я был потрясен, когда закон Магнитского был принят.

Не меньше меня был потрясен еще один человек — Владимир Путин. Все эти годы он сидел себе спокойно в Кремле, зная: что бы ни происходило в Конгрессе США, президент Обама законопроект не поддерживает. В тоталитарной путинской картине мира это было железобетонной гарантией того, что закон не пройдет. Однако Путин не учел, что Америка — это не Россия.

Дать ответ на закон Магнитского было проще простого: отплатить той же монетой в духе шпионских скандалов времен холодной войны. Американцы вводят санкции в отношении нескольких российских чиновников — русские отвечают им тем же. Вот и всё. Конец истории.

Но Путин решил изменить правила игры. Как только закон Магнитского был одобрен в сенате, он основательно занялся поиском способа лягнуть Америку, да побольнее.

У аппаратчиков Путина было полно идей. Для начала в Думе предложили арестовать российские активы банковской корпорации «Ситигруп» объемом три с половиной миллиарда долларов. Идея, бесспорно, мстительная, но при этом нелепая. Кто-то, должно быть, сообразил, что если Россия наложит арест на активы «Ситигруп», США заморозят российские активы. В итоге наши оппоненты отбросили эту идею и пошли дальше.

Возникла мысль блокировать Северный транспортный коридор, который США использовали для снабжения транзитом через территорию России войск в Афганистане. Таких маршрутов у Америки было всего два — через Пакистан и через Россию, и Путин прекрасно осознавал его ценность.

Недостаток этой идеи заключался в том, что официальные лица в Пентагоне в ответ посмотрят на карту и станут искать, куда надавить, чтобы аналогичным образом ущемить стратегические интересы России. И наверняка выберут Сирию, а правительство Путина немало вложило в поддержку сирийского диктатора Башара Асада, так что Путин не мог подвергать риску это капиталовложение. Такой вариант тоже отпал.

Путин искал нечто, не затрагивающее ни финансовые, ни военные интересы, но при этом способное досадить Америке.

Такое решение было найдено одиннадцатого декабря 2012 года. В тот день я был в Торонто и убеждал канадских парламентариев принять свою версию закона Магнитского. А вечером выступал с речью перед группой канадских общественных деятелей и журналистов. В ходе прямого общения

молодая журналистка задала вопрос: «Сегодня российская Дума объявила о предложении ввести закон о запрете усыновления российских сирот американскими семьями. Как вы это прокомментируете, господин Браудер?»

Об этом я слышал впервые. Сложно было ответить на него с лету. Немного подумав, я ответил: «Если Путин действительно ставит под политический удар российских сирот, то это самый безнравственный поступок из всех, которые он мог предпринять».

Это решение русских психологически подействовало на меня. До этого момента все в нашей борьбе было черно-белым. Выбор прост: или вы на стороне истины и правосудия, или на стороне палачей и убийц, безнаказанно действующих в России.

Теперь же, вставая на сторону истины и правосудия, человек рисковал причинить вред российским детишкам-сиротам.

Предложенный Путиным запрет был ощутимым, потому что за прошедшие десять лет американцы приняли в свои семьи свыше шестидесяти тысяч российских сирот. Вдобавок Россия в последние годы ввела ограничения для американцев: в большинстве случаев они могли усыновлять только больных сирот — с диагнозами СПИДа, синдрома Дауна, порока развития позвоночника и другими серьезными патологиями. Некоторые из этих детей не смогли бы выжить без медицинской помощи и заботы со стороны американских семей.

Это означало, что Путин карает не только американские семьи, ожидавшие воссоединения с российскими детишками. Он одновременно наказывал беззащитных сирот в собственной стране, возможно, обрекая их на смерть. Бессердечность — слабое слово для всего этого. Это воплощенное зло.

Путин попал прямо в точку. Он нашел именно то, к чему стремились американцы и что он мог отнять без риска ответных мер. Более того, он нашел способ взыскать моральную цену за поддержку кампании правосудия для Магнитского.

Путин ожидал негативной реакции со стороны Америки, но и понятия не имел, какой пчелиный улей разворошил в собственной стране. У россиян можно найти много недостатков, но в любви к детям им нет равных. Россия — одна из немногих стран мира, где можно свободно привести в ресторан шумного ребенка и никто из посетителей не возмутится. Тут просто обожают детей.

Путина это не остановило. Четырнадцатого декабря — в тот самый день, когда Обама подписал закон Магнитского, — в Госдуме прошло голосование, и законопроект о запрете на усыновление детей был принят в первом чтении.

Ответная реакция внутри страны последовала с самой

неожиданной стороны. Некоторые из приближенных к Путину, заслышав о новой законодательной инициативе, начали нарушать строй.

Первой высказалась Ольга Голодец, вице-премьер по социальным вопросам. В интервью «Форбсу» она заявила, что «закон противоречит семейному кодексу и международной конвенции о правах ребенка, согласно которой интересы и права ребенка должны быть приоритетом при принятии государственных решений».

Министр образования Дмитрий Ливанов написал в своем микроблоге:

> «Логика как бы „око за око“, но логика неправильная, так как могут пострадать наши дети, которым не нашлось усыновителей в России».

Даже глава российского МИД Сергей Лавров, проводник внешней политики Путина, отметил: «Это неправильно, но я уверен, что в конечном итоге Госдума примет взвешенное решение».

Путин заставлял всех ходить по струнке, и вдруг такое беспрецедентное проявление нелояльности. Я начал думать, что, возможно, за запретом на усыновление стоит не он. Я очень надеялся, что это так и здравомыслие в конечном итоге возобладает. Беззащитные детишки не могут быть орудием в этой схватке.

Путин, который редко выказывает свои намерения, считается одним из самых непредсказуемых политиков в мире. Непредсказуемость — его стиль. Он хочет иметь свободу маневра, но при этом никогда не отступает и не показывает слабости. Предсказать его дальнейшие действия было невозможно, но мы знали, что некоторые ответы придут, и произойдет это во время ежегодной четырехчасовой пресс-конференции президента, назначенной на двадцатое декабря 2012 года.

Это тщательно отрежиссированное шоу для масс: большинство вопросов — безобидные или поверхностные, их обычно задают журналисты, подготовленные администрацией президента, или те, кто практикует жесткую самоцензуру. На таких спектаклях редко случались неожиданности, но я знал, что здесь Путин впервые приоткроет свои карты и все-таки выскажется о запрете на усыновление.

Я смотрел прямой эфир в офисе. Ко мне присоединились Иван и Вадим помочь с переводом и выяснить, что же скажет Путин. Первый вопрос задала журналистка из интеллектуального глянца «Сноб» Ксения Соколова:

«В ответ на принятие американцами закона Магнитского Госдума приняла запретительные меры в отношении американских граждан, которые хотят усыновлять российских детей-сирот. Считаете ли Вы такой ответ действительно адекватным? И не смущает ли Вас, что дети, причем самые обездоленные и беспомощные из них, становятся инструментом в политической борьбе?»

Путин сменил позу за огромным угловатым столом и постарался уйти от ответа. Он пытался выглядеть невозмутимым, несмотря на то, что мероприятие с самого начала отошло от намеченного сценария.

«Это, безусловно, недружественный в отношении России акт, — заявил он. — Насколько я знаю опросы общественного мнения, большинство граждан негативно относятся к усыновлению иностранцами наших детей». Затем он долго говорил, упомянув лагеря в Гуантанамо и Абу-Грейбе и секретные тюрьмы ЦРУ, будто их существование оправдывало преступления, которые совершались в России.

По прошествии трех часов пресс-конференции из полусотни заданных Путину вопросов шесть имели отношение к Сергею Магнитскому и российским детям-сиротам. Путин заметно злился.

Наконец незадолго до окончания мероприятия поднялся журналист Сергей Лойко из газеты «Лос-Анджелес Таймс» и сказал:

«Я возвращаюсь назад к Сергею Магнитскому, потому что Вы про это говорили. У России было три года, чтобы дать ответ, что же случилось. И тогда не было бы никакого „списка Магнитского“, вы не ругались бы с Америкой, дети поехали бы в Америку, и все были бы довольны и счастливы. Но ответа нет. Что там?

Вы проявляете недюжинную осведомленность в других громких уголовных делах, я не буду их называть. Мне хотелось бы услышать от Вас ответ на вопрос, что там с 230 миллионами долларов, которые якобы <…> инспекторы и полицейские — милиционеры в прошлом — украли из бюджета. На них можно было бы отстроить прекрасные детские дома, и Медведеву не приходилось бы голословно говорить, что мы что-то должны сделать. Уже бы это было, и мы бы могли держать сирот в нормальном состоянии.

Что произошло с Сергеем Магнитским? Почему для него наступил 1937 год? Хорошо, что он не для всех. Но почему он все равно возвращается в нашу жизнь?»

Путин изменился в лице и стал отвечать:

«По поводу Магнитского…»

Но в этот момент его прервали — из зала раздались аплодисменты. Путин оторопел: «…Это что?..»

«Поддерживаем вопрос», — раздалось из зала.

Путину не приходилось прежде сталкиваться с открытым бунтом прессы. Все про себя всё знали, но вслух произнести боялись. И тут Путин потерял контроль. Понизив голос и нахмурившись, он сказал:

«Не знаю деталей, но я все-таки осведомлен о том, что господин Магнитский все-таки погиб, умер не от пыток, его никто не пытал, а от сердечного приступа… Кроме этого, господин Магнитский, как известно, не был каким-то правозащитником, он не боролся за права человека. Он был юристом господина Браудера, который подозревается нашими правоохранительными органами в совершении преступлений экономического характера на территории Российской Федерации».

Тут и у меня замерло сердце. Я знал, что в тот миг, когда Путин произнесет мое имя, жизнь моя изменится навсегда. В прошлом он упорно избегал называть меня по имени, а в открытом разговоре с журналистами до этого дважды упомянул меня как «этого человека». Путин никогда не удостаивает своих врагов чести быть названными по имени. Но не сегодня. Услышать свое имя из уст Путина — как ушат холодной воды. Оставалось лишь готовиться к тому, что будет дальше.

Президент России Владимир Путин на ежегодной пресс-конференции в декабре 2012-го. Путин дал жесткие ответы

на многочисленные вопросы о новом российском законе, который ввел запрет на усыновление российских детишек-сирот американскими семьями (этот акт был прямой местью России за американский закон Магнитского). На этой пресс-конференции Путин впервые публично назвал меня по имени (© Sasha Mordovets/Getty Images)

На следующий же день Дума поддержала запрет на усыновление. Надежды Лаврова на «взвешенное решение» не оправдались: четыреста двадцать депутатов были «за» и лишь семь — «против». Неделю спустя, двадцать восьмого декабря, Путин подписал закон. Чтобы законопроект Магнитского стал законом в Соединенных Штатах, понадобилось два с половиной года. В России «антимагнитский закон» приняли за две с половиной недели.

Последствия нового закона леденили сердце. Триста российских детей-сирот, которые уже познакомились со своими новыми американскими семьями, никогда не увидят комнаты, с любовью подготовленные для них на другом краю земли. Международная пресса широко публиковала фотографии этих детишек и рассказывала их истории. Несостоявшиеся родители собрались на Капитолийском холме с криками «Нам нет дела до международной политики! Верните наших малышей!», и я не мог с ними не согласиться.

Как только запрет на усыновление вступил в силу, мне стали звонить журналисты. У всех был один и тот же вопрос:

— Чувствуете ли ответственность за то, что происходит с этими сиротами и их американскими семьями?

— Нет. За это в ответе Путин, — отвечал я. — Только трус прикрывается беззащитными детьми, как живым щитом.

Мои чувства разделяли многие. Четырнадцатого января, на следующий день после старого Нового года, москвичи начали стекаться к Бульварному кольцу с самодельными плакатами и транспарантами, осуждающими Путина. Пока участники протестной акции шли при скоплении многочисленной полиции по московским улицам, к ним присоединялось все больше и больше людей, вскоре собралось почти пятьдесят тысяч.

Это были не политические активисты, каких обычно видишь на такого рода мероприятиях. На улицу вышли бабушки, школьные учителя, отцы с детьми на плечах — простые горожане. На плакатах было написано «Позор!», «Хватит врать!», «Дума ест детей», «Ирод!» (новый закон прозвали «законом Ирода» по аналогии с иудейским царем, который, испугавшись за свою власть, пытался избавиться от новорожденного Иисуса и велел

истребить всех младенцев-мальчиков в Вифлееме).

Обычно Путин игнорирует протесты, но этот — из-за размаха и тематики — проигнорировать не удалось. Отменить закон правительство не могло, но после «Марша против подлецов» было объявлено, что Россия вложит миллионы в государственную систему содержания и опеки детских домов. Я был уверен, что выделенные средства никогда не дойдут по адресу, но само по себе решение показывало, насколько Путин задет.

Вся эта история обошлась Путину дороже денег: пострадал нимб его неуязвимости. Он достигает желаемого и делает людей сговорчивее через тотальное унижение — в этом его конек. Он не чувствует себя победителем, пока оппонент не страдает и не повержен. В мире Путина унижающий и унижаемый никогда не могут поменяться местами. Однако именно это произошло с ним в результате введенного запрета.

Что в таком случае делают люди, подобные Путину? Всей мощью обрушиваются на тех, кто посмел их унизить.

Тот факт, что он видел в этой роли меня, не предвещал ничего хорошего.

41. Красный циркуляр

В конце января 2013 года я вновь приехал на Всемирный экономический форум в Давос. Шел второй день работы. Я с трудом пробирался сквозь сугробы на подходе к конференц-центру, как вдруг услышал женский голос:

— Билл! Билл!

Повернувшись, я увидел, как в мою сторону энергично шагает невысокая женщина с раскрасневшимися от мороза щеками в большой меховой шапке. Когда она приблизилась, я узнал Кристию Фриланд — журналистку, которая когда-то давно, еще в Москве, впервые рассказала миру историю о «Сиданко», а теперь работала редактором в новостном агентстве «Рейтер».

— А, Кристиа! Здравствуй!

— Как хорошо, что я тебя увидела, — сразу перешла она к делу.

Здороваясь, мы обычно по-дружески чмокали друг друга в обе щеки, но сейчас ей, очевидно, было не до любезностей, и весь ее вид выдавал нетерпение сообщить что-то очень важное.

— А что случилось?

— Билл, я только что с неофициальной встречи с Медведевым. Там вновь упоминали тебя.

— Неудивительно. Я не пользуюсь особой популярностью у русских в последнее время.

— Именно об этом я и хотела поговорить. Я должна передать тебе его слова… минутку… — Она вынула блокнот из кармана и пролистала до нужной страницы. — Ага, вот. Его спросили о деле Магнитского, и вот что сказал Медведев. Цитирую: «Да, печально, что Сергей Магнитский умер, а Билл Браудер еще жив и на свободе». Так и сказал.

— Это что, угроза?

— По мне так да, очень похоже на то.

Я похолодел. Поблагодарив Кристию за информацию, я пошел в сторону конференц-центра, но в голове прочно засело услышанное. Встречи, запланированные на этот день, продолжались, но еще четыре журналиста, которых я увидел, повторили сказанное Кристией.

Мне не раз угрожали разные люди из России, но никогда прежде такие угрозы не звучали из уст премьер-министра. Я осознавал, что мне грозит опасность, но теперь она достигла другого масштаба. Вернувшись в Лондон, я тут же позвонил нашему специалисту по безопасности, Стивену Беку, и существенно усилил личную охрану.

Эта угроза также показывала ход мыслей Путина и его приближенных. Я расценил ее как желание не только устранить меня физически, но и навредить любым другим доступным способом.

Первую подлость российские власти устроили, затеяв заочный судебный процесс и обвинив меня в уклонении от уплаты налогов компаниями фонда. На протяжении нескольких лет они угрожали мне этим сфабрикованным делом, чтобы запугать и заставить отказаться от борьбы, а теперь, после принятия закона Магнитского, решили пойти до конца.

Проводить надо мной суд, в то время как я нахожусь за пределами страны, было крайне необычно. За всю постсоветскую историю это стало бы всего вторым случаем, когда гражданина западного государства судят заочно. Но это лишь начало.

Вместе со мной они собирались судить и Сергея Магнитского, а вот в это поверить уже было просто невозможно. Судить человека, которого они сами же и убили! До такого не додумался даже Сталин, устроивший геноцид собственного народа. Однако в марте 2013 года Путин поступил именно так.

Своим нововведением Путин вошел в историю. Последний раз судебный процесс против мертвого человека состоялся в Европе в 897 году, когда римская церковь, достав тело папы Формоза из земли, подвергла его суду, после чего, отрубив пальцы, сбросила в Тибр.

Список мерзостей на этом не иссяк. За несколько дней до начала судилища на телеканале НТВ стали энергично рекламировать часовой «документальный» фильм под названием «Список Браудера», который поставили в прайм-тайм.

Пустая, но тщательно охраняемая клетка в зале суда для нас с Сергеем. На основании сфабрикованных обвинений в уклонении от уплаты налогов Сергею вынесли приговор посмертно, а мне — заочно. Международное сообщество осудило этот показательный процесс (© Andrey Smirnov/AFP/ Getty Images)

Я не стал смотреть его в прямом эфире, но позже мне позвонил Владимир и вкратце изложил суть: «Билл, это чисто параноидальные фантазии».

Мало того, что в этом «фильме» меня и Сергея обвиняли в уклонении от налогов, так еще и «назначили» виновным в девальвации рубля в 1998 году; краже 4,8 миллиарда долларов займа МВФ России; убийстве моего делового партнера — Эдмонда Сафры; работе на британскую разведку MI6; а также в том, что именно я убил Сергея Магнитского в СИЗО «Матросская тишина».

Я бы, может, и расстроился, но фальсификация получилась настолько топорной, что вряд ли зрители поверили хоть единому слову. Впрочем, «достоверность» не имела для российских властей никакого значения. Все, что они делали, сводилось к шаблонам и было взято из давно отработанного сценария, который они не уставали применять. Та же команда НТВ после переизбрания Путина в 2012 году смонтировала похожий «документальный» фильм в попытке очернить движение протеста; и еще один — об известной панк-рок-группе «Пусси райот». Трансляция этих «шедевров» сопровождала преследования и аресты людей, о которых там шла речь.

Слушание по нашему делу началось одиннадцатого марта в Тверском суде. Председательствовал судья Игорь Алисов. Ни семья Магнитского, ни я не принимали участия в этом процессе, так что суд назначил нам государственных защитников против нашей воли. Когда адвокаты по назначению осознали, с чем им придется иметь дело, оба подали самоотвод, но им пригрозили лишением адвокатского статуса.

Все западные правительства, парламенты, средства массовой информации и правозащитные организации рассматривали происходящее как возмутительное попрание основ правосудия. Начало слушания повергло всех в недоумение — прокурор несколько часов кряду что-то бубнил перед пустой клеткой.

Всех удивляло, зачем это понадобилось Путину. Международному имиджу России был нанесен колоссальный урон, а выгода от затеи казалась небольшой. Никто не сомневался, что я не отправлюсь в российскую тюрьму по

окончании процесса, а Сергея уже не было в живых.

Но своя извращенная логика в этом все же была. В представлении Путина, имея судебный приговор против нас с Сергеем, его эмиссары могли затем обращаться к европейским государствам, которые рассматривали собственные версии закона Магнитского, и порицать их вопросом: «Как можно принимать законодательный акт, названный именем преступника, осужденного российским судом? Как можно слушать его защитника, осужденного за то же преступление?»

Неудобные детали о том, что Сергей был убит в СИЗО три года назад, после того как раскрыл многомиллиардную коррупцию в высших эшелонах государственной власти, Путин просто сбрасывал со счетов.

Где-то посередине судебного процесса возникла заминка, когда оба государственных защитника в знак протеста просто перестали появляться в суде.

Я не знал, что и думать. Поскольку результат этого спектакля был заранее известен и контролировался Путиным, едва ли адвокаты действовали по своей воле. Я начал подумывать, что Путин таким образом пытается изящно уйти с этого позорного шоу, которое сам же инициировал.

Но нет, он не собирался пасовать, а, наоборот, поднял ставки. Двадцать второго апреля российские власти объявили меня в розыск, предъявив еще одно обвинение по новому сфабрикованному делу.

Как бы драматично это ни звучало и как бы на это не рассчитывал Кремль, меня это не вывело из равновесия. В Великобритании меня ни за что не арестовали бы, так как английское правительство уже признало российский процесс нелегитимным и отклонило запросы российских органов. Я не могу себе представить, что цивилизованная страна поступит иначе, так что, невзирая на назойливый шум со стороны российских властей, продолжил заниматься правозащитной деятельностью.

В середине мая меня пригласили выступить с речью на Форуме свободы, проходившем в Осло — своего рода Давосе правозащитного движения. В день мероприятия, когда я вот-вот должен был выйти на сцену перед аудиторией в триста человек, я взглянул на смартфон и увидел срочное сообщение от помощницы с указанием «Интерпол». Я прочел: «Билл, с нами только что связался N. Он получил ориентировку Интерпола о вашем аресте! Документ в приложении. Срочно перезвоните в офис!»

Открыв PDF-файл, я убедился, что российские власти

обратились-таки в Интерпол.

Буквально через несколько секунд меня пригласили на сцену. Я заставил себя улыбнуться и следующие десять минут, как много раз до этого, рассказывал историю о России, о Сергее и о себе. Во время выступления мне удалось не думать об Интерполе, но сразу после аплодисментов я поспешно вышел в коридор и позвонил адвокату в Лондон. Она объяснила мне значение этого уведомления: при пересечении границы меня могут арестовать. Каждое государство, которое я посещал, могло принять собственное решение, как реагировать на предписание международного ордера.

Ситуация была довольно неопределенной, ведь я находился в Норвегии — стране с превосходной репутацией в отношении защиты прав человека, но при этом с общей границей с Россией. Я не мог предугадать, как норвежцы поступят в этом случае. Позвонив Елене, я рассказал ей о ситуации и посоветовал готовиться к худшему.

Купив билет на ближайший рейс, я быстро собрался и поехал в аэропорт Осло. Прибыв на место за полтора часа до отлета, я зарегистрировался у стойки Скандинавских авиалиний. Когда оттягивать неизбежное уже не представлялось возможным, я медленно двинулся по длинному коридору к стойке паспортного контроля.

Теоретически я находился в розыске, поэтому, пересекая границу, превратился в сплошной комок нервов, как Эдуард и Владимир, когда они уезжали из России. Воображение рождало картины одна мрачнее другой: вот я предъявляю паспорт и вижу выражение лица сотрудника, когда тот обнаруживает мое имя в розыске по линии Интерпола… Я представил, как меня запирают в норвежском изоляторе временного содержания… Вот я долгие месяцы сижу в спартанских условиях и отбиваюсь на затянувшихся судебных процессах от требования в экстрадиции… Я живо представлял, как гнутся норвежцы под давлением России… И вот я проигрываю в неравной борьбе и оказываюсь в самолете «Аэрофлота», который этапирует меня в Москву… Последующие ужасы воображение рисовать уже отказывалось.

Других пассажиров у стойки паспортного контроля не было. Взглянув на двух молодых сотрудников в форме (оба сидели со скучающим видом и о чем-то негромко переговаривались), я почему-то подошел к тому, что слева, и протянул паспорт. Тот рассеянно взглянул на фото, затем на меня, закрыл документ и вернул его. К счастью, он не просканировал паспорт на компьютере, так что уведомление Интерпола осталось без внимания.

Вот и всё. Забрав паспорт, я прошел к выходу на посадку.

В британских аэропортах действуют другие правила: пограничная служба проверяет все паспорта без исключения. Однако британское правительство уже приняло решение не реагировать на запросы России в отношении меня. Сотрудник иммиграционной службы несколько минут обрабатывал мои данные из-за российского запроса в Интерпол, но в итоге вернул мне паспорт и пропустил.

В Великобритании я был в безопасности, но российские власти отчасти добились своего: отметка в списке Интерпола не позволяла мне свободно путешествовать, а ограничивая мои передвижения, Кремль надеялся, что санкции, аналогичные американским, в Европе не пройдут.

Мне ничего не оставалось, как незамедлительно заняться ситуацией с Интерполом. В день возвращения из Норвегии я составил заявление для печати, в котором открыто указал на то, что международный ордер на мой арест существует. Новость тут же разлетелась, а журналисты и политики принялись наперебой звонить в Интерпол, чтобы понять, почему они приняли позицию российских властей. Обычно Интерпол ни перед кем не отчитывается, но из-за повышенного внимания к моему делу они решили рассмотреть его на специальном заседании через неделю.

Результатов я ждал без особого оптимизма. Интерпол приобрел определенную репутацию, сотрудничая с авторитарными режимами и открывая дела на их политических оппонентов. Во многих случаях они поступали несправедливо. Наиболее очевидный случай — помощь нацистам накануне Второй мировой войны в преследовании бежавших из гитлеровской Германии евреев. С тех пор набралось немало других вопиющих примеров.

За день до совещания Интерпола в газете «Дейли Телеграф» вышла статья обозревателя Питера Осборна под названием «Борется ли Интерпол за правду и правосудие или помогает злодеям?».

Автор высказался в мою защиту и на примере ситуации показал, как Интерпол не раз вводили в заблуждение государства-изгои, а теперь и Россия. «Вполне вероятно, что Интерпол примет сторону ФСБ против Браудера, — отметил он. — Но в глазах мировой общественности под следствием окажется не Браудер, а Интерпол — за сотрудничество с одним из самых подлых режимов мира».

Два дня спустя, двадцать четвертого мая 2013 года, когда я сидел за столом и писал эту книгу, мне позвонил мой юрист. Она только что получила сообщение от Интерпола, что запрос

российских властей на меня отклонен.

Через час эта новость появилась на сайте Интерпола: «По рекомендации независимой комиссии по контролю за данными Интерпола Генеральный секретариат Интерпола удалил все сведения, имеющие отношение к Уильяму Браудеру».

Решение выглядело окончательным и почти не имело прецедентов — Интерпол отклонял запросы в очень редких случаях и никогда не объявлял об этом публично.

Отказ должен был вызвать ярость у Путина. В который раз, когда дело касалось меня или Сергея Магнитского, в результате действий его подчиненных Кремль был публично уязвлен. Призрачный шанс, что Путин откажется от посмертного судилища, после конфуза с Интерполом исчез.

Судья Алисов продолжил свое дело, и одиннадцатого июля 2013 года вынес решение. В то утро он занял свое место в тесном и душном зале суда и приготовился зачитать приговор. Здесь же находились оба назначенных государством адвоката, два обвинителя, а также шесть охранников в черных беретах при полной амуниции, но, так как охранять или выводить из зала было некого, охрана была явным перебором.

Постановление судья читал чуть слышно, не отрывая взгляда от бумаги. На описание всех фантазий Путина о том, что мы с Сергеем якобы совершили, у него ушло больше часа. В итоге нас объявили виновными в уклонении от уплаты налогов в крупном размере и приговорили меня к девяти годам заочно.

Этот был показушный, потемкинский суд. Так выглядит сегодняшняя Россия. Душное помещение, где председательствует послушный режиму судья, надзор осуществляют бездумные исполнители, номинальные защитники создают видимость справедливого суда, но самих подсудимых в суде нет.

Место, где безраздельно властвует ложь. Место, где дважды два всегда пять, где белое всегда черное, а верх всегда низ.

Место, где и приговор, и вина определены заранее. Где иностранец может быть осужден заочно за преступления, которых не совершал.

Место, где убитого государством невинного человека, чьим единственным преступлением была любовь к своей родине, могут подвергнуть страданиям даже после смерти.

Такова сегодняшняя Россия.

42. От сердца

Прочитав эту книгу, вы, вероятно, захотите узнать, какие же чувства вызвало во мне все произошедшее.

Ответ прост: боль утраты Сергея была настолько велика, что я не мог позволить себе проявлять чувства. После того как Сергея убили, я заставил себя запереть их на ключ, а когда они прорывались, я подавлял их быстро и безжалостно. Но любой психотерапевт скажет: боль не исчезнет, как ее ни подавляй. Рано или поздно она вырвется наружу, и чем больше ее заглушать, тем драматичнее будет выплеск.

В моем случае плотину прорвало в октябре 2010 года, спустя почти год после смерти Сергея. Я помогал двум голландским документалистам связаться с теми, кто знал Сергея. Их фильм строился из рассказов отдельных людей, и они подолгу беседовали со всеми нами.

Премьера картины была намечена на шестнадцатое ноября — первую годовщину гибели Сергея. Показ должен был состояться в восьми парламентах мира. По мере приближения этой даты я начал сильно волноваться: что, если фильм не возьмет планку столь представительного проката? Я боялся, что из-за спешки, в которой создавалась картина, могло пострадать качество, и выйдет больше вреда, чем пользы.

Чтобы успокоить меня и развеять опасения, съемочная группа пригласила нас с Вадимом в октябре в Нидерланды на просмотр предварительного монтажа фильма.

Мы приехали в деревушку Остербек, в часе езды на юго-восток от Амстердама, домой к Гансу Германсу — одному из создателей фильма. Перед показом картины мы собрались на небольшой кухне, где он угостил нас традиционными закусками с сыром эдам и селедкой, а после, когда мы удобно устроились в гостиной на подушках на полу, Мартин Маат, сопродюсер фильма, включил проектор.

Смотреть фильм «Сергей Магнитский: справедливость, закон, судьба» было непросто. В нем не было ничего нового для меня, но история Сергея представала в совершенно ином свете. Это был рассказ не только о тяжких испытаниях, которые выпали на его долю, но и о повседневной жизни до ареста: об отеческой заботе о сыновьях, о любви к литературе, о радости, которую дарила ему музыка Моцарта и Бетховена.

Видеть эти подробности для меня было более горестно, чем детали пережитого им в заключении. Пронзительно щемящим был финал: родная тетя Сергея, Татьяна Николаевна,

рассказывала, как недавно проведывала его могилу. Покинув кладбище, она заметила пожилую женщину, продававшую у станции метро полевые цветы. «Она была такая грустная, стояла в уголочке, — вспоминает Татьяна Николаевна. — Я прошла мимо, потом вернулась, только потому, что знаю — Сережа не прошел бы мимо. И я купила у нее этот букетик цветов, потому что вспомнила: как-то раз, когда мы все вместе с ним и его мамой шли по улице, то вот такая бабулька стояла и торговала какими-то полиэтиленовыми сумками. Сергей подошел к ней, и та спрашивает: „Какую вам сумку?“, а он отвечает: „Ту, которая у вас хуже всего продается“…»

Это были почти последние слова в фильме, но не последняя сцена и не финальный мотив. Словно подчеркивая главную мысль этого фильма, изображение бледнеет, а мелодичный звук гитары и кларнета нарастает, и мы видим Сергея на фрагментах старых домашних видеозаписей: вот он произносит тост за летний сбор всей семьи; любуется водопадом в отпуске; стоит в дверях квартиры, занимая гостей; обедает в кафе с лучшим другом, шутит, смеется и показывает на камеру. На этих записях он жив — и таким навсегда останется в сердцах и воспоминаниях любящих его людей.

До этого момента я держался изо всех сил, боясь представить, что будет, если дать волю чувствам. Теперь же, в Остербеке, я не выдержал и сдался — слезы безостановочно текли сами собой. Было ужасно неловко, но в то же время глубоко затаившаяся и наконец прорвавшаяся боль принесла облегчение. Ганс, Мартин и Вадим молча сидели рядом, сдерживая собственные слезы, не зная, что делать.

Через некоторое время ко мне вернулась способность говорить. Утирая слезы, я тихо произнес:

— Можно еще раз посмотреть?

— Конечно, — ответил Ганс.

И мы вновь смотрели этот фильм. Я снова плакал, и именно тогда начался долгий путь к восстановлению.

Говорят, переживая горе, человек проходит пять стадий, и принятие боли — самая важная из них. Может, и так, но принять то, что человека убили, а убийцы остаются безнаказанными и богатеют своим преступным промыслом, гораздо сложнее.

Главным делом, приносившим мне некоторое утешение, была и остается неустанная борьба за справедливость. Каждый небольшой прорыв — будь то голосование в парламенте, репортаж в газете, замораживание активов или новые расследования об украденных деньгах — приносит мне пусть и слабое, но облегчение.

Частичка покоя в мою душу приходит, когда я вижу, что история Сергея помогла другим людям. Убийство Сергея отразилось на поведении даже самых циничных негодяев. Теперь сотрудники следственных изоляторов дважды подумают, прежде чем прибегнуть к насилию, так как знают, что ответят, случись другой «Магнитский». Теперь люди, страдающие от несправедливости, знают, что могут противостоять мучителям, и составляют свои собственные «списки Магнитского». Теперь государство вынуждено обратить внимание на состояние детских домов и детишек-сирот, которых раньше не замечали. Теперь персональные санкции Магнитского стали основным инструментом в борьбе против военного вторжения в Украину. И, пожалуй, что важнее всего, история Сергея открыла глаза россиянам и миллионам людей по всему миру на истинное лицо и произвол путинского режима.

Эта история привела к изменениям и за пределами России. Российские власти так бесцеремонно травят меня, что серьезно подпортили свою репутацию на международной арене. Игнорируя установленные правила, они вновь потребовали от Интерпола внести меня в «красный циркуляр», несмотря на то, что уже дважды им было в этом отказано. Из-за этого теперь все запросы из России Интерпол подвергает дополнительной проверке.

Вдобавок представитель российских силовых структур проиграл дело по защите своей репутации. Решение Высокого суда Великобритании по иску майора МВД Павла Карпова создало новый прецедент. Судья отказал в производстве, поставив преграду в будущем для всех подобных исков от любителей репутационно-судебного туризма, стремящихся использовать лондонский суд, чтобы заставить замолчать критиков авторитарных режимов.

Какими бы значительными ни были эти достижения, зачастую бывает нелегко объяснить друзьям и коллегам, почему я продолжаю борьбу.

Как-то раз летним субботним днем 2012 года навестить нас приехал мой старинный друг Жан Каруби с семьей. Мы оживленно болтали за ужином, рассказывая друг другу о работе, о семье, но когда я отлучился на кухню заваривать чай, он подошел и попросил переговорить с глазу на глаз. Мы удалились в гостиную, и я плотно закрыл дверь.

Жан сел и тихо произнес:

— Билл, мы дружим много лет, и я очень беспокоюсь за тебя. У тебя прекрасная семья, ты успешный бизнесмен, но Сергея уже не вернуть. Может, пора остановиться, пока не произошло что-нибудь ужасное?

Такие разговоры случались и раньше, и я прекрасно осознавал возможные последствия своей деятельности. Мысль о том, что мои дети рискуют остаться без отца, преследует меня постоянно. Каждый раз при посещении школьной постановки балета или за игрой с детишками в парке я думаю о том, сколько еще смогу быть рядом с ними.

Но потом я вспоминаю детей Сергея, особенно младшего, Никиту. Ведь они никогда уже не увидят своего папу. Сергей не отступил в гораздо более опасной ситуации. Что же я был бы за человек, если бы сдался и позволил себе отступить?

— Пойми, Жан, я должен довести дело до конца, иначе яд бездействия убьет меня изнутри.

Разумеется, я поступаю так не от большой храбрости. Я вообще не храбрее других и так же, как все, испытываю страх. Но я понял одно: жизнь у страха коротка; как бы я ни был напуган в какой-то момент, я знаю, что это ощущение недолговечно и спустя некоторое время отступит. Житель зоны военных действий или человек опасной профессии скажут вам, что организм не в состоянии долгое время пребывать в страхе. Чем чаще с ним сталкиваешься, тем легче с ним справиться.

Допускаю, что есть большая вероятность, что Путин или кто-то из его окружения однажды расправится со мной. Как и любой другой человек, я не желаю себе смерти и сделаю все, чтобы это у них не вышло. Я защищаюсь и, хотя не могу раскрыть все детали, упомяну об одной, самой важной — этой книге.

Если меня убьют, вы будете знать, кто за это в ответе. Когда эту книгу прочтут мои враги, они поймут, что вам известна эта простая истина.

Если вам не безразличны стремление к справедливости и трагическая судьба Сергея, я прошу вас поделиться этой историей с другими людьми, и тогда имя Сергея Магнитского и его дух будут жить в наших сердцах, а это надежнее целой армии телохранителей.

И еще об одном меня обычно все спрашивают: как я воспринимаю потери, которые мне пришлось понести в борьбе за восстановление справедливости для Сергея. Действительно, я потерял дело, которое кропотливо создавал; потерял так называемых друзей, отдалившихся из опасения, что моя кампания может повредить их финансовым интересам; потерял свободу перемещаться по миру без риска быть арестованным и переданным российским властям.

Стали ли эти потери тяжелым бременем? Как ни странно, нет. Теряя одно, я приобретал что-то ценное в другом.

Пусть я лишился тех, кого некогда считал друзьями, но для

кого стал финансовой обузой. Зато я встретил множество прекрасных людей, делающих мир лучше.

Не борись я за справедливость, я никогда не познакомился бы с Эндрю Реттманом — журналистом из Брюсселя, который с неослабевающим упорством освещает дело Сергея. Несмотря на серьезные проблемы с двигательным аппаратом — любое движение превращалось для него в муку, — он не пропустил почти ни одного совещания Европейской комиссии по делу Магнитского, сделав все, чтобы местные бюрократы не смогли дипломатически замять это дело.

Я никогда не встретил бы Валерия Васильевича Борщева — семидесятилетнего ветерана российского правозащитного движения, председателя общественной наблюдательной комиссии Москвы по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания, который уже через два дня после смерти Сергея ходил по следственным изоляторам и камерам, где содержали Сергея, и опрашивал десятки должностных лиц. Несмотря на огромный личный риск, он разоблачил вызывающе невразумительные и лживые заявления российских госорганов.

Я никогда не познакомился бы с восьмидесятишестилетней российской правозащитницей Людмилой Михайловной Алексеевой, которая первой в России открыто обвинила сотрудников МВД в убийстве Сергея Магнитского. Как и мама Сергея, она подавала заявления о возбуждении против них уголовных дел и не опускала руки даже тогда, когда эти заявления оставались без ответа.

За это время я встретил еще сотни людей, изменивших мое представление о человечности. Этого никогда бы не случилось, продолжай я работать на Уолл-стрит.

Если бы много лет назад в стэнфордской школе бизнеса кто-нибудь спросил меня, что я думаю об идее оставить карьеру управляющего инвестиционным фондом ради правозащитной деятельности, я посмотрел бы на него как на сумасшедшего. Но вот прошло четверть века, и именно так все произошло.

Да, наверное, я мог бы вернуться к прежней жизни. Но, увидев этот новый мир, я уже не могу представить себе иной путь. Конечно, нет ничего зазорного в том, чтобы посвятить жизнь бизнесу и коммерции, но при этом мир будет как черно-белое кино. И вот неожиданно я увидел его в цвете, и все в жизни стало ярче, насыщеннее, и главное, — гармоничнее.

Это не означает, что я ни о чем не сожалею. Безусловно, я сожалею о том, что с нами рядом нет Сергея.

Если бы я мог начать все сначала, я бы вообще не поехал в Россию и с легкостью отказался бы от любого делового успеха,

если бы это могло вернуть Сергея.

По прошествии времени я понимаю, каким был наивным, полагая, что, будучи иностранцем, обладаю некой защитой от варварства российской власти. И вот погиб не я, а другой человек — из-за меня и моих действий, а я не в силах его вернуть. Однако я могу развивать наследие Сергея и добиваться справедливости для его семьи.

В начале апреля 2014 года я решил пригласить вдову Сергея, Наташу, и его сына Никиту в Европейский парламент, чтобы они увидели, как проходит голосование по резолюции Магнитского о введении санкций в отношении тридцати двух человек, причастных к делу Сергея. Этот день должен был стать историческим: впервые за всю историю Европейского парламента было намечено публичное голосование в отношении лиц, подпадающих под действие санкций Магнитского в Европе.

Во второй половине дня первого апреля 2014 года мы сели на поезд «Евростар» Лондон — Брюссель. Как только мы вынырнули из Евротоннеля в Кале, мне позвонил один из служащих Европарламента:

— Билл, председатель парламента только что получил письмо от крупной американской юридической фирмы, действующей от лица нескольких россиян, упомянутых в списке и подпадающих под санкции. Они угрожают обратиться в суд, если голосование не отменят, заявляя, что парламент нарушает их права.

— Что? Да они сами нарушают все права! Это немыслимо!

— Согласен, но до десяти утра завтрашнего дня председателю парламента необходимо представить экспертно-правовое заключение по этому вопросу, иначе голосование может не состояться.

Было уже шесть часов вечера, и я не представлял, как найти опытного юриста, который согласится бросить все и за ночь составить убедительное заключение.

Я уже был готов опустить руки, но тут мой взгляд упал на Никиту. Мальчишка прильнул к окну и во все глаза смотрел на проносившиеся мимо французские пейзажи. Как же он в этот момент был похож на Сергея!

— Дайте мне немного времени, — ответил я.

Я вышел в тамбур, где за семь лет до этого сидели мы с Иваном, узнав про обыски в наших московских офисах. Я начал звонить разным знакомым и оставлять сообщения, но по прошествии часа и тринадцати сделанных звонков не продвинулся ни на йоту. Придя в отчаяние, я стал обдумывать, как объяснить предстоящее Наташе и сыну Сергея.

Но тут раздался звонок из Лондона. Это был Джеффри Робертсон — адвокат Ее Величества, которому я оставил сообщение о помощи. Среди юристов-правозащитников ему не было равных. В Великобритании он с самого начала был одним из самых искренних и горячих сторонников международной версии закона Магнитского.

Я второпях объяснил ему ситуацию, все время опасаясь, что связь вот-вот прервется. К счастью, этого не произошло. В конце разговора он спросил:

— К какому сроку нужен документ?

Полагаю, он ожидал услышать, что у нас есть недели две или что-то вроде того. Собравшись с силами, я ответил:

— Завтра к десяти утра.

— Ого! — удивился он. — Билл, насколько это важно?

— Исключительно важно. Мы с вдовой и сыном Сергея сейчас в поезде на пути в Брюссель. Едем на голосование. Их сердце не выдержит, если и тут нас постигнет неудача.

Джеффри некоторое время молча обдумывал перспективу до глубокой ночи заниматься подготовкой правового документа. Затем в трубке прозвучал его решительный голос:

— Билл, заключение будет в парламенте завтра к десяти. Несправедливости по отношению к семье Сергея я не допущу.

На следующее утро, ровно в десять, Джеффри Робертсон прислал свой документ.

Я позвонил парламентскому ассистенту спросить, достаточно ли этого. По его мнению, документ был идеальным, но нельзя сказать, убедит ли он председателя Европарламента провести во второй половине дня голосование. Я всегда старался уберечь Наташу и Никиту от политических интриг и очень надеялся, что в этот день им не придется стать свидетелями еще одной.

В четыре часа я встретил их у входа в здание Европарламента, и мы прошли на балкон зала пленарных заседаний. Под нами располагалось семьсот пятьдесят депутатских кресел, расставленных широким полукругом. Мы сели, надели наушники и выбрали нужный канал из списка синхронных переводов на два десятка языков, на которых парламент осуществляет свою деятельность.

В половине пятого на балконе вдруг появилась Кристина Оюланд — депутат Европарламента от Эстонии и соавтор резолюции Магнитского. Переведя дыхание, она сообщила, что заключение Джеффри Робертсона действительно всех убедило, и голосование состоится, как и было запланировано.

Затем она поспешила в зал, чтобы представить проект резолюции. Мы заметили ее лиловое платье в деловитой суете

зала, и вот она начала свою речь. Кристина Оюланд рассказала о трагедии, произошедшей с Сергеем, об укрывательстве совершённого против него преступления, но потом сделала то, чего мы не ожидали. Указав в нашу сторону, она сказала:

— Господин председатель, сегодня в зале присутствует вдова Сергея Магнитского с сыном, а также господин Билл Браудер. Я рада поприветствовать наших гостей.

И вдруг все в зале встали. Все глаза были устремлены на нас, и тут раздался гром аплодисментов — не формальных, из вежливости, а самых настоящих и искренних, не смолкавших чуть ли не целую минуту.

Заметив слезы в глазах Наташи, я почувствовал, как ком подступает к горлу, а по коже бегут мурашки.

Затем прошло голосование. В Европарламенте не было ни единого голоса против резолюции Магнитского.

Наташа, Никита и я встречаюсь с членами пленарной сессии Европарламента, которая состоялась 2 апреля 2014 года в Брюсселе. Через несколько минут после этого фото, Европейский парламент единогласно принял санкции против российских чиновников, ответственных за смерть Сергея. Стоят слева: Кристина Оюланд из Эстонии, Эдвард Макмиллан-Скотт из Великобритании, Никита и Наташа Магнитские, Ги Верхофстадт из Бельгии и я. (© ALDE Group)

Рассказывая о начале своей карьеры в бизнесе, я упоминал об удивительных ощущениях, которые принес мне неожиданный взлет стоимости купленных польских акций.

Но в тот день в Брюсселе, стоя на балконе рядом с вдовой и сыном Сергея и видя, как главный законодательный орган в

Европе признает и осуждает несправедливость, от которой пострадал Сергей и его семья, я испытал чувство, неизмеримо более сильное, чем кураж от делового успеха.

Если удачный выбор акций был наиболее ярким событием моей прежней жизни, то теперь я знал, что чувство, которое испытываешь, добиваясь справедливости в этом несправедливом мире, поистине незабываемое и ни с чем не сравнимое.

Без вас эта книга была бы невозможна

Мои оппоненты любят спекулировать на тему, как мне удалось добиться справедливости для Сергея Магнитского. Российское правительство поочередно обвиняло меня в том, что я-то агент ЦРУ, то шпион секретной разведывательной службы Великобритании; миллиардер, подкупивший членов Конгресса США и Европарламента; участник сионистского заговора с целью захвата мира. Истина, разумеется, намного проще. Причина, по которой эта кампания дала плоды, — в том, что люди на трагедию Сергея откликнулись.

Многие участвуют в кампании за справедливость открыто, и эта книга дала мне возможность выразить им свою признательность.

Однако кроме тех, кого я упомянул на ее страницах, есть огромное количество людей, не названных поименно, но без чьей помощи и неустанного труда борьба за справедливость в деле Сергея была бы невозможна.

Поначалу я хотел воспользоваться этой главой, чтобы поблагодарить лично каждого, но потом передумал, поскольку борьба продолжается, и я не вправе подвергать их риску запугивания, угроз и нападок со стороны российских властей, а ведь именно с этим приходится сталкиваться тем, кто открыто поддерживает нашу кампанию за справедливость в деле Магнитского.

Время выразить благодарность всем, кто внес свой вклад в дело защиты справедливости, обязательно придет, но не раньше, чем исчезнет угроза реванша со стороны российской организованной преступности и правящего режима Путина.

А пока я обращаюсь к каждому, кто приложил силы, время и энергию ради нашего общего дела. Я надеюсь, что все вы знаете, как я благодарен вам за поддержку.

Я выражаю глубокую признательность храбрым российским активистам, которые с риском для жизни продолжают дело Сергея Магнитского и борются за улучшение жизни в своей стране; политическим деятелям в Соединенных Штатах, Канаде и Европе, всем в Европарламенте, Парламентской Ассамблее Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в

Европе; всем юристам, присоединившимся ко мне в борьбе за справедливость и работающим безвозмездно; журналистам, смело и неустанно рассказывающим правду; неправительственным организациям по всему миру, не позволяющим политикам бездействовать; моим друзьям и коллегам, чья поддержка помогала мне все эти годы; и всем-всем, кто не остался равнодушен к судьбе Сергея.

Мне трудно выразить словами, насколько я ценю все, что вы сделали. Вклад каждого из вас бесконечно важен, поскольку он меняет мир к лучшему. Все, чего мы достигли, стало возможным только благодаря вам.

А главное, я должен поблагодарить настоящих героев — семью Магнитских. Нас свела трагедия — я бы отдал все, чтобы она не произошла. Я признателен вам за нашу дружбу. Ваши смелость и решительность, несмотря на невыразимую горечь утраты, достойны восхищения, и я знаю, что Сергей гордится вами.

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

«Эрмитаж Капитал».

2

«Зверинец (Animal House, 1978)» — комедия Джона Лэндиса о похождениях университетской молодежи, получила премию Гильдии сценаристов Америки за лучший оригинальный комедийный сценарий.

3

Тот самый Кен Херш, который впоследствии возглавит Natural Gas Partners, одну из самых успешных частных инвестиционных энергетических компаний в мире.

4

«Год опасной жизни» (The Year of Living Dangerously, 1982) — драма Питера Вейра, «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана (Линда Хант).

5

Роберт Максвелл был родом из Чехословакии.

6

«Покер лжецов» (Liar’s Poker, 1989) — полуавтобиографический роман Майкла Льюиса о нравах и жизни Уолл-стрит.

7

Джулиан Робертсон — основатель «Тайгер менеджмент», одного из самых успешных хедж-фондов.

8

Конвертируемые облигации — долговой инструмент, дающий держателю право обменять облигации (и купоны) на определенное число обыкновенных акций по заранее оговоренной цене (цена конвертации).

9

«Уолл-стрит» (Wall Street, 1987) — драма Оливера Стоуна из жизни делового мира. «Оскар» за лучшую мужскую роль (Майкл Дуглас).

10

Lawyers, Guns and Money — популярная песня американского рок-музыканта Уоррена Зивона из альбома Excitable Boy (1978).

11

«Форчун 500» — рейтинг крупнейших мировых компаний, составляемый американским журналом «Форчун» на основе их выручки.

12

«Вторники с Морри» (Tuesdays with Morrie, 1997) — документальный бестселлер американского писателя Митча Элбома в форме диалогов умирающего профессора и его бывшего студента о смысле жизни и смерти.

13

Лондон-Сити — аэропорт в городской черте Лондона с одной короткой посадочной полосой. Принимает небольшие самолеты и обслуживает главным образом деловые круги. Открыт в 1987 году

14

Хитроу и Гатвик — два главных лондонских аэропорта.

15

После аннексии восточной Польши в сентябре 1939 года в советском плену оказалось множество поляков.

Администрации следственных изоляторов.

17

СИЗО «Матросская тишина».

18

Нарушение государством.

19

«Призрак» (The Ghost Writer, 2010) — фильм Романа Полански по одноименному роману Роберта Харриса. «Серебряный медведь» Берлинского кинофестиваля и премия «Сезар» за лучшую режиссуру.

www.russian-untouchables.com

21

То есть сенаторы Маккейн, Карден и Уикер.

22

C-SPAN (Cable-Satellite Public Affairs Network) — группа телеканалов, радиостанций и сайтов, транслирующая работу органов власти США и передачи о важных общественных вопросах. Вещает с 1979 года.